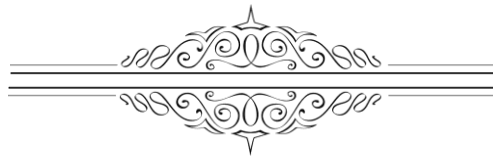

ISSN 2313-612X

Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

**К Р Ы М С К О Е
И С Т О Р И Ч Е С К О Е О Б О З Р Е Н И Е**

**CRIMEAN
HISTORICAL REVIEW**

**№ 1
2014**

Казань – Бахчисарай

Учредитель
ГБУ «Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»

Журнал основан в апреле 2014 г. Решением Ученого Совета
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

Главный редактор Р.С. Хакимов (Казань)

Заместитель главного редактора
Э.Х. Сейдаметов (Бахчисарай-Симферополь)

Редактор английских текстов С.С. Эмирильясова (Симферополь)

Редактор крымскотатарских текстов
Н.С. Сейдаметова (Симферополь)

Редактор татарских текстов Л.Р. Муртазина (Казань)

Редакционный совет:
М.Г. Крамаровский, И.М. Миргалеев, И.В. Зайцев, Г.Р. Альтин

Редакционная коллегия:
Халил Инальджик (Анкара, Турция), Г.Т. Бекирова (Симферополь),
Г.Ф. Габдрахманова (Казань), М.М. Гибатдинов (Казань),
Р.Р. Сабитов (Париж, Франция), Т.Б. Усеинов (Симферополь),
А.И. Галенко (Киев, Украина), А.А. Непомнящий (Симферополь),
Эдвард Лаззерини (Блумингтон, США), Брайан Глин Вилльямс
(Дартмут, США), А.М. Меметов (Симферополь), И.А. Керимов (Сим-
ферополь), Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция), Грета Лин Улинг
(Мичиган, США), Н.С. Сейтягьяев (Симферополь), Ионуц Кожокару
(Бухарест, Румыния), У.К. Мусаева (Симферополь), Н.М. Акчурина-
Муфтиева (Симферополь), В.П. Кирилко (Симферополь), Р.Р. Салихов
(Казань), Д.П. Урсу (Одесса, Украина), Идиль Измирли (Вашингтон,
США), Р.Д. Куртсеитов (Симферополь), А.М. Эмирова (Симферополь)

Технический редактор Л.Ф. Байбулатова

Адрес редакции:
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5, Институт истории АН РТ
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)
Республика Крым, г. Бахчисарай, Салачик, ул. Басенко, 57 «Л»,
Крымский исторический музей «Ларишес» (комплекс «Девлет-Сарай»)

Founder
**State Budgetary Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History
of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan»**

Journal was founded in April 2014 by the decision of
the Scientific Council of Sh. Marjani Institute of History of AS RT

Editor-in-chief R.S. Khakimov (Kazan)

Deputy Editor-in-Chief

E.Kh. Seydametov (Bakhchisaray-Simferopol)

English texts editor S.S. Emirilyasova (Simferopol)

Crimean Tatar texts editor

N.S. Seydametova (Simferopol)

Tatar texts editor L.R. Murtazina (Kazan)

Editorial council:

M.G. Kramarovsky, I.M. Mirgaleev, I.V. Zaytsev, G.R. Altin

Editorial board:

Halil İnalçık (Ankara, Turkey), G.T. Bekirova (Simferopol),
G.F. Gabdrakhmanova (Kazan), M.M. Gibatdinov (Kazan),
R.R. Sabitov (Paris, France), T.B. Useinov (Simferopol),
A.I. Galenko (Kiev, Ukraine), A.A. Nepomnyashchiy (Simferopol),
Edward J. Lazzerini (Bloomington, USA), Brian Glyn Williams (Dartmouth,
USA), A.M. Memetov (Simferopol), I.A. Kerimov (Simferopol),
Ilyas Kemaloglu (Istanbul, Turkey), Greta Lynn Uehling (Michigan, USA),
N.S. Seytyagyaev (Simferopol), Ionut Cojocaru (Bucharest, Romania),
U.K. Musaeva (Simferopol), N.M. Akchurina-Muftieva (Simferopol),
V.P. Kirilko (Simferopol), R.R. Salikhov (Kazan), D.P. Ursu
(Odessa, Ukraine), Idil P. Izmirli (Washington, USA),
R.D. Kurtseitov (Simferopol), A.M. Emirova (Simferopol)

Technical editor L.F. Baybulatova

Editorial Office Address:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5, Sh. Marjani Institute of History of AS RT
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

The Republic of Crimea, Bakhchisaray, Salachik, 57 «L», Basenko str.,
Crimean Historical Museum «La Richesse» (complex «Devlet-Saray»)

Содержание

Слово редактора (Р.С. Хакимов)	6
--------------------------------------	---

История и современность

Камиль Ахсанов. Балканская война. Татарская общественно-политическая мысль и Крым	8
Дамир Исхаков. Крымские сейиды	21
Ильнур Миргалеев. Абу Бакр Каландар Руми. Кто он?	41
Андрей Непомнящий. Николай Марр и крымоведение 1920-х гг.	46
Richat Sabitov. Paradiplomatic activity of Tatarstan during Ukrainian crises	68
Эльдар Сейдаметов. Крымские татары Болгарии в 1878–1944 гг.	77
Tasin Gemil. Romanya tarihinde kırçak-tatar etkisi	95
Раиль Фахрутдинов. Крымские татары и Российская империя в конце XVIII – середине XIX вв.	117
Zarema Khayredinova. Statistics Muslim clergy Crimea last quarter of the XIX – early XX century (according to Department of Religious Affairs of Foreign Confessions of the Russian Interior Ministry)	126
Рафаэль Хакимов. Татары: судьба этнонима	135
Özer Küpeli. Kırım tatarları ve osmanlıların İran seferleri	161

Литература и язык

Ahmet Kanlıdere. Kırım izlenimleri (Temmuz 2013)	179
Марат Лотфуллин. Поликультурное образование – новый этап развития национального образования	192

Наследие

Исмәгыйль Гаспринский. Рәһбәр мугаллимин яки мегаллимләргә юлдаш	197
Исмаил Асаногълу Керим. Хафуз Осман Мурасов (1882–1926) ве аилеси	217

Ильнур Миргалеев. «Татарская лопатка» риваяте	230
Михаил Якубович. Татарское наследие Западной Украины: рукописный Коран 1804 года	234

Культура

Александр Галенко. Турецкий винный кубок XVII в. из киевского Музея Ханенко	244
Эмма Зиливинская. Мавзолеи западных районов Золотой Орды	256
Марк Крамаровский. Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)	282
Mieste Hotopp-Riecke. Crimean Tatar-German written heritage in German Archives	306
Светлана Суслова. Из истории костюма тюркских народов Евразии: этнокультурные параллели в традиционной одежде волго-уральских и крымских татар	318
Рауфа Уразманова. Общее и особенное в современной обрядности поволжских и крымских татар	333

Новые издания: рецензии, отзывы

Лилия Байбулатова. Рец. на: Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар (Книга 1: Транскрипция, факсимиле)	346
Ляля Муртазина. Новые издания об И. Гаспринском: Исмаил Гаспралы (1851–1914) и развитие татарского просвещения (Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 240 с.)	347
Эльмира Сайфетдинова. О журнале «Золотоордынское обозрение» («Golden Horde Review»)	349

Хроника

События апреля, июня 2014 г. (<i>Л.Ф. Байбулатова</i>)	352
Список сокращений	353
Правила для авторов	355
Instructions to authors	357

Слово редактора

Уважаемые читатели!

Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан представляет вашему вниманию первый номер периодического издания «Крымское историческое обозрение», посвященного исследованию истории полуострова с древнейших времен по настоящий день, историко-культурного наследия крымских татар и других народов Республики Крым.

Основной задачей издания является объединение усилий мировой и отечественной науки вокруг решения актуальных исследовательских задач, связанных с археологией, источниковедением, историей и культурой античного мира, средневековых тюрко-татарских государств, российской государственности, исторической судьбы и единства татарского народа, культурных особенностей крымских татар.

Научные связи между Казанью и Крымом существовали всегда. В связи с депортацией крымских татар в мае 1944 года и выходом постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 года «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», запретившего изучения истории Золотой Орды, татарских ханств, популяризации эпоса «Идегей», научные связи были прерваны и сама тема общей истории крымских, поволжских, астраханских, сибирских и других татар не приветствовалась. В годы «перестройки» тема общей судьбы всех татар, Золотой Орды и татарских ханств вернулась в круг научных исследований, что нашло отражение во множестве публикаций.

Тематика, связанная с историей и культурой крымских татар всегда была в планах научных исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Особое внимание исследователи уделяли личности общественного деятеля, просветителя, педагога Исмаила Гаспринского (1851–1914), который на страницах «Тарджеман» выдвинул идею культурного и национального

единства тюркских народов России на основе «единства языка, мысли и действий». И. Гаспринский как идеолог джадидизма считал образование главным фактором для национального возрождения мусульман России. Его новые методы обучения с успехом применялись не только в Крыму, но и среди тюркских народов всей России, Азии, Турции и Китая. Казань, наряду с Крымом, традиционно является одним из центров изучения наследия И. Гаспринского. Научные конференции, посвященные его деятельности, регулярно проводятся в Казани (2001, 2004, 2006, 2011 гг.), издаются его труды, научные сборники и монографии, посвященные его жизнедеятельности.

В ходе рабочей поездки Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова в Республику Крым, в Бахчисарае родилась идея активизации изучения и сохранения бесценного наследия крымских татар, всего Крыма, поиска архивных материалов, расширения археологических исследований, издания фундаментальных трудов по истории и культуре Крыма. Вслед за этим было принято решение о создании Крымского научного центра для объединения усилий всех, кто занимается музейным делом, сохранением объектов культурного наследия, подготовкой учебной литературы, связанной с историей и культурой Крыма и крымских татар. Одним из первых шагов Крымского научного центра стал сбор материалов о деятельности Исмаила Гаспринского, сохранившихся в архивах Татарстана и подготовка периодического издания – журнала «Крымское историческое обозрение».

Редакция надеется, что представляемое научное издание будет способствовать объективному изучению, популяризации истории, культуры Крыма и крымских татар, станет важным фактором в деле реабилитации народа, подвергшегося необоснованным репрессиям в годы советской власти.

Р.С. Хакимов

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94(5)+(470.41)

Балканская война. Татарская общественно-политическая мысль и Крым

Камиль Ахсанов

(Казанский федеральный университет)

Аннотация: в статье идет речь об освещении газетами волго-уральских татар реакции татар крымских на начавшуюся осенью 1912 г. Первую балканскую войну. Приводятся ссылки на наиболее читаемые татарские газеты того времени: «Вақыт» («Время»), «Йолдыз» («Звезда») и др. Особое внимание в статье обращается на публикации татарских журналистов непосредственно освещавших ход событий из самой Турции.

Ключевые слова: Балканская война, Турция, Османская империя, татары, Стамбул, Фатых Карими, «Вақыт», Галиаскар Камал, Исмаил Гаспринский, «Тарджуман», Крым.

В 2014 г. отмечается столетний юбилей со дня начала Первой мировой войны – войны, которая коренным образом изменила политические карты Европы и Ближнего Востока, войны, в результате которой пали целых четыре империи и возникли десятки новых государств. Для Османской империи эта война обернулась потерей огромных территорий, гибелью миллионов лю-

дей, и едва не привела турецкую нацию к катастрофе. Для России первая мировая война также стала причиной кардинального поворота в ее истории – концом старой царской государственности, распадом империи и становлением нового советского государства, основанного на коммунистической идеологии. На фоне довольно таки масштабных мероприятий в память о первой мировой, как не заметно прошел столетний юбилей другой войны – Балканской, вернее двух – Первой и Второй Балканских войны (1912–1913 гг.). А между тем балканские войны стали прелюдией, генеральной репетицией будущей мировой войны. В этой войне вновь была разыграна карта этно-конфессиональных меньшинств, в данном случае славян-македонцев и албанцев, для очередного раздела Османской империи. В отношениях между Российской и Османской империями одним из важных факторов было положение этно-конфессиональных меньшинств – мусульманского в России и христианского в Турции. Обе державы стремились использовать этот фактор в своей внешней политике. В то же время как христиане в Османской империи и мусульмане в России хотели видеть в соседних державах своего рода заступника перед имперскими властями.

Связи татар Поволжья и Приуралья с Турцией уходят в глубины веков. В эпоху Золотой Орды и особенно Казанского ханства устанавливаются официальные связи с Османской империей. После падения самостоятельной татарской государственности Турция воспринималась значительной частью татар как оплот ислама, как возможный освободитель, как союзник в борьбе с русским самодержавием. С течением времени многие представители образованной части поволжских и уральских татар стали более трезво оценивать положение в дряхлеющей Османской империи. Новый всплеск интереса к Турции проявился после начала там эпохи преобразований и попыток модернизации, известной как эпоха Танзимата. Особый интерес вызвали у российских мусульман события, связанные с младотурецкой революцией и периодом правления младотурок, т.е. последнее десятилетие существования Османской империи (1908–1918).

Как известно, это время – начало XX в. в истории татарского народа ознаменовалось невиданным подъемом почти во всех областях – укрепление позиций национального капитала, движение

за реформы в сфере образования, расцвет национальной культуры, подъём общественного движения. На этой волне после событий 1905 г. происходило становление татарской периодической печати. Конечно же ключевыми темами публикаций стали внутренние проблемы – борьба за равноправие в вопросах народного образования, развития национальной культуры, ярко освещалась деятельность депутатов мусульманской фракции в Государственной Думе. Но татарские издания не замыкались на внутренних проблемах, материалы, посвященные международной политике, занимали достойное место среди публикаций газет и журналов. Естественно, что больший интерес проявлялся к положению в мусульманских странах. Одно из центральных мест на страницах татарских периодических изданий заняла турецко-османская тема. Татарские газеты и журналы живо интересовались событиями, происходившими в этой стране. При том следует отметить, что некоторые татарские журналисты и редактора были так или иначе связаны с Турцией – учились там или имели родственные связи. Судьбоносные события, происходившие в Османской империи, находили живой отклик среди аудитории татарской печати. С воодушевлением была встречена младотурецкая революция 1908–1909 гг. С сочувствием к Турции писали татарские издания во время Триполитанской войны 1911–1912 гг., когда Италия начала военную кампанию с целью захвата последних османских владений в Африке – Триполитании и Киренаики (нынешняя Ливия). Но наибольший резонанс в татарской прессе вызвали события, связанные с Балканскими войнами 1912–1913 гг. Здесь, в отличие от Триполитанской кампании, опасность нависла уже над центральными районами Османской Турции – над сердцем империи Стамбулом.

Истоки Балканского конфликта уходят в средние века, когда османские турки перешли Черноморские проливы и приступили к завоеваниям в Европе. В последующие столетия Османская империя постепенно теряла свои балканские владения. Но полностью «загнать» турок обратно в Азию не удалось даже Российской империи. И вот к концу 1912 г. Балканские государства, объединившись в «Балканский союз» пришли к единому мнению, что настал удобный момент, что бы нанести Османской Турции решающее поражение. Болгария и Сербия, руководившие Балканским союзом, стремились овладеть большей частью Македо-

нии; кроме того, болгарские правящие круги путем присоединения Салоник и Западной Фракии рассчитывали получить для Болгарии выход к Эгейскому морю, а сербская верхушка, разделив с Грецией Албанию, стремилась приобрести выход к Адриатическому морю. К тому времени Османская империя была ослаблена восстаниями в Македонии и Албании и Итало-турецкой (Триполитанской) войной 1911–12 гг., чем и решили воспользоваться страны балканского союза. Поводом к объявлению войны послужил отказ Турции провести реформы в своих европейских владениях, направленные на предоставление автономии Македонии и Фракии, и отменить начавшуюся мобилизацию турецкой армии. 9 октября 1912 г. Черногория начала военные действия против Турции. 18 октября в войну вступили Болгария, Сербия и Греция. Силы балканских союзников составляли более полумиллиона солдат, из которых более трети составляли болгары. Турция к моменту открытия военных действий выставила около 400 тысяч человек. В первые же дни определилось полное превосходство войск союзников над войсками Османской империи. Вооруженные силы Турции в это время находились на стадии реорганизации и перевооружения, сказалась и внутрисполитическая нестабильность в Османской империи. Наиболее ощутимый удар нанесла болгарская армия, которая, разгромив в нескольких сражениях турецкие войска во Фракии, осадила Адрианополь (Эдирне) и в начале ноября 1912 г. вышла на Чаталджийские высоты в 35–45 км от Стамбула. В Македонии, Албании и Эпире силы союзников, обладавшие двойным превосходством, также добились больших успехов. Сербские войска, захватив территорию нынешней Албании, вышли к Адриатическому морю, а греки 7 ноября 1913 г. заняли Салоники. На принадлежавших Турции островах Эгейского моря были высажены греческие десанты. Лишь ценой огромных усилий туркам 17–19 ноября удалось отбить болгарские атаки на Чаталджийские позиции. Непосредственная угроза Стамбулу была снята, это способствовало заключению 3 декабря 1912 перемирия между Турцией и союзниками. Судьбу мира или войны должна была решить конференция послов в Лондоне. Так завершился начальный и наиболее важный этап Первой Балканской войны [4, с. 107].

События на Балканах татарская пресса начала отслеживать еще до начала военных действий. Так газета «Йолдыз» («Звезда») 18 сентября (по старому стилю) 1912 г. на первой странице поместила статью под названием «Тучи сгущаются», где приводятся слова из декларации министра иностранных дел Австро-Венгрии: «Над Балканским полуостровом сгущаются тучи в воздухе очень сильно электрическое напряжение». Далее автор статьи пишет о том, что на Балканах столкнулись интересы держав тройственного союза и Антанты: «Член тройственного союза – Австрия хочет, каким-нибудь способом, посеяв на Балканах смуту, отхватить в свою пользу какой-нибудь кусок». Автор статьи далее пишет: «Таким образом, мир и война на Балканах на нынешний день не в руках Турции, Болгарии и Австрии. Это вопрос в руках великих европейских государств». В том же номере помещена подборка сообщений со ссылками на европейские издания, в которых идет речь о надвигающейся войне. Таким образом, татарская общественность имела возможность получать информацию европейских СМИ на родном языке и почти без опоздания. О военных приготовлениях балканских стран, о предчувствии будущей войны сообщает издававшаяся в Оренбурге газета «Вакыт» («Время») в номере от 20 сентября. Там же говорится о внутривосточных противоречиях в Османской Турции. Подробно описываются недавние события, связанные с отстранением от власти младотурок и приходом их противников. Газета «Вакыт» также публикует сведения из европейских столиц по материалам телеграфных агентств. «Хотя война и не объявлена – ее черная тень нависла со всех сторон» пишет газета «Вакыт» от 23 сентября 1912 г.: выражается опасение, что балканская война может перерасти в общеевропейскую, и так же высказывается мнение о вовлеченности в разгорающийся конфликт великих европейских держав [2, № 1041]. Татарские газеты цитируют русские издания, в которых в целом благосклонно относятся к тому, что Болгария присоединит к себе турецкие земли. Излагается мнение о том, что турок необходимо вытеснить из Европы в Азию.

Из всех публикаций предвоенных дней можно выделить статью Исмаила Гаспринского, которую газета «Йолдыз» перепечатала в номере от 23.09.1912 г. со ссылкой на газету «Тарджуман» [5, № 884]. Здесь известный просветитель обрушился с негодова-

нием на общественное мнение в Болгарии и других странах, которое поддерживало террористическую деятельность болгарских националистов на территории Османской империи.

Исмаил Гаспринский выдающийся просветитель, общественный деятель, один из основателей новометодного движения издавал газету «Тарджуман» («Переводчик») в Крыму с 1883 г., и вплоть до 1905 г. это была единственная газета тюрок-мусульман России. Ее выписывали и читали в самых разных уголках России, и в том числе в Волго-Уральском регионе. Хотя к 1912 г. «Тарджуман» и перестал быть единственным властителем дум говоривших на тюркских языках мусульман России, тем не менее, авторитет газеты и самого Гаспринского был достаточно высок, о чем и говорят перепечатки со страниц «Тарджумана» в татарских газетах.

Когда государства Балканского союза (Сербия, Черногория Греция и Болгария) начали военные действия против Османской империи, Россия официально заняла нейтральную позицию. Что означало возможность свободной трактовки в прессе происходивших событий. Общественное мнение в самой России по Балканскому вопросу разделилось по политическим взглядам и направлениям: социалисты и монархисты, правые и левые занимали порой диаметрально противоположные позиции, но все они, так или иначе, выступали против турецкого присутствия на Балканах. Совершенно иной была реакция на начавшуюся Балканскую войну в татарской печати. Событиям на Балканах посвящались передовые полосы газет, это были перепечатки сообщений информационных агентств, таких русских газет «Новое время», «Русское слово», а также собственные комментарии. Наиболее подробно и скрупулезно ход военных действий отслеживала выходившая в Оренбурге газета «Вақыт». Когда стало известно, что на всех фронтах турки терпят одно поражение за другим, а болгарские войска выходят на подступы к Стамбулу, татарские газеты заговорили уже об угрозе не только самой Османской империи, но и всему мусульманскому миру. Можно сказать что, начало Балканских войн буквально взорвало татарскую общественность. Катастрофические поражения турецких войск в первые недели войны и потеря почти всех европейских владений, за исключением нескольких осажденных городов – все это походило на полный крах некогда могущественнейшей Османской империи.

Уже в декабре 1912 г., когда поражение Османской империи на первом этапе войны стало очевидным газета «Кояш» («Солнце») писала: «Если европейцы обращают внимание на эту войну с точки зрения политического равновесия, то многочисленные многомиллионные мусульмане всего мира вынуждены на нее смотреть совсем с другой точки зрения. В этой войне решается судьба единственного сохранившегося до наших дней самостоятельного мусульманского государства – Османской империи. Останется или нет после этой войны на земном шаре хоть один самостоятельный мусульманин, не попавший в зависимость. Для тюркских народов значение результатов этой войны еще важнее: здесь проверяется их способность жить в XX в. если смотреть с этой точки зрения, мы, татары, естественно не можем сохранить хладнокровие: при каждом поражении турок наши сердца разрываются, сопереживаем их бедствия и позор» [7, № 1].

Но дело не ограничивалось только сопереживанием, было и соучастие в виде как бы сейчас сказали гуманитарной помощи по линии Хияляль Ахмар (Красный полумесяц – турецкий аналог красного креста), сборы пожертвований и т. д. Мусульмане Поволжья и Приуралья не только внимательно следили за событиями на фронтах балканской войны, не только собирали пожертвования и ухаживали за ранеными. Например, известный татарский политический деятель, публицист Юсуф Акчура ушел на фронт в звании сотника (йузбаши), как сообщает в своей книге редактор газеты «Вақыт» Ф. Карими. Принимал участие в боях и младший брат самого Ф. Карими – Гариф, и даже был ранен. Все же в военных действиях принимали участие более ста добровольцев из числа российских мусульман [5, с. 32].

Не ограничиваясь перепечатками и ссылками некоторые, наиболее читаемые издания направляют в район боевых действий своих корреспондентов. Но прибывшие в Турцию журналисты стали описывать не только военные действия. Они оказались в круговороте острой внутривосточной борьбы, которая шла в то время в Османской империи.

Наиболее полно ситуация в Османской империи периода Балканских войн отражена в книге Ф. Карими «Стамбульские письма» («Истанбул мактүпләре»), которая написана на основе материалов для газеты «Вақыт», чьим корреспондентом в Стам-

буле он был с ноября 1912 по март 1913 года. Свое видение ситуации содержится в корреспонденциях в газету «Йолдыз», Г. Камала, который пробыл в Стамбуле с ноября 1912 по январь 1913 г. Были и другие корреспонденты, которые снабжали свои издания новостями непосредственно из гущи событий. После отъезда Г. Камала на родину, газета «Йолдыз» продолжала направлять в Турцию своих корреспондентов.

На материалах Ф. Карими следует остановиться особо. По поручению издателя выходившей в Оренбурге газеты «Вақыт» («Время») известного золотопромышленника и поэта Шакира Рамиева Фатых Карими оправился в Турцию, на театр военных действий, в качестве корреспондента. Он прибыл в Стамбул 9 ноября 1912 г. и, пробыв там четыре месяца, вернулся в Оренбург 18 марта 1913 г. В своих заметках («письмах») Ф. Карими освещал не только и не столько ход военных действий, но и затрагивал различные стороны жизни тогдашней Турции. Заметки в газете вызвали живой отклик у читателей – образованной части мусульман Поволжья и Приуралья, что побудило правление газеты принять решение об издании «Стамбульских писем» отдельной книгой.

Кроме политических проблем татарские журналисты активно освещали гуманитарные проблемы. Прежде всего их беспокоила судьба мирного населения страдавшего от военных действий. Ф. Карими внимательно отслеживает эту тему по турецким газетам: «Описывая в деталях зверства, чинимые над мусульманами на территориях, захваченных балканскими союзниками, газеты взывают перед лицом всего человечества, правдивость этих сообщений подтверждает и из частных источников. Пишут о многих случаях убийств мусульман, покушениях на честь мусульманок, а в некоторых местах о насильственном обращении мусульман в христианство. Я совершенно не хочу верить сообщениям русских газет о том, что турки причиняют зло христианам. Поскольку положение (состояние) и психологическое состояние турок совершенно не способствуют агрессивным действиям. Они были бы рады спасти себя» [6, с. 134].

При том о зверствах, чинимых войсками балканских союзников по отношению к турецкому населению, сообщали и европейские информационные агентства. Подборка таких сообщений содержится в газете «Кояш»: «После того как греческие и бол-

гарские войска вошли в Салоники не возможно по одному сосчитать творимые ими бесчинства. Под видом поиска оружия эти войска обыскивают и забирают последние деньги у людей. Бесчинства не ограничиваются грабежами: средь бела дня режут на улицах людей», – цитирует татарская газета сообщение немецкого корреспондента из Салоник [7, № 1]. К теме страданий мирного населения Ф. Карими неоднократно возвращается в своей книге: «То, что в Румелии на землях оккупированных балканскими правительствами (государствами) над мусульманами в чрезвычайной степени творятся гнет и притеснения понятно из ежедневных общих и специальных сообщений газет. Сверх того, что грабят имущество и состояние мусульман, их массово убивают, бесчестят их женщин. Турция, обратившись по этому поводу к европейским государствам, привлекла их внимание» [6, с. 185]. Теперь уже известно, что ясная и четкая правовая оценка со стороны европейских держава военным преступлениям в период балканских войн так и не была дана. А потом началась первая мировая, и о балканской трагедии уже мало кто вспоминал. Несчастные турецкие беженцы, спасшиеся от террора греков, болгар и сербов были направлены властями на восток Анатолии. И не вольно можно задаться вопросом: не на Балканах ли были возвращены ростки трагедии, которая затем развернулась в восточной Анатолии в 1915 г. с армянским население этого региона.

Что же касается выходившей в Крыму газеты «Тарджуман», то она, описывая события балканской войны, занимала более мягкую, в чем то даже примирительную позицию. Это было обусловлено с одной стороны идеями самого И. Гаспринского, еще в 1896 г. призвавшего правящие круги Российской империи заключить союз с мусульманскими странами. Свою концепцию крымский мыслитель изложил в статье «Русско-восточное соглашение», в частности И. Гаспринский писал: «Имея за собой и Турцию и Персию, Россия станет родной всему мусульманскому Востоку и, благодаря особенно счастливому складу русского народного характера, действительно пойдет во главе мусульманских народов и их цивилизации...» [1, с. 351]. Газета «Тарджуман» в своих публикациях настаивала, что балканская война не является религиозной, хотя словосочетание «война креста и полумесяца» было произнесено из уст противников Османской им-

перии. Газета утверждала, что война не нужна ни туркам, ни славянам – она выгодна лишь их общим противникам Австрии и Германии. Война одновременно ослабляет и Турцию и Россию. Более того, в публикациях с пониманием воспринималось сочувствие русской общественности славянским противникам Османской империи, и оставался открытым вопрос о правоте воюющих сторон. С восхищением «Тарджуман» писала о помощи российского «Красного креста» турецкой стороне, когда в Стамбуле была открыта больница на сто кроватей [3, с. 406–408].

В тоже время мусульмане Крыма (крымские татары), как и многие мусульмане России сами оказывали посильную помощь братскому турецкому народу. Ф. Карими сообщает о прибытии миссии из Крыма в Стамбул. От крымских мусульман должны были поступить пожертвования и прибыть люди для ухода за ранеными. «Сейчас из этой миссии прибыли из Ялты уважаемые: Амир Хасан эфенди Бакиров с Рустем эфенди Парпатовым. До отбытия оттуда связались с русским посольством. Из посольства поступил следующий ответ: «Сейчас раненных стало меньше, в прибытии новых отрядов необходимости нет, если отправите собранные деньги и вещи, то они будут использованы по назначению, особенно в помощи нуждаются беженцы».

Услышав весть о прибытии из Крыма этой миссии мы вместе со здешними уважаемыми людьми из числа крымчан зашли в центр «Хиляль Ахмар», что бы узнать положение дел. Там тоже дали тот ответ. Поэтому Бакиров и Парпатов сейчас не привезли свой отряд, а только прибыли сами с пожертвованными деньгами и вещами. 115 кроватей со всем необходимым и сделанные из очень хорошего материала постели и одежда, и больше десяти тысяч пожертвований. Если возникнет необходимость в отряде, то отсюда решили дать телеграмму. Договорились с тремя докторами, для отправления каждому триста рублей, а за службу здесь пятьсот рублей ежемесячно. Русские сестры милосердия обещали работать бесплатно» [6, с. 144–145].

Ф. Карими отмечает координацию, и даже, сотрудничество крымчан и официальных представителей Российской империи в деле организации помощи: «Бакировы здесь будут действовать по советам русского посольства, и пожертвования передадут в нужные места. Они и для беженцев привезли много необходимого.

Крымские мусульманки сами пошили и приготовили для больных, раненных и беженцев одежду и постели. Каждая по мере возможности старалась внести свой вклад. Очень многие приняли участие в сборе пожертвований. Даже не придававшие раньше особого значение мусульманской жизни помещики мирзы, в этот раз, проявив чистосердечные чувства, собирали пожертвования. Таким образом, если появиться необходимость привезти сюда свой отряд, крымские мусульмане решили взять на себя содержание его в течение нескольких месяцев и все расходы на уход и питание за 115 койками больных, в том, что им, удастся легко собрать пожертвования, они оказываются спокойны» [6, с. 145].

Особенно ярко выглядит описание Ф. Карими церемонии проводов крымской миссии: «Во время отправления из Ялты на пристани их торжественно провожали генерал Думбадзе, исправник Ялты Гваздевич, товарищ прокурор Гукович, земский начальник Куваков и до двухсот мусульман. Перед отплытием парохода генерал Думбадзе в своей речи разъяснил, что помощь раненым очень хорошее дело, и русское правительство одинаково относится к раненым с обеих сторон. В ответной речи Искандер эфенди Ахмедов от имени мусульман поблагодарил генерала. Позже под руководством имама Даркоя была прочитана торжественная молитва и отъезжающим пожелали счастливого пути, помолились и за здоровье царя и членов его семьи. После отплытия парохода провожавшие еще долго сотрясали воздух криками ура.

Счастье направить партию «Хиляль Ахмар» нашим братьям по вере и крови из мусульман России впервые выпало нашим братьям крымчанам, и, договорившись с правительством, они смогли придать этому официальную окраску. Обратившись через телеграф министру внутренних дел, они получили разрешение для отправки отряда.

За такое усердие и сохранение (защиту) они, безусловно, достойны поздравлений. Оказав официальную поддержку (этому мероприятию) правительство тоже сделало хорошее дело. Так как по причине содействия демонстрации чувств крымчане себя почувствовали не пасынками, а полноправными сынами отечества, (это) станет причиной еще большего роста любви к отечеству, дружелюбия к правительству [6, с. 145–146].

Столь трогательно отношение русских имперских властей к инициативе крымских мусульман оказать помощь братьям по крови и вере на другом берегу Черного моря выглядит не совсем ординарным явлением для России тех лет. Дело в том, что в других регионах к подобным инициативам местным мусульман власти относились, мягко говоря, с куда меньшим энтузиазмом. Если же вести речь о Казанской губернии, то здесь власти пытались пресекать подобные инициативы на корню. Полиция и жандармерия строго следили за потенциальными активистами, которые могли бы организовать сбор пожертвований в пользу турок, пострадавших от Балканской войны. Чего стоит только обыск в доме у классика татарской литературы Ф. Амирхана, которого заподозрили в организации сбора пожертвований для турок.

Выводы. Балканская война 1912 г. вызвала острую реакцию среди татар Поволжья и Приуралья – от направления в Стамбул корреспондентов татарских газет и сбора пожертвований до участия отдельных добровольцев в военных действиях на стороне Турции. Также в изданиях волго-уральских татар освещалась помощь, которую оказывали Османской Турции крымские татары. При том в отличие от Казани, имперские власти в Крыму достаточно благосклонно относились к сбору пожертвований татарами в пользу Турции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабески истории. Кн. 1. Русский взгляд. М., 1994. 432 с.
2. Вакыт, 1912.
3. Гаспринский Исмагыйль: тарихи-документаль жыентык. Казан: Жыен, 2006. 544 б.
4. *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. М.: Вече, 2000. 416 с.
5. Йолдыз, 1912.
6. *Кәrimi Ф.* Истамбул мәктүпләре. Оренбург, 1913. 454 с.
7. Кояш, 1912.

Сведения об авторе: Камиль Гусманович Ахсанов – кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) Федерального Университета (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); kgaханov@list.ru

Balkan War. Tatar social-political thought and the Crimea

Kamil Akhsanov

(Kazan Federal University)

Abstract: This article is about the reaction of Tatar Volga and Urals community to the First Balkan War, which began at autumn 1912 year. In general the most considered posts in the article are F.Karimi's posts in the newspaper «Vakyt», which published later in book form named by «Istambul Mektublere» (Istanbul's letters). There are also highlights of the responses to the Balkan War of the Crimean Tatar community presented by the newspaper «Vakyt».

The main purpose of the research is to highlight the work of Tatar newspapers journalists in Istanbul at the beginning of the First Balkan War; to show the reaction of the both Volga-Ural region and Crimea Tatar to disasters that befell the same faith and kindred for them Turks.

Keywords: Balkan War, Turkey, Ottoman Empire, tatars, Istanbul, Fatyih Karimi, «Vakyt», Galiaskar Kamal, Ismail Gasprinsky, «Tardzhuman», Crimea.

REFERENCES

1. Arabeski istorii. Kn. 1. Russkiy vzglyad [Arabesque history. Book. 1. Russian look]. Moscow, 1994. 432 p.
2. Vakyt [Time], 1912.
3. Gasprinskiy Ismagyyl': tarikhi-dokumental' dzhyentyk [Gasprinsky Ismagyyl': Historical and documentary collection]. Kazan, Dzhyen, 2006. 544 p.
4. Zadokhin A.G., Nizovskiy A.Yu. *Porokhovoy pogreb Evropy* [Powder keg of Europe]. Moscow, Veche Publ., 2000. 416 p.
5. Joldyz [Star], 1912.
6. Kərimi F. Istambul məktüpləre [Istanbul's letters]. Orenburg, 1913. 454 p.
7. Kojash [Sun], 1912.

About the author: Kamil Gusmanovich Akhsanov – Ph.D. in History, docent, Kazan (Volga Region) Federal University (420008, Kremlevskaya st., 18, Kazan, Russian Federation); kgaxanov@list.ru

УДК 94(323.35:477.7)

Крымские сеййиды

Дамир Исхаков

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Аннотация: В данной статье рассматривается малоизученная проблема института сеййидов в Крымском ханстве в XV – начале XVII вв. Отмечаются связи крымских сеййидов с сеййидами других татарских юртов (Казанского, Касимовского и Астраханского ханств). Определяется место представителей этой группы в структуре мусульманских священнослужителей ханства, высказываются некоторые догадки о связях крымских сеййидов с мусульманскими тарикатами. Указывается на восхождение этого института к золотоордынскому времени.

Ключевые слова: сеййид, Крымское ханство, мусульманское духовенство, сословные связи, тарикат, татарские юрты.

Изучение истории института сеййидов, хорошо известного во всех позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах, в более раннее время – в Улусе Джучи после его окончательной исламизации при хане Узбеке [13], весьма важно с точки зрения исследования истории мусульманской уммы этих сообществ. В этих татарских юртах они образовывали особую группу мусульманского духовенства, выходцы из которой возглавляли всю корпорацию мусульманских священнослужителей, на что указывали еще авторы XVI века [8, с. 176; 10, с. 84].

Сеййиды, возводившие свои генеалогии к четвертому праведному халифу Али ибн Абу Талибу (ум.661), приходившемуся двоюродным братом пророку Мухаммеду и женатому на его дочери Фатиме [31, с. 71; 15, с. 290–291], в этнографически доступное время были известны у татар Поволжья и Западной Сибири [информацию об этом см.: 14]. Но в отличие от казахского и уз-

бекского обществ, где представители этой группы образовывали особую «священную» корпорацию [19; 12], среди татар они были известны просто как «святые». По Крыму такие данные практически не изучались.

В работах по истории Крымского ханства о крымских сейидах высказывались различные мнения. Одна группа исследователей предпочитает вообще не замечать этот важный социальный институт. Например, в статье И.Ф. Александрова (1914 г.) сообщается, что в период нахождения Крымского ханства под «суверенитетом» Османской империи в 1475–1783 гг., мусульманское население этого татарского государства состояло из муфтия, кады-аскера, кады, наибов, хатибов, имамов и муэдзинов, кроме того, из шейхов при текие, мударрисов в медресе, аджиев (хаджи) в мектебе [2, с. 211]. В недавно вышедшей книге Алана У. Фишера, посвященной истории крымских татар, повторяется этот же тезис: «Главой мусульманского истеблишмента был муфтий, который выбирался из среды локальных мусульманских священнослужителей ими самими» [32, р. 21]. Иная точка зрения содержится в ряде работ, начиная с труда В.В. Вельяминова-Зернова. Последний, в частности, со ссылкой на шертную грамоту крымского хана Саадет-Гирея 1531 г. [он процитировал текст этой грамоты], сделал заключение, что в Крыму «в начале... был... особый сеид» [6, с. 442]. В большой, весьма содержательной статье В.Е. Сыроечковского (1940 г.), высшее духовенство Крыма также было названо «сеитами». Причем автор этой публикации пишет, что во главе духовенства Крымского ханства стоял «главный сеит», которого в русских грамотах именовали «большим моллой, над всеми моллами старшим» [26, с. 38]. Согласно В.Е. Сыроечковскому, «главный сеит» одновременно был и «кадыем большим» [26, с. 38]. В рассматриваемой статье указывается, что наряду с крымскими князьями, сейиду из Литвы и Москвы присылались подарки, кроме того, он вел и переписку с литовскими и московскими государями [26, с. 38]. Не доверять выводам этого исследователя, опирающегося на солидную источниковую базу, у меня нет оснований. Но в таком случае, закономерен вопрос о причинах несогласованности подходов историков к проблеме высшего духовного лица в Крыму. Мне представляется, что главная причина разночтений тут связана с «перекрыванием» крымско-татарской традиции именования гла-

вы духовенства сеййидом, оттоманской традицией, согласно которой это лицо называлось «муфтием». Во всяком случае, уже из статьи В.Д. Смирнова (1913 г.) можно увидеть, как в конце XVI – XVII вв. сеййиды в Крыму «превратились» в муфтиев [24, с. 153]¹. Применительно к Крымскому ханству, таким образом, важно установить, действительно ли в этом государстве произошел и когда, переход от одной номинации главы мусульманского духовенства к другой. От ответа на поставленный вопрос в значительной мере зависит дальнейшее изучение института сеййидов в Крымском ханстве.

Материалы о сеййидах в Крымском ханстве достаточно многочисленны, но плохо систематизированы. В первую очередь, целесообразно разобраться с именами сеййидов и по возможности установить последовательность нахождения того или иного из них в должности верховного сеййида в государстве.

В грамоте, отправленной в 1508 г. от имени Баба шейха (шиха) из Крыма в Москву, указывается: «... шерт пили Магмед-Гирей в головах и все царевичи, и мы в головах, и сеит, и молна, и все уланы, и князи, и четыре карача, и все знатные люди шерт дали» [23, с. 39]. Очевидно, упоминаемый тут Баба шейх являлся сеййидом. В доказательство я могу привести отрывок из послания султана Мухаммед-Гирея, написанного в том же году, но раньше первого документа, и посвященного подготовке к отмеченной выше «шерти». Султан, сообщив, что великий князь московский «шерть велел дати», перечисляет имена большого числа знатных лиц Крымского ханства, начав перечень с Баубек сеййида [23, с. 33]. В принципе, имена «Баба» и «Баубек» достаточно близки («Баба» – это сокращенное от Бабак – Баубэк-Баубэх), на что я указывал еще раньше [16]. Есть и другие основания считать Баубек сеййида и Баба шейха одним и тем же лицом. В перечне

¹ Автор перечисляет имена нескольких человек из «династии шейхов» в Крыму и про одного из них – Афиф-Эддин эфендея, жившего после шейха Ибрагима (умер в 1593 г.), говорит, что его сын был муфтием в Кафе, а затем «предавался богомыслию в собственной киновии в деревне Сейид-Или близ Кафы». Проживание муфтия, скорее всего, отставного, в деревне с характерным названием «Сейид-или» (иль – родина, страна), свидетельствует, что этот муфтий был из сеййидов.

имен знати, содержащемся в послании султана Мухаммед-Гирея, после Баубек сеййида названо имя Гази-Мухаммеда шейхзаде (ших-зоды) [23, с. 33]. Так звали именно сына Баба шейха [23, с. 33]². Кроме того, в документах ни разу имена Баба шейха и Баубек сеййида вместе не встречаются.

Особое положение сеййида Баубека (он же шейх Баба) в Крымском ханстве прослеживается по нескольким документам. Во-первых, султан Мухаммед-Гирей в 1508 г. называет его так: «отца моего пошлой богомолец» [23, с. 33]. Согласно В. Далю, «пошлый» – это «давний, стародавний, изстари, древний, ископен». Это – странная, на первый взгляд, конструкция, поэтому расшифровывается как «моего отца давний богомолец». Действительно, хан Менгли-Гирей называет его в 1508 г. «Баба ших мой» [17, л. 132 об.]. Во-вторых, об особом статусе этой личности в Крыму свидетельствуют и дипломатические документы. Одно послание Баба шейха великому князю Василию в Москву цитировалось выше. От его имени другая грамота была отправлена в Москву в 1509 г. В ней есть такие строки: «... а яз богомолец твой (Василия – *Д.И.*) ... пособь чиню с сватом своим Магмедшою» [23, с. 79]. В ответном послании московского великого князя Баба шейху (1509 г.) написано: «... а мы вперед к тебе свое добро хотим держати и жалованье свое чинити» [23, с. 80].

До 1516 г. других известий о сеййидах в Крымском ханстве пока не обнаружено. Но в 1516 г. в грамоте Мухаммед-Гирея в Москву относительно присылки московским великим князем «поминоком» в Крым, упоминаются Мансур сеййид (сиит) и сын Баба шейха Наурь-л-ло шейх (ших) [23, с. 80. Его имя более точно передано в другом документе – Насыр-Оллох – см.: 23, с. 161]. Повидимому, сеййида Баубека к этому времени уже не было в живых. Однако на вопрос о том, кто ему наследовал высшую духовную власть в ханстве, ответить непросто. С одной стороны, источники свидетельствуют о высоком положении сына сеййида Баубека Насыр-Оллох шейха [23, с. 161–162; 17, л. 258]. В частности, в грамо-

² В документе он назван «Гази-Махмед ших-зода» (вариант: «Ази-Магмед шихзаде»). Но в «дефтере» 1519 г. упоминаются Газы сеййид (его я считаю сыном сеййида Баубека) и еще какой-то «Ази-Махмуд шихзадин сын Абдул-Рахман ших-зода».

те Мухаммед-Гирея о «поминках» из Москвы (1515 г.), Насыр-Оллох шейх назван «начальным шихом» и его имя в списке знати идет раньше имени Ябачь султана [23, с. 161–162. В документе имя отца Насыр-Оллох шейха искажено и передано в форме «Баших»]. Далее, в послании московского дипломата в Крыму И. Мамонова (1516 г.) отмечается, что при его приеме у крымского хана Мухаммед-Гирея, у «... царя были сын его Алп-царевич, да Сур-Алла-ших (искаженное от Насыр-Олла – *Д.И.*) Баба шихов сын, да Абдел-Аль-ших, да Азбьяк царевич..., да Мамыш улан Сарман уланов сын, да Абды-ла улан, да Азика князь, да Давлет-Бахты Барын, да Бахтеяр мурза Довлетеков сын Шырын, да Асан мурза Темиров сын» [23, с. 280]. Как видно, Насыр-Оллох шейх фигурирует среди высшей знати Крыма. Но в глазах хана Мухаммед-Гирея статусы сеййида Мансура и шейха Насыр-Оллоха были идентичны: в 1516 г. он дал им в счет будущего московского «поминка» одинаковое жалование – по 2 «поминка» [23, с. 299]. Поэтому, можно говорить и о высоком статусе сеййида Мансура. Например, в сообщении московского посланника В. Шадрина из Крыма (1518 г.), рассказывающего о его аудиенции у крымского хана Мухаммед-Гирея, говорится: «... царь приказывал ... к великому князю, а тут у него сидели Агыш князь, Азика князь, Мансыр сеит, Апак, а на другой стороне сидели Халиль князь, Мамыш улан, Мамыш Чечеут, Абду-ла улан, Япанча князь, Мемеш мурза» [23, с. 500]. Документ отчетливо показывает нахождение сеййида Мансура среди высшей знати ханства. Ситуация еще больше запутывается источниками 1519 г. Прежде всего, в «дефтере», который был зашит «в большой грамоте во Цареве о запросе»³, перечень крымской знати открывается именами «Газы сеита» и «Билат сеита» [23, с. 636. Возможно, второго сеййида звали Билал – 17, л. 258]. Похоже, что первый из них – это тот самый «Гази-Махмед» шейхзаде, сын сеййида Баубека. Таким образом, сеййидов, могущих быть главами духовенства Крыма, оказывается несколько человек. Но лишь один из них мог занимать эту должность. Думаю, что этим сеййидом был Газы (Гази-Мухаммед). Приведу аргументы в пользу данной точки зрения.

³ Очевидно, речь шла о присылке «поминок», для чего и был приложен список знати.

Показательно, прежде всего, что имя Газы сейида в приложении к «большой» грамоте хана Мухаммед-Гирея (1519 г.) называется первым. Далее, содержание послания Газы сейида к великому князю Василию (1519 г.) имеет явное сходство с аналогичным посланием сейида Баубека (1509 г.): «...Великий орды великого царя Магмед-Гирееву цареvu брату многие Руси государю великому князю Василию Ивановичу от Газы сеитя поклон. Как государю своему царю, так и тебе, брату его, межи дву вас братьов ходячи, добра хотим, богомолец есми и ныне, сколько наши силы добра твоего хочу» [23, с. 654]. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в цитированном послании имеется место, указывающее на участие Газы сейида в процедуре «шертования»: «...Да перед твоим слугою перед Остапом с людьми в одном месте роту и шерть дали есми, и ныне меж двух государей каково добро осталось, и яз на том добре стою» [23, с. 654]⁴. В такого рода присяге обычно участвовали именно те сейиды, которые возглавляли духовенство. Наконец, как видно из грамоты за 1508 г., Газы-Мухаммед в тот период являлся «богомольцем» султана Мухаммед-Гирея, тогда как у его отца – хана Менгли-Гирея – таким «богомольцем» считался отец Газы-Мухаммеда сейид Баубек [23, с. 33]. Вполне допустимо, что после смерти хана Менгли-Гирея и сейида Баубека, шансы занять должность главы духовенства ханства были больше именно у «богомольца» нового хана.

Следующее упоминание сейидов в Крыму содержится в весьма интересном документе, озаглавленном «Образец дефтерю. А се салтаны и сеиты, ших зоди, моллы, уланы, князи, мырзы; а ичкам ведомо учинили». А. Малиновский, обнаруживший этот источник еще в XVIII в., датировал его 1524 г., определив его как «именной список крымским царевичам, князьям, мурзам и всяким чиновным людям, которые шертовали великому князю Ивану Васильевичу с царем Саидет-Гиреем пред посланником О. Андреевым» [17, л. 258]. Документ начинается с имен сейи-

⁴ Именно отсутствие в хронологически одновременном послании сейида Мансура схождения с грамотой сеида Баубека и ссылки на «шертование», выводит Мансура при жизни Газы-Мухаммеда за рамки претендентов на должность главы духовенства в Крыму [см.: 20, с. 655].

дов: «А се величество учителей великих: Салтан-Али сеитов брат Мансур сеит, Салтан Али сеитов сын Куртка сеит (,) Баба шихов сын Насыр-оллог ших, Абдыл-Рахманов моллин сын Баба-ших молла, Алядин кады сеит Газыев сын (,) сеит Мурза Фарсей Билялов сын сеит Хыдыр» [17, л. 258]⁵. Все перечисленные лица по происхождению были сеййидами, о чем говорят как их титулы «сеит», так и эпитет «величество учителей великих» [23, с. 636]⁶. В указанном списке после сеййидов идут имена султанов, князей и мурз. Очевидно, к 1524 г. главой духовенства Крымского ханства стал Мансур сеййид, ибо его имя в списке приводится первым. Надо полагать, что Газы сеййида к этому времени в живых уже не было, так как в «дефтере» говорится только о его сыне Алядин казые (кады).

Около 1531–1532 гг. крымский хан Ислам-Гирей «учинил роту» московскому великому князю. Список тех, кто присягнул Ивану Васильевичу, начинается с Куртка сеййида, а за ним идет имя Мусы сеида. Далее перечислены уланы и князья [30, с. 501–502]. Куртка сеййид, несомненно, является отмеченным в списке 1524 г. лицом – сыном сеййида Салтан-Алия. Был ли он к началу 1530-х годов главой духовенства ханства, не совсем ясно: этот период истории ханства характеризуется постоянными дворцовыми переворотами [детальнее см.: 17, л. 205–212 об.]. Все же при правлении хана Ислам-Гирея он мог быть высшим духовным сановником в Крыму, тем более что сеййид Мансур, скорее всего, около 1531 г. оказался в Астраханском ханстве (см. далее).

Итак, между 1508–1531 гг. в Крымском ханстве известны имена многих сеййидов. Некоторые из них были высшими духовными лицами в государстве (Баубек сеййид – около 1508–1509 гг.; Газы-сеид – около 1519 г.; Мансур сеййид – около 1524 г.; Куртка сеид – около 1531 г.).

⁵ При разделении некоторых имен знаками препинания, которых в основном тексте нет или правильность их расстановки вызывает сомнения, они взяты в скобки.

⁶ «Сеит» Хыдыр скорее всего был сыном упомянутого выше Билал (Билат) сеййида (1519 г.). Абдыл-Рахман являлся сыном Ази-Махмуд шейхзаде, т.е. Газы сеййида.

Есть основания полагать, что институт сеййидов в Крымском ханстве существовал с самого начала образования государства. На это, например, указывает одно место из послания султана Ахмат-Гирея (1518 г.). Султан, сообщив о делах, связанных с Хозяк сеййидом, пишет: «...покойник Хозяк сеид от дедов и отцов наших наш пошлой богомолец» [23, с. 511]. Так как Ахмат-Гирей приходился внуком хану Хаджи-Гирею, факт присутствия сеййидов в Крыму в первой половине XV в. становится на историческую почву. Другие данные подкрепляют этот вывод. На мой взгляд, существование в Крыму института сеййидов в середине XV в. подразумевается и в тарханном ярлыке Хаджи-Гирея 1453 г., в котором есть следующие строки: «Его высшим и знатым. Его ученым и высшему духовенству (муфтиям)» [перевод С.Е. Малова – см.: 18, с. 187–189]⁷. Думаю, что начальная часть ярлыка содержит тот же оборот, который был использован для обозначения сеййидов в списке 1524 г. («а се величество учителей великих»). Но наиболее отчетливо о крымских сеййидах говорится в ярлыке Хаджи-Гирея 1459 г. Там сказано: «...сәйид-әс-садатларыңа, мөфти вә мөдәррисләреңә, казый [мөхтәсибләреңә], мәшаих-суфиларыңа...» [Это место дается в прочтении М.А. Усманова, любезно предоставившего в мое распоряжение выписку из ярлыка, хранящегося в РО ИВ РАН – подробнее о ярлыке см.: 28, с. 212]. Показательно, что в двух ярлыках конца XIV в., относящихся к «Крымской области» («Кырым төмәне», «Кырым белән Кырык-Ернең төмәне») – в ярлыке Тохтамыша 1391/92 г. и в ярлыке Тимур-Кутлуга 1397/98г. упоминаются: в первом – «кази-муфтии, шейх-машеихи» [На языке оригинала: «Кази мөфтиләреңә мәшәехларыңа» – см.: 9, с. 338; 4, с. 13–15], во втором – «кази-муфтии, машейх-суфии» [На языке оригинала: «Кази мөфтиләреңә мәшәех суфиларыңа» – см.: 4, с. 10–11; 22, с. 20–21; 25]. Очевидно, что, в данном случае, сеиды прямо не названы, их надо искать в группе «кази-муфтиев» [14, с. 73–74].

⁷ К сожалению, татарский текст ярлыка оказался для меня недоступным. Но М.А. Усманов высказал мнение, что ярлык является не подлинником, а списком, составленным в конце XV в. или в первой половине XVI в., причем «испорченным» [28, с. 212].

В то же время, в некоторых ярлыках крымских ханов XV в. обращения к сеййидам нет. Скажем, в ярлыке Менгли-Гирея (1467 г.) говорится: «муфти-мударисам, кази-мухтасибам, машаих-суфиям» [4, с. 1–4. На языке оригинала: «мөфти мөдәрисләрәңә, кази-мөхтәсибләрәңә, мәшәих суфиларыңа»]. Близкая формула содержится в ярлыке того же хана 1468 г. [«Кази-муфтиям, машаих-суфиям» – в оригинале «кази мөфтиләрәңә, мөшәех суфиларыңа» – см.: 4, с. 10–11]. И в начале XVI в. в одном из ханских ярлыков (Мухаммед-Гирея, 1517 г.) встречается точно такой же оборот: «кази-муфтиям, машаих-суфиям» [4, с. 10–11]. Но сеййиды в ханстве в это время, конечно, имелись. Недаром, вплоть до начала XVII в., они время от времени в ярлыках упоминаются. В частности, в ярлыке хана Саламат-Гирея (1608 г.) есть обращение к «садатам (т.е. сеййидам – Д.И.), муфтиям, мударисам, кази-мухтасибам, машаих-суфиям» [29, с. 57]⁸.

Как и в Казанском ханстве, сеййиды в Крыму принимали непосредственное участие в государственных делах, о чем можно узнать из «шертных» грамот. Наиболее ранняя из них, отмечающая присутствие при «шертовании» сеййидов, относится к 1508 г. В проекте грамоты, поступившей из Москвы, но составленной от имени хана Менгли-Гирея, написано: «... Ямгурча, Магмет-Гирей, Ахмет Гирей царевичи в головах и все царевичи роту и правду учинив, и все сейты и моллы и Баба-ших мой, останочный князь Сакал князь, Мамыш улан в головах, и уланы и князи, Мангыт Тевеккель князь, Зизивут Мамыш князь, Коурат Сулейман князь в головах, Югона князь и воеводы князи Ширин Агиш князь, Барын Девлет князь, Аргын Мардан князь, Кыпчак Махмуд князь, в головах, и воеводы князи и ички князей и мырз все бы роту и правду... на Куране... учинили» [17, л. 85]. В другом проекте грамоты, за тот же год, но уже подготовленном от имени султана Мухаммед-Гирея, отмечается: «...шертъ велел дати... первый Баубек сеид, Газы-Махмед шихзода, Довлет улан, Шимах улан, Муртоза улан, Баку улан, Девлет-Яр князь, Тювиккел мырза, Кудояр князь, Удым мырза, Солтан Магмед мырза, Ахмед

⁸ Автор работы термин «садатлар» совершенно правильно перевел как «сеиды». На языке оригинала это место выглядит так: «вә садатларыңа вә мөфти вә мөдәрисләрәңә вә кази мөхтәсибләрәңә, мәшәих суфиларыңа».

мырза, Берю мырза, Кучелек мырза, Магмутек аталык, Чибелек князь, Шигалак князь, Берючей князь, Темеш князь, Чюра аталык, Бегич аталык, Баубек дувон, Бек-Балак бакши, Мами князь, Ямгурчей аталык, Кобеч улан, Токуз улан, Тишкуват улан, Асан улан, Абдыла князь, Чюраш мырза, Черик богатырь, Улук-Берди мырза, Ойсул мырза, Мамыш богатырь, Ян-кара, Ак-Дербыш, Кабак печатник, Бурунтай, Кудай-берды мырза, Кудай-бакты богатырь, Бакты богатырь, Дуулат-суфи богатырь, Баба аталык, Адна аталык, Смердияр князь, Коказ богатырь, Ит-Бакмас богатырь» [23, с. 33]. Факт шертования в 1508 г. подтверждается в послании Баба шейха (сеййида Баубека) великому князю Василию: «...шерт пили Магмед-Гирей в головах и все царевичи, и *мы в головах* (курсив мой – Д.И.), и сеит, и молна, и все уланы, и князи, и четыре карача, и все знамые люди шерт дали...» [23, с. 39]. В 1513 г. (датировка ошибочна)⁹ перед русским посланником в Крыму О. Андреевым «шертовал» хан Мухаммед-Гирей. В «шерти» содержатся такие строки: «... ни силе, ни наступленью, ни грабежу, и нечисти от меня от брата твоего от царя, и от моей братьи, и от моих детей, и от моих царевичев, и от сейтев и от уланов и от князей и от всех наших людей...» [17, л. 406]. Процесс подготовки этого документа хорошо раскрывает состав будущих участников «шертования». 10–24 июня 1516 г. из Москвы в Крым был прислан проект документа, составленный на имя «Великие Орды Магмед-Гирея». В тексте говорилось: «...к нам (в Москву – Д.И.) писал ... грамоту еси шертную велел написати, да на той грамоте сам в головах почен и с своею братьею, и с своими детьми, и сеиты, и с уланы, и со князми хотел еси нам (великому князю московскому – Д.И.)... правду учинити» [23, с. 317]. Надо полагать, что об этой же «шерти» речь идет и в «памяти» (дата – 1 ноября 1515 г. – 26 января 1516 г.), данной русскому посланнику И. Мамонову в Москве¹⁰. Ему же указывалось, что

⁹ Хан Менгли-Гирей умер лишь в 1515 г. Если в подлиннике не содержалось имя этого хана, что сомнительно, дату документа надо отодвинуть на 1515 г.

¹⁰ Там речь идет о том, что И. Мамонову поручалось говорить хану Мухаммед-Гирею следующее: «...и на той бы еси шертной грамоте перед нашим боярином... перед Иваном нам правду учинил с своею братьею и со своими детьми, и со всеми сеити, и с уланы, и со князми...» [23, с. 194].

вообще «на конце у тех грамот («шертных» – *Д.И.*) написано, что царь сам в головах с своею братьею и с своими детьми и Шырын и Барын и Аргын и Кыпчак имяны, а сеиты и уланы и князи все» [23, с. 211]. В связи с тем, что проект этой «шерти» Москве чем-то не понравился и он не был подписан, из Москвы в Крым была отправлена «посылка» для хана Мухаммед-Гирея (31 августа – 16 сентября 1518 г.), в которой опять поднимается вопрос о грамоте: «...грамоту свою шертную велел написати... и нишаны бы еси свои и алые тамги к той грамоте велел прикласти и правду бы... на той... грамоте учинил почен сам собою в головах и с своим братом с Ахметом царевичем и с своими детми с Багатырем царевичем, и с Алпом царевичем, и с иною своею братьею, и с своими детми, и с сеиты, и с уланы и со князми» [23, с. 532]. В окончательной форме эта грамота, при составлении которой были затрачены столь большие усилия, гласила: «... А дарагам и пошлинам даражским, и иным пошлинам не быти; ни силе, ни наступлению, ни грабежу и нечти от меня от брата твоего от царя, и от моей братии, и от моих детей, и от иных царевичев, и от Сеитевь, и от уланов, и от князей, и от всех наших людей» [25, с. 81].

Из этих документов ясно прослеживается неизменное участие сеййидов в делах, связанных с подписанием «шертных» грамот. Об этом можно судить и на основе «шертной» грамоты, с которой из Крыма в 1524 г. вернулся русский посланник О. Андреев. Список лиц, которые участвовали в процедуре «шертования», уже был процитирован мною – он начинался с сеййидов [17, л. 241]. И позже общая формула, применяемая в документах во время этой процедуры, оставалась неизменной. Сеййиды обязательно указываются в числе участников присяги, причем, «в головах». Приведу некоторые примеры на этот счет. После того, как хан Саадет-Гирей в 1524 г. был свергнут с престола Ислам-Гиреем и через год заново восстановлен на троне, он перед русским послом И. Колычевым был вынужден в 1525 г. дать новую «шертъ». В грамоте, написанной по этому случаю, применена стандартная формула: «... силе и наступанию, и грабежу и нечести от меня от брата твоего от царя, и от моего калги салтана, и от моей братьи, и от детей, и от иных салтанов, и от сейтя в головах, и от уланов, и от князей, и от всех наших людей» [17, л. 417]. Когда на короткое время произошло восстановление на престоле

хана Ислам-Гирея (в 1531 или 1532 г.)¹¹, появилась очередная «шерть» хана и знати Москве, гласившая: «Роту учинили: Куртка сейт, Муса сейт, Баши улан, Муртоза улан, Азикалиль улан, Кельдиш улан, Янчура улан, большой карачь наш Багырган князь, Барын Ян-Али князь, Аргын Махмуд князь, Барын Ян-Осман князь, Магмед улан, Ахмадулла князь, Абдыл-Ислам князь, Янбулат князь, Алтычь князь, Алдыяр князь, бакшей наш Дана афыз, Темеш князь, Нехош князь, Холон паш(а) афыз, Яи-ныш дуван, в головах и все уланы и князи ... шерть дали...» [30, с. 501–502]. 22 ноября 1531 г. аналогичную «шерть» дал Москве хан Саадет-Гирей. В грамоте, подготовленной по этому случаю, указывается: «А твой посол брата моего ко мне придет, и он прямо идет ко мне, а дарагам и пошлинам даражским и иным пошлинам ни которые ни как не быти, ни силе, ни наступанью, ни грабежу, и нечисти от меня от брата от твоего от царя, и от моего калги от царевича и от моей братьи, и от моих детей, и от моих салтанов, и от сейтя в головах, и от уланов, и от князей и от всех наших людей». Далее в документе еще раз повторялось: «... Яз, Саадет-Гирей царь собою почен и мой калга салтан Девлет-Гирей салтан, и иные салтаны-братья мои и дети мои, и наши сейти, и уланы, и князи, крепко есми шерть учинили» [17, л. 259, 419].

Верховный сеййид в Крымском ханстве опирался на все духовное сословие, которое было достаточно многокомпонентным и интегрированным в государственный аппарат. В составе духовенства, возглавляемого одним из сеййидов, кроме других сеййидов, имелись: шейхи во главе с «начальным шейхом», шейхзаде (шихзоде, шейх-зода), казии (кади), муллы, хафизы (афызы), хаджи (азеи), суфии [17, л. 185, 397, 419; 23, с. 33, 39, 79, 161–62, 172, 280, 300, 412–415, 500, 511, 654, 655; 30, с. 501–502; 20, с. 10; 9, с. 337–346; 5]¹². В ярлыках хана Менгли-Гирея упоминаются еще муфтии, мударрисы, мухтасибы (1467 и 1468 гг.) [4, с. 1, 11]. Муфтии фигурируют и в ярлыках ханов Мухаммед-Гирея (около 1517 г.) и Саадет-Гирея (1522–1523 гг.) [4, с. 17; 9, с. 341; 5, с. 21]. В последнем документе отмечаются и мударрисы с мухта-

¹¹ Датировка спорная [см.: 30, с. 521].

¹² О термине «кади» (кады), трудно сказать, употреблялся ли он в единственном или множественном числе.

сибами [9, с. 341; 5, с. 21]¹³ Из характерных для других ханств групп, в Крыму пока не обнаружены лишь данные о дервишах. Хочу специально подчеркнуть, что перечень мусульманского духовенства, приводимый в работе И.Ф. Александрова (см. в обзоре литературы), скорее всего, отражает ситуацию XVIII в., а не более раннего периода.

Некоторые из ответвлений мусульманского духовенства существовали в ханстве со времени его образования. Это, например, касается шейхов и суфиев. Как я уже указывал, шейхи (в форме «машаих»), наряду с суфиями, упоминаются в ханских ярлыках 1459, 1467, 1468 годов. О. Акчокраклы приводит сведения о двух шейхах, прибывших в Крым «из Бухары» и захороненных рядом с «часовней» мусульманского святого Гази-Мансура. [1, с. 170–172]. Не исключено, что под последним имеется в виду сын Идегея Мансур, чьи потомки играли важную роль в Крымском ханстве [26, с. 32–34]. Другие данные говорят о том, что в Крыму существовала «династия» шейхов, основанная «выходцами из Кыпчакской степи». Ее основатель жил в середине XVI в. [24, с. 153]. Да и другие группы духовенства (муфтии, мударисы, казии, мухтасибы, мауляна, хафизы) в Крыму к XV в. уже существовали¹⁴.

Ряд религиозных деятелей занимал в ханстве государственные посты. Так, сын шейха Абдыл-Гаира Абдел-Авел шейхзаде (затем шейх) вначале был «тетем» (1508–1509 гг.), а затем стал «большим царским послом» у Саадет-Гирея (1531 г.) [20, с. 10; 17, л. 397–419]. Дана хафиз был бакшеем (1530-е гг.) [30, с. 501–502]. Имер хафиз являлся «мамичем» султана Ахмад-Гирея (1518 г.) [23, с. 511].

Имеются данные, хотя и скудные, о брачных связях крымских сеййидов. Эти сведения проливают дополнительный свет на место сеидов среди крымской знати. Так, в 1509г. Баба-шейх (Баубек сеййид) называет князя Магмедшу своим сватом [23, с. 79]. Князь Магмедша, принадлежавший к клану Кыпчак [26, с. 27; 23, с. 80],

¹³ Не исключено, что ярлык Саадет-Гирея является более поздней копией. Этим данный ярлык напоминает тарханный ярлык Хаджи-Гирея 1453 г.

¹⁴ Мауляна (мулла?) Байрамшах и хафиз Ахмад писали ярлык хана Менгли-Гирея в 1467 г. [28, с. 32–33].

т.е. к одному из четырех кланов карачабеев в Крыму, являлся послом хана Менгли-Гирея (1508 г.) [17, л. 397]. Очевидно, указанная линия родственных связей крымских сеййидов была традиционной, так как сын князя Магмедши Салимша князь в 1515 г. писал, что он собирается выдать свою дочь замуж за сына Баба-шейха (Баубека сеййида) [23, с. 72]. Крымские сеййиды в ханстве роднились не только с определенными кланами карачабеев, но и с самим правящим домом Гиреев. В частности, к 1518 г. относится сообщение о том, что султан Ахмад-Гирей взял в жены дочь сеййида Хозяка т.е. Хаджи Ахмеда, большеордынского верховного сеййида [23, с. 511]. Приведенные материалы подтверждают высокий статус сеййидов в государстве.

В сохранившихся источниках есть сведения о связях крымских сеййидов с другими татарскими ханствами. В частности, в одной из версий родословной касимовских сеййидов Шакуловых есть приписка о том, что потомки сеййида Шагхана жили «в Крымском вилайете, на Кубани и в Дагестане», а потомки его брата Шахбая – «в Булгарском вилайете, Хан-Кирмени, Хаджи-Тархане и в Поволжье» [3]. Судя по этой генеалогии, указанные лица жили в первой половине XV в. Косвенные данные подтверждают возможность контактов сеййидов Крымского и Касимовского ханств. Так, известно, что в октябре 1508 г. хан Менгли-Гирей в своей грамоте, отправленной в Москву, ведет речь о своем «богомольце» сеййиде Хозяке (см. выше), бежавшем от «короля» и пришедшем на территорию, подконтрольную Москве. Хан просил, чтобы московский великий князь «Хозяка-сеита и с женою и с Магмедшою да с... паробком с Хозяшом» прислал в Крым [23, с. 25]. В ответ на названную грамоту Менгли-Гирея, из Москвы, через русского посланника В.Г. Морозова, было велено передать, что «государь Хозяка-сеитю... давал волю, ... а ведомо то и Магмедше князю..., и он похотел служить у... государя» [27, с. 68]. Возможно, сеййид Хозяка находился в это время на территории Касимовского ханства. По документам видно, что в 1509 г. хан Менгли-Гирей опять пишет в Москву: «... Хозяка сейтя, своего богомольца... у тебя просим: где у него братья были, да все отошли, а юрты порозжи. А Хозяка сейтя... с нашим послом к нам отпустишь» [27, с. 73]. К 1515 г. этого сеййида уже не было в живых и по просьбе крымского хана его жена с дочерьми, с имуще-

ством была отправлена в Крым [27, с. 151, 161, 195, 511]. С другой стороны, один из касимовских сеййидов – Сеид-Ахмед, по сведениям В.В. Вельяминова-Зернова, основывающегося на родословных Шакуловых, «отъехал в Крым» и там в 1681г. умер [7, с.498–499]. Существование в городе Касимове в середине XVI в. некоторых сеййидов (например, известного в 1552–1555 гг. Ак сеййида, сына сеййида Шерефа) [6, с. 443; 20, с. 199], отсутствующих в генеалогии касимовских сеййидов Шакуловых, позволяет поставить вопрос об их связи с упомянутым выше крымскими сеййидом Хозяком. Один из крымских сеййидов – Мансур сеййид, около 1531 г. мог оказаться в Астраханском ханстве, появившись оттуда в 1545 г. в Казани у казанского хана из династии Гиреев Сафа-Гирея, с которым из Казани «побежал в Астрахань» [21, с. 271–272]. Сын этого крымского сеййида Кул-Мухаммед сеййид с 1546 г. стал в Казанском ханстве после очередного воцарения Сафа-Гирея верховным сеййидом [14, с. 32]. Еще до этого известен случай, когда один их казанских сеййидов по имени Шах-Хуссеин, около 1523 г. под давлением обстоятельств переселился в Крымское ханство [11, с. 62; 14, с. 73–74].

Наконец, вопрос о смене термина «сеййид» в Крыму на понятие «муфтий». Судя по имеющимся документам, вплоть до 1530-х годов в Крымском ханстве предпочитали пользоваться традиционным понятием «сеййид». Правда, ярлык хана Саадет-Гирея 1522–1523 гг., в котором есть обращение к «муфти-мударисам и кади-мухтасибам» [9, с. 340], как будто бы противоречит этому выводу. Однако, во-первых, как уже отмечалось, есть сомнения в подлинности этого ярлыка, во-вторых, в «шертной» грамоте того же хана 1525г. имеется выражение «от сейтя в головах» [17, л. 417], свидетельствующее о ведущей роли в государственной жизни именно этого обозначения. Из работы В. Смирнова видно, что в конце XVI – начале XVII вв. в Крыму стали больше использовать термин «муфтий» [24, с. 153–154], хотя в некоторых случаях косвенные формы старого понятия «сеййид» еще применялись (например, выражение «*садатларыңа*» в ярлыке Саламат-Гирея 1608 г.) [29, с. 57]. Следовательно, переход к новому термину происходил в период со второй половины XVI по начало XVII вв. и был связан с усилением влияния Османской империи и последовавшей в итоге туркизации Крымского ханства.

ва. Действительно, после свержения с ханского престола Мухаммеда-Гирея II (1577–1584) и утверждения турецким султаном новым ханом Ислам-Гирея II (1584–1588), несколько лет жившего в Турции в дервишской обители, имя турецкого султана стало произноситься в хутбе впереди имени крымского хана, т.е. впервые статус правителя Османского государства был в Крымском ханстве закреплён официально.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчокраклы О. Новое в истории Чуфут-кале // Известия Таврического ОИАЭ. Т. II (59-й). Симферополь, 1928. С. 170–172.
2. Александров И.Ф. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // Известия Таврической УАК. 1914. №51.
3. Эхмэтжанов М. Сәйед Шакуловлар шәжәрәсе // Мәдәни жомга. 6.10.1995.
4. Березин И. Тарханные ярлыки крымских ханов // Записки ОО-ИД, Т. 8, 1872.
5. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851. (страницы?)
6. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб. 1864.
7. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.
8. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.
9. Григорьев В. Ярлыки Тохтамыша Саадет-Гирея. Записки ОО-ИД. Т. 1. Одесса, 1844.
10. Де Вижнер Блез. Описание Польского королевства и порубежных с ним стран // История Татарии в документах и материалах. М., 1937.
11. Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. Историческое исследование с приложением текстов дипломатических сношений России с Турцией в начале XVI ст. М., 1916.
12. Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхака Баба в нарративной и генеалогической традиции. Т.1. Открытие пути для ислама: рассказ об Исхаке Бабе, XIV–XIX вв. Алматы – Блумингтон: Дайк-Пресс, 2013.
13. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и в позднелотоордынских тюрко-татарских государствах. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011.

14. Исхаков Д.М. Сейиды в позднесолотоордынских татарских государствах. Казань, 1997.
15. Исхаков Д.М. Сейид // Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004.
16. Исхаков Д. Татар дәүләтләрендә сәедләр // Ватаным Татарстан. 21.02.1995.
17. Малиновский А. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год. // Архив Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН. Ф.36. Оп.1, ед.хр.83.
18. Малов С.Е. Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. Сб. статей. М., 1953.
19. Мукминов А.К. Родословное древо Мухтара Ауэзова. Алматы: Жибек Жолы, 2011.
20. ПСРЛ. Т. 11–13. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.
21. ПДРВ. Ч. VIII. СПб., 1793.
22. Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. Отд. оттиск из Записок ИРАО. Т. 3, вып. 1. Казань, 1888.
23. Сборник РИО. Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией (1508–1521 гг.). СПб., 1895.
24. Смирнов В. крымско-татарские грамоты // Известия Таврической УАК. 1913. № 50.
25. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV, 1828.
26. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые зап. Московского гос. ун-та. Вып. 61. История. Т. 2. 1940.
27. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: «Гриф и К», 2010.
28. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во КГУ, 1979. 318 с.
29. Фиркович З.А. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных кайрамов. СПб., 1890.
30. Щербатов Мих. История Российская от древнейших времен. Т. 5. Ч. 1. СПб., 1786.
31. Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. М.: «Алетейя», «Энигма», 1999.

32. Fisher Alan W. The Crimean Tatars. Hoover institution Press. Stanford un., California. 1978.

Сведения об авторе: Дамир Мавлявеевич Исхаков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская федерация); monitoring_vkt@mail.ru

The Crimean sayyids

Damir Iskhakov

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Abstract: The article describes a little-known problem of sayyids in the Crimean Khanate in the XV – early XVII cc. The relations of the Crimean sayyids with other Tatar yurts (the Khanates of Kazan, Kasim and Astrakhan) are analyzed. The role of representatives of this group in the hierarchy of Khanate Muslim clergy is investigated. Some suppositions about the relations between the Crimean Sayyids and Muslim Tarikats are given. The article suggests an idea of referring this community to the Golden Horde period.

Keywords: sayyid, the Crimean Khanate, the Muslim clergy, clergy relationship, Tarikat, Tatar yurts.

REFERENCES

1. Akchokrakly O. Novoe v istorii Chufut-kale. *Izvestiya Tavricheskogo Obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, vol. II (59). Simferopol', 1928, pp. 170–172.
2. Aleksandrov I.F. O musul'manskom dukhovenstve i upravlenii dukhovnymi delami musul'man v Krymu posle ego prisoedineniya k Rossii. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1914, no 51.
3. Әхмәтҗанов М. Сәйед Шәкуловлар шәҗәрәсе. *Мәдәни җомга*, 6.10.1995.
4. Berezin I. Tarkhannye yarlyki krymskikh khanov. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*, 1872, vol. 8,

5. Berezin I. *Tarkhannye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saadet-Gireya*. Kazan, 1851.
6. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh*. Part 2. St.Petersburg, 1864.
7. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh*. Part 3. St.Petersburg, 1866.
8. Gerbershteyn S. *Zapiski o Moskovii*. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1988.
9. Grigor'ev V. Yarlyki Tokhtamysha Saadet-Gireya. *Zapiski Odeskogo obshchestva istorii i drevnostey*, vol. 1, Odessa, 1844.
10. De Vizhener Blez. *Opisanie Pol'skogo korolevstva i porubezhnykh s nim stran. Istoriya Tatarii v dokumentakh i materialakh*. Moscow, 1937.
11. Dunaev B.I. *Maksim Grek i grecheskaya ideya na Rusi v XVI v. Istoricheskoe issledovanie s prilozheniem tekstov diplomaticeskikh snosheniy Rossii s Turtsiey v nachale XVI st.* Moscow, 1916.
12. *Islamizatsiya i sakral'nye rodoslovnye v Tsentral'noy Azii: nasledie Iskhaka Baba v narrativnoy i genealogicheskoy traditsii. T.1. Otkrytie puti dlya islama: rasskaz ob Iskhak Babe, XIV–XIX vv.* Almaty – Blumington, Dayk-Press Publ., 2013.
13. Iskhakov D.M. *Institut seyyidov v Uluse Dzhuchi i v pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh*. Kazan, Fen Publ., 2011.
14. Iskhakov D.M. *Seidy v pozdnezolotoordynskikh tatarskikh gosudarstvakh*. Kazan, 1997.
15. Iskhakov D.M. *Seyid. Islam na Evropeyskom Vostoke*. Entsiklopedicheskiy slovar'. Kazan, Magarif Publ., 2004.
16. Iskhakov D. *Tatar dāylätlärendä säedlär. Vatanyñ Tatarstan*, 21.02.1995.
17. Malinovskiy A. *Istoricheskoe i diplomaticeskoe sobranie del, proiskhodivshikh mezhdu rossiyskimi velikimi knyaz'yami i byvshimi v Kryme tatarskimi tsaryami s 1462 po 1533 god*. Arkhiv Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Instituta istorii Rossiyskoy Akademii Nauk. F.36. Op.1, ed.khr.83.
18. Malov S.E. *Izuchenie yarlykov i vostochnykh gramot. Akademiku V.A. Gordlevskomu k ego 75-letiyu*, sb. statey, Moscow, 1953.
19. Mukminov A.K. *Rodoslovnnoe drevo Mukhtara Auezova*. Almaty, Zhibek Zholy Publ., 2011.
20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11–13. Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'. Moscow, Nauka Publ., 1965.
21. *Prodolzenie drevney rossiyskoy vivliofiki*. Part VIII. St.Petersburg, 1793.
22. Radlov V. *Yarlyki Tokhtamysha i Temir-Kutluga*. Otd. ottisk iz Zapisok IRAO. Vol. 3, part 1. Kazan, 1888.

23. *Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva*. Vol. 95. Pamyatniki diplomaticeskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. Vol. 2. Pamyatniki diplomaticeskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymom, Nagayami i Turtsieyu (1508–1521 gg.). St.Petersburg, 1895.
24. Smirnov V. krymsko-tatarskie gramoty. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1913, no 50.
25. *Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov*. Part IV, 1828. 905 p.
26. Syroechkovskiy V.E. Mukhammed-Geray i ego vassal. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, part 61, Istoriya, vol. 2, 1940.
27. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii*. Tula, Grif i K Publ., 2010.
28. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv.* Kazan, Kazan Universiti Publ., 1979. 318 p.
29. Firkovich Z.A. *Sbornik starinnykh gramot i uzakoneny Rossiyskoy imperii kasatel'no prav i sostoyaniya rusko-poddannykh karaimov*. St.Petersburg, 1890.
30. Shcherbatov Mikh. *Istoriya Rossiyskaya ot drevneyshikh vremen*. Vol. 5. Part 1. St.Petersburg, 1786.
31. Shimmel' Annemari. *Mir islamskogo mistitsizma*. Moscow, Aleteya Publ., Enigma Publ., 1999.
32. Fisher Alan W. *The Crimean Tatars*. Hoover institution Press. Stanford un., California, 1978.

About the author: Damir Mavlyaveevich Iskhakov – Doctor of historical sciences, Chief Research Scientist, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russia); monitoring_vkt@mail.ru

Абу Бакр Каландар Руми. Кто он?

Ильнур Миргалеев

(Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан)

Аннотация: Статья посвящена личности Абу Бакра Каландара, автора обширного богословского сочинения «Каландар-наме». Абу Бакр родом был из Анатолии и долгие годы жил в золотоордынском Крыму, где и написал свой труд, состоящий из пяти томов, четыре из которых написаны в период хана Узбека и пятый том в период хана Джанибека. Об Абу Бакре Каландаре упоминают и средневековые источники, такие как Ибн Баттута и Ахмед Эфляки. Также и в произведении есть некоторые сведения, сообщаемые автором о себе. Благодаря этим сведениям становится известно и о самом авторе и о его деятельности, как в Анатолии, так и в Золотой Орде.

Ключевые слова: Абу Бакр, Каландар-наме, Узбек, Джанибек, Крым, Золотая Орда.

В этой статье мы хотели бы остановиться на личности Абу Бакра Каландара, великого исламского богослова Золотой Орды. Абу Бакр Каландар в период хана Узбека и Джанибека жил в Крыму и был имамом в городе Солхат. Родом Абу Бакр был из Анатолии. В своем произведении он упоминает о себе в нескольких местах. Например, в листе 275 сообщает «... Пир Каландар Руми Амми Аксарайи ...». То есть его родным городом является город в современной Турции Аксарай. В главе «О том, что 4 тома Каландар-наме в период справедливого хана Узбек-хана, мир ему, был написан, в городе Крым и этот том был закончен в период султана Махмуда Джалал ад-дина Джанибек хана справедливого, да сделает Аллах его владением раем» [1].

Об Абу Бакре Каландаре есть не большие упоминания и в источниках, он упоминается у двух известных авторов XIV века, это Ибн Баттута [10] и Ахмед Эфляки [9].

Как известно, Ибн Баттута был в Золотой Орде и встречался не только правителями, но и известными мусульманскими учеными Золотой Орды. Например, весной 1333 г. во время посещения города Солхат, он познакомился с имамом соборной мечети этого города с Абу Бакром [10, с. 464–465]. Эту мечеть построил мамлюкский правитель Мелик Насир. Имамом такой мечети могли ставить только приближенного к Узбек-хану религиозного деятеля. Это говорит о том, что Абу Бакр был уже к этому времени известным и уважаемым ученым. Скорее всего, он был среди активных проповедников ислама, религии, которая теперь в Золотой Орде стала государственной. Кстати, ссылаясь на «Тухфат ан-назар» Ибн Баттуты об Абу Бакре Каландаре пишет и Ш.Марджани [6, с. 186].

К сожалению, Соборная мечеть, где был имамом Абу Бакр, не сохранилась, и ее место на топографической карте Солхата конца XIII – XIV вв. неизвестно [5, с. 22, 23].

В эпиграфических сборах экспедиций Бахчисарайского музея 1925–1926 гг. и 1928 г., когда на городище Солхата были изучены материалы из нескольких средневековых исламских некрополей (всего собрано 320 надгробий и их фрагментов), имени Абу Бакра Руми к сожалению среди них нет [3; 4]. Можно предположить, что автор «Каландар-наме» был захоронен в одном из городских мавзолеев, но персональная идентификация в условиях коллективных погребений, практически исключена. Возможно, Абу Бакр мог быть похоронен и в другом месте на территории Золотой Орды, в Сарае, Болгаре или в другом городе.

В книге Ахмеда Эфляки «Ariflerin menkibeleri» («Описании познавших»), также рассказывается об Абу Бакре Каландаре и о деятельности тариката Каландари [9, с. 453–454].

Абу Бакр является автором обширного богословского труда «Каландар-наме». Сочинение находится в Институте востоковедения им. Абу Райхана Бируни (Ташкент, Узбекистан) [1]. Объем рукописи 400 листов. Сочинение состоит из пяти томов, четыре тома написаны во время правления хана Узбека, а пятый во время правления Джанибека. Копию рукописи после долгих перегово-

ров с руководством института (начиная с 2008 года, когда мы узнали об этой рукописи [8]) мы получили и сейчас работаем с этим источником и готовим к изданию факсимиле.

«Каландар-наме» была выкуплена у частного лица в 1966 году в Намангане [7]. В рукописи указан и ее переписчик – Шейх Баязид Ушшаки Самрани. В начале и в конце приложена печать, видимо, первого владельца книги. На печати его имя указывается как Саид Ахмад Мирза Салих.

Над полным переводом источника сейчас активно работает М.Р. Исмагилова. Конечно, пока еще давать полную оценку сочинению Абу Бакра преждевременно, так как перед нами есть только переводы названий глав и переводы некоторых глав (всего на данный момент переведена чуть более 20%). Например, первая глава скоро будет издана в журнале «Золотоордынское обозрение» [2]. Планируем, что в каждом номере журнала будем давать перевод по одной главе, а также комментарии к ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Бакр Каландар. «Каландар-наме» (написан в начале XIV века в Крымском улусе Золотой Орды). Архив Института востоковедения им. Абу Райхана Бируни, Узбекистан. № 11668.
2. Абу Бакр Каландар. Каландар-наме. Глава 1. «Единобожие» (Перевод с персидского языка: Исмагилова М.Р., комментарии: Шагавиев Д.А.) // «Золотоордынское обозрение». № 2. 2014.
3. Акчокраклы О. Старокрымские и отузские надписи XIII–XIV вв. // Оттиск из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», том I (58), 1927.
4. Акчокраклы О. Старокрымские надписи. (По раскопкам 1918 г.) // Оттиск из «Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии», том III (60), 1929.
5. Крамаровский М.Г. К идентификации «Мечети Бейбарса» в Солхате // IV научные чтения памяти Усеина Боданинского. Бахчисарай КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». Тезисы докладов и сообщений. Бахчисарай, 2012.
6. Миргалеев И.М. Шиһабетдин Мәржани мирасыннан // Эхо веков – Гасырлар авазы. 2008. № 1. С. 179–195.
7. Муниров К., Джувонмардиев А. Бебахо хисса // Общественные науки в Узбекистане. № 11/1966. С. 33–36.

8. Новая книга по философии Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Отв. ред. И.М. Миргалеев. Вып. 1/2008. С. 153.

9. Ahmed Eflaki. Ariflerin menkibeleri. Farscadan ceviren: Tahsin Yazici. Istanbul, Kabalci yayinlari, 2012. 813 s.

10. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battut Tanci. Ibn Battuta seyahatnamesi. Ceviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2. 1104 s.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

Abu Bakr Kalandar Rumi. Who is he?

Ilnur Mirgaleev

(Sh.Marjani Institute of History,

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract: This article informs about the author of wide theological work «Kalandar-name» Abu Bakr Kalandar Rumi, who was born in Anatolia. He was living in Crimea at the period of the Golden Hord for the long time. There he wrote his huge book in 5 volumes, four of which were written at the time of Uzbek-khan and the fifth was written at the time of Janibek-khan. We find the information about Abu Bakr in the books of Ibn Battuta and Ahmet Eflaki. Thanks to them we can learn about the author and his activities in Anatolia and Crimea.

Keywords: Abu Bakr, Kalandar-name, Uzbek, Janibek, the Crimea, the Golden Horde

REFERENCES

1. Abu Bakr Kalandar. «*Kalandar-name*» (napisan v nachale XIV veka v Krymskom uluse Zolotoy Ordyy). Arkhiv Institutavostokovedeniya imeni Abu Raykhana Biruni, Uzbekistan, no 11668.

2. Abu Bakr Kalandar. Kalandar-name. Glava 1. «Edinobozhie» (Perevod s persidskogo yazyka: Ismagilova M.R., kommentarii: Shagaviev D.A.). *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2014, no 2.
3. Akchokrakly O. Starokrymskie i otuzskie nadpisi XIII–XIV vv. *Ottisk iz «Izvestiy Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii»*, 1927, vol. I (58).
4. Akchokrakly O. Starokrymskie nadpisi. (Po raskopkam 1918 g.). *Ottisk iz «Izvestiy Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii»* 1929, vol. III (60).
5. Kramarovskiy M.G. K identifikatsii «Mecheti Beybarsa» v Solkhate. *IV nauchnye chteniya pamyati Useina Bodaninskogo. Bakhchisaray KRU «Bakhchisarayskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik». Tezisy dokladov i soobshcheniy*. Bakhchisaray, 2012.
6. Mirgaleev I.M. Shihabetdin Mərjani mirasynnan // *Ekho vekov – Gasyrlar avazy*, 2008, no 1, p. 179–195.
7. Munirov K., Dzhuvonmardiev A. Bebakho khissa. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*. no 11/1966, pp. 33–36.
8. Novaya kniga po filosofii Zolotoy Ordyy. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*. Otv. red. I.M. Mirgaleev, vyp. 1/2008, p. 153.
9. Ahmed Eflaki. Ariflerin menkibeleri. Farscadan ceviren: Tahsin Yazici. Istanbul, Kabalci yayinlari, 2012. 813 s.
10. Ebu Abdullah Muhammed ibn Battut Tanci. Ibn Battuta seyhatnamesi. Ceviri, inceleme ve Notlar: A.Sait Aykut. Istanbul, Yapi Kredi Yayinlari, 2000. Cilt 1–2. 1104 s.

About the author: Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – Ph.D. in History, Head of Usmanov Center for Research on the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); dilynur1976@mail.ru

УДК [001:930] (477.75)-057.4

Николай Марр и крымоведение 1920-х гг.

Андрей Непомнящий

*(Таврический национальный университет
им. В.И. Вернадского)*

Аннотация: На основе эпистолярных источников из Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук, которые впервые вводятся в научный оборот, восстановлены научные и личные коммуникации с председателем Государственной академии истории материальной культуры Николаем Марром ведущих крымоведов эпохи – Константина Гриневича и Арсения Маркевича. На материалах новых документов восстановлено влияние ведущих деятелей советской науки на проведение крупных крымоведческих мероприятий, которые проходили в то время в Крыму, в т.ч. – двух Конференций археологов СССР в Керчи и Херсонесе. Восстановлены неизвестные страницы биографии К.Э. Гриневича, крымоведческий аспект научной деятельности Н.Я. Марра. Приведены интересные отзывы современников о состоянии крымоведения той эпохи. Приведены выдержки из научной переписки крымских краеведов с деятелями науки из Ленинграда.

Ключевые слова: Н.Я. Марр, К.Э. Гриневич, А.И. Маркевич, крымоведение, Конференции археологов СССР в Керчи и Херсонесе, эпистолярное наследие.

Состояние и динамика крымоведения – интеллектуального сообщества с определенными общими целями и объектом исследования – на различных этапах развития науки во многом может быть реконструирована благодаря привлечению неизвестных ранее источников личного происхождения. В частности, корпус эпистолярия предоставляет возможность посмотреть на определенное научное сообщество в интерьере «историографического быта» эпохи, выявить многие скрытые процессы внутренней со-

циализации науки, реконструировать внутринаучную коммуникацию. В этой связи особенный интерес представляет переписка местных деятелей науки с крупными учеными из академических центров, которая в последнее время активно вводится в научный оборот и способствует воссозданию многих неизвестных страниц крымоведения [11; 13; 15].

Говоря про переписку, мы, в большей мере, имеем лишь письма местных деятелей к столичным коллегам, личные архивы которых и служебная переписка организаций неплохо сохранились в центральных архивохранилищах. То есть работаем с односторонней перепиской. В личном архивном фонде А.И. Маркевича, который образовался в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, отложились письма к А.И. Маркевичу немногих его корреспондентов (в основном – досоветской эпохи) – профессора Университета Св. Владимира, историка и археолога Юлиана Андреевича Кулаковского, архитектора Сергея Семеновича Некрасова, первого председателя Таврической ученой архивной комиссии Александра Христиановича Стевена, археолога Александра Андреевича Спицына. Это крохи, которые остались от огромного корпуса посланий сотен людей крымоведу номер Один.

Судьба личного архива Арсения Ивановича восстановлена нами в результате многолетних архивных разысканий. В разное время, по частям, А.И. Маркевич передавал свой эпистолярный архив в музей Таврической ученой архивной комиссии. Так, протокол заседания Комиссии от 19 мая 1920 г. фиксирует, что «А.И. Маркевич пожертвовал для музея Комиссии 106 писем к нему разных лиц и 40 приглашений и почетных билетов на разного рода торжества». 1 февраля 1925 г. А.И. Маркевич передал в дар Обществу письма председателя Московского археологического общества П.С. Уваровой (18 писем), археолога-любителя, секретаря Военно-исторического общества по разряду военной археологии и археографии Н.М. Печенкина (18 писем) и нумизмата О.Ф. Ретовского (9 писем) [14, с. 6–8]. Архив Таврической ученой архивной комиссии после установления советской власти был распылен. В фонде ТУАК, отложившемся в ГААРК (ф. 161), переписки ученых с А.И. Маркевичем нет. Гораздо более репрезентативны документы ТУАК, хранящиеся в фондах Крымского

республиканского учреждения «Центральный музей Тавриды». Среди анкет по обследованию археологических памятников, списков членов Комиссии, протоколов заседаний сохранилась и обширная переписка. В частности, выделяется корпус писем Арсения Ивановича к А.Л. Бертье-Делагарду, датированный 1903–1917 годами. Основная интереснейшая часть эпистолярия, которая скрупулезно собиралась руководителем крымских краеведов в отдельных папках, подписанных именем корреспондента, была уничтожена Арсением Ивановичем (сожжена) в связи с объективной боязнью, что письма эти могут быть легко использованы против него и членов его семьи. В этой связи мы работаем с сохранившейся односторонней перепиской крымских ученых, определяя в текстах возможное содержание обратных посланий.

Выявленный недавно очередной неизвестный блок писем лидера крымоведов к руководителю центрального союзного учреждения, занимавшегося изучением и охраной культурного наследия чрезвычайно информативен для истории изучения Крыма. Николай Яковлевич Марр (1864–1934) – российский, советский востоковед-языковед, археолог-кавказовед – крупнейшая и до сих пор малоисследованная фигура советской исторической науки. Несмотря на появившиеся в последние годы исследования [2; 16; 17], значительная часть научной биографии ученого остается в тени. Не исключение и связи руководителя крупнейшего археологического учреждения СССР – Государственной академии истории материальной культуры с крымоведами в 20-е годы XX века. Содержательную информацию по проблеме удалось выявить в личном архивном фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (ПФРАН) (ф. 800, оп. 1–9), где обнаружены письма к Н.Я. Марру крупнейших крымоведов эпохи – К.Э. Гриневича и А.И. Маркевича.

Основные вехи биографии Н.Я. Марра известны. Он родился в Кутаиси в семье ботаника, подданного Великобритании (мать – грузинка). Выпускник Кутаисской гимназии (1884 г.). По окончании в 1888 году факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета талантливый студент был оставлен на кафедре армянской и грузинской словесности для подготовки к профессорскому званию (1888–1891). После совершенствования знаний в Германии и Италии (1894–1896) он защитил магистер-

скую (1899 г.) и докторскую (1902 г.) диссертации по разряду словесности (армянской). Далее – служба приват-доцентом (1891–1900), экстраординарным (1900–1902), ординарным (1902–1916), заслуженным ординарным профессором (1916–1925) кафедры армянской и грузинской словесности. С 1907 года Н.Я. Марр – член-корреспондент императорской Археологической комиссии, с 1909 г. – адъюнкт, а с 1912 года – действительный член Академии наук по истории и литературе азиатских народов. В 1911–1919 годах – декан факультета восточных языков столичного университета. Ученый стал одним из создателей и первым председателем Академии истории материальной культуры (с 1919 г.). В 1918 году, после отъезда А.А. Бобринского в эмиграцию, Н.Я. Марр становится председателем Российской государственной археологической комиссии. С этого времени он с перерывами возглавлял Российскую академию истории материальной культуры – Государственную академию истории материальной культуры до 1934 года. Ученый создал и возглавил Яфетический институт (1921 г.). В 1924–1931 годах он также занимал пост директора крупнейшего на то время книжного собрания СССР – Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. С 1930 года он вице-президент Академии наук СССР. И лишь с 1930-го – член ВКП(б).

В среде специалистов по крымской археологии Николай Яковлевич уже был известен не только благодаря публикациям [5; 8], но и многочисленным выступлениям и комментариям на заседаниях императорской Археологической комиссии, Русского и Московского археологических обществ, которые публиковались в протоколах трудов этих организаций. Избрание Николая Яковлевича в действительные члены крупнейшего и авторитетнейшего крымского ученого научного содружества – Таврической ученой архивной комиссии – пришлось на бурный 1917 год. 27 июля 1917 года Арсений Иванович как глава Таврической ученой архивной комиссии уведомлял письмом своего петроградского коллегу, что Н.Я. Марр «в заседании от 12 июля 1917 г. единодушно избранный в ее члены в уважение к Вашим неутомимым и плодотворным трудам на почве науки. Комиссия льстит себя надеждой, что Вы не откажитесь принять участие в ее скромной деятельности по сохра-

нению и изучению памятников истории и древности Тавриды» [ПФАРАН, ф 800, оп. 3, д. 605, л. 1].

Наступивший перерыв в эпистолярном общении А.И. Маркевича и Н.Я. Марра был связан с перипетиями революционного лихолетья, когда постоянное почтовое сообщение между Симферополем и Петроградом было весьма проблематичным. Переписка восстанавливается в начале 20-х годов. Однако полный объем писем А.И. Маркевича Н.Я. Марру не сохранился. Скорее всего, Николай Яковлевич, уничтожал часть посланий к нему, чтобы не стать впоследствии заложником содержащейся там критики советской власти. Не исключено, что в своих первых письмах к Н.Я. Марру после окончательного установления советской власти на полуострове Арсений Иванович делился эмоциями по поводу новшеств политической жизни, уничтожения памятников истории культуры. Осколки переписки А.И. Маркевича с его петроградскими друзьями (Д.В. Айналовым, А.А. Васильевым, С.Ф. Платоновым, А.А. Спицыным) свидетельствуют, что в свойственной ему эмоциональной форме, лидер крымских краеведов критиковал новые порядки [14]. Из посланий к Н.Я. Марру периода советской власти сохранилось письмо А.И. Маркевича в Ленинград от 22 мая 1925 года. Из его текста, круга обсуждаемых вопросов, становится ясным, что это продолжения отправленных ранее писем. Так, А.И. Маркевич благодарит Николая Яковлевича за полученное приветствие по случаю юбилея. Традиционно он сообщал о ходе своих научных разысканий: «А сейчас я ломаю голову над встречающимися в Крыму названиями урочищ, оканчивающимися на нда, как, напр., Орианда, Аунда, Масандра, Панда, Караиунда, Ургенда <...>, которые я, конечно, отличаю от татарских, напр. Суянда» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 2]. А.И. Маркевич советовался с Н.Я. Марром по поводу определения языка, носители которого стали прародителями данных названий. Он склонялся к тому, что это остатки языка тавров. «Думаю, что и некоторые из названий на тка, как Мшатка, Мухалатка, Сватка, очень древнего происхождения, не татар и не греческие» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 2]. Арсений Иванович в это время действительно много работал над обобщающим трудом по крымской топонимике.

1926 год ознаменовался приездом Николая Яковлевича Марра в Крым. В этом году исполнялось 100-летие со дня официального основания Керченского музея древностей. И столичные археологи, и местные ученые силы объективно считали необходимым отметить столь знаковую дату проведением в Керчи крупной научной конференции. Конечно, подразумевался созданный по дореволюционным классическим канонам Археологический съезд. Тем самым, наконец, реализовывалась мечта элиты советской археологии собраться для решения наболевших теоретических и практических вопросов. Однако всем было ясно, что о таком названии собрания советских (!) археологов не может идти речи. За организацию конференции взялся КрымОХРИС совместно с Керченским археологическим музеем.

В досоветское время состоялась пятнадцать археологических съездов, участниками которых стали наиболее деятельные силы историков, археологов и этнографов Российской империи. Уже запланированный на июль 1914 года в Пскове XVI Археологический съезд был отменен в связи с началом Мировой войны [12; 15]. Все верили, что с окончанием военного противостояния и революционных перипетий очередной съезд все же состоится. Эти надежды лелеяли и ведущие археологи, сотрудничавшие в Российской академии истории материальной культуры – Государственной академии истории материальной культуры. Для проведения организационной работы были образованы три комитета – один местный крымский (КрымОХРИС и Керченский музей), второй – в Москве в Главнауке и третий – в Ленинграде (в Государственной академии истории материальной культуры). В.П. Бузескул и Н.Я. Марр являлись официальными докладчиками на Конференции от Академии наук СССР [3, с. 556].

Во Всесоюзной конференции археологов СССР в Керчи участвовало 135 представителей научных организаций, что не многим уступало числу членов проводившихся в досоветской России областных археологических съездов. 5 сентября, перед открытием конференции, состоялось заседание организационного комитета, где был определен состав президиума конференции и утвержден распорядок ее работы. Председателем пленарных заседаний был избран профессор В.А. Городцов, а его заместителем – авторитетнейший крымский краевед Арсений Иванович Марке-

вич, секретарем – К.Э. Гриневич. В президиум вошли представители государственных и областных учреждений из Москвы и крымских городов, в том числе – академики В.П. Бузескул, Н.Я. Марр [9, с. 1], С.Ф. Платонов. Кроме пленарных заседаний проходила работа секций «Первобытной археологии», «Ирано-эллинской археологии», «Средневековой археологии» и «Тюрко-татарской археологии». Конференция открылась выступлением начальника Главнауки Федора Николаевича Петрова и докладом директора Керченского музея Юлия Юльевича Марти «Сто лет работы Керченского музея». На четырех пленарных заседаниях были заслушаны доклады академиков В.П. Бузескула и Н.Я. Марра, профессоров Т.А. Арне, В.А. Городцова, К.Э. Гриневича, А.И. Маркевича, А.А. Спицына. Были приняты резолюции, связанным с дальнейшим развитием археологических разысканий в СССР и необходимостью восстановления периодических археологических съездов.

Своими эмоциями о конференции в письме от 27 сентября 1926 года к другу по студенческим годам академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому делился Виктор Иосифович Филоненко – интереснейшая личность фигура крымской довоенной ориенталистики: «Я был на Керченской конференции. Не знаю, как проходили раньше археологические съезды, но Керченская конференция носила какой-то карьерный характер. Для того, чтобы угодить кому-то, подчас искажалась сама истина. Особенно профессор Бороздин в этом отношении оказался виртуозом.

Несколько разочаровал меня и Н.Я. Марр. Как-то странно было слышать из его уст об «империализме в наших научных учреждениях» и том, что «всех старых ученых нужно разогнать», и чем скорее, тем лучше, и, наконец, шедевр всего – это тост на банкете «За здоровье первого турколога В.В. Бартольда и Коммунистическую партию»!

Главный доклад Николая Яковлевича [Марра – *А.Н.*] был – это «Скифский язык». Слушать и понимать Николая Яковлевича без привычки очень трудно. На своем «яфетическом коне» он, как вихрь, носится с Востока на Запад, с Запада на Восток, разбрасывая вокруг себя «третий элемент», «материальную культуру», «проблемы». Все как-то сторонятся, жмутся, боясь быть раздавленными. А, в общем, все выступления Николая Яковлевича

всегда сопровождалось шумным успехом» [ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 177–178].

В дни проведения Конференции археологов СССР в Керчи руководитель Государственной академии истории материальной культуры прочитал «для местного пролетариата» лекцию о значении изучения в русле развития краеведения малых народов, в частности – крымских татар, караимов, крымчаков. Переработанный материал этой лекции был прочитан Н.Я. Марром на краткосрочных курсах по музееведению в Москве и затем опубликован в журнале «Краеведение» [6].

По возвращении в Ленинград В.П. Бузескул и Н.Я. Марр выступили в Собрании Академии наук с подробным отчетом о пребывании на Конференции археологов СССР в Керчи, где в тезисах повторили основные положения свои научных докладов [ПФАРАН, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 15, л. 497–517].

В это время А.И. Маркевич активно занимался вопросом баллотировки в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Ему помогали в этом его столичные друзья – академики И.Ю. Крачковский, С.Ф. Платонов, А.Н. Самойлович. К Н.Я. Марру Арсений Иванович также обратился за обязательным для подачи документов для баллотировки отзывом о его работе на ниве изучения охраны культурного наследия. Такой разговор состоялся в Керчи во время одной из экскурсий, организованных для гостей Конференции. Одновременно председатель Таврического общества истории, археологии и этнографии просил ленинградского ученого прислать статью в готовившийся сборник трудов Общества. Из-за противодействия властей и краеведов «нового поколения» получить разрешение на издание сборника не удавалось. Его выход откладывался год за годом, что, безусловно, болезненно воспринималось А.И. Маркевичем. Вот почему он решил, как можно более наполнить его столичными знаменитостями. Николай Яковлевич оперативно прислал в Симферополь письмо поддержки для баллотировки А.И. Маркевича в члены-корреспонденты АН СССР, подготовленный под грифом Академии истории материальной культуры. В письме от 23 декабря 1926 года А.И. Маркевич благодарил его за это [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 3].

В следующем письме, датированном 19 февраля 1927 года, А.И. Маркевич благодарил Н.Я. Марра и «за присылку статьи для сборника» Таврического общества истории, археологии и этнографии [7]. Интересно, что в связи с «отсутствием субсидий» предполагалось печатать «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии» исключительно за счет «самообложения» – путем сбора с авторов средств за публикации их статей. А.И. Маркевич высылал в Ленинград корректуру статьи [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 4]. Статья Н.Я. Марра была посвящена методологии разработки крымской топонимики. Этой же проблеме посвящены целые страницы его переписки с Арсением Ивановичем в это время. Н.Я. Марр настаивал на лингвистической подоплеке объяснения крымских топонимов, а А.И. Маркевич, не желавший вдаваться в тонкости филологических обзоров, старался уйти от лингвистики в своих исследованиях.

Первый выпуск «Известий» Общества было решено посвятить юбилею А.И. Маркевича, который отмечали в 1925 году. К этому времени и был подготовлен том, однако перипетии с его изданием позволили «подтянуть» многое весомые крымоведческие фигуры. Об этом говорилось на первой странице издания: «Выпускаемая после 7-летнего перерыва настоящий том своих «Известий» к 40-летию своего существования (1887–1927) Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии, бывшая Таврическая Ученая Архивная Комиссия, посвящает его своему долголетнему Председателю и руководителю своих работ, высокозаслуженному исследователю прошлого Крыма Арсению Ивановичу Маркевичу, дабы тем ознаменовать исполнившееся в 1926 году 50-летие его научной деятельности и 70-летие со дня его рождения».

Среди авторов 37 статей юбилейного сборника – имена выдающихся ученых той эпохи – цвета советской исторической науки – друзей А.И. Маркевича: академиков Д.В. Айналова, В.В. Бартольда, С.А. Жебелёва, И.Ю. Крачковского, Н.Я. Марра, С.Ф. Платонова, А.И. Соболевского; член-корр. АН – А.Н. Самойловича, профессоров И.Н. Бороздина, Б.В. Варнеке, Г.В. Вернадского, Ю.В. Готье, С.С. Дложевского, Н.С. Державина, В.В. Лункевича, Н.И. Новосадского, Е.В. Петухова, И.И. Толстого, В.И. Филоненко и др. В сборнике приняли участие и предста-

вители «новой волны» в крымском краеведении – О.Н. Акчокраклы, У.А. Боданинский, П.И. Голландский, К.Э. Гриневич, Б.С. Ельяшевич, И.С. Кая, Ю.Ю. Марти, П.Я. Чепурина, Н.Л. Эрнст, Я.М. Якуб-Кемаль.

18 августа 1928 года А.И. Маркевич сообщал в Ленинград:
«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Только теперь, два года спустя после Керченского археол. съезда, напечатана моя статья о топонимике Крыма, представляющая мой доклад, сделанный на этом съезде [4, с. 1]. Ваше внимание к моему докладу побуждает меня просить Вас принять от меня на память оттиск этой статьи. Я не вдавался в ней в лингвистические проблемы, – моя задача в этой статье другая. Но глубоко буду благодарен, если Вы укажете мне промахи в моей статье, хотя бы существенные.

С глубоким почтением, А. Маркевич.

Симферополь, Архивная, 28» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 5].

Далее в сохранившейся переписке А.И. Маркевича и Н.Я. Марра вновь значительная лакуна. Следующее письмо, отложившееся в личном архивном фонде академика Н.Я. Марра, датировано 14 декабря 1932 года и отправлено с новой квартиры Арсения Ивановича (улица Ленина, 18). Крымский ученый благодарит Николая Яковлевича за внимание к его рукописи по топонимике Крыма. Из текста письма становится ясным, что академик читал труд А.И. Маркевича и прислал в Симферополь объемный комментарий со своими замечаниями и исправлениями. А.И. Маркевич традиционно делился своими планами: «Теперь я заканчиваю другую работу, более существенную, на которую позволю себе также обратить Ваше внимание. Заглавие ее: «Судьба памятников древности Крыма и их изучение». (Работа довольно большая, приблизительно 180 страниц моего письма большого (листового) размера. Она состоит из 3-х глав: 1. Состояние памятников древности Крыма во время присоединения его к России. 2. Судьбы их в эпоху русской власти; а) Продолжение их уничтожения, порчи; б) заботы об их сохранении; 3. Изучение древностей Крыма (самая большая глава), доведенная до настоящего времени. На эту работу я употребил много времени и труда, и рад, что оканчиваю ее (собственно говоря, окончил) как раз к

50-летию моей жизни в Крыму, связанной прошлым его и его древностями » [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 6–6 об.]. Арсений Иванович интересовался, не поможет ли Н.Я. Марр с публикацией данной работы. Наверняка, крымский историк имел в виду возможность напечатать свой труд по истории охраны и изучения крымского культурного наследия в «Известиях Государственной академии истории материальной культуры». Очевидно, Н.Я. Марр запросил текст статьи в Ленинград. 27 июля 1933 года А.И. Маркевич сообщал, что передал свою статью о памятниках в ГАИМК через своего зятя, профессора Н.С. Кошлякова, проживавшего в Ленинграде, и просил Н.Я. Марра посмотреть ее [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 7].

Последнее из сохранившихся писем А.И. Маркевича к Н.Я. Марру датировано 27 сентября 1933 года, где также оговариваются вопросы истории памятникоохранительной работы в Крыму [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 605, л. 8].

Еще одна интересная линия коммуникации Н.Я. Марра с крымскими учеными – Константин Эдуардович Гриневич. Крупная, противоречивая фигура не только в крымоведении, организатор науки в масштабах всей Российской Федерации, этот человек сделал очень много для крымской археологии, музейного дела, охраны культурного наследия, в целом. Однако все биографические исследования, касающиеся деятельности К.Э. Гриневича в Крыму не раскрывают полностью всю его многогранную работу.

Судьба впервые тесно свела Н.Я. Марра и К.Э. Гриневича в октябре 1919 года, когда принималось решение о замещении должности директора Керченского музея, подчиненного Российской государственной Археологической комиссии. Хотя в это время в Крыму главенствовали Вооруженные силы Юга России, подвластные А.И. Деникину, научные связи Петроград – Керчь оставались нерушимыми. 6 ноября 1919 года Константин Эдуардович – вчерашний приват-доцент Петроградского университета – возглавил Керченский музей древностей. Он смог за короткое время развернуть здесь активную деятельность по охране культурного наследия, открыл Археологические (культурно-просветительные) курсы, которые осенью 1920-го были преобразованы в Боспорский университет, организовал систематические археологические исследования, смог в условиях жесточайшего дефицита издать путе-

водители по Керченскому музею древностей на русском и, с учетом большого количества представителей военных Антанты, на французском языке. Однако, не выдержав жестокого голода, свирепствовавшего на полуострове в 1921 году, фактически сбежал в столицу, бросив музей на произвол судьбы. Безусловно, в Археологической комиссии, ставшей вскоре Российской академией истории материальной культуры, ему этого не простили.

В рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН нами выявлена содержательная переписка сотрудника Керченского музея Юлия Юльевича Марти с руководством в Петрограде. Фрагменты писем проливают свет на отдельные страницы биографии К.Э. Гриневича. Ю.Ю. Марти сообщил в Академию истории материальной культуры 15 октября 1921 года: «положение служителей бедственное, жалование было по 1 мая. Т.к. трехмесячный отпуск Гриневича истек, он, видимо, решил остаться на жительство в Петрограде, я просил бы утвердить меня директором. Я получил историко-филологическое образование, окончил Историко-филологический институт по классическому отделению в 1897 году. Археологией занимаюсь с 1904 года. Тогда занял должность директора Мелек-Чесменского кургана» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 53–54].

А вот строки из переписки того же Ю.Ю. Марти уже с самим К.Э. Гриневичем, находившемся в столице. 19 августа 1921 года Ю.Ю. Марти, понимая, что директор не собирается возвращаться на свое официальное место работы, написал ему: «Если Вам удастся остаться в Петрограде, прошу ходатайствовать перед АИМК о назначении меня заведующим» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70, л. 48–49]. Продолжая тему ужасного положения научных сотрудников музея, Ю. Ю. Марти сообщал тому же адресату в 1922 году: «Керчане один за другим бегут из Керчи. Становится как-то жутко в ожидании новой зимы. Кто уцелеет, а кто и нет. Борьба становится все тяжелее, а сил все меньше» [ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1922 г.), д. 59, л. 7].

Такое поведения Константина Эдуардовича во многом объясняет отношение к нему в АИМК, о чем явствует следующее письмо. 17 октября 1924 года Константин Эдуардович в официальном послании «Председателю Академии истории материальной культуры Н.Я. Марру» сообщил:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Мне так и не удалось дожждаться Вас в Ак[адемическом] Центре, в Академии я Вас не застал, и так как я очень хочу поделиться с вами некоторыми важными для меня соображениями, то разрешите это сделать в форме частного письма. Пишу вам эти строки как к Председателю АИМК именно в форме частного письма, на которое прошу так и смотреть. То, о чем я буду говорить, является для меня большим вопросом и я долго не решался говорить о нем (я не люблю шуметь), целых два года! – но в результате моего оставления этого вопроса открытым, я затерт, мои работы не печатаются, а Вы лучше меня знаете, как важно для молодого ученого иметь печатные «опусы», я сам 75% своего времени должен отдавать постороннему труду (работа на Рабфаке, сотрудничество [так в тексте – *А.Н.*] в журналах не по специальности...). Годы идут, лучшие годы, этого пропуска не вернуть и я невольно оказываюсь в хвосте научной работы, для которой я так много уже отдал времени и сил... Что делать? Помогите мне. А помощь нужна вот в чем: уже с 1915 года я идеологически связан с Археологической Комиссией, вся моя работа над древностями нашего классического юга связывает меня в смысле общностей заданий с Вашим учреждением, которое почему-то смотрит на меня совершенно по непонятным для меня причинам в высшей степени косо и враждебно. Мои доклады снимались с очереди, меня изолировали (не говоря уже о сокращении, когда мне было предложено вместо штатного регистратора – смешно быть регистратором с 6 летним стажем самостоятельной исследовательской работы в Университете, как приват-доцента – было предложено быть сверхштатным научным сотрудником, а потом запрещено даже было и так именоваться) (и, что было особенно чувствительно, мои доклады (о таманском саркофаге – помните?, о реставрации одного краснофигурного обломка) не печатались, лежа по 15 – 20 месяцев без надежды увидеть свет... И сейчас эти доклады у меня как специально археологические, напечатать их негде... Их ценность проверена Б.В. Фармаковским.

Скажите, я мог работать при этих условиях, видя, что главной причиной было просто то, что физиономия моя, вероятно, кому-нибудь не понравилась... и всюду идет это отношение, замеченное даже москвичами: Академия, не могущая меня не знать

с 1915 года, как работника в области юга Росси, почти оказывает в выдаче мне Открытого листа, и не на раскопки, а на разведки... Далее, инцидент с организованным мною в Севастополе Семинарием? А последняя гнусная клевета на меня, будто я... арестовал Моисеева? И даже Вы попались на удочку, поверив этой гнусной порочащей мое имя клевете, не потрудившись ее проверить... разве все это идет не из Академии?

Не смотрите на это письмо, будто я прошусь к Вам на службу, но с чисто государственной точки зрения скажите, разве нормально оставлять за бортом много летнего квалифицированного работника, на которого столько сил истрачено государством, а наполнять учреждения иным элементом? В прочем, что не мое дело... Когда нас всех сняли с ак[адемического] пайка, я почти голодал, я должен был заняться и теперь занимаюсь на 75% посторонней литературно-учебной работой, и в то же время героически, именно, героически продолжаю свои работы в любимой области. Но я вчетверо медленней иду по своей дороге...

Словом, как будто выходит, что Академия не концентрирует молодые силы вокруг себя, а как будто их душит, да, именно душит, ибо иначе я не могу назвать политику Ак[адемии] по отношению ко мне...

Теперь мне предложено заведование Херсонесом, который идеологически связан с Академией, где будут работать сотрудники Академии и т. д. Скажите, нормально все то, о чем только что говорил и как связать все это? Надо во что бы то ни стало пользу дела поставить выше личных отношений... Скажите, разве нормально, что мне 2 года отказывали в Эрмитаже в занятиях над акварельными керченскими вазами? Я деликатен, не хотел шуметь, но факт возмутительный <...>.

К. Гриневич.

ул. Халтурина, 5, кв. 8.

Спросите Орбели, что стало с моим, довольно большим исследованием об ушебти, последнюю корректуру он мне отдал в 1918 году? Кажется, он повинен в оставлении за бортом уже набранного текста (для Зап. Восточного отделения Русского Археологического О-ва) [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 1–1 об.].

Таким образом, ясно, что неординарные организационные способности, проявленные К.Э. Гриневичем на посту директора

Керченским музеем не были забыты и он и далее привлекался к работе в Археологической комиссии, но не так, как ему хотелось. А назначение в Херсоне еще раз подчеркивает симпатию к его деятельности руководившего АИМК Н.Я. Марра. Кстати, рукопись К.Э. Гриневича «Египетские погребальные статуэтки «ушебти»» нам удалось выявить в личном архивном фонде академика И.А. Орбели [ПФАРАН, ф 909, оп. 5, д. 15, л. 1–12].

К.Э. Гриневич познакомился с авторитетным кавказоведом Иосифом Абгардовичем Орбели еще в досоветское время, когда последний являлся секретарем Восточного отделения (1914–1918) Русского археологического общества. В 1918–1920 годах И. А. Орбели являлся ученым секретарем вновь созданной Коллегии по делам музеев при Российской государственной археологической комиссии. С 1918 года он, как один из активнейших организаторов трансформации императорской Археологической комиссии в Российскую академию истории материальной культуры также – член совета РГАК – РАИМК. Именно И.А. Орбели способствовал назначению К.Э. Гриневича на пост директора Керченского музея древностей и очень болезненно воспринял его бегство из Керчи и факт того, что музей был просто брошен на произвол судьбы.

К теме взаимоотношений с И.А. Орбели К.Э. Гриневич возвращается в письме к Н.Я. Марру от 28 октября 1926 года: «Орбели продолжает меня травить. Боюсь, что дело об этом придется мне перенести в Секцию научных работников, если он не уймется. Я же не могу допустить безнаказанного опорочения моего доброго имени» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 2].

Переписка ученых активизировалась в 1927 году в связи с организацией в Севастополе К.Э. Гриневичем Второй Всесоюзной конференции археологов 10–13 сентября. Успех конференции, проведенной в Керчи, подтолкнул К.Э. Гриневича к проведению аналогичного съезда крымоведов на базе возглавляемого им Херсонесского музея. Уже в начале 1927 года в Москве, Симферополе и Севастополе были созданы специальные комиссии по организации торжественного празднования столетия начала археологического изучения на территории Херсонеса и созыва по этому поводу Конференции археологов СССР. Московская комиссия, организованная по распоряжению Главнауки Наркомата

просвещения РСФСР 15 февраля 1927 года состояла из Б.С. Жукова (председатель), Д.В. Айналова, В.А. Городцова, С.П. Григорова, К.Э. Гриневича, Б.Н. Засыпкина, Н.И. Новосадского, Н.Д. Протасова и Б.В. Фармаковского. Симферопольская организационная комиссия была создана соответствующим решением Наркомата просвещения Крымской АССР 5 марта 1927 года в составе И.П. Бирзгала, У.А. Боданинского, П.И. Голландского, К.Э. Гриневича, А.Н. Деревицкого, А.И. Маркевича, Ю.Ю. Марти, Д.С. Спиридонова, Н.Л. Эрнста. Именно здесь составлялась программа конференции, которая потом утверждалась в Москве. Аналогичная комиссия в Севастополе, созданная решением местного райисполкома, занималась исключительно организационными делами: Х.К. Циммер (зам. председателя исполкома – председатель комиссии), К.И. Гриневич, К.Э. Гриневич, В.В. Красникова, В.С. Торопов. При этом Государственная академия истории материальной культуры, не без стараний К.Э. Гриневича, оказалась в стороне от непосредственной организации съезда.

Так, 16 мая 1927 г. К.Э. Гриневич в письме к своему ленинградскому коллеге просил разрешение на выдачу ему из архива ГАИМК рукописи Н.И. Репникова «Раскопки Херсонесского некрополя в 1908 г.». При этом Гриневич оговорил, что «согласие автора получено» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 3]. Далее он продолжал традиционную тему про свои взаимоотношения с Государственной академией истории материальной культуры: «Я думаю, раз Вы говорите, что трения между мной и Академией ликвидированы, можно снова поднять вопрос о Херсонесском сборнике, но уже в иной плоскости: издать в нем те доклады и те материалы, которые будут доложены на Херсонесской конференции.

Мне кажется, что кто-то упорно, но скрыто мешает наладить связь между Академией и Херсонесом. Ведь – странное и удивительное дело: уже 3 года идет только разговор. Где-то есть скрытые пружины этого явления... Ради пользы дела было бы желательно все это ликвидировать» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 3].

В письме от 2 июня 1927 г. К.Э. Гриневич сообщал Н.Я. Марру о находках при исследовании «в армяно-католической церкви Карасубазара»: деревянные двери из Ани (разбиралась надпись и датировка, орнамент). За подробностями Гриневич рекомендовал Н.Я. Марру обратиться к Абдул Гамиду Шейх-

Заде или в КрымОХРИС в Симферополе [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 4].

20 июля 1927 г. директор Херсонесского музея официально приглашал руководителя ГАИМК на Херсонесскую конференцию:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Очень прошу почтить личным присутствием Херсонесский съезд, которому Вы, – я лично от Вас это слышал, – сочувствуете. Не взирая на множество трений, – мне удалось добиться его организации и теперь нужно добиться полного и хорошего проведения съезда.

Мы все надеемся, что Вы приедете на съезд с докладом» [ПФАРАН, ф. 800, оп. 3, д. 276, л. 5].

Мандатной комиссией Конференции в Херсонесе было зарегистрировано 88 членов, которые представляли четыре союзные республики СССР: РСФСР (76 делегатов, в том числе из Крыма – 48), УССР (8 представителей), БССР (1 делегат) и Закавказскую ССР (1 ученый). Было представлено двадцать городов Советского Союза. Наибольшим числом делегатов выделялись Симферополь (19 человек), Севастополь (18), Москва (16), Ленинград (10). Посредством своих делегатов в Конференции приняли участие 57 учреждений и организаций [1, с. 5–6].

Приглашение на Конференцию в Херсонесе Н.Я. Марр проигнорировал. В.И. Филоненко в письме к И.Ю. Крачковскому так охарактеризовал второй опыт советского археологического съезда: «С горя уехал в Херсонес на конференцию, которая, нужно сказать, прошла очень и очень вяло. Мало было приезжих, человек 60 не более, неинтересные доклады, более восхваляли Гриневича, так, что можно было подумать, что происходит не столетний юбилей раскопок, а юбилей Гриневича» [ПФАРАН, ф. 1026, оп. 3, д. 922, л. 219 об.].

Переписка К.Э. Гриневича и Н.Я. Марра продолжалась и позже, после перевода Константина Эдуардовича на работу в Москву. Так в письме от 26 января 1929 г. он обговаривал с руководителем ГАИМК инструкции к Открытым листам, а также работу раскопочной комиссии. Последнее из сохранившихся писем датировано 10 ноября 1930 г. и посвящено переводу статьи.

Выявление, анализ и введение в научный оборот новых источников личного происхождения позволяет по-новому взглянуть на ранее известные события и значительно дополнить биографии крупных деятелей науки живыми фактами из отзывов их современников-коллег. Это способствует объективному воссозданию интеллектуального напряжения научной жизни в крымской провинции в довоенное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года: по случаю столетия Херсонесских раскопок / Херсонесский музей; под ред. А.Н. Деревницкого, К.Э. Гриневича, Н.Л. Эрнста. Севастополь, 1927. 67 с.
2. Голубева О.Д. Н.Я. Марр. СПб., 2001. 280 с.
3. Летопись Российской академии наук / гл. ред. Ю.С. Осипов: в 4 т. СПб.: Наука, 2007. Т. 4: 1901–1934 / отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. 1052 с.
4. Маркевич А.И. Географическая номенклатура Крыма как исторический источник: Топонимические данные крымских архивов: [Тезисы] // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 4. 8 сент. С. 1.
5. Марр Н.Я. Заметка о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе // Известия имп. Археологической комиссии. 1904. Вып. 10. С. 106–108.
6. Марр Н.Я. Значение и роль изучения нац. меньшинств в краеведении // Краеведение. 1927. № 1. С. 1–20; То же. Л., 1927. 20 с.
7. Марр Н.Я. К вопросу о топонимике Крыма: к его методологической постановке // ИТОИАЭ. 1927. Т. 1 (58). С. 115–118.
8. Марр Н.Я. Приложение к статье М. И. Ростовцева «Бронзовый бюст боспорской царицы» // Древности: труды имп. Московского археологического общества. М., 1916. Т. 25. С. 27–31.
9. Марр Н.Я. Скифский язык: [Тезисы] // Бюллетень Конференции археологов СССР в Керчи. Керчь, 1926. № 2. 6 сент. С. 1. См. публикацию полного текста доклада: Марр Н.Я. Скифский язык // [Марр Н.Я.] По этапам развития Яфетической теории: сб. ст. Н.Я. Марра / Н.Я. Марр; Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур Востока СССР; № 8. М.; Л., 1926. С. 336–387.
10. Непомнящий А.А. «Еще держится у нас старая культура...»: новые материалы по истории крымоведения в переписке ме-

стных историков с академиком И.Ю. Крачковским // Историческое наследие Крыма. 2007. № 19. С. 181–202.

11. Непомнящий А.А. «Поки оберігаємо та рятуємо, де можна, але це дуже важко...»: невідомі матеріали з історії пам'яткоохоронної роботи в Криму за матеріалами листування А.І. Маркевича та С.Ф. Платонова // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України ; Українське т-во охорони пам'яток історії та культури. – Київ, 2008. Вип. 13. С. 201–226; Вип. 14. С. 133–156.

12. Непомнящий А.А. «Труды» Археологических съездов как источник изучения развития исторического краеведения Крыма // Проблемы історії та археології України: зб. доп. Міжнар. наук. конф. до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жов. 2002 р. / Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків, 2003. С. 8–11.

13. Непомнящий А.А. Академік Г.Ю. Крачковський і кримські орієнталісти: за матеріалами епістолярію // Східний світ. 2008. № 1. С. 194–209; № 2. С. 148–157.

14. Непомнящий А.А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с., ил. (Серия: «Биобиблиография крымовеждения»; вып. 3).

15. Непомнящий А.А. Археологічні з'їзди та розвиток кримо-знавчих досліджень за дорадянської доби // Питання історії науки і техніки. 2007. № 2. С. 9–19.

16. Платонова Н.И. «Беззаконная комета на научном небосклоне»: Н.Я. Марр // Знаменитые универсаны. СПб., 2002. Т. 1. С. 156–178.

17. Платонова Н.И. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. 1998. № 5. С. 371–382.

Сведения об авторе: Андрей Анатольевич Непомнящий – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (95000, просп.Вернадского, 4, Симферополь, Крым); aan@home.cris.net

Nikolai Marr and studying of the Crimea 1920s

Andrey Nepomnyashchiy

(Taurida National V.I. Vernadsky University)

Abstract: On the basis of the epistolary sources of the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences, being introduced to the scientific circulation at first, the academic and personal communication with Chairman of the State Academy of history of material culture Nikolai Marr leading concerned Crimea era – Konstantin Grinevich and Arseniy Markevich was restored. The influence of the leading figures of Soviet science to conduct large events on studying of the Crimea taking place at that time in Crimea, including two Conferences archaeologists USSR in Kerch and Chersonese, was restored on materials of new documents. Unknown pages of the biography of C. E. Grinevitch, aspect of studying of the Crimea of scientific activity of N.J. Marr was restored. Interesting responses of contemporaries about the state of studying of the Crimea of that era was provided. Extracts of scientific correspondence crimean regional specialists with scientists from Leningrad was provided.

Keywords: N.J. Marr, K.E. Grinevich, A.I. Markevich, studying of the Crimea, the Conference of archeologists of the USSR in Kerch and Chersonese, epistolary heritage.

REFERENCES

1. *Vtoraya konferentsiya arkheologov SSSR v Khersonese 10–13 sentyabrya 1927 goda: po sluchayu stoletiya Khersonesskikh raskopok* [The second conference of archaeologists USSR in Chersoneses 10–13 September 1927: the centennial of Chersoneses excavation]. Chersoneses museum; ed. A.N. Derevitskiy, K.E. Grinevich, N.L. Ernst. Sevastopol', 1927. 67 p.
2. Golubeva O.D. *N.Ya. Marr*. [N.Y. Marr]. SPb., 2001. 280 p.
3. *Letopis' Rossiyskoy akademii nauk* [Annals of the Russian Academy of Sciences] / Ed. Yu.S. Osipov: in 4 vol. SPb.: Nauka, 2007. Vol. 4: 1901–1934. Ed. E.I. Kolchinskiy, G.I. Smagina. 1052 p.
4. Markevich A.I. Geograficheskaya nomenklatura Kryma kak istoricheskiy istochnik: Toponimicheskie dannye krymskikh arkhivov: [Tezisy] [Geographical nomenclature Crimea as a historical source: Crimean Toponymic data files: [Abstract]. *Byulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v*

Kerchi [Bulletin of the Conference of Soviet archaeologists in Kerch]. Kerch', 1926, no. 4., 8 sent., p. 1.

5. Marr N.Ya. Zametka o dvukh armyanskikh nadpisyakh, naydennykh v Khersonese [A note on the two Armenian inscriptions found in Chersonesus]. *Izvestiya imp. Arkheologicheskoy komissii* [Proceedings of imp. Archaeological Commission]. 1904, Issue. 10, pp. 106–108.

6. Marr N.Ya. Znachenie i rol' izucheniya nats. men'shinstv v kraevedenii [The importance and role of studying nat. minorities in regional studies]. *Kraevedenie* [Local studies]. 1927, no. 1, pp. 1–20; To zhe [Ibid]. N.Ya. Marr. Leningrad, 1927. 20 p.

7. Marr N.Ya. K voprosu o toponimike Kryma: k ego metodologicheskoy postanovke [On the toponymy of Crimea: his methodological statement]. *ITOIAE*. 1927, vol. 1 (58), pp. 115–118.

8. Marr N.Ya. Prilozhenie k stat'e M.I. Rostovtseva «Bronzovyy byust bosporskoy tsaritsy» [Annex to Article M.I. Rostovtsev Bronze bust of Queen Bosphorus]. *Drevnosti: trudy imp. Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities: works by imp. Moscow Archaeological Society]. M., 1916, vol. 25, pp. 27–31.

9. Marr N.Ya. Skifskiy yazyk: [Tezisy] [Scythian language: [Abstract] / N.Ya. Marr. *Byulleten' Konferentsii arkheologov SSSR v Kerchi* [Bulletin of the Conference of Soviet archaeologists in Kerch]. Kerch', 1926, no. 2, 6 sent., p. 1. See publication of the full report: Marr N.Ya. Skifskiy yazyk [Scythian language] [Marr N.Ya.] *Po etapam razvitiya Yafeticheskoy teorii* [By developmentally Japhetic theory]: coll. art. by N.Ya. Marr / Nauchno-issledovatel'skiy institut etnicheskikh i natsional'nykh kul'tur Vostoka SSSR [Research Institute of ethnic and national cultures of the East of the USSR]; no. 8. M., L., 1926, pp. 336–387.

10. Nepomnyashchiy A.A. «Eshche derzhitsya u nas staraya kul'turnost'...»: novye materialy po istorii krymovedeniya v perepiske mestnykh istorikov s akademikom I.Yu. Krachkovskim [«Once we kept the old cultural ...»: new materials on the history Crimean studies in correspondence with local historians academician I.Y. Krachkovsky]. *Istoricheskoe nasledie Kryma – Historical heritage of Crimea*, 2007, no. 19, pp. 181–202.

11. Nepomnyashchiy A.A. «Poki oberigaemo ta ryatuemo, de mozna, ale tse duzhe vazhko...»: nevidomi materialy z istorii pam'yatkookhoronnoi roboti v Krimu za materialami listuvannya A.I. Markevicha ta S.F. Platonova [«Until preserve and save where you can, but it is very difficult...»: unknown memorial study materials on the history of work in the Crimea on the materials correspond by A.I. Markevich and S.F. Platonov]. *Pratsi Tsentru pam'yatkoznavstva* [Proceedings of the Center Monument studies] / NAN Ukraïni; Ukraïns'ke t-vo okhoroni pam'yatok istorii ta kul'turi [National

Academy of Sciences of Ukraine; Ukrainian society protection of monuments of history and culture.]. Kiyv, 2008, Vol. 13, pp. 201–226; Vol. 14, pp. 133–156.

12. Nepomnyashchiy A.A. «Trudy» Arkheologicheskikh s'ezdov kak istochnik izucheniya razvitiya istoricheskogo kraevedeniya Kryma. [«Proceedings of» Archaeological Congress as a source for studying the development of local history of Crimea]. *Problemi istorii ta arkheologii Ukraïni: zb. dop. Mizhnar. nauk. konf. do 100-richchya XII Arkheologichnogo z'izdu v m. Kharkovi 25–26 zhov. 2002 r.* [Problems of History and Archaeology of Ukraine: Coll. ext. Intern. sciences. conf. to the 100th anniversary XII Archaeological Congress in Kharkiv on 25–26 October. 2002] / Kharkivs'kiy nat. un-ty named V.N. Karazin. Kharkiv, 2003, pp. 8–11.

13. Nepomnyashchiy A.A. Akademik G.Yu. Krachkovs'kiy i krims'ki orientalisti: za materialami epistolyariyu [Academician G.Yu. Krachkovskii and Crimean Orientalists: Based epistolary] // *Skhidniy svit* [Oriental world]. 2008, № 1, pp. 194–209; № 2, pp. 148–157.

14. Nepomnyashchiy A.A. *Arseniy Markevich: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniya* [Arseny Markevitch: the pages of history of the Crimean Regional Studies]. Simferopol': Biznes-Inform, 2005. 432 p., il. (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 3).

15. Nepomnyashchiy A.A. Arkheologichni z'izdi ta rozvitok krimoznavchikh doslidzhen' za doradyans'koi dobi [Archaeological Congress about Crimea and development of research on pre-Soviet era]. *Pitannya istorii nauki i tekhniki* [Questions of the History of Science and Technology]. 2007, no. 2, pp. 9–19.

16. Platonova N.I. «Bezzakonnaya kometa na nauchnom nebosklone»: N.Ya. Marr [«Lawlessness comet on the scientific horizon»: N.Ya. Marr]. *Znamenitnye universanty* [Famous universanty]. SPb., 2002, vol. 1, pp. 156–178.

17. Platonova N.I. Nikolay Yakovlevich Marr – arkheolog i organizator arkheologicheskoy nauki [Nikolay Yakovlevich Marr – archaeologist and organizer of archaeological science]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news]. 1998, no. 5, pp. 371–382.

About the author: Andrey Anatol'yevich Nepomnyashchiy – Doctor of historical sciences, professor, Chair of regional history and special disciplines, Taurida National V.I. Vernadsky University (95000, Vernadsky av., 4, Simferopol, Crimea); aan@home.cris.net

Paradiplomatic activity of Tatarstan during Ukrainian crises

Richat Sabitov

(Centre de recherches politiques de la Sorbonne, Paris, France)

Abstract: Due to political uncertainty in Ukraine, Russia brings Crimean peninsula under its jurisdiction in a relatively short time. However, the Crimean Tatars, indigenous local people, manifest their hostility to become a part of Russian society. The article studies the paradiplomatic initiative of Tatarstan in Crimean accession to Russia and how Kazan's negotiating efforts to convince Crimean Tatar community to assume changes.

Keywords: Tatarstan, paradiplomacy, Crimea, regions, Tatars, Ukraine.

The Crimean crises stimulates rise of foreign activity of one of the Russian regions, the Republic of Tatarstan. Throughout spring 2014, Tatarstan holds paradiplomatic activity as a part of Russian foreign policy in the region. In order to explain its significance, we need, first, to examine fundamental jurisdiction issues of regional authorities in Russian Federation and then to analyze Tatarstan's action.

1. Definition

Paradiplomacy means the involving of the constituent units of national states in international relations. Paradiplomacy «refers to direct international activity by subnational actors (federated units, regions, urban communities, cities) supporting, complementing, correcting, duplicating or challenging the nation-states' diplomacy» [4, p.17].

Noe Cornago defines paradiplomacy as «non-central governments' involvement in international relations through the establish-

ment of permanent or ad hoc contacts with foreign public or private entities, with the aim to promote socioeconomic or cultural issues, as well as any other foreign dimension of their constitutional competences» [2, p.40]. A consistent classification of paradiplomatic activity is presented in Lercour's work [8, pp. 91–114].

2. Powers of Russian regions in foreign relations field

In terms of division of power, issues related to foreign policy and international relations, international treaties and agreements, issues of war and peace are, according to the Constitution, reserved to Federal Center (art. 71). At the same time, regions, along with federal authorities, jointly coordinate international and foreign economic relations, fulfillment of international treaties and agreements of the Russian Federation (art. 72) [1].

To complete Constitution, three federal laws define regional jurisdiction in the field of foreign activity: «On International Treaties of the Russian Federation» (No 101-FZ of June 15, 1995), «On Foundations of State Regulation of Foreign Trade Activity» (No 318-FZ of December 8, 2003) and «On Coordination of International and Foreign Economic Relations of the Subjects of the Russian Federation» (No 4-FZ of January 4, 1999). The general concepts on this issue are also found in fundamental act on power-sharing in Russia, the federal law No 184-FZ of October 6, 1999, according to which, Russian regions sign foreign trade agreements and exercise international cooperation including cross-border cooperation, participation in the state policy concerning compatriots living abroad (art. 26.3). The law indicates that it is the governor of the region – head of the regional government (executive body of state authority of the subject of the Russian Federation) who represents the region in subject's foreign relations. However, regions are not authorized to sign international treaties, they only implement them. As we can see, the Federal Center emphasizes the necessity of foreign activity of Russian regions. The paradiplomacy, thus, is encouraged by Central power.

The Russian regions participate actively in international relations. During the presidency of B. Yeltsin, the sub-federal involvement in foreign relations is relatively high. The establishment of vertical of power during V. Putin's tenure makes Russian federalism high-

ly centralized [16, p. 153]. After 2000, regions' foreign political activeness decreases. Nevertheless, subjects retain certain flexibility in foreign relations making Russian regional paradiplomacy more axed on trade, science, culture and sport [9, p. 103].

3. Tatarstan and foreign relations

The mentioned constitutional powers are confirmed by the Constitution of Tatarstan. Since 1990, Tatarstan is active in foreign relations. It signs over 40 international treaties and agreements with European countries, members of CIS and others during last decade of XX century [11].

The republic is one of the most operating Russian regions in foreign, especially in economic relations. In terms of foreign trade turnover, it occupies fifth place among the subjects of the Russian Federation and the first place in the in Volga Federal District [10].

By naming ways through which non-central governments promote their interests I. Duchacek puts foreign representations on first place [4, p. 14]. For this matter, Tatarstan runs eight Permanent Representations [12] and six Trade houses [14] abroad created to assist on implementation of Republic's relations in areas such as trade, culture, education, tourism and sport. Since 1992, the World Congress Tatars, the representation body of all Tatar people, participates actively in promoting Tatar culture and language throughout the world.

Republic cooperates with major international organizations such as UNESCO, UNIDO, ILO, the EBRD, the Council of Europe Congress of Local and Regional Authorities of Europe, the International Union of Local Authorities, the Council of European Municipalities and Regions, the Organization of Islamic Cooperation, the Islamic Development Bank, IRCICA and others [19].

As it is seen, Tatarstan obtains an important experience in foreign relations. The situation in Ukraine causes a deeper involvement of Tatarstan in paradiplomatic activities.

4. Tatarstan and Ukraine

The cooperation between Tatarstan and Ukraine develops under the Agreement between the Government of Tatarstan and the Go-

vernment of Ukraine on trade-economic, scientific-technical and cultural cooperation of January 15, 1994. Tatarstan also signed agreements with several Ukrainian regions: Sum (1995), Evpatoria (1998), Kiev (2000), Kharkov (2010). In July 1995 is signed an intergovernmental agreement on the establishment of transnational financial and industrial oil company «Ukrtatnafta». In 1996 is inaugurated Trade Representation of Tatarstan in Ukraine [20]. The relations with Ukraine are predominantly economic (automobile and aviation industry) and cultural (participation of Tatar folk music and dance groups in concerts and festivals).

5. Crimean Accession to Russia

After months of street resistance of Ukrainian population, new leaders come to power in Kiev in February 2014. President Viktor Yanukovych is deposed by the Ukrainian parliament after his flight from the capital. On March 11, 2014 Supreme Council of Crimea and Sevastopol City Council adopt Declaration of Independence. On March 16, is held Crimean status referendum, where the population of Crimean peninsula is asked whether it wants to join Russia as a federal subject, or restore the 1992 Crimean constitution and Crimea's status as a part of Ukraine. With the turnout of 83%, 96.77% of Crimean and 95.6% of Sevastopol population give affirmative vote.

Russia recognized the plebiscite. The next day after the referendum, the parliament of Crimea asked the Russian Federation «to admit the Republic of Crimea as a new subject with the status of a republic». The same day, Russian President issues a decree formally recognizing Crimea as an independent state. On 18 March, the representatives from Russian, Crimean, and Sebastopol parts signed the Treaty on the Adoption of the Republic of Crimea to Russia, ratified by the Russian Federal Assembly and signed by president Putin on 21 March. This is the first time when the federal constitutional law No 6 «On the Procedure of Adoption to the Russian Federation and Forming within It a New Subject of the Russian Federation» of December 17, 2001 is implemented.

6. Tatarstan and Crimean Accession

The main objective of paradiplomatic activity of Tatarstan in Crimea is to foster the inclusion of a brother Crimean Tatar people to Russian society. The paradiplomacy of Tatarstan in Crimean crises starts on February 26, when thousands of pro-Ukrainian (predominantly, Ukrainians and Crimean Tatars) and pro-Russian demonstrators clash in front of the parliament building in Simferopol. Two people die as a result of scuffles and stampede and about 30 are injured.

The same day in the evening the president R. Minnikhanov on Russian television Channel 1 prime-time news hour, urges Crimean Tatars to preserve peace. Few hours later, the World Congress Tatars makes statement where it says that Tatar people will not stay indifferent to the destiny of the brother Crimean Tatar people [18].

The next day, on the extraordinary session of the Parliament of Tatarstan, deputies adopt a statement to people of the Autonomous Rep. of Crimea calling «to preserve interethnic and interfaith peace and harmony», to reject any radical way of conflict resolution and «to use peaceful mechanisms enshrined in the basic documents of the United Nations» [6].

The Parliament Council of Tatarstan sends, promptly, for a 3-day visit, a delegation of deputies and the head of the executive committee of the World Congress of Tatars to Crimea. The participation of Tatarstan is considered to be important to ease tensions in Crimea. The representatives of the Muslim Spiritual Board of Tatarstan pay visit to Crimea shortly after.

During March, the President of Tatarstan R. Minnikhanov visits Crimea three times. Through meeting with the representative body of the Crimean Tatars, Milli Mejlis, Minnikhanov establishes first official contact between the two Tatar communities in two decades.

On March 5, Tatarstan signs an agreement with Autonomous Republic of Crimea on economic and humanitarian cooperation. The same day, a rally of thousands of people in support of the multinational people of the Autonomous Republic of Crimea is held in Kazan.

On March 11, R. Minnikhanov takes part in an extraordinary parliamentary session of the Crimean Republic where the declaration of independence of the peninsula is adopted. Tatarstan President

Minnikhanov expressed hope that the Crimean Tatar population will support a coming referendum for independence [15].

The former President of Tatarstan Mintimer Shaimiev also takes part in convincing Crimean Tatars to participate to referendum. On March 12, in Moscow, he meets with the first chair of the Mejlis (from 1991 to 2013), the informal leader of the Crimean Tatars and a member of the Ukrainian Parliament Mustafa Djemilev [5]. The same day, Djemilev also has a telephone conversation with Vladimir Putin who guarantees that rights of Crimean Tatars will be respected in case of peninsula's incorporation in Russia [7].

Even if the Crimean Tatars' participation in referendum is relatively low, Tatarstan pursues its efforts to convince them to become part of Russian society. During his next trip to Crimea, in the end of March, the head of Tatarstan establishes a permanent representation of the Republic of Tatarstan in the Republic of Crimea.

In the beginning of April, Crimean city of Bakhchysarai is assigned by federal authorities to Tatarstan for providing the region with methodological and material aid. This leads to intensification of contacts between local Crimean authorities and members of the government of Tatarstan.

In the context of ongoing tensions between indigenous Crimean Tatars and local authorities, R. Minnikhanov, on the April 1, requests V. Putin to integrate Crimean Tatars to the list of peoples protected by the federal law «On the Rehabilitation of Repressed Peoples», of April 26, 1991. Tatarstan President also pleads to let the representatives of the Crimean Tatars meet with V. Putin and, finally, to legitimize Crimean Tatar residences in the peninsula [13].

On April 21, Russian President signs a decree rehabilitating the Crimean Tatars and other ethnic minorities on the peninsula, victims of 1944 Deportation. On May 16, Vladimir Putin meets in Sochi with representatives of Crimean Tatars where, among other issues, cites Tatarstan as an example of a well-developed republic.

In late April, the delegation of the Crimean Milli Mejlis, pays a return visit to Tatarstan. On May 26, a historical «Agreement on co-operation between Mejlis of the Crimean Tatar people and the World Congress of Tatars in 2014–2018 years» is signed in Kazan. The agreement sets a mechanism to integrate Crimean Tatars in Russian Society. The document calls to develop the extensive public relations

between the Crimean Tatar and Tatarstan people, as a form of manifestation of people's diplomacy [3].

The paradiplomatic commitment of Tatarstan in contributing to integration of Crimean Tatars, as a part of accession of Crimea to Russia, achieves its goal. Tatarstan, by paradiplomatic activity reinforces its role in foreign policy making. The republic by being involved in «major decisions before an international treaty signed», assumes a role of a «Greater Tatarstan» by consolidating Tatar diasporas all over the world, explained by R. Khakimov [17].

Conclusion

The role of paradiplomacy increases with globalization. Tatarstan rapidly develops relations with Crimean Tatars in the context of Ukrainian Crises. Tatarstan's action aims at fulfilling Russian foreign policy's objectives. Through conclusion of important documents with Tatarstan and by adoption of the federal legislative acts, Crimean Tatars seem make steps to assume their membership in a new country.

REFERENCES

1. *Constitution of the Russian Federation*. Available at: <http://www.constitution.ru/en/10003000-04.htm>
2. Cornago N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Co-operation. In Aldecoa F., Keating M. (eds). *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relations of Subnational Governments*. London: Frank Cass Publishers, 1999, pp. 40–57.
3. *Dogovor o sotrudnichestve medzhnara krymsko-tatarskogo naroda i mezhdunarodnogo soyuza obshchestvennykh ob"edineniy «Vsemirnyy kongress tatar» na 2014–2018 gody*. Business Online, May 26, 2014. Available at: <http://www.business-gazeta.ru/article/105210/>
4. Duchacek I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations. In: Michelmann H.J., Soldatos P. *Federalism and International Relations: The Role of Sub-national Units*. Oxford: Clarendon Press, 1990, pp. 1–35.
5. *Eks-glavu Medzhnara mnogie krymskie tatory schitayut svoim natsional'nym liderom*. Tatar-inform, March 3, 2014. Available at: <http://www.tatar-inform.ru/news/2014/03/12/398040/>.

6. *Gosudarstvennyy Sovet prizyvaet zhiteley Kryma razreshit' konflikt mirnym putem*. Supreme Council Of the Republic of Tatarstan, February 27, 2014. Available at: <http://gossov.tatarstan.ru/news/show/2419>
7. *Interview with M. Djemilev*. Echo Mosvky, March 12, 2014. Available at: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1277744-echo/>
8. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the Foreign Policy and International Relations of Regions. *International Negotiation*, 2002, no 7, pp. 91–114.
9. Libman A., Vinokurov E. *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration*. Palgrave Macmillan, 2012. 288 p.
10. *Otchet o deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti Respubliki Tatarstan za 2012 god*, Kazan 2013, p.11. Government of Tatarstan. Available at: <http://prav.tatarstan.ru/file/otchetKMRT.pdf>
11. *Perechen' mezhdunarodnykh dogovorov zaklyuchennykh ot imeni Respubliki Tatarstan i ot imeni Pravitel'stva Respubliki Tatarstan*. Official site of the Republic of Tatarstan 1997–2011. Available at: http://1997-2011.tatarstan.ru/index.php?DNSID=5a76b441fddf0bbbc13bda8fffa90314&node_id=178
12. *Predstavitel'stva Respubliki Tatarstan v RF i za rubezhom*. Official site of the Government of Tatarstan. Available at: http://prav.tatarstan.ru/rus/representative_offices.htm
13. *Putin poruchit izuchit' vopros o reabilitatsii krymskikh tatar*. Ria.ru, April 1, 2014. Available at: <http://ria.ru/society/20140401/1002062011.html>
14. *Reestr torgovykh domov Respubliki Tatarstan*. Tatarstan Investment Development Agency. Available at: <http://tida.tatarstan.ru/eng/about.htm>
15. *Rustam Minnikhanov prinyal uchastie vo vneocherednom zasedanii Verkhovnogo soveta Kryma*. Tatar-inform, March 11, 2014. Available at: <http://www.tatar-inform.ru/news/2014/03/11/397832/>
16. Sabitov R. *Le fédéralisme russe et la république du Tatarstan*. Forewords: J.-C. Colliard, R. Khakimov, Paris, Fondation Varenne, 2013. 620 p.
17. *Segodnya ot istorikov trebuyut obosnovaniya blizosti tyurkov. K etomu podtolknul Krym*. Business Online, April 5, 2014. Available at: <http://www.business-gazeta.ru/article/101087>
18. *Tatarstan napravil v Krym diplomaticheskuyu missiyu*. Rbc.ru, February 27, 2014, Available at: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/27/02/2014/907516.shtml
19. *Vneshnie svyazi, 2013*. Official site of the Republic of Tatarstan. Available at: <http://tatarstan.ru/about/international.htm>

20. *Vstrecha Prezidenta Respubliki Tatarstan R.N.Minnikhanova s Chrezvychnym i Polnomochnym Poslom Ukrainy v Rossiyskoy Federatsii V.Yu. El'chenko*. Press Release, October 11, 2011. Official site of the Republic of Tatarstan. Available at: http://tatarstan.ru/rus/file/press_release/pr_5924.docx

About the author: Richat Sabitov – Ph.D. in political science, CRPS – Centre de recherches politiques de la Sorbonne (Université Paris 1; 14 rue Cujas 75005-Paris); richatsabitov@gmail.com

Парадипломатическая деятельность Татарстана во время украинского кризиса

Ришат Сабитов

(Центр политических исследований Сорбонны, Париж, Франция)

Аннотация: В связи с политической нестабильностью на Украине, за относительно короткий период времени Крымский полуостров переходит под юрисдикцию России. Тем не менее, крымские татары, коренные местные жители, проявили свою враждебность, выступая против того, чтобы стать частью российского общества. В статье рассматривается парадипломатическая инициатива Татарстана в отношении присоединения Крыма к России, выразившаяся в переговорах по убеждению крымских татар влиться в российское сообщество.

Ключевые слова: Татарстан, парадипломатия, Крым, области, татары, Украина.

Сведения об авторе: Ришат Сабитов – Ph.D. (политология), исследователь, Центр политических исследований Сорбонны (Париж, Франция); richatsabitov@gmail.com

УДК 94:39(=512.145)(497.2)"1878/1944"

Крымские татары Болгарии в 1878–1944 гг.

Эльдар Сейдаметов

(Одесский национальный

университет им. И.И. Мечникова)

Аннотация: В статье предпринимается попытка раскрыть один из малоисследованных фрагментов крымскотатарской историографии, посвященный диаспоре крымских татар в Болгарии в 1878–1944 гг. На основании разнообразной историографической базы дается анализ политической, социально-экономической, культурной и образовательной жизни крымских татар Болгарии в указанный период; показана политика государства по отношению к мусульманским меньшинствам, которая варьировалась от предоставления религиозных, языковых, культурных свобод до ассимиляций, репрессий, пассивной толерантности.

Ключевые слова: крымские татары, диаспора, Болгария, мусульманские меньшинства, кемализм, пантюркизм, этнонационализм.

На протяжении веков земли Болгарии были местом расселения различных тюркских племен: протоболгары, печенеги, узы, половцы, татары. Первое датированное упоминания о татарах Болгарии относится к 1241 году и связано с именем золотоордынцев, вторгшихся на эти земли. В 1270–1300 гг. татары устанавливают контроль над большей частью Северной и Северо-Восточной Болгарии.

В конце XVI – первой половине XVII вв. на территории современной Болгарии появляются чифтлики (имения) Гираев, пожалованные им султанским двором [1, с. 43; 6, с. 32]. На этих землях проживало немалое число представителей крымской династии. Сохранившиеся до настоящего времени их могилы явля-

ются молчаливым свидетельством их бывшего присутствия и влияния.

Первые упоминания о присутствии членов ханского рода в юго-восточной части болгарских земель связаны с именами Инайет Гирая (1635–1637), который владел имением в селении Ислимие (совр. Сливен), Бахадыр Гирай хан (1637–1640) получил во владение округ (хас) Янбол, а его сын Селим Гирай хан – Силиври и Къадыкой (ныне Мъдрино и Карнобат, Бургасская область). Гирай имели свои резиденции в Янболе, Карнобаде, Сливене и Герлово (с центром в Вербице (Шумен)), включавших в себя более 50 сел [24, с. 60, 64, 75; 1, с. 44].

В конце XVIII – начале XIX вв. вследствие ликвидации Крымского ханства, ослабления Османской империи, русско-турецких войн, анархии, беззакония, беспорядков и разбоя (распространением движения кырджалийства, опустошившим юго-восточную Болгарию) Гирай теряют свои политические и социально-экономические позиции на болгарских землях. Таким образом, уже во второй половине XIX века, значение представителей крымской династии как фактора внутри- и внешнеполитической жизни Османской империи и его влияния в качестве правителей среди местного населения было фактически утрачено [4].

Аннексия Крыма Российской империей открыла новую страницу в истории крымскотатарской эмиграции на земли Румелии и Анатолии. В этот период крымские и ногайские татары заселяют различные области Северной и Северо-восточной Болгарии [11, с. 429].

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. согласно Сан-Стефанскому мирному договору и Берлинскому трактату Болгария получила права административной автономии в составе Османской империи. С этого периода начинается период государственного строительства независимой Болгарии. Политика молодого государства в отношении мусульманских меньшинств была не всегда последовательной и характеризовалась с одной стороны – следованием международным обязательствам, признанием прав мусульманских меньшинств, с другой – попытками уничтожения следов османского присутствия в регионе (переименование тюркских топонимов на болгарские, использование мечетей не для религиозных целей, перемещение мусульманских кладбищ в

предместье городов и др.), уменьшением численности мусульманского населения в государстве, в том числе через эмиграцию; проведением пассивной социально-экономической, образовательной политики в местах компактного проживания татар и других мусульман, что вело к их «инкапсуляции» от остального общества, укреплению их религиозной самобытности и увеличению симпатий к Турции. В то же время на фоне слабой заинтересованности чаяниями этнорелигиозных меньшинств болгарское правительство проявляло озабоченность процессом модернизации и этнокультурного возрождения болгар [16, с. 59; 25, с. 16].

Следуя международным обязательствам (в частности, решению Берлинского конгресса), болгарское государство обязывалось защищать права меньшинств. Согласно Берлинскому договору в Княжестве Болгария предусматривались равенство всех перед законом и свобода вероисповедания, защита имущества мусульман и др. [2]. Первая болгарская конституция (Тырновская конституция (1879–1947)) также гарантировала свободу вероисповедания для всех религиозных конфессий, православие же считалось государственной религией. Всем этнорелигиозным меньшинствам предоставлялась возможность получения болгарского гражданства и декларировались равные с этническими болгарями права [25, с. 17]. Статья 78 Тырновской конституции провозглашала всеобщее начальное образование, а Закон о национальном образовании 1885 года позволял создание и функционирование частных школ меньшинств в зависимости от этноконфессиональной принадлежности (мусульманские, еврейские и армянские). Причем мусульманские школы также дифференцировались по этническому признаку на турецкие, татарские, помакские и цыганские [20, с. 27].

В результате переговоров между Турцией и Болгарией (1909, 1913 гг.) мусульманам Болгарии предоставлялась автономия в религиозной и культурной сферах. Сохранились и продолжали существовать мечети, мусульманские религиозные суды, занимавшиеся духовными, административными, судебными делами (вопросами семейного и наследственного права) болгарских мусульман вплоть до 30-х гг. XX века (до ликвидации османского халифата 1924 г.). По данным болгарского исследователя Д. Гюдурова в конце XIX века на территории Болгарии функциониро-

вали 2356 мечетей, 174 текие, 142 медресе и 400 вакфа [3]. Кроме того, также допускалось издание и распространение тюркоязычной прессы.

Подписанный после окончания Первой мировой войны Ней-иский договор (1919 г.) также налагал на Болгарию определенные обязательства по обеспечению прав религиозных, этнических и языковых меньшинств. Болгарский язык был объявлен языком судопроизводства с предоставлением права меньшинствам использовать их родные языки в суде. За меньшинствами сохранялось право иметь и открывать религиозные и социальные институты, осуществлять благотворительную деятельность, изучать родной язык в школах. На болгарское правительство возлагалась ответственность за обеспечение образования меньшинств в начальных школах. Подписанный в 1925 году договор о дружбе между Болгарией и Турцией подтверждал статьи Нейиского договора в отношении тюркских меньшинств [3; 17].

Особо хотелось бы остановиться на вопросе функционирования татарских школ в княжеский и царский периоды. Как было сказано, согласно Тырновской Конституции и многочисленным международным обязательствам Болгария обязывалась обеспечивать начальное образование меньшинств. В условиях независимости начали возникать и функционировать татарские школы. Болгарский историк М. Мрѣвкарлова, изучив болгарские статистические ежегодники, показывает количество татарских школ, учащихся и учителей в Северо-Восточной Болгарии. Согласно М. Мрѣвкарловой, в 1894–1895 гг. в Княжестве Болгария насчитывалось 16 татарских школ, расположенных в семи районах – Добрич, Оряхово, Балбунар, Бей Бунар, Шумен и т.д. В них работали 18 преподавателей и 779 учащихся, состоявших из 381 мальчика (или 48,91%) и 398 девочек (или 51,09%). К началу XX века количество татарских школ увеличилось более чем в 3 раза. Согласно статистическим данным за 1900–1901 гг. в Болгарии было зарегистрировано 54 школы, в которых учились 2220 учащихся (из них: 1163 мальчика и 1057 девочек), вели преподавание 58 учителей (из них: 57 мужчин и 1 женщина). Практиковалось как раздельное, так и смешанное обучение мальчиков и девочек. Из общего числа школ – 3 для мальчиков, 3 – для девочек, остальные 48 – смешанные. Преобладание школ с совместным обучением

(для учащихся обоих полов) говорит о секуляризации образовательного процесса. Интересным является тот факт, что среди учительского персонала наряду с мужчинами работали и женщины, что не было свойственно для турецких школ. Занятия, как правило, проводились в мечетях или прилегающих к ним помещениях. В учебном процессе, помимо религиозных дисциплин имелись предметы общеобразовательного характера [6, с. 37–43].

Статистические данные о грамотности населения в первые годы независимости Болгарии показывают заметную тенденцию к увеличению грамотности среди татар. В 1910 г. этот показатель среди городского населения составлял 32,44% мужчин и 21,14% женщин, а в 1926 г. – соответственно 42,66 % и 33,46%. В деревне в 1910 г. – 14,47% мужчин и 5,32% женщин, а в 1926 г. – 33,8 % мужчин и 15% женщин. В общей шкале грамотности населения за 1926 год татары занимали седьмое место, после евреев, армян, греков, болгар, гагаузов и румын, но первое среди мусульманских меньшинств – турок, цыган и помаков [1, с. 72–73].

В период нахождения Южной Добруджи в составе Румынии татары имели возможность получать образование в религиозной семинарии в Меджидие, а также профессии врача, инженера, юриста и судьи, бухгалтера и госслужащего – в румынских университетах [23, с. 84, 138].

Несмотря на то, что государство разрешало функционирование частных татарских школ, их финансирование в основном велось за счет средств татаро-мусульманской общины. Государство оказывало лишь слабую и нерегулярную государственную помощь развитию этих школ. Для сравнения, расход государства в расчете на душу населения в 1907–1908 гг. на студента в болгарской школе составлял 31,8 лева, а для студента в исламской школе – 5,4 лева. Техническое оснащение и качество обучения также были на гораздо более низком уровне. Отсутствовали центры подготовки и повышения квалификации для учителей школ мусульманских меньшинств. Зарплаты учителям мусульманских школ выдавались преимущественно из денежного фонда общины, и они не получали государственную пенсию. Возможно, этим объясняется тот факт, что они в поисках заработка вынуждены были помимо школ подрабатывать в других местах [25, с. 17–18; 16, с. 56–57; 6, с. 41, 58–59; 19].

Начиная с 1879 года, власти предпринимают попытки внедрения болгарского языка в школы «инородцев и иноверцев». С 1882 года специальные инспекторы должны были консультировать попечителей мусульманских школ о введении болгарского языка в учебный процесс в качестве официального языка Княжества [6, с. 41]. Однако в целом участие государства в образовательном процессе татар и других мусульманских меньшинств на данном этапе характеризовалось пассивностью, невмешательством и игнорированием. Это обстоятельство в свою очередь имело как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, отсутствие болгарского вмешательства в учебный процесс ограждало детей из числа тюркских меньшинств от ассимиляционного влияния болгарской системы образования. С другой – негативным образом отражалось на образовательном уровне мусульманского населения по сравнению с титульным болгарским этносом [12; 17].

Нужно отметить, что соблюдение прав мусульманских меньшинств напрямую зависело от международной конъюнктуры, социально-политического климата и экономической ситуации в государстве. Так, например, во время Балканских войн 1912–1913 гг. активизировались антиисламские и антитюркские настроения. Болгарское государство делало акцент на возрождении воспоминаний о подавлениях болгарских восстаний, насильственных обращениях в ислам и др., что давало ему идеологическое обоснование для преследований, погромов и ассимиляционных кампаний мусульманских меньшинств. В эти годы были известны случаи сожжения деревень, преобразования мечетей в церкви, массовые изнасилования женщин и убийства, насильственная христианизация и смена фамилий около 220 тыс. помаков Фракии, Македонии, Родопы [25, с. 19; 7, с. 77; 21, с. 41]. Однако в 1913 г. после поражения Болгарии во Второй Балканской войне, во времена временного либерального правительства Васила Радославова (1913–1918 гг.) кампания принудительной христианизации была приостановлена и помакам было разрешено вернуться в ислам, именоваться мусульманскими именами, носить религиозную одежду. Этот стратегический шаг был продиктован стремлением получить мусульманские голоса на предстоящих выборах и заработать расположение Османской империи и Центральных держав.

Начало первой мировой войны и вхождение Болгарии в Четверной союз вновь потребовали от Болгарии сближения с Османской империей. Цель, которую ставило перед собой болгарское правительство, – возвращение отошедшей к Румынии, в соответствии с Бухарестским мирным договором 1913 г. территории Южной Добруджи [25, с. 20]. В ходе немецко-болгарской оккупации Румынии сильно пострадали города Добруджи, особенно Меджидие, который издавна являлся культурным и торговым очагом крымских татар области [10, с. 18–25]. В этот период мусульманское, прежде всего татарское, население было оставлено на произвол судьбы. Начинается активная болгаризация христианского населения, которое было поставлено под жесткий контроль. Школы, средства массовой информации начинают пропагандировать идеи Великой Болгарии. С целью научного обоснования аннексии Добруджи организуются этнографические экспедиции для изучения местного мусульманского и немусульманского населения [21, с. 41–42].

После окончания первой мировой войны и поражения блока Центральных держав Добруджа вновь возвращалась Румынии. Это закреплялось Нейиским мирным договором от 27 ноября 1919 г. В результате территориальных споров за Южную Добруджу между Румынией и Болгарией местное татарское население, проживающее на этих землях, образовательные и духовные учреждения мусульман перманентно переходили от одного государства к другому. Безусловно, это отражалось на демографических показателях, количестве школ и мечетей. Так, если накануне первой Балканской войны в Болгарии имелось 39 школ (примерно две трети которых располагались на землях Южной Добруджи), то в 1912–1913 гг. их численность сократилась в 3,5 раза и составляла 11. После временного контроля Болгарией территории Южной Добруджи в годы первой мировой войны количество школ увеличивается до 23 (1917–1918 гг.), ну а после Нейиского договора вновь сокращается до 8 (1918–1919 гг.). В двадцатые годы количество татарских школ варьируется от 7 до 11, учителей – от 10 до 20, учеников обоих полов – от 302 до 683 [6, с. 37–43, 58–59].

В 1919 г. премьер-министром Болгарии стал А.А. Стамболийский (1919–1923 гг.), представляющий Болгарский земле-

дельческий народный союз (БЗНС). В годы его премьерства наметился определенный прогресс в жизни мусульман Болгарии. Аграрное правительство Стамболийского проводило изоляционистскую, анти-ирредентистскую, антивоенную политику, направленную на сближение с соседними балканскими странами и великими державами. Внутренняя политика Стамболийского ориентировалась на утверждение национальной культуры через болгарскую деревню, улучшение положения турок, татар и других мусульманских меньшинств. При нем в 1921 г. был принят новый закон о национальном образовании, который позволил увеличить финансирование частных школ. Также предусматривалась выплата пенсий для учителей этих школ [7, с. 71–73]. Другим важным событием стало открытие пединститута и религиозной школы (Nuvvab) в Шумене для обучения муфтиев [22, с. 61–65; 17]. Почти во всех мусульманских деревнях функционировали мечети и медресе, финансируемые Османским вакуфом [19]. Опираясь на мусульманское и христианское население Болгарии, он попытался превратить Болгарию в развитое аграрное государство и избавить его от зависимости других государств, а также коррупции городов. Однако этот период оказался непродолжительным. Государственный переворот 1923 года негативным образом отразился на положении мусульман Болгарии. После свержения правительства Александра Стамболийского 9 июня 1923 года многие социальные приобретения турок, татар и других мусульманских меньшинств, введенные БЗНС, были упразднены. Отменялась заложенная в бюджет государства финансовая помощь в три миллиона левов, предназначенная для поддержки турецких школ, учителя этих школ лишались права на пенсии, ограничивалась автономия школ. Сокращалось участие представителей тюркских и мусульманских меньшинств в политической жизни государства, количество членов парламента из их числа уменьшалось с десяти в 1923 г. до пяти в 1925 г. и четырех в 1933 году [25, с. 18, 20; 19]. Однако стоит отметить, что даже в эпоху становления Болгарского государства в конце XIX века, когда количество мусульман в парламенте равнялось по разным данным 15–20 чел., что, в свою очередь, не соответствовало принципу пропорциональности и доле тюркского и мусульманского меньшинства в общем населении страны, они не имели возмож-

ности эффективного лоббирования этнических и религиозных интересов.

Новый этап в жизни татар, турок и других мусульманских меньшинств Болгарии был тесно связан с победой кемалистской революции в Турции, падением Османской империи и образованием светской Турецкой республики (29 ноября 1923 г.). Одним из стержневых идеологических направлений кемализма являлся «национализм», который заключался в переформатировании религиозного самосознания на национальное, трансформации политэтнического населения государства в единую турецкую нацию. Содействовать реализации этой задачи должен был принцип «лаицизма». Суть его заключалась в секуляризации общественно-политической жизни страны, отделении религии от государства, ликвидации шариатских судов, религиозного образования и др. Это в конечном итоге должно было привести к тотальному выходу ислама из всех сфер жизнедеятельности и из умов людей.

Реформы М. Кемаля в Турции имели своих противников и сторонников не только в Турции, но и в соседней Болгарии. Некоторые из числа несогласных с политическим и идеологическим курсом М. Кемаля эмигрировали в Болгарию, где пока еще функционировали мечети, мусульманские мектебы, турецкие газеты, по-прежнему публикуемые печатной арабской вязью. Своих же сторонников молодое турецкое правительство активно поддерживало. Кроме того, одним из векторов политической деятельности кемалистов являлась поддержка тюркских меньшинств, проживающих в других странах, помощь в создании молодежных культурно-просветительских, образовательных, спортивных организаций, распространяющих националистическую идеологию. Такой организацией на территории Болгарии стал «Туран», созданный в 1926 году и просуществовавший вплоть до его запрета властями в 1936 году [11, с. 46]. Нужно отметить, что большая часть мусульманского населения Болгарии негативно относилась к секуляристским идеям кемалистов. Таким образом, мусульманское общество оказалось разделенным между приверженцами светского, националистического пути и сторонниками сохранения религиозных принципов.

Распространение кемализма среди болгарской тюрко-мусульманской интеллигенции настораживало также и правительство Болгарии¹. Кемализм ассоциировался с коммунизмом, воспринимался как потенциальная угроза территориальной целостности Болгарии, особенно южной ее части, где тюрко-мусульмане составляли большинство населения [21, с. 45]. В конце 1920-х годов болгарские власти начали активную борьбу за искоренение тюркской националистической идеологии, преследование активистов кемалистских организаций. С другой стороны – поддерживать антикемалистские тюркские и мусульманские, а также болгарские националистические движения. Особенно жестоко гонения властей на кемалистов обрушились в 1934 году с приходом к власти военного правительства Кимона Георгиева, при котором государство начинает проводить политику так называемого «оборонительного этнонационализма», направленную на возрождение болгарской культуры и искусства и подавление пантюркистских и кемалистских идей и организаций [25, с. 21–22]. В стране действовали «патриотические» и профашистские организации, приобретшие особую активность в северо-восточной Болгарии и пользовавшиеся негласной поддержкой государства. Они занимались запугиванием и насилием мусульманского населения Болгарии, оскорблением религиозных, национальных чувств. Людей избивали, сжигали мужские фески и женские шаровары, заставляли говорить по-болгарски и т.д.

В целом политика болгарских властей в 1930-е – 1940-е гг. характеризовалась дискриминационным отношением к татарам и другим мусульманским меньшинствам. В эти годы государство практикует закрытие националистических организаций, распространяющих идеи пантюркизма и кемализма, сокращение большого количества мусульманских школ, газет и журналов, парламентариев и государственных чиновников из числа мусульман, кампанию по смене фамилий (1930, 1942 и др.), экспроприацию

¹ Для сравнения, в соседней Румынии напротив, поощрялось создание и функционирование различного рода пантюркистских и антисоветских организаций, что соответствовало международной конъюнктуре государства. Как известно, в 1930 году был создан первый в Европе крымскотатарский эмигрантский журнал с пантюркистской и антисоветской направленностью – «Emel» («Стремление»).

религиозного имущества, репрессии и изгнание интеллектуалов из числа тюркских меньшинств и т.п. Перед правительством ставилась стратегически важная задача: замедлить развитие образования тюрко-мусульман, чтобы посредством неграмотности разорвать или хотя бы ослабить их связи с Турцией [25, с. 21–22; 18, с. 54]. В связи с этим в тридцатые годы наблюдается резкое сокращение татарских школ. К 1934–1935 гг. количество школ составило цифру – 2, учителей – 6, учеников обоих полов – 159 [6, с. 37–43, 58–59]. В 1935–36 гг. школы и вовсе были закрыты.

Раскрывая вопрос о судьбе крымскотатарской диаспоры в Болгарии в 1878–1944 гг., уместно привести данные о его численности в указанный период.

Поражение Турции в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и начавшийся процесс распада Османской империи вызвали массовый отток мусульман, составляющих еще в начале XIX века большинство населения этой области. Согласно английской «Британике» в первые двадцать лет (1879–1899 гг.) после образования Болгарского княжества его территорию покинуло по меньшей мере 150 тыс. турецких крестьян [9]. По неофициальным данным число эмигрантов составило порядка 1,5 млн., а по некоторым турецким источникам – около 2 млн. турок и других мусульман (татар, помаков, гагаузов, черкесов) [5, с. 19]. Из-за отсутствия точных данных об этническом составе мусульманского населения сложно определить долю татар в общем потоке эмигрантов, покинувших страну в эти годы. Согласно данным переписи от 13 апреля 1881 г. общая численность населения в Княжестве Болгария составляла 2007919 человек, из них 1345507 – болгары (67%), 527284 – турки (26%), 49070 – румыны (2,4%), 37600 – цыгане (1,8%), 14020 – евреи сефарды и ашкенази (0,6%), 12376 – татары (0,6%), 11552 – греки (0,5%), 3837 – армяне (0,2%), а также 6671 – другие (0,3 %) [11, с. 172]. Перепись населения за 1893 г. говорит о 16920 татар, проживающих в Болгарии, к которой к этому времени была присоединена аннексированная в 1885 году Восточная Румелия, плотно заселенная мусульманским населением. По некоторым оценкам, еще в 1870 г. здесь проживало от 80 до 120 тыс. татар [13, с. 136–137].

Эмиграция крымских татар продолжалась в течение первых двух десятилетий XX века. Если согласно переписи населения за

1901 г. их насчитывалось 18884 чел. [9], в 1910 г. – 18228, то уже по официальным данным за 1920 г. их число резко сократилось до 4905, а в 1926 году составляло 6191 человек. С этих пор численность татар Болгарии остается относительно стабильной и в последующие периоды варьируется от 5 до 6 тыс. человек [14, с. 330–331; 13, с. 137; 20, с. 57–58].

Столь существенное уменьшение татарского населения в 1910 и 1920 годы стало следствием провозглашения независимости Болгарии в 1908 г., Балканских войн и Первой мировой войны, а также передачи Южной Добруджи (г. Добрич (Хаджиоглу Пазарчик) и Силистра) Румынии, в которой, по некоторым данным, в 1910 г. проживало 11585 человек [23, с. 59]. Другими причинами сокращения населения являлись обезземеливание и «болгаризация» земельной собственности, турецкая национальная пропаганда, языковая и этническая ассимиляция татар со стороны болгарских турок [27, с. 451; 1, с. 78]. В 1930–1940 гг. причиной массового исхода татар, турок, помаков и цыган являлась проводимая Болгарией дискриминационная политика по отношению к мусульманским меньшинствам, в результате которой страну покинули около 100 тыс. человек [8, с. 194; 18, с. 54].

Начало второй мировой войны ознаменовалось для Болгарии долгожданными территориальными приобретениями. 7 сентября 1940 года, согласно Крайовскому мирному договору между правительствами Болгарии и Румынии, последняя вынуждена была уступить Южную Добруджу. Население Кадрилатера к этому времени составляло 360 тыс. человек, в большинстве своем болгар и турок [26, с. 143–144]. По официальным румынским переписям населения за 1930 год, в Южной Добрудже проживали около 6,5 тыс. татар (в уезде Калиакра (Силистра) – 4,5 тыс., в уезде Дуростор – 2 тыс.) и 130 тыс. турок [15, с. 340], в то время как в самой Болгарии (без Южной Добруджи) по данным за 1934 год насчитывалось 4,4 тыс. татар. Крайовское соглашение предусматривало также обмен населением между двумя странами. По данным С. Антонова, вследствие передачи Южной Добруджи Болгарии численность татарского населения сократилась там вдвое [1, с. 70].

Подводя итог, отметим, что политика болгарского государства с момента обретения государственности в конце XIX века и до

установления коммунистического режима в 1944 году по отношению к татарам и мусульманским меньшинствам варьировалась от предоставления религиозных, языковых, культурных свобод (регламентированных международными договорами) до ассимиляций, репрессий, пассивной толерантности. Периоды дискриминаций напрямую зависели от внутри- и внешнеполитической обстановки в стране, войн, отношений с Османской империей, а затем Турцией. Мало что было сделано для поддержки культурного, экономического и образовательного развития мусульманских меньшинств, которые по причине государственной пассивности, по сути, оказались изолированными от остального общества и предоставленными самим себе. Исключением являлись годы правления кабинета Стамболийского, принявшего ряд мер по улучшению жизни татар, турок и других мусульманских народов. В первые десятилетия независимости болгарское правительство относительно толерантно относилось к религиозной жизни мусульман (хотя имелись и вспышки насилия, дискриминаций, насильственных ассимиляций). Однако с 1930-х годов начинает проводить курс на тотальную ассимиляцию, уничтожение мусульманской религиозной идентичности, являющейся важным маркером национального самосознания крымских татар, турок, цыган и помаков Болгарии. Эта тенденция сохраняется и более последовательно проводится в жизнь в коммунистический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов С. Татарите в България. Добрич: Издательство «Наврез», 2004. 207 с.
2. Берлинский трактат 1878 г. [Электронный ресурс]. Электронная энциклопедия и библиотека «Руниверс». Режим доступа: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=146934&PORTAL_ID=7138&SECTION_ID=6778
3. Гюдуров Д. Религиозната политика на България и мюсюлманите [Электронный ресурс]. Сайт Нового Болгарского университета. Режим доступа: <http://ebox.nbu.bg/pro/12%20Dimitar%20Giudurov%20+.pdf>
4. Иречек К. История на българите. София: Наука и изкуство, 1978. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.promacedonia.org/ki/ki_33.htm

5. Милева М. Българските турци-преселници в Република Турция (Култура и идентичност) / Под науч. ред. проф. Цветана Георгиева. София, 2006. 208 с.
6. Михайлова-Мръвкарлова М. За татарите, татарските училища и татарските джамии в североизточна България // Татарите в България – общество, история и култура: сборник доклади от кръгла маса, проведена на 29.05.2009 г. в град Добрич. Добрич: Наврез, 2009. С. 29–67.
7. Стоянов В. Турското население в България между полюсите на етническата политика. София: ЛИК, 1998. 251 с.
8. Brubaker R. Aftermath of Empire and the unmixing of peoples: historical and comparative perspectives. *Ethnic and Racial Studies*, 1995, no. 18 (2), pp. 189–218.
9. Bulgaria. The Project Gutenberg EBook of Encyclopaedia Britannica, 11th Edition, vol. 4, part 4, by Various. Available at: <https://ia700202.us.archive.org/22/items/encyclopaediabri19846gut/19846-h/19846-h.htm>
10. Coman V. Unele considerații privind turco-tătarii din Medgidia la sfârșitul secolului al XIX-lea. *Din istoria tătarilor*, vol. 1, pp. 18–25.
11. Detrez R. *Historical Dictionary of Bulgaria*. 2nd ed. Scarecrow Press, 2006. – 637 p.
12. Dimitrov V. In Search of a Homogeneous Nation: The Assimilation of Bulgaria's Turkish Minority, 1984–1985. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. Available at: <http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/jemie/jemie01Dimitrov10-07-01.pdf>
13. Eminov A. Turks and Tatars in Bulgaria and the Balkans. *Nationalities Papers*, 2000, vol. 28, no. 1, pp. 129–164.
14. Eren N. *Crimean Tatar Communities Abroad. The Tatars of the Crimea. Return to the Homeland* / ed. Edward Allworth. Durham and London: Duke University Press, 1998, pp. 323–351.
15. Gheorghe L.D. Dumitrascu G. Scriitori turco-tătari de expresie românească. Un fel de a pune problema. Dobrogea – model de conviețuire multiethnică și multiculturală / Coord. V. Coman. Constanța, 2008.
16. Höpken W. From religious identity to ethnic mobilization: the Turks of Bulgaria before, under and since communism / Eds Hugh Poulton, Suha Taji-Farouki. *Muslim Identity and the Balkan State*. – London: Hurst & Company, 1997, pp.54–81.
17. Köksal Y. Struggle to Define the Nation: Ethnic Politics in Bulgaria and Turkey. Available at: <http://www.sant.ox.ac.uk/esc/esc-lectures/köksal.pdf>

18. Küçükcan T. Re-claiming Identity: Ethnicity, Religion and Politics among Turkish-Muslims in Bulgaria and Greece / Talip Küçükcan. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 1999, vol. 19, no. 1, pp. 49–68.
19. Marushiakova E. Popov V. Muslim Minorities in Bulgaria. Available at https://www.academia.edu/2844705/Muslim_Minorities_in_Bulgaria.
20. Muyhtar F. The Human Rights of Muslims in Bulgaria in Law and Politics since 1878. Sofia, 2003. 132 p.
21. Neuburger M. The Orient Within: Muslim Minorities and the Negotiation of Nationhood in Modern Bulgaria. London: Cornell University Press, 2004. 223 p.
22. Şimşir B. N. *Bulgaristan Türkleri*. Ankara: Bilgi Yayınevi, 1986. 403 s.
23. Ülküsal M. *Dobruca ve Türkler*. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1987. 270 s.
24. Ülküsal M. *Kırım Türk-Tatarları (Dünü-Bugünü-Yarını)*. İstanbul: Baha, 1980. 366 s.
25. Volgyi B.B. Ethno-Nationalism during Democratic Transition in Bulgaria: Political Pluralism as an Effective Remedy for Ethnic Conflict. York, 2007. 73 p.
26. Willaume M. Rumunia. Warszawa, 2004, pp. 143–144.
27. Williams B.G. A Homeland Lost. Migration, The Diaspora and the Forging of Crimean Tatar National Identity. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements of the degree of Doctor of Philosophy (History). Madison, 1999. 726 p.

Сведения об авторе: Эльдар Халилович Сейдаметов – кандидат исторических наук, докторант кафедры новой и новейшей истории Одесского национального университета им. И.И. Мечникова (65000, Дворянская ул., 2, Одесса, Украина); seid@ukr.net.

The Crimean Tatars in Bulgaria (1878–1944)

Eldar Seydametov

(Odessa I.I. Mechnikov National University)

Abstract: The article attempts to shed some light on one of the less investigated fragment of the Crimean Tatars' historiography devoted to the

Crimean Tatar's diaspora in Bulgaria in 1878–1944. On the basis of a variety of historiographical sources in the article analyzes political, social, economical, cultural and educational life of the Crimean Tatar people in Bulgaria in this period; also, in Bulgaria, government policies towards Muslim minorities varied from providing religious, language, cultural freedoms to assimilation, repression, passive tolerance.

Keywords: Crimean Tatars, diaspora, Bulgaria, Muslim minorities, Kemalism, Pan-Turkism, ethno-nationalism.

REFERENCES

1. Antonov S. *Tatarite v Blgariya* [Tatars in Bulgaria]. Dobrich, Navrez Publ., 2004. 207 p.
2. *Berlinskiy traktat 1878 g.* [The Treaty of Berlin (1878)]. Online encyclopedia and library «Runivers». Available at: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?CENTER_ELEMENT_ID=146934&PORTAL_ID=7138&SECTION_ID=6778
3. Gyudurov D. *Religioznata politika na Bilgariya i myusyulmanite* [The religious policy of Bulgaria and Muslims]. Available at: <http://ebox.nbu.bg/pro/12%20Dimitar%20Giudurov%20+.pdf>
4. Irechek K. *Istoriya na Bilgarite* [History of Bulgaria]. Sofiya, *Nauka i izkustvo – Art and science*, 1978. Available at: http://www.promacedonia.org/ki/ki_33.htm
5. Mileva M. *Bilgarskite turtsi-preselnitsi v Republika Turtsiya (Kultura i identichnost)* [The Bulgarian Turks settlers in the Republic of Turkey (Culture and Identity)]. Ed. prof. Tsvetana Georgieva. Sofia, 2006. 208 p.
6. Mikhaylova-Mrivkarova M. *Za tatarite, tatarskite uchilishcha i tatarskite dzhamii v severoiztochna Bilgariya* [The Tatar schools and mosques in northeastern Bulgaria]. *Tatarite v Bilgariya – obshchestvo, istoriya i kul'tura: sbornik dokladi ot krigla masa, provedena na 29.05.2009 g. v grad Dobrich* [Tatars in Bulgaria: society, history and culture. Collection of reports work table held 29.05.2009 in Dobrich]. Dobrich, Navrez Publ., 2009, pp. 29–67.
7. Stoyanov V. *Turskoto naselenie v Bulgariya mezhdu polyusite na etnicheskata politika* [The Turkish Population in Bulgaria between the poles of Ethnic Politics]. Sofia. LIK Publ., 1998. 251 p.
8. Brubaker R. Aftermath of Empire and the unmixing of peoples: historical and comparative perspectives. *Ethnic and Racial Studies*, 1995, no. 18 (2), pp.189–218.

9. Bulgaria. *The Project Gutenberg EBook of Encyclopaedia Britannica*, 11th Edition, vol. 4, part 4, by Various. Available at: <https://ia700202.us.archive.org/22/items/encyclopaediabri19846gut/19846-h/19846-h.htm>
10. Coman V. Unele considerații privind turco-tătarii din Medgidia la sfârșitul secolului al XIX-lea. *Din istoria tătarilor*, vol. 1, pp. 18–25.
11. Detrez R. *Historical Dictionary of Bulgaria*. 2nd ed. Scarecrow Press, 2006. – 637 p.
12. Dimitrov V. In Search of a Homogeneous Nation: The Assimilation of Bulgaria's Turkish Minority, 1984–1985. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. Available at: <http://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/JEMIE01Dimitrov10-07-01.pdf>
13. Eminov A. Turks and Tatars in Bulgaria and the Balkans. *Nationalities Papers*, 2000, vol. 28, no. 1, pp. 129–164.
14. Eren N. Crimean Tatar Communities Abroad. *The Tatars of the Crimea. Return to the Homeland* / ed. Edward Allworth. Durham and London. Duke University Press, 1998, pp. 323–351.
15. Gheorghe L. D. Dumitrascu G. Scriitori turco-tătari de expresie românească. Un fel de a pune problema. *Dobrogea – model de conviețuire multietnică și multiculturală* / Coord. V. Coman. Constanța, 2008.
16. Höpken W. From religious identity to ethnic mobilization: the Turks of Bulgaria before, under and since communism / Eds Hugh Poulton, Suha Taji-Farouki. *Muslim Identity and the Balkan State*. London. Hurst & Company Publ., 1997, pp. 54–81.
17. Köksal Y. *Struggle to Define the Nation: Ethnic Politics in Bulgaria and Turkey*. Available at: <http://www.sant.ox.ac.uk/esc/esc-lectures/koksal.pdf>
18. Küçükcan T. Re-claiming Identity: Ethnicity, Religion and Politics among Turkish-Muslims in Bulgaria and Greece / Talip Küçükcan. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 1999, vol. 19, no. 1, pp. 49–68.
19. Marushiakova E. Popov V. *Muslim Minorities in Bulgaria*. Available at: http://www.academia.edu/2844705/Muslim_Minorities_in_Bulgaria
20. Muyhtar F. *The Human Rights of Muslims in Bulgaria in Law and Politics since 1878*. Sofia, 2003. 132 p.
21. Neuburger M. *The Orient Within: Muslim Minorities and the Negotiation of Nationhood in Modern Bulgaria*. London. Cornell University Press, 2004. 223 p.
22. Şimşir B.N. *Bulgaristan Türkleri* [Bulgarian Turks]. Ankara, Bilgi Yayınevi, 1986. 403 s.

23. Ülküsal M. *Dobruca ve Türkler* [The Dobruja and Turks]. Ankara, Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1987. 270 s.
24. Ülküsal M. *Kırım Türk-Tatarları (Dünü-Bugünü-Yarını)* [Crimean Turk-Tatars (Yesterday-Today-Tomorrow)]. İstanbul, Baha, 1980. 366 p.
25. Volgyi B.B. *Ethno-Nationalism during Democratic Transition in Bulgaria: Political Pluralism as an Effective Remedy for Ethnic Conflict*. York, 2007. 73 p.
26. Willaume M. *Rumunia* [Romania]. Warszawa, 2004, pp. 143–144.
27. Williams B.G. *A Homeland Lost. Migration, The Diaspora and the Forging of Crimean Tatar National Identity*. A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements of the degree of Doctor of Philosophy (History). Madison, 1999. 726 p.

About the author: Eldar Khalilovich Seydametov – Ph.D. in History, Doctoral Candidate, Chair of Modern and Contemporary History, Odessa I.I. Mechnikov National University (65000, Dvoryanskaya str., 2, Odessa, Ukraine); seid@ukr.net

Romanya tarihinde kıpçak-tatar etkisi*

Tasin Gemil

(Babeş-Bolyai Üniversitesi)

Özet: Makalede Kumanlar ve Altın Orda Tatarlarının Romen devletlerin kurulmasında ve sağlamlaşmasında rol oynamışları göstermektedir.

Anahtar kelimeler: Kıpçak, Türk kavmi, Tatar, Romen devletleri.

XI. yüzyılın ortalarında, Tuna ve Karpatlar havzasına Orta Asya kökenli yeni bir Türk kavmi gelmiştir. Bunlar hakkında gayet bol tarihsel malzeme bulunmaktadır, çünkü doğu, güney merkezî Avrupa ve hattâ Orta Doğu ve Kuzey Afrika tarihinde 200 yıl çok önemli rol oynamışlardır. Bu sebepten de, bu kavim çok adlar ile tanılmaktadır. Bunların en eski adı – *Kıpçak*, 744 yılında dikilen «Selenge kayası» kitabesinde yazılıdır. Enteresan olan şudur ki, kitabede *Kıpçak* sözü *Türk* sözü ile birlikte yazılmış: «*Tör<k> <Q>bç<a>q elig jıl olurmış*» (*Türk-Kıpçaklar elli yıl hüküm sürdüler*) [36, s. 365–378]. VIII. asrın ortalarında, Kıpçaklar şimdiki Kazakistan'ın merkezi ve kuzey taraflarında yaşadıkları iddia edilir [1, s. 67–68].

Moğol fütuhâtın meşhur tarihçisi Fazlollah Raşid-od-Din, *Kıpçak* adını efsanevî Oğuz Han'a bağlayarak, etnonimin eski Türk dilinde «içi çürümüş, oyuk ağaç» (*qobuq, qubçaq; qowuq, qowşaq*) anlamında olduğunu izah etmiştir [55, s. 26; 44, s. 122]. Etnogenetik efsaneler sonradan yaratılmış olsalar da, bu tür efsanelerin her birinde bir tarihsel gerçeğin çekirdeği olduğu bilinmektedir. Kıpçakların türeyişlerinde orman ve ağaçtan söz edilmesi, onların ormanla bozkırın birleştiği bir yerde ortaya çıktıklarını düşündürebilir.

* Стаття опублікована в: Mostenirea Istorică a Tatarilor, vol. II, Editura Academiei Române, București, 2012, s. 37–54.

Hakikaten, araştırmacılar Kıpçakların doğum alanını Altay dağların güney etekleri ve ona bitişik bozkır olduğunu tespit etmişlerdir [1, s. 61 ve dev.].

Şark kaynaklarında *Kıfçak* şeklinde de anılan Kıpçaklar, Avrupa topraklarına geldiklerinden sonra adları türlü şekiller almıştır [23, s. 319–320]. Onları, eski Ruslar *Polovtsy*, Bizanslılar – *Kuman*, Ermeniler – *Kharteş*, Almanlar – *Valwen*, Latince’de – *Pallidi* adlandırılmışlardır. Rumca ve Latince vekayinamelerdeki *Kuman* ve Macar kaynaklarındaki *Kun*¹ adı büyük bir ihtimalle bir şahıs ve uruğ isminden gelmiştir. Fakat, sıraladığımız diğer adlar aynı manayı ifade ederler, yani «beyazımsı sarı, sarışın, sarımtırak». Çağdaş kaynaklardan topladıkları bazı malumatları da hesaba katan birçok araştırmacı, bu anlamın Kıpçakların «sarışın ve çok güzel kimseler olduğuna delâlet» ettiğini vurgulamaktadırlar [38, s. 70–71]. Amma bu meyanda, çok değerli dostlarımdan birisi olan şarkiyatçı prof. dr. Virgil Ciocîltan başka bir fikri öne sürmektedir. Henüz yazılı şekilde tanıtmadığı bu varsayımında, profesör V. Ciocîltan der ki: esas olarak, *Kuman* ve diğer «beyaz, sarışın» anlamında olan adların menşesinde *Kun* sözü bulunmaktadır. Yani *Kun*, eski Türklerde «gün, güneş» anlamını taşımakta idi (Tatarlar şimdi de «gün, güneş»e, «kun, kuneş» derler). Mantıklı olarak, profesör iddia eder ki, «sarı-beyaz, sarışın» anlamında olan tüm bu adlar, Kıpçakların tenine ve saçına ait olmaksızın, onların manevî değerini ifade etmektedir. Beyaz tenli ve sarışın olan Ruslar ve Almanlar, Kıpçakların beyazlığına ve sarışınlığına hayran kalacakları pek akla uygun sayılmaz. Bilindiği gibi, eski Türk geleneğinde, renkler manevî ve hattâ siyasî ve askerî değerler taşımakta idi. Sarı ve beyaz renkleri «parlak, ünlü, ulu, hükümdarlık, merkez v.s.» anlamında kabul edilmektedir. Buna göre, *Kun* (*Kun+man*) ve onun tercümesi olan diğer adlar, Kıpçakların ulu soydan geldiklerini ifade etmektedir. Aynı profesörün düşüncesine göre, «kun» veya «ku<n>man» (ulu, şöhretli, kuvvetli adam) Kıpçakların unvanı, manevî ve siyasî vasıfları idi, yani onlar kendilerini bu şekilde tanıtmışlardır; tercümeler yanlış yorumlanmıştır. Aynı zamanda, olabilir ki, *Kun* veya *Kuman* adı bir «ulu baba»yı da andırsın, başka eski Türk uruğlarında da rastlandığı

¹ İranlı Mervezî (y.1120) de *Qunlar*’dan bahseder [56, s. 18]. Yine İranlı ve aynı XII. asırda yaşayan Idrisî de *Kuman* adına hitap etmiştir [1, s. 28].

gibi. Meşhur profesör Peter Golden şöyle sonuçlandırmaktadır: «Kıpçak birliği, Türk, Moğol ve İran unsurları içeren çok tabakalı bir etnik-dinsel yapı idi. Arkeoloji bunu doğrular görünmektedir» [23, s. 328].

Prof. dr. Istvan Vasary ise, Kıpçaklar ve Kumanlar Türk kökenli iki ayrı kavimler birliği olduğunu ileri sürer ve bunların ancak XII. yüzyılın sonlarına doğru birleştiklerini kabul eder [56, s.19–20].

Biz, burada, Kıpçak ve Kuman adında aynı halk anlaşıldığını kabul ederek, bu Türk soylu halk Kuman (Cuman, Coman) ve Kıpçak ismi altında ve, zaman seyrinde, Tatar adını tercih ettikten sonra da, Doğu Avrupa’da, özellikle, Romanya tarihinde oynadığı büyük rolü kısaca belirtmek niyetindeyiz.

Birinci ve ikinci binyılın kavşağında, Kimek oymak birliğine² mensup olan Kıpçaklar, yanlarına birliğin bir kısmını da alarak, batıya yayılmaya başlamışlardır. Kıpçaklar, 1030 tarihlerinde Idil (Volga) sahillerinde görünmüşlerdir ve 1055 yılında, Boluş adında bir başbug yönetiminde, Özü (Dnepr) kıyısına yetiştiklerini eski Rus vekâyinamelerinde görmekteyiz. 1061de, başbug Sokal kumandasında Kıpçaklar (Kumanlar) ilk kez olarak Rusların üzerine saldırmışlardır. Bu hadise ile, Rusların asırlar boyunca bozkır halklarıyla sürdürdükleri mücadelenin yeni bir safhaya girdiği bilinmektedir. Bir kaç yıl içinde, Kumanlar Tuna ve Karpatlar havzasına yayılmışlardır. XI.yüzyılın ikinci yarısında, Karadeniz’in kuzeyinde bulunan geniş bozkırlar tamamıyla Kumanların eline geçmiştir. Bu coğrafya, İslam kaynaklarında *Deşt-i Kıpçak* (Kıpçak Bozkır) adıyla anılmaya başlamıştır. XI.yüzyılın sonlarında, Kumanlar İrtiş ile Karpatlar arasında uzanan fevkalade geniş bir Avrasya bölgesine egemen olmuşlardır. Böyle bir çapta hakimiyet kuran başka bir Türk halkı aslında yoktur tarihte. Fakat, bu alanda, Kumanlar merkezi bir iktidar etrafında siyasi ve ekonomik bir devlet sistemi oluşturamamışlardır. Tam manasıyla bir Kuman İmparatorluğu’ndan söz edilemez. Rahmetli A.N. Kurat’ın görüşüne göre: «Bu geniş bozkırlarda yaşayan Kıpçak-Kuman uruğlarından çoğu, *koyu göçebe* olmaları, yani göçebelik gelenek ve usullerini titizlikle muhafaza ettikleri cihetle, oturak hayata geçmemişler ve dolayısıyla hiç bir yerde

² Bu federasyon, IX–X. yüzyıllarda, Ertiş (İrtiş) ile Yayık (Ural) nehirleri arasında mevcut olub, yedi kabileden oluşmuş idi: *İme*, *İmek* (Kimek), *Tatar*, *Balandar* (Bayandar), *Qıfçaq*, *Langaz* (Lanikaz) ve *Eclad* (Aclad) [27, s. 126; 1, s. 101 ve dev].

tutunamamışlar» [38, s. 75]. İzah bence yeterli değil (Cengiz Han'ın Moğolları yerleşik hayata geçmişlerdi mi?), çünkü – ileride zikredeceğimiz gibi – XIII–XIV. asırlarda, aynı Kumanlar bazı yerel devletlerin teşekülünde ön ayak ve yönetici zümre rolünü çok başarılı bir şekilde oynamışlardır. Kuman veya Kıpçak adında bir vahid devletin veya merkezileştirilmiş bir imparatorluğun kurulmaması, fikrimce, işgal edilen toprağın olağanüstü geniş olması ve güçlü bir liderin yokluğu ile izah olunabilinir. Fakat, Kumanlar etkin bölgesel teşkilatlar kurabildikleri malumdur, çünkü aksi takdirde egemenlikleri 200 yıl süremezdi, tabii. Batı ölçüsü ile, Kuman toplumu erken feodal devlet yapısına sahipti. Hattâ, değerli Rus tarihçisi A.I. İakubovski, XII. yüzyılda Kıpçaklarda «göçebe bir prensliğin» var olduğundan bahseder. Amma, tanınmış turkolog W. Barthold, Kıpçakların ayrı ayrı hanları olduğunu kabul etse de, tüm Kıpçakların tek bir hana itaat ettiklerini kabul etmez [1, s. 277]. XII–XV.yüzyıllarındaki Avrasya tarihini esaslı araştıran Rus tarihçilerin iddia ettiklerine göre, «göçebe devletçikler sayesinde, Kuman hakimiyeti *Deşt-i Kıpçak*'ta mukemmel olmuştur» [24, s. 20]. Bu devlet yapıları o kadar küçük da olmaması gerek, çünkü o muazzam coğrafyada, yani Ertiş ile Tuna arasında, bazı kaynaklara göre, ancak 9 (dokuz) göçebe idare merkezi işlemiştir. Her biri, üstünlük kazanmış iki hanedandan (*İlbari* ve *Uran*) birisine mensup olan bir han tarafından yönetilmiştir [1, s. 276–281]. Peçenekler ve Kumanlar üzerine mukemmel araştırmalarıyla tanınan D.A.R asovsky'a göre, Kumanlar beş bölükten ibaretti: 1 – Orta Asya, 2 – Ural-Volga, 3 – Donetsk-Don, 4 – Aşağı Dniepr ve 5 – Tuna bölümü [48, s. 140]. Profesör Peter Golden'e göre, Kıpçak birliği üç büyük topluluk oluşturmıştır: 1 – Tuna'ya kadar uzanan Batı birliği; 2 – Orta Asya'da Kıpçak-Kanglı birliği ve 3 – Batı Sibirya'da Kıpçak adı altında birleşen boylar. Bu büyük birliklerin birçok altbölümleri olduğu da ileri sürülmektedir; bunların arasında Tuna boyu birimleri de vardır [23, s. 328].

Burada, bizi ilgilendiren yalnız sonuncu bölük veya birimdir, yani Tuna ve Karpatlar havzasında egemenlik kuran Kumanlar.

«Tuna bölümü» Kumanların hakim olduğu mıntıka, XIII. yüzyıldan itibaren, zamanın Latince kaynaklarında «Cumania (Comania)» veya «Terra Cumanorum (Comanorum)» adını taşımakta idi. Bu «Kumanlar ülkesi», Karpatlar'ın doğu ve güney bölgesinde bulunduđu, yani Romanya'nın Moldova ve Valahia (Eflak) denilen

tarihi memleketlerini içerdiği kesinlikle bilinmektedir [40, s. 265–272]. Fakat, bu ülkenin doğu sınırları oldukça belirsiz olmasına rağmen, XIII. yüzyılın ortalarında, bu topraklarda dolaşan Dominiken ve Fransisken rahipler «Kumanlar ülkesi»n Yayık (Ural) nehrine kadar uzandığını belirtmişlerdir [56, s. 21–22]. Yani, *Cumania* ile *Deşt-i Kıpçak* aşağı-yukarı aynı coğrafya idi. Amma, burada, bahs ettiğimiz «Tuna bölüğü» değil, Avrupa topraklarına yerleşen tüm Kumanlar göz önünde tutulmuştur (*totam terram Comanorum* – «bütün Kuman toprağı»). Zamanın kaynaklarından anlaşıldığına göre, Romanya topraklarına yerleşen Kumanların idare merkezleri Aşağı Tuna’da değil, Aşağı Dniepr’de, ihtimal Kerson civarında imiş [51, s. 253–254].

Batı Kumanların ilk tanınmış hanları Tugor (Togortak) Han olmuş. Kumanlar, bunun kumandasında, 1091’da, Lebunion’da, Peçenekleri mahvetmişlerdi. 1094–1095 yıllarında, yine Tugor Han yönetiminde, Batı Kumanlar Bizans İmparatorluğu’n dahili mücadelesine karışarak, büyük nüfus kazanmışlardır. Bu vesile ile, Kuman ordusu Dobruca’dan geçmiş ve Balkanlar’da halk tarafınca sevinçle karşılanmış. Hattâ, Balkan Vlahları (Romenleri) bu Kuman ordusuna kılavuzluk bile ettikleri bilinmektedir. 1199’da, Balkanlar’a yaptıkları bir taaruzda, Kumanların yanında Tuna’nın kuzeyindeki Romenler de bulunmuş. Aynı zamanda, Kumanlar Macar kiralığına da müdahale etmişlerdir. İlk defa, Macar kiralığı Kumanlarla 1085–1086 yıllarında karşılaşmıştır. Eski Macar kralı Salomon, Kumanlar arasına sığındıktan sonra, onların desteğiyle tahtını tekrar almak istemiştir. Kutesk adında başbuğlarıyla, Kumanlar Macar kiralığının içine derin dalmışlar ise de, kral I. Ladislau onlar püskürtebilmiştir. Bir kaç yıl sonra, 1091–1092’de, Kolpuç’un komutanlığında, Kumanlar Moldova’dan Karpatları geçerek, Transilvanya’nın batı ve güney-batı bölgelerini yağmalamışlardır. Dönüş yolunda, aynı kral I. Ladislau tarafınca mağlup edilmiş iseler de, Kumanlar Macar kiralığıyla savaşmaya devam etmişlerdir. Bonyak ve Altunopa başbuğları kumandasında, Kumanlar, 1097’de, Macar kralı Koloman’ı çok ağır bir duruma düşürmüşlerdir. En nihayet, Macar kiralığı Kumanların askeri ve siyasi güçlerinden istifade etmek maksadıyla, kral II. Istvan (1116–1131) zamanında, Tatar Han adında başbuğ ile birlikte, 30 000 Kumanı kiralığın güney-doğu topraklarına yerleştirmiştir. 1132 yılında, Macar kralı II. Bela, Tatar Han kumandasında

bir Kuman ordusunu Italya'ya, Lothar'ı desteklemek için göndermiştir. 1099 yılında, Kumanlar Polonya krallığına da akın düzenlemişlerdir [12, s. 24 ve dev; 51, s. 248–254]. Böylece Kumanlar, yalnız Rus knyazlıkların tarihini değil, aynı zamanda, Balkanlar'ın ve hattâ orta Avrupa tarihini de etkilemişlerdir.

İki asır boyunca, Bizans İmparatorluğu'na Balkanlar'da ve Macaristan krallığına da Transilvanya'da çeşitli sorunlar yaratanlar işte bu Kumanlar olmuştur, yani «Comania» Kumanları ve onların müttefikleri. Bizanslı ve Batılı kaynaklar özellikle bu Kumanlar'dan bahsederler. Pek tabii ki, Kumanlar dedikte halis bir Kuman toplumundan söz edilmez. Orta Asya'dan Doğu Avrupa'ya uzanan yolda, Kumanlar ile birlikte çeşitli kavimler ve etnik unsurlar gelmiştir, ilk önce Türk menşeli olanlar. Ayrıca, Romanya topraklarında bulunan Peçenek, Uz, Berendi v.s. kalıntıları da bu Kuman bölüğüne dahil olmuştur. Başka bölgelerde de olduğu gibi, buradaki yerliler de Kumanlar ile işbirliği yapmaktan ve kaynaşmaktan çekinmemişlerdir. Romen tarihçilerinin tespit ettiklerine göre, zaman içinde, bu Kumanların önemli bir oranı göçebe hayatından tarımcılığa geçmiştir, hristiyanlaşmıştır ve neticede yerliler içinde erimiştir [8, s. 96 ve dev].

Kumanya'yı hristiyanlaştırmak, Macar krallığı için yalnız bir dinî görev kalmaksızın, aynı zamanda doğu hudutlarını güvene almak için çok önemli bir siyasî gereksim de olmuştur. Alınan tedbirler sonucu ve yakınlaşan Moğol-Tatar tehlikesi karşısında, 1227 yılında Kumania Kumanların bir kısmı, daha doğrusu Borçi han ve yanındaki Kuman aristokrasisi, Macar kralına müracaat ederek, hristiyanlaşma ve tabi olma isteklerini bildirmişlerdir. Ertesi yıl, 1228'de onlar için, Moldova'nın güneyinde bulunan Vrancea vilayetinde, Milkov ırmağı havzasında, Kuman katolik piskoposluğu kurulmuştur. 1233'te, kral IV.Bela «Kumanların kralı» (*Rex Cumanorum*) unvanını almıştır. Moğol-Tatar istilâsın neticesi olarak, Kumania ve «Kuman piskoposluğu» ortadan kalkmış ise de, Macar kralları bu unvanı asırlar boyunca taşımışlardır [18].

Romen tarihçileri Kumanların Tuna-Karpatlar bölgesindeki hakimiyetlerine dair epey araştırmalar yapmışlardır. Onların tespit ettiklerine göre, Kumanlar ile Romenler arasındaki münasebetler oldukça sakin olub, yalnız hakim zümre ile tabi halk arasındaki ilişkiler çerçevesinde kalmaksızın, işbirliği ve kaynaşmaya da

yönelmiştir. Büyük tarihçi N.Iorga'nın, XI–XIV. yüzyılları için, yani Romen halkın olgunlaşma çağını ve Romen devletleşiliğinin doğma ve sağlamlaşma dönemini göz önünde tutarak, kullandığı «Romen-Türk sembiyozi», «Romen-Türk işbirliği» ve «Romen-Türk sentezi» gibi değerlendirmesini, genel olarak, ciddî Romen tarihçileri kabul etmişlerdir [9, s. 59]. Fakat, Balkanlar'da, 1185'de başlayan ve İmparatorluk kurulmasıyla sonuçlanan ayaklanmanın liderleri Asen ve Petru kardeşleri Romen tarihçileri Romen olduklarını ve kurdukları devletin de «Vlah-Bulgar İmparatorluğu» olduğunu ısrarla iddia ederler. Bulgarlar ise, bu kardeşlerin Bulgar menşeli ve kurdukları devlet de ilk önce Bulgar çarlığı olduğunu inatla ileri sürerler [53]. Bu konu üzerinde, Romen ve Bulgar tarihçileri arasındaki tartışma uzun yıllardır süregelmiştir. Bu olaylarda, Kumanların oynadıkları baş rolü iki taraf ta kabul etmemektedir ve onlara arka planda, hatta ek, paralı asker rolünü tanımaktadırlar. Halbuki, bu imparatorluğu yöneten «Asanlar hanedanının» kurucusu halis bir Türk adı taşımaktadır. *Asan* ve *Asen* (*Esen*, *Isen*) sözleri, o zamanlardan günümüze kadar, yakın tüm Türk toplumlarında kullanıla gelmiş kelimelerdir [41, s. 77; 6, s. 39; 47, s. 874, 1526]. Asen ve Petru kardeşlerin başlık ettikleri büyük Balkan ayaklanmasında «Vlahlar ve Bulgarlar» çoğunlukta olmuştur, amma bu harekâtın yönetimi, askerî kumanda ve desteği hristiyanlaşmış Kumanların elinde bulunmuştur. Yakın birbuçuk asır sonra, Eflak ve Moldova devletlerinin kurulmasında da benzer sorunlar karşımıza çıkacaktır [22, s. 12–14, 17].

Hakim Kumanlar için Romenler çeşitli taahhütler yerine getirmeleri lazım idi. Bunlardan en önemlisi vergiler olmuştur (tahıl, tuz, bal, bal mumu, balık, av kuşu v.b.). Aynı zamanda, yerliler hakimlerin yararına bazı hizmetlerde de bulunmaları gerekiyordu, özellikle tahkimat çalışmaları. Yazılı kaynakların yanı sıra, bu alakalar üzere Romen dilindeki bazı eski sözcüklerin incelenmesi de çok önemli sonuçlara götürmektedir. Romence'de *uium*, *oium* terimi öğütülmüş buğday için değirmenci tarafınca alınan un veya buğday vergisi anlamında günümüzde bile kullanılır. 1247 yılında Sent Jean şovalyelerine Macar kralı IV.Bela tarafından verilen diplomda, «Kumanlar ülkesinde» bulunan değirmenlerden de bahsedilir [15, s. 8]. Bu değirmenlerin sahipleri Kuman «boyarları» olduğu kabul edilir ve böylece, «uyum» terimi, iddia edildiği gibi Bulgar veya Sırb menşeli değil, eski Türk sözü olduğunu Romen bilim adamları ileri

sürmüşlerdir [16]. Ortacag'da, Moldova'da toprak sahibi serbest köylü tabakasının adı «răzeş» yine Kumanlar'dan kalan bir terim olduğunu Romen Akademisi'n üyesi, meşhur lengvist Alexandru Philippide tanıtlamıştır. Ona göre, bu kelime Macarca'dan (*részes*) değil, Arapça ve Türkçe'den gelmiştir. Yani, *erz+eş* (arazi ortağı), metatez ile *rezeş* ve *răzeş* olmuş [45, s. 378–379]. Bence, bu terim Kuman devrinden değil, Kıpçak-Tatar (XIII–XIV.yy.) devrinden kaldığı daha mantıklı olabilir, çünkü ancak o zamanlar Arapça ve Farsça sözler buralara kadar yetişebilirdi. Sorun gayet önemlidir, çünkü «răzeş»ler Ortacağı Moldova devletinin belkemiğini oluşturmuşlardır.

* * *

XIII. yüzyılın ortasından itibaren, *Kuman (Kıpçak)* ile *Tatar* arasında bir karışıklık meydana çıkmıştır. Bu karışıklık, o zamanlar yayılan *Moğol* ile *Tatar* arasındaki karışıklık ile sıkı bağlantısı vardır. Baştan bildirmek gerektir ki, XIII.yüzyılda hızla kurulmakta olan muazzam Moğol İmparatorluğu'n askeri ve halkı büyük bir çoğunlukta gayri Moğol ırkından idi, özellikle Türk soyundan. Bertold Spuler'in tespit ettiğine göre, 1221'de Horasan'ı fetheden «Moğol askerini» çoğu Türk asıllı askerlerden oluşmuş idi [52, s. 23]. Aslında, Moğol kavmi az sayıda olduğu bilgi üzere kaynaklar ve tarihçiler birleşmektedir³. Cengiz Han'ın ve varislerin uyguladığı çok etkinli bir usul üzere, fethedilen yerlerin aristokrasinin önemli bir kısmı öldürüldükten sonra, elinde silah tutabilecek erkekler gönüllü veya zoraki «Tatar adında» Moğol ordusuna alınıyordu. Bunu, Macar kralın 1237'de, «Magna Hungaria» gibi anılan Orta Volga bölgesine gönderdiği casuslarından birisi olan rahip Iulianus ifade eder [17, s. 53; 51, s. 410, 423]. Böylece, Moğol ordusu, kar üstünde yuvarlanan bir kar topu gibi, durmadan artıyor ve büyüyordu. Bu usulu, Cengiz Han ilk defa 1202 yılında, Tatar kavmini acımasız kırdığı Dalan Nemurges savaşından sonra uygulamıştır. Yani, savaştan sağ çıkan Tatar erkeklerini silahlandırarak, müteakip savaşlarda ön cephede görevlendirmiş ve ilk taaruzları onlara yaptırtmıştır. Orta Asya'da ve sonra İslam dünyasında ve Hristiyan

³ 1227'de, Cengiz Han'ın varisleri arasında Moğol askerleri ve kabileleri taksim olduktan, Batu'ya, yani Cuci ulusuna yalnız 4000 asıl Moğol askeri tahsis edilmiştir [25, s. 469].

lkelerinde Tatar adı Moğol adından nce ve daha ok yayılmıştır. Daha fazla ayrıntılara girmeden, demek istediğimiz şudur ki, *Moğol* adı ile *Tatar* adı bazı kaynaklarda ve bir ok tarihiler tarafınca zdeleştiriilmiş ve halen de zdeleştiriilmekte ise de, bu terimler ayrı manalar ifade etmişlerdir. Yani, *Moğol* adı devletin ynetimini elinde tutan ve etnik bakımdan asıl Moğol olan stn tabakayı belirtmiş ise, *Tatar* adı bu imparatorluęu’n geniş serhadları iinde bulunan eşitli etnik kkenden gelen halkını ve ordusunu ifade etmiştir. Bu ayrımı yapmayan veya yapmak istemeyen tarihiler ok karışık yorumlar ile yanlış sonuçlar ileri srerler. İmparatorluęun Moğol asıllı ynetici zmresi *Tatar* adını asla kabul etmezdi, nk onlar kendilerini stn tabaka hesap ederek, «Kke Manghol» (Gk Mogolları, yani Gk Tanrı’sın himayesinde bulunan Moğollar) adlanırlardı. Tatar adı genel bir isim olarak tm tabi kavimler iin kullanılırdı. Bu meyanda, başka araştırmacıların yanısıra, bizim de katkılarımız olmuştur [21, s. 178–197; 19, s. 49–63; 20, p. 24–38]. Gereken deliller orada sunulduęu iin, burada da onları tekrar sıralamayacağız. Herhalde, Moğol İmparatorluęun sınırları iinde yaşıyan tm gayri Mogollar iin iřletilen «Tatar» terimi, Moğol-Tatar modeli zerine kurulmuş Rus İmparatorluęunda da, btn Trk soyundan olan halklar iin komnist rejimine kadar kullanılmıştır. Yani, arlık Rusya’da, Azeriler, Trkmenler, zbekler, Kazahlar, Kırgızlar ve dięer Trk toplumları *Tatar* adlandırılmışlar idi. Sovyet esaretinde bulunan Trk dunyasını paralamak iin, komnistler yerel milliyetilikleri krkleyerek ayrı ayrı halklar ve topluluklar ortaya ıkarmışlardır.

* * *

1206 Kurultay’ında, Cengiz Han ilan edildikten sonra, tm Avrasya yeni bir byk tehlike ile karřılařtı. Bu geniş coęrafyaya uzun yıllar «Tatar» adıyla dehřet saan ordular oęunlukta Trk askerlerinden oluşub, Moğol komutasında bulunmakta idiler. Bu sebepten, bu ordulara ve onların sayesinde kurulan İmparatorluęa «Moğol-Tatar» adı verilmesi tarihi gereęe uygun olduęu kanaatindeyiz. Fakat, bu adlandırma, bu imparatorluęun Batı kısmının, yani Altın Orda’nın İslamlaşmasına ve Trkleşmesine kadar geerlidir. XIII. asrın ikinci yarısından itibaren, *İslam ve Trk asıllı Tatar devleti* ve, sonraları, devletlerinden bahsedilmesi lazım.

Doğu Avrupa topraklarına, Moğol-Tatarlar ilk defa Cebe ve Subotay adında kabiliyetli generalların kumandasında ayak basmışlardır. 31 Mayıs 1223 tarihinde, Kalka ırmagına yakın bir yerde, Moğol-Tatar kuvvetleri Kıpçak-Rus müttefik ordusunu mahv etmiştir. Ardından, Kırım ve aşağı Volga boyunu yağmalayan Moğol-Tatarlar, özellikle yerleşik Kıpçaklar'a müthiş darbeler indirmişlerdir. Aynı zamanda, bölgeye önemli sayıda Doğu'dan gelen Kıpçak uruğları yığılmakta idi. Bunlar, Cengiz Han kuvvetlerin önünden kaçarak, Kırım ve Idil havzasında çoktan iskan etmiş Kıpçaklar'ın yanında güven aramakta idiler. 1223 seferi geniş çapta uygulanan bir nevi istihbarat ve tatbikat etkinliği olmuş idi. Alınan malumatlar esasında, 1235 Kurultayında Doğu Avrupa'yu sistematik surette istila edilmesi kararlaştırılmıştır.

Gerçekten, 1236'da başlayan ve 1242'de sonuçlanan büyük Moğol-Tatar seferi Doğu ve Orta Avrupa tarihinin kaderini değiştiren bir hadisedir. Ruslar ve Kıpçaklar için ise bu sefer tam manasıyla ayrı bir ehemmiyet taşır. Ruslar, 240 yıl için «Tatar boyunduruğun» altına girmişlerdir. Tarihte, yalnız Tatarların önünde Rusya yakın ikibuçuk asır diz çıkmıştır. İmparatorluk gururu besleyen Rusya, Tatarları asla afetmemiş ve günümüze kadar onlara yapmadığı zulüm kalmamıştır. Rusları bunca zaman «boyundurug» altında tutmakla, Tatarlar birçok halkların, özellikle Türk asıllı olanların, milli kimliklerini korumuşlardır ve sonraları da bunların öz devletlerinin kurulması için gereken şartların yaranmasını sağlamışlardır. Orta ve Batı Avrupa ülkeleri için ise, Moğol-Tatar istilâsı bir felâket olmasın yanısıra, mutlakıyet iktidar etrafında merkezleştirilmiş devletlerin kurulma prosesini kolaylaştırmış ve teşvik etmiştir. Bu görüş amerikan bilim adamı Marshall G.S. Hodgson'un ileri sürdüğü «Dünya tarihini yeniden düşünmek» fikrin doğrultusunda açıklanmaktadır [29, s. 23; 28, s. 58]. Yani, Moğol-Tatar darbeleri Orta ve Batı Avrupa'daki üst tabakanın (büyük feodallar) gücünü azaltarak, kral gücünün artmasına imkân yaratmıştır. Aynı zamanda, Avrasya coğrafyasında uzun bir dönem etkili olan «Pax Mongolica» (*Moğol barışı (düzeni)*) kıtalararası ticaretin ve ilişkilerin gelişmesi için müsait ortamı sağlamıştır. Güvence altında bulunan Avrasya yollarında mallar ile birlikte insanlar ve fikirler de dolaşıyordu.

Büyük Moğol-Tatar istilası Doğu Avrupa'da Kuman egemenliğine son vermekle beraber, Kuman, Kıpçak adların da tarihe

karışması için yol açmıştır. Direnmeye gayret etmelerine rağmen, Kuman (Kıpçak) orduları Moğol-Tatar kuvvetleri tarafınca dağıtılmıştır. Kumanlar güvencelerini Kırım yarımadasında, Volga boyundaki ormanlarda, Kavkaz vadilerinde ve Macar kiralığında aramışlardır. Zamanın kaynaklarında yazıldığına göre, Batı Kumanların hanı olan Köten Han, ordusu ile birlikte kahramanca savaşmasına rağmen, önderliğindeki 40000 Kuman ile hıristyanlaşmaya mecbur kalmıştır ve Macar kiralığına sığınmıştır. Moğol genel komutanı Batu, Köten Han ve yanındaki Kumanlara sığınma hakkı verdiği için, Macar kralı IV.Bela'ya protesto mektubu göndermiştir. Moğollar tüm Orta Asya halklarını Cengiz Han sülalesine tabi olmasını doğal olduğunu düşünürlerdi ve Panonnia'da devlet kuran Attila ve Hunları da öz selefleri gibi görüyorlardı. İhtimal, onların Avrupa istilası planlarında, Macaristan bir üs gibi kullanılacaktı [38, s. 97; 57, s. 73].

Kumanların çoğu ise Moğol-Tatar hakimiyetini tanımıştır ve ayak uydurmaya gayret etmişlerdir. Öyle ki, 1242 yılında kurulan Altın Orda devletinde, Kumanlar baştan önemli bir rol oynamaya muvaffak olabilmişler. Hattâ, Rus menşeli ve Rus meyilli ünlü Amerikan tarihçisi George Vernadsky, *Altın Orda aslında Kıpçak Hanlığı olduğunu iddia ediyor*⁴. Bu fikri Kazak tarihçisi Sercan M.Ahincanov'da paylaşmaktadır. Aynı zamanda, S.Ahincanov'a göre: «Mısır Memluk devleti de tamamıyla bir Kıpçak devleti idi. Günümüzde Kazan Tatarları dediğimiz halk, aslında İdil Bulgarları ve Kıpçaklardır. Kırım Tatarları da ağırlıklı olarak Kıpçak ve Oğuzlardan teşekkül etmektedir» [1, arka kapak].

Gerçekten, Altın Orda'nın hızla Türkleşmesinde, Kumanlar (Kıpçaklar) esas ve en dinamik faktör olduğu kabul edilmektedir. Altın Orda'nın veya Kıpçak Hanlığı'nın Türkleşmesi aynı coğrafyada bulunan ahalinin İslamlaşması ile beraber gelişerek, bu iki büyük proses birbirine destek olmuşlardır. Aslında, Moğolların ve başka toplumların İslamlaşması ve Türkleşmesi daha eskilerde başladığı

⁴ «Siyasi bakımdan o yıllarda Moğol İmparatorluğu'ndaki en önemli gelişme, Batu'nun (yeni büyük han – T.G.) Güney Rusya'da başkenti Aşağı Volga boyundaki yeni Saray şehri olan ve müteakiben Altın Orda diye bilinen Kıpçak Hanlığı'nın tesisi oldu» [57, s.82]. Bu kitabında, müelîf *Altın Orda* yerine *Kıpçak Hanlığı* tabirini kullanmaktadır.

bilinmektedir. Fakat, Altın Orda himayesinde bu eylemler sistematik bir şekilde sürdürülmüştür. Araştırmacıların tespitlerine göre [26, s. 7]⁵, XIII. yüzyılın ikinci yarısında Deşt-i Kıpçak'a yeni yığışanlar da İslam dinini kabul etmişlerdir ve XIV. asrın ilk yarısında, Özbek Han (1312–1342) zamanında, Altın Orda tamamıyla bir İslam ülkesi olmuştur. Bu vaka yalnız Avrasya coğrafyası için değil, aynı zamanda Orta Doğu ve Kuzey Afrika tarihi için de büyük önem taşımaktadır. Kıpçak menşeli olan Memluk sultanları bu gelişmeleri büyük memnuniyetle izlediklerine dair zamanın kaynaklarında gereken deliller mevcuttur [24, s. 73, 76–78, 88–89, 111, 115].

Zamanın dev gücü sayılan Altın Orda tahtına müslüman Berke Han'ın oturması (1257–1266), tüm İslam dünyasında fevkalade bir teşvik ve destek gibi değerlendirilmiştir. Bu ortamda, Sarı Saltık önderliğinde, 10–12 bin Anadolu Türkmeni Dobruca'ya iskan edilmiştir ve, aynı zamanda, Berke Han'ın gönderdiği bir Tatar ordusu Enos kalesinde hapiste bulunan eski Selçuk sultanı II. İzzeddin Keykavuz'u kurtarmış ve maiyetiyle Kırım'a yerleştirmiş. Berke Han, Sultan İzzeddin'e kızlarından birisini ve verimli Solhat ve Sudak şehirlerini gelir kaynağı gibi vermiştir. Selçüklü sultanı ölümüne kadar (1278) Kırım'da yaşamıştır. Kaynaklardan anlaşıldığına göre, Sarı Saltık ve Dobruca'ya gelen Türkmenler de Kırım'a göç ederek, sultanların yanında kalmışlar. 1263–1265 yıllarında olmuş bu hadiseler hakkında birçok araştırmalar yapılmıştır [10, s. 169–192; 3, s. 85–111], fakat Altın Orda'da tam o devirde alan kazanan İslamlaşma ve Türkleşme hareketleri ile bağlantı yapılmamıştır.

«Türkçe konuşan tüm Müslümanlar doğal bir süreçle Tatar (Tartar) adıyla anılmaya başladılar», diye iddia ediyor tanınmış eski Orta Asya ve Türk tarihi uzmanı Jean-Paul Roux [49, s. 286]. Profesör Halil İnalcık'ın kanaatine göre, Altın Orda sınırları içine toplanan tüm Türk göçebe kavimlerin kalıntıları müşterek Tatar adı altında tanınmışlardır⁶. Gerçekten, Moğol-Tatarların tarihinin yazmasını 1310

⁵ Altın Orda hanı, Berke Han (1257–1266), İslam dinini şehzadelik döneminde, 1240–1250 yıllarında kabul etmiştir ve Cemaleddin İbrahim ismiyle güçlü bir İslam taraftarı olmuştur.

⁶ «The Golden Horde empire comprised all of the remnants of the earlier nomadic peoples of Turkic language in the steppe area which were then known under the common name of Tatar within this new political framework» [30, s. 1].

yılında tamamlayan Fadlollah Raşidoddin tespit etmiştir ki, «Tatar adı» başta Moğollardan ayrı bir kavmin adı olmuş ise, Cengiz Han İmparatorluğu kurulduktan sonra, «Tatar adı tüm Türk kavimlerine verilmiştir» [4, s. 736; 35, s. 279]. Amma, Altın Orda devletinin başlıca halkı Kıpçaklar ve yöneticileri de Moğol olduğuna göre, neden Tatar adı benimsenmiş ?! Bu suala başta Tatar (Kazan) alimleri olmak üzere [34, s. 342–375; 59, s. 215–284], araştırmacılar cevap bulmaya çalışmışlardır ve halen de çalışmaktadırlar. Fakat, bazı yabancı tarihçiler bu sorun ile ilgilenmeden ve hiç tereddüt de etmeden, Tatarları Moğollar ile özdeleştirmeye devam etmekteledir. Bunların arasında Romen tarihçileri de bulunmaktadır⁷.

Görmek isteyenler için, bu mevzu üzerinde de zamanın kaynaklarında ikna edici açıklamalar mevcuttur. 1349'da vefat eden Süryeli ansiklopedist Fadlallah al-Omari, Deşt-i Kıpçak'ta yükselen Altın Orda'dan bahs ederek, şöyle yazmıştır: «Bu diyar eskiden Kıpçak ili idi, Tatarlar (yani, Moğollar – T.G.) buraya akın edince, Kıpçak ahalisi onlara reaya oldu, sonra onlar ile karıştılar, akraba oldular. Toprak onların tabiatlerine ve oruklarına galip, Moğollar Kıpçak toprağında sakin olmakla Kıpçak ahalisinden kız almakla, şehirleri onların arasında bulunmakla Tatarlar hep Kıpçak gibi, guya bir cinsten oldular» [54, s. 373]. Meşhur tarihçi Ibn Haldun da Kıpçaklar ve Tatarlar arasındaki sıkı akraba ilişkilerinden bahs etmiştir. Rus bilim adamı B.Y. Kumekov, Kıpçaklarla Tatarlar arasındaki sıhri yakınlıklar büyük ihtimalle VIII. yüzyılda, yani Kıpçak ve Oğuz kabilelerin Orta Asya'daki Moğol dilli gruplarla ilişkiler kurulduğu dönemde başlamış olduğunu ileri sürmektedir [1, s. 146–147]. *Kıpçak* adını, Kırım Hanlığı'nın halkı hatta XVII.yüzyıla kadar, kısmen de olsa, kullandığı da ifade edilmektedir [59, s. 226]. Herhalde, XIV. yüzyılda, Altın Orda'nın resmi dili Kıpçak ve Oğuz lehçelerin karışımından yaratılan edebi Türkçe bir dil idi. Sonraları bu dil *Tatarca* adlandırılmıştır.

XIII. yüzyılın sonunda Kırım'da (muhtemelen Eski Kırım'da) hazırlanan ve dünyaca meşhur *Codex Cumanicus* Kıpçak dilinin Tatar diline dönüşmekte olduğunu çok açık şekilde ispatlamaktadır. Kırım'a

⁷ Bu meyanda, özellikle, bk. Şerban Papacostea ve Victor Spinei'in yayınladıkları kitap ve etüdlere.

gelen yabancı tüccarlar ve katolik misiyönerleri için bir dil kılavuzu gibi hazırlanan bu kitapta yer alan *Kumanca* sözcüklerin ve gramer kaidelerin büyük bir kısmını *Tatarca* bilen bir şahıs kolaylıkla anlayabilmektedir [58]. Altın Orda devrinde Kıpçak-Tatar dili bir *lingua franca* (şimdiki İngilizce gibi, ortak dil) niteliğine yükselmişti. Kırım'da yaşayan Yahudi, Rum ve Ermeni toplumları öz dillerini unutarak, Kıpçak-Tatar dilini benimsemiş ve asırlar boyunca ana dilleri gibi kullanmışlardır. Ünlü Fransız türkoloğu Jean Deny, *Codex Cumanicus* dilini Tatar diliyle özdeşleştirmiştir [11, s. 9–22, 73]. Emsalsiz bir dil ve tarih abidesi olan bu eser, *Codex Tataricus* adını da taşıyabilirdi, muhakkak.

Aynı zamanda, Altın Orda'nın resmi belgelerinde, Moğol adın yanısıra Tatar adı da kullanılmaktadır. XIV. yüzyılın ortasından itibaren ise, Tatar adı rekabeti kazanmış durumdadır. Yani, denilebilir ki, Altın Orda'nın esas halkını oluşturan Kıpçaklar veya Kumanlar öz adlarından vazgeçerek, üzerlerine gelen az sayıda fatihlerin adını benimsemişlerdir. Bunun sebebini, prof. V. Ciocîltan tarihte benzer vakalarla mukayese ederek açıklamaktadır. Yerli halk olan Romalılaşmış Gallar, üzerlerine gelip efendileri kesilen Frankların adını kabul ettikleri gibi, Doğu Slavların Skandinav akıncılarından aldıkları Rus adı gibi ve Güney Slavların da yine az sayıda olan Bulgar fatihlerin adlarını benimsedikleri gibi. Romalılaşmış Galların ve Slavların yaptıkları gibi, Kıpçaklar da üstün tabakayı oluşturan Moğolları asimile etmiş iseler de, öz adlarını kaybetmişlerdir. Ama, imparator sülalesin adı olan *Moğol* yerine, tebaanı temsil eden *Tatar* adını neden aldılar? Bunun izahı: *Tatar* adı zaten bir genel ad olarak Altın Orda'nın tüm gayri Moğol halkı için kullanılmakta idi ve, belki daha mantıklısı, Altın Orda'nın can düşmanı olan İran'daki İlhanlar tam o devirde *Moğol* adını benimsemişlerdi [7, s. 23–28; 2; 37].

1241–1242 Moğol-Tatar istilası Romanya topraklarındaki Kuman hakimiyetine de son vermiştir. Buradaki Kumanya Kumanlarının bir kısmı, özellikle hristiyan olanlar, Macaristan'a ve Balkanlar'a iltica etmiş iseler de, başka yerlerde de olduğu gibi, burada da Kumanların birçoğu yerlerinde kaldığını kabul etmemiz gerekir. Doğru, bu varsayımı ıspat etmek güç, çünkü zamanın kaynaklarında yalnız Altın Orda'nın haricinde hareket eden Kumanlardan söz edilir. Herhalde, Kumanya olarak Avrupa

kaynaklarında adlandırılmaya devam edilen mıntıkada, yani şimdiki Romanya'nın doğu ve güneyinde kalan Kumanlar, Altın Orda'da tekamül eden İslamlaşma ve Türkleşme proseslerine katıldıkları mantık dahilindedir. XIII.yüzyılın ikinci yarısından itibaren, Avrupa kaynaklarında «Kumanya» ve «Kumanların toprağı» yanısıra *Tartaria* ve *Terra* veya *Confines Tartarorum* adları da gitgide daha çok rastlanmaktadır. Yani, Altın Orda'nın batı bölgelerinde de, başta Kumanlar olmak izere, tüm halkın Tatar adını benimsediğı açıklanmaktadır. XIV. yüzyılın ortasına doğru, Tatar adı bu yörelerde de üstünlük kazanmıştır. 29 Ocak 1345'te, Papa VI. Klement tarafından gönderilen bir mektupta, «Hıristiyanlığın sınırında, Tatarların ve öteki dinsizlerin yakınında kurulmuş Transilvanya Kilisesi». 13 Ekim 1374'te ise, Papa XI. Gregorius *Tatarlar tarafında oturan Vlahlar*'dan bahsetmiştir. Avrupa'nın resmi vesikalarında, *Tatar* terimi ile ilgili coğrafi ve siyasi tanımlamalar XIV. yüzyılda genellik kazanmıştır [56, s. 151]. Bu onu ifade eder ki, *Kuman* ile *Tatar* arasındaki mubadele Batı Avrupa kançılıyaları tarafınca da resmen tanılmıştı. Fakat, Polonya, Macaristan, Moldova ve, belki, Eflak'ın da birlikte hazırladıkları bir nevi haçlı seferlerin neticesi olarak, 1370 civarında, Tatar hakimiyeti Romen topraklarından uzaklaştırılmıştır. Bu seferler esnasında Prut nehrin doğusunda bulunan bölge de zapt edilerek, Yangı Şehir / Şehr-i Cedid (Yeni Şehir) ve şimdiki Costeşti köyü yakınlarında bulunan başka bir Tatar şehri de tahrip edilmiş, sakinleri öldürölmüş veya köleleştirilmiş⁸.

Başta N. Iorga olmak üzere, dürüst Romen tarihçileri Kıpçak-Tatar, yani Altın Orda amilinin Romen tarihinde oynadığı çok önemli rolü itiraf eder ve değerdendirirler. 1330'da Eflak ve 1359 yılında Moldova (Boğdan) müstakil Romen devletlerin kurulmasında, Altın Orda ve Kuman-Tatarlar'ın payını birçok Romen tarihçisi halen inkâr eder veya küçöltmektedir. Bundan dolayı Romen kamuoyu da böyle bir tarihi gerçekten habersiz kalmıştır. Yakınlarda yayınlanan küçük bir kitap, bu boşluğu önemli bir derecede doldurmaktadır. Popöler üsölde yazılan bu kitabın müelifi, tarihçi olmasa da, saygıdeğer bir soylu aydın Neagu Djuvara'dır [13]. Aslında, bu kitapta hiç bir

⁸ Bu şehirlerin kalıntılarında, Moldova Cumhuriyeti'n Bilimler Akademisi tarafınca yapılan arkeolojik araştırmalarda kasden veya bilgisizlikten yanlışlıklar yapılmıştır. Edindiğim bilgilere göre, özellikle kitabeler yok edilmektedir. [46; 42, s. 197–200].

bilimsel yenilik yoktur. Ama, çeşitli akademik tarih kitaplarında saklı kalan bilgileri N. Djuvara bir araya getirmiş ve herkesin anlayacağı bir dilde okurlarına sunmuş. Yarım asır yurtdışında yaşadığı için, koyu milliyetçi ve komünist doktrinleri N. Djuvara'ya bulaşmamış. Böylece, müelif Romen tarihçiliğinde halen tapınak olan bazı putları da yıkmaya cüret etmiştir.

N. Iorga'nın, 1927'de, Romen Akademisi'nde sunduğu bir bildiriye [31, s. 67–72] esas alarak ve başka eserlerden de faydalanarak, N. Djuvara Eflak devletinin kurucuları Kumanlar olduğunu inandırıcı bir şekilde açıklamaktadır. Bir çok tarihçinin red ettiği efsanevi «Negru Vodă» (Kara Voyvoda)'nın bir gerçek şahsiyet olduğunu ve, *Toktemur* adında bir Kuman başbuğu ile özdeşleştirilmesi gerektiğini hatırlatmaktadır N. Djuvara. Bu meyanda, ilave bir delil olarak eski Türklerde renklerin manasını da göz önüne alınması yararlı olacağını düşünüyoruz. Efasenede, «Negru Vodă» Transilvanya'nın güneyinde bulunan Făgăraş dağı bölgesinden, XIII. yüzyılın sonunda çıktığını hesaba alırsak, gerçekten bunun Eflak'a kuzey dağlarından indiği için *Kara* lakabı aldığını anlayabiliriz. Ayrıca, Eflak ve Moldova devletlerinin kurulması ile ilgili efsaneler «descălecat» («attan inme») motifi etrafında yaratılmıştır. Bu motif eski Türklerin «yurt tutma» motifi ile bağlı olduğu göz ardı edilemez. Yukarıda kaydettiğimiz gibi, Moğol-Tatarlar'dan kaçan Kumanların önemli bir sayısı Macaristan krallığına sığınmışlardı. Toktemur'un oğlu *Basaraba*, Tatarların yardımıyla, 1330'da, Posada denilen bir dağ geçitinde, Macar kralı Carol Robert'i ağır bir yenilgeye uğrattıyor ve böylece Macar vasallığından kurtuluyor. *Basarab hanedanı* Eflak'ın tahtında XVI. yüzyılın ortasına kadar kalmıştır.

Yine N. Iorga, Romen Akademisi'nde, 1926'da, sunduğu başka bir bidirisini «Ortaçağda Romenler ve Tatarlar» adlandırmıştı [32, s. 73–77]. Burada, büyük tarihçi, çeşitli kaynaklar kullanarak, Romenler ile Tatarlar arasında siyasi, ekonomik, kültürel ve, özellikle, askeri işbirliğinin Romen tarihi açısından yararlı olduğunu vurgulamıştır. N. Iorga ve başka Romen tarihçileri Altın Orda'nın ve Osmanlıların Romenler için dışarıdan koruyucu ve içeriden yapıcı roller da oynadıklarını açıklamışlar ise de, birçok başka Romen tarihçileri bu konu hakkında kalıp düşüncelerden hala arınamışlardır. Bunlar için tüm Türkler, ayrıca Tatarlar ve Osmanlılar, barbar ve yıkıcı amiller olmuştur.

Diğer Romen devleti, Moldova (Boğdan)'nın adı ve kurulması ile ilgili, yıllar önce meydana çıkarılmış, sağlam bir tarihi delil hala kabul edilmemiştir. 1287 yılında, Kırım'da bulunan yüksek rütbeli bir Fransiskan rahibi (Piskopos?), bir yıl önce vuku bulan hadiselerden bahsederken, «*Ymor filius Molday*» adında bir Tatar amirinden (şehzade?) söz eder. Bu kayıt «Molday oğlu Timur (Teymur)» tercüme edildiğinde hiç bir itiraz çıkmadı. Fakat, tanıtlama yapılmadan, bu malumat «uygun olmayan» bir haber gibi hesaplanarak, baştan red edilmiştir ve halen edilmektedir [5, s. 146; 50, s. 42]. Hristiyan Kumanlar Eflak devlet kurma vakasına bilavasita karıştıkları gibi, Altın Orda Tatarları da (yani, başlıca müslüman Kıpçaklar) Moldova devletinin kurulmasına ve gelişmesine iştirak etmişlerdir. Moldova adı bir Tatar önderin adından geldiği gibi, asırlar boyunca Osmanlıların da bu prenslik için kullandıkları *Boğdan* veya *Karaboğdan* adı yine Altın Orda ile bağlıdır. Yani, Macar baskısından kurtulmuş Moldova devletini, eğemen Altın Orda hanı voyvoda I. Boğdan (1359–1365) zamanında resmen tanımıştır [42, s. 198; 22, s. 20]. Eflak ve Moldova devletlerin ilk aristokrasi tabakasında gayet çok Türk adlı şahıslar ve aileler bulunmuştur. Bunlar Romenleşmiş yabancı unsurlar olmuş ise de, adları ve üstün mevkileri asırlar boyunca devam etmiştir⁹.

Eflak ve Moldova, Tatar egemenliğini komşu katolik büyük devletlerden korunmak için başarıyla kullandıktan sonra, XIV. yüzyılın ikinci yarısında, Tatar egemenliğinden kurtulmak için, yine muvaffakiyet ile, katolik devletlerden istifade etmişlerdir.

XIII. yüzyılın sonuna doğru, Aşağı Tuna havzasında Altın Orda'nın ikinci iktidar merkezi peyda olmuştur. Meşhur Nogay'ın yönetiminde bulunan bu bölge, Don nehrinden Demir Kapı'ya kadar uzanmakta idi. Idare merkezi ise Dobruca'da, Isakçı kasabasında bulunmuştur. Kısa sürmesine rağmen, bu siyasi faktör Altın Orda'nın

⁹ Bunların arasında, Moldova'da *Boul* adında bir büyük boyar ailesinin unsurları, XV–XVII.yy.da çok önemli devlet görevlerinde bulunmuşlardır. Bu ailenin ismi Moldova devletinin kurulmasına dair yaratılan efsanevi öküz (bou) veya bizon (bour) ile alakalınmış ise de, bence bu ad Cuci oğlu *Bo'ol* (*Bo'ul*) ile bağlantısı vardır. Moldova'nın devlet arması bir öküz başıdır. Şunu da vurgulamak gerek ki, bu coğrafyada tam o zamanlarda meşhur olan şehzade Nogay, Cengiz sülalesin bu dalına mensup idi. Şimdiye kadar hiç bilinmeyen bu konu üzerinde henüz çalışmaktayım.

ve Balkanların durumunu önemli bir derecede etkilemiştir [43, s. 93–128].

XIV. yüzyılın ikinci yarısında, Tuna ağızları bölgesinde, yeni bir Tatar devletiyle karşılaşyoruz – *Dominus Demetrius princeps Tartarorum*¹⁰. N. Iorga «Demetrius»u «Timur» ile özdeleştirek [33, s. 155, 180, 231, 242, 244], Bucak ve Dobruca bölgesinde bir Tatar Hanlığın varlığından haber verir. Bu Tatar devletin başkenti, Babadağı yakınında bulunan Enisala (Yeni Sala veya Yeni Sıla)¹¹ kalesinde olduğu tahmin edilir. Aynı asrın sonuna doğru, kısa bir süre için, «Tatarların tarafı» adıyla, bu bölge Eflak voyvodasının unvanında yer almıştır [33, s.239; 50, s. 274–278]. Bundan da anlaşılabilir ki, XIV yüzyılın sonlarında, Osmanlılar Dobruca'ya ayak bastıkları vakit, burada müslüman Tatarlar mevcut idiler.

Anlaşıldığı gibi, Eflak ve Moldova (Kara Boğdan) adında, Romen devletlerin kurulmasında ve sağlamlaşmasında Kumanlar (Hristiyan Kıpçaklar) ve Altın Orda Tatarları çok önemli rol oynamışlardır. Romen halkın ve devletçiliğin aralıksız var olması Tatar ve Osmanlılar sayesinde de mümkün olmuştur. Bu tarihi gerçekleri Romen tarihçilerin büyük bir kısmı henüz kabul etmez ise de, inanıyorum ki yeni nesil Romen tarihçileri bu meyanda da görüş değişimi yapabilecekler.

REFERENCES

1. Ahincanov Sercan M. *Türk halkların katalizör boyu Kıpçaklar*. İstanbul, 2009.
2. *An Armeno-Kiptchak Chronicle on the Polish-Turkish Wars in 1620–1621*, Budapest, 1968.
3. Ankara Üniversitesi D.T-C Fak. *Tarih Araştırmaları Dergisi*, VI (1968), no. 10–11, Ankara, 1972, pp. 85–111.

¹⁰ Bu kayıt, Macar kralı I. Ludovik'in, 22 Haziran 1368'de, Tatar tüccarları için verdiği bir diplomda bulunmaktadır [14].

¹¹ Kırım'da, eski zamanlardan kalan dokuz köy adında *sala* terimi mevcuttur: *Biya Sala, Yeni Sala* (iki ayrı köy), *Maçı Sala, Foti Sala, Qoca Sala, Sultan Sala, Suwuq Sala, Ulu Sala* [39, s. 66–67, 179]. Dobruca Tatarcasında *salas* veya *şalaş* halen *sıla* anlamında kullanılmaktadır. Yani, *Enisala* terimi, şimdiye kadar umumen kabul edildiği gibi, Türkçe *yeni* ve Slavca *selo* sözlerinden gelmeksizin, aslında tamamıyla bir Türkçe adlandırmadır: *Yeni Sala (Yenisıla)*.

4. Barthold W. Tatar. *Encyclopedië del'Islam*, vol. IV, Leyde, 1934, pp. 736.
5. Brătianu G.I. *O enigmă și un miracol istoric: poporul român*. București, 1988.
6. Budagov Lazar. *Sravnitel'nîy slovar tureĭk-tatarskih narıciy*, I cild. Sankt Peterburg, 1869.
7. Ciocîltan Virgil. Evoluția semantică a etnonimului Tatar. *Moștenirea istorică a tătarilor*, vol. I, București, 2010, pp. 23–28.
8. Columbeanu Sergiu. *Cnezate și voievodate românești*. București, 1973.
9. Constantiniu Florin. *O istorie sinceră a poporului roman*. București, 1997.
10. Decei Aurel. Problema colonizării turcilor segiucizi în Dobrogea esecolului al XIII-lea. *Relații româno-orientale. Culegere de studii*, București, 1978, pp. 169–192.
11. Deny J. *L'Armeno-coman et les «Ephémérides» de Kameniec (1604–1613)*. Wiesbaden, 1957.
12. Diaconu Petre. *Les Coumans au Bas-Danube aux XIe – XIIIe siècles*. București, 1978.
13. Djuvara Neagu. *Thocomerus – Negru Vodă. Un voievod de origine cumană la începuturile Țării Românești*. București, 234 p.
14. *Documenta Romaniae Historica, D. I*, București, 1977, no. 49.
15. *Documenta Romaniae Historica, I*. București, 1966.
16. Donat Ion. La vie pastorale chez les Roumains et ses problèmes. *Daco-Romania, I*. Freiburg-Munchen, 1973.
17. Fahrettin Ravil. Altınordu Devleti ve Tatarlar. *Türk Dünyası Tarih Dergisi*, 1994, no. 2.
18. Ferent I. *Cumanii și episcopiile lor*. Blaj, 1931.
19. Gemil T. Problema etnogenezei tătarilor. *Originea tătarilor. Locul lor în lume și în lumea turcă*, București, 1997, pp. 49–63.
20. Gemil T. The Issue of Tatars' Ethnogenesis. *Tătarii în istorie și în lume*. București, 2003, pp. 24–38.
21. Gemil Ta<h>sin. Tatar adı. *Renkler*, II. cild (1989). Bükreş, 1990, pp. 178–197.
22. Gemil Tasin. Peste un mileniu de existență a populației turco-tătare pe teritoriul României. *Moștenirea istorică a tătarilor*. București, 2010.
23. Golden Peter B. *Türk Halkları Tarihine Giriş*. 2. baskı, çev. Osman Karatay, Karam, Çorum, 2006.
24. Grecovși B.D., A.I.Iacubovschi. *Hoarda de Aur și decăderea ei*. București, 1953.

25. Grousset René. *L'Empire des Steppes. Atilla, Gengis Khan, Tamerlan*. Paris, 1939.
26. Halperin Charles J. *Russia and the Golden Horde*. Indiana University Press, Bloomington, 1987.
27. Hazai G. Kıpçak. *The Encyclopedia of Islam* (New Edition), V, Leiden, 1979.
28. Hobson John M. *Batılı Medeniyetinin Doğulu Kökenleri*. Istanbul, 2007.
29. Hodgson Marshall G.S. *Dünya Tarihini Yeniden Düşünmek*. Istanbul, 2003.
30. İnalçık Halil. Struggle for East-European Empire: 1400–1700. The Crimean Khanate, Ottomans and the Rise of the Russian Empire. *Turkish Yearbook of International Relations / Milletlerarası Münasebetler Türk Yıllığı*, 1982–1991, Ankara, 1995.
31. Iorga N. Imperiul Cumanilor și domnia lui Băsărabă. Un capitol din colaborația româno-barbară în evul mediu. *Studii asupra evului mediu românesc*, București, 1984, pp. 67–72.
32. Iorga N. Români și Tătari în evul mediu. *Studii asupra evului mediu românesc*, 1984, pp. 73–77.
33. Iorga N. *Istoria Românilor*, III. București, 2014, p. 239.
34. *Istoriya Tatar s drevneyşih vremen v semi tomah*, vol. III. Kazan, 2009.
35. Jaschke Gotthard. Zur Geschichte des Namens Tatar. *Reşit Rahmeti Arat İçin*, Ankara, 1966.
36. Klyashtornyj S. Die Kiptschaken auf den Runischen Denkmälern. *Old Turkic Runic Texts and History of the Eurasian Steppe*, București – Brăila, 2008, pp. 365–378.
37. Kowalski Tadeusz. *Karaim lehçesi sözlüğü*. Ankara, 1996.
38. Kurat A.N. *IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri*. Ankara, 1972.
39. Kurat Akdes Nimet. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivinde Altın Orda, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bittikler*. Istanbul, 1940.
40. Lăzărescu-Zobian Maria. Cumania as the Name of Thirteenth Century Moldavia and Eastern Wallachia. Some Aspects of Kiptchak-Romanian Relations, *Journal of Turkish Studies*, 8, 1984 (*Turks, Hungarians and Kipchaks. A Festschrift in Honor of Tibor Halasi-Kun*), Harvard University, p. 265–272.
41. Mahmud el-Kâşgarî. *Divânu Lugât-it-Türk Tercümesi*, I cild. Ankara, 1985, Istanbul, 2007.

42. Nicolae Eugen. Quelques considerations sur les monnaies tatars de la Ville Neuve (Yangı-şehir/Şehir al-cedid). *Studii și Cercetări de Numismatică*, XI (1995), pp. 197–200.
43. Oberlander-Târnoveanu Ernest. Inceputurile prezenței tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice. *Originea Tătarilor* / ed. Tahsin Gemil, București, 1997, pp. 93–128.
44. Pelliot Paul. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Suivies de quelques noms turcs d'homme et de peuples finissant en «ar»*. Paris, 1949, s. 122.
45. Philippide Al. *Originea Românilor*, II, Iași, 1927.
46. Postică Gheorghe. *Orheiul Vechi. Cercetări arheologice 1996–2001*. Iași, 2006.
47. Radloff W. *Opît slovarya tiurskih narıcıy*, cild I.1, cild I.2. Sanktpeterburg, 1893.
48. Rasonyi L. *Tarihte Türklük*. Istanbul, 2007.
49. Roux Jean-Paul. *Türklerin Tarihi Pasifik'ten Akdenize 2000 Yıl*. Istanbul, 2007.
50. Spinei V. *Moldova în secolele XI–XIV*. București, 1982.
51. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. I. Hungarians, Pechenegs and Uzes. Amsterdam, 2005.
52. Spuler Bertold. *Les Mongols dans l'histoire*. Paris, 1961.
53. Stănescu E. *Răscoala și statul Asăneștilor*. București, 1989.
54. Tiesenhausen W.G. *Altınordu devletine ait metinler*. Istanbul, 1941.
55. Togan A. Zeki Velidî, *Oğuz Destanı .Reşiddin Oğuznâmesi, Tercüme ve Tahlili*. Istanbul, 1972.
56. Vasary Istvan. *Kumanlar ve Tatarlar. Osmanlı Öncesi Balkanlar'da Doğulu Askerler (1185–1365)*, Istanbul, 2008.
57. Vernadsky George. *Moğollar ve Ruslar*. Istanbul, 2007.
58. *Yeni ve mükemmel neşri, Vladimir Drîmba*. Codex Cumanicus. Edition diplomatique avec facsimilé. Bucarest, 2000.
59. Zekiye M.Z. *Türklerin ve Tatarların kökeni*. Istanbul, 2006.

Yazar hakkında: Tasin Gemil – Türkoloji ve Orta Asya Araştırmaları Enstitüsü kurucusu ve müdürü, Babeş-Bolyai Üniversitesi (Str. Kogălniceanu nr. 1, Cluj-Napoca, Romanya); tgemil@yahoo.com

Kipchak-tatar trace in the history of Romania

Tasin Gemil

(Babeş-Bolyai University)

Abstract: The article demonstrates the role of Cumans and the Tatars of the Golden Horde in the establishment and strengthening of the Romanian States.

Keywords: the Kipchaks, the Turks, the Tatars, the Romanian States.

About the author: Tasin Gemil – Doctor of historical sciences, a founder and Director of the Research Institute of Turkology and Central Asia Studies, the Babeş-Bolyai University (Str. Kogălniceanu nr. 1, Cluj-Napoca, Romania); tgemil@yahoo.com

УДК 94(=11/==8):(470)

Крымские татары и Российская империя в конце XVIII – середине XIX вв.

Раиль Фахрутдинов

(Академия социального образования)

Аннотация: Статья посвящена историческим судьбам крымских татар после ликвидации Крымского ханства в составе Российской империи.

Ключевые слова: крымские татары, Российская империя, депортация, материальная и духовная культура крымских татар.

После аннексии Крыма все государственные структуры Крымского ханства были ликвидированы и создано новое управление краем. В частности, было организовано «земское» правительство Крыма, в которое вошли лояльные к новой власти представители татарской знати: князя Ширинский Мехметша, Гаджи-Казы-Ага, Кадаскер Муслитдин Эфенди. Правителем Крыма был назначен генерал Де Бальмен. В 1783 году его сменил генерал И.А. Игельстром. В том же году было организовано «Таврическое областное правление», в которое вошло значительное число крымско-татарской знати. А 2 февраля 1784 года специальным Указом Екатерины II была учреждена особая Таврическая область под управлением ее фаворита Г.А. Потемкина. В 1802 году Указом Александра I учреждается Таврическая губерния, в состав которой были включены: Крымский полуостров, Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский уезды Новороссийской губернии.

На первых порах правительство демонстративно подчеркивало свое благосклонное отношение к татарской знати и местному населению. В частности, немало представителей крымско-татарской элиты было включено во вновь учрежденные органы

государственной власти (хотя они и играли там номинальную роль), им сохраняли значительные привилегии. Так, Указом Екатерины II от 22 февраля 1784 года высшему татарскому сословию Крыма были предоставлены все права и льготы российского дворянства. Тогда же были составлены списки более 300 татарских мурз, за которыми была сохранена земельная собственность.

Характерно, что не были изменены отношения между татарской знатью и зависимым от нее населением. Земли и доходы, ранее принадлежавшие Крымскому хану, отошли к российской казне. Наконец, в 1783 году, на всей территории бывшего Крымского ханства были отменены торговые пошлины, а в городах Бахчисарай и Карасубазар не разрешалось жить русским переселенцам.

Самодержавие, таким образом, пыталось продемонстрировать свое лояльное отношение к завоеванному населению, а Екатерина II в глазах европейской общественности лишней раз подчеркивала свой имидж «просвещенного» монарха.

Однако, к началу XIX в. политика самодержавия в Крыму изменилась. Так, в самом конце XVIII в. резко сократилась численность татарского населения. По данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи, опубликованного в 1865 году в справочнике «Списки населенных мест Российской империи – Таврическая губерния» число депортированных татар в конце XVIII в. составило 300 тысяч человек, «так что полуостров лишился около трех четвертей своего населения» [1, с. 196].

Политику царского правительства характеризует высказывание одного из высокопоставленных военных чиновников того времени вице-адмирала Мордвинова: «Когда Крым принадлежит России, то, по-моему, не должно из земли российской делать землю Татарскую...» [8, с. 21]. Власти и не скрывали своих целей, об этом достаточно откровенно писалось в русскоязычных газетах. Так, в одной из них, отмечалось: «Для упрочения русского владычества во вновь присоединенном крае необходимо было заселение его чисто русскими людьми» [9, №3]. Причем, подчеркивалось, что для полной русификации Крыма «потребен миллион (подчеркнуто нами – *Р.Ф.*) народа ремесленного и торгового немусульманского вероисповедания» [3, с. 286].

К началу XIX в. некогда процветавшие татарские города полностью приходят в упадок, а вместе с ними – городские ремесла, международная торговля. Упадок экономической жизни комментирует уже упомянутый выше справочник Центрального статистического комитета: «Про упадок городов говорит ясно то обстоятельство, что в Евпатории (бывший татарский город Гезлев – *Р.Ф.*) в конце прошлого века числилось только 900 домов, в Бахчисарае 1500, а в Карасу базаре вместо прежних 6000 было несколько более 2000». А про Феодосию (прежний Кафа) сказано, что «город сей из цветущего состояния, даже при турецком владении, ныне одним, так сказать именем, существует» [1, с. 196].

Депортация крымских татар, особенно усилившаяся в последней четверти XVIII в., вынуждала последних эмигрировать в пределы Османской империи. История османского государства конца XVIII – нач. XIX вв., и особенно ее политическая история поражает обилием государственных деятелей, представителей политической элиты, имевших татарское происхождение. Одним из таких являлся известный государственный деятель, богослов и просветитель Татарджик Абдулла-эфенди (1730–1797). Крымско-татарский просветитель и реформатор сделал блестящую политическую карьеру в период правления Султана Селима III в конце XVIII в.

В этот период Османская империя переживала эпоху глубочайшего кризиса и практически находилась на краю распада. Селим III предпринял попытку модернизации турецкого общества и реформирования всей государственно-административной системы. Татарджик явился автором широких реформ, прежде всего органов государственной власти в Османской империи. Вскоре Татарджик возглавил негласный Совет по подготовке и проведению государственных реформ. К сожалению после смерти Татарджика в 1797 году, его проектам была уготована драматическая судьба. При дворе усилились консервативные тенденции, а сам Селим III в результате государственного переворота, организованного реакционной аристократией был свергнут в 1807 г.

В последующие годы прогрессивной политической элитой была предпринята попытка реставрации на престоле Селима III. Заметную роль тогда сыграл другой выдающийся политический деятель, выходец из Крыма – Абдулла Рамиз. После окончатель-

ного падения правительства Селима III Абдулла Рамиз был вынужден эмигрировать в Россию, где устанавливает контакты с министром иностранных дел графом Румянцевым и самим М.В. Кутузовым.

Дальнейшая судьба этого политического деятеля трагична. Вернувшись в Турцию в 1813 году, Абдулла Рамиз был арестован и казнен.

Среди представителей эмигрантской крымско-татарской научной и общественной элиты первой половины XIX в. выделялась фигура крупного общественно-политического деятеля, ученого и поэта Фарруха Исмаила.

Фаррух Исмаил принадлежал, как справедливо подчеркивает Н. Абдульваал, к племю «османской интеллигенции нового типа, стремившейся адаптировать достижения европейской научной и технической мысли на турецкой почве» [6, № 49]. Фаррух Исмаил явился организатором и основателем первого в Османском государстве научного сообщества в Стамбуле под названием «Бешикташского научного сообщества», впоследствии ставшего основой Османской академии наук (1860 г.).

Своей кульминации политика депортации крымских татар в XIX в. достигла в конце 50-х и начале 60-х годов, когда население покидало Крым, оставляя все свое имущество. По сведениям местных властей (к этому времени в губернской администрации татар уже не осталось) в 1863 году количество депортированных достигло 150 тысяч человек. Причем, если первая волна беженцев состояла из прибрежных и горных татар, то теперь выселялись исключительно степные татары.

Выселение крымско-татарского населения сопровождалось активной переселенческой политикой самодержавия. Русскоязычное население преимущественно переселялось из различных губерний центральной России и Украины. При этом следует заметить, что первоначально русских переселенцев было сравнительно немного. Так, к началу XIX в. на полуострове проживало не более 15 тысяч человек. Но уже к 1863 году русских поселенцев стало более 100 тысяч. Примечательно, что параллельно с выселением татар, Министерство государственных имуществ Российской империи принудительно переселяло государственных крестьян из центральных губерний.

Собственно, такое переселение крестьян началось с 1858 года, когда в Крым явилось около 30 тысяч русских и частично украинских крестьян, а также более 20 тысяч болгар.

В этот же период в Крыму появляется немалое количество крупных землевладельцев. Вновь прибывшим помещикам земли раздавались без всякого, даже видимого порядка. При этом многие земли оставались заброшенными, т.к. новые владельцы оставляли их зачастую на произвол судьбы. Часто не проводились межевания между новыми помещичьими землевладениями и землями татарских крестьян.

Интересы крестьян, живших на этих землях издавна, во внимание не принимались. Только в начальный период аннексии было роздано пришлым русским дворянам около 400 га плодородных земель. Кроме того, невыносимыми для татарских крестьян были новые условия землепользования. Русские помещики внедряли непривычное для татар крепостное право и практиковали труд во время страды на барщине. Так, помещики заставляли крестьян обрабатывать помещичью землю в расчете 2,5 десятины на плуг, засеивать ее, собирать урожай и доставлять в поместье. Были установлены неограниченные повинности в виде натуральных подношений, работы по дому и т.д. Татары-крестьяне были абсолютно бесправными и жили в постоянном страхе перед помещиками и местной администрацией. Как справедливо подчеркивает В.Е. Возгрин, «началось великое ограбление крымского народа» [3, с. 277].

По воспоминаниям одного из современников, победители «опустошили страну, вырубили деревья, разрушили святилища и общественные здания туземцев, уничтожили водопроводы, ограбили жителей, надругались над татарским богослужением, выкинули из могил и побросали в навоз тела их предков и обратили их гробницы в корыта для свиней, истребили памятники старины и, наконец, установили свое отвратительное крепостное право» [2, с. 58].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что политика самодержавия на территории Крымского полуострова в отношении крымско-татарского населения в период конца XVIII в. – первой половины XIX в. являлась типично колонизаторской и нанесла невосполнимый урон численности крымско-татарского народа, его материальной и духовной культуре.

Такая политика правительства вызывала волнения и восстания татар, которые пресекались достаточно жестко. Губернские власти, при этом, всячески скрывали количество таких волнений, также как и карательные действия против местного населения. «Умиротворение края» в начале XIX в. «произошло только после истребления значительной части татар» [4, с. 63].

При карательных акциях широко использовались т.н. «греческие батальоны», действия которых, по сообщениям современников, вылились в «жуткие методы обращения... с татарами, в неподражаемые по жестокости насилия, совершаемые над татарскими женами и детьми» [7, с. 5].

Усугубило положение татар Крымская война 1853–1856 гг., в ходе которой, естественно, татары были обвинены в измене трону и Отечеству¹. Начались новые акции выселения крымских татар, которые основывались на правительственных настроениях, особенно на фоне небезызвестного высказывания Александра II, который рассматривал необходимость «освобождения Крыма от вредного населения... как благоприятное явление» [8, с. 25].

Пик третьей волны депортации приходится на 1863 год, когда совершенно опустело около 1000 крымско-татарских селений, а количество изгнанных татар по подсчетам правительства достигло более 140 тысяч человек, что вызвало, кстати, небывалый восторг в правительственных кругах. Один из чиновников Министерства госимуществ Российской империи назвал очередную волну депортации «счастливой случайностью для края» [3, с. 336].

Княгиня Е. Горчакова посетившая Крым в 1880-е годы писала: «Удаляясь в Азию, татары унесли с собой тайну своего довольства и преуспевания; ни один колонист, будь он русский, болгарин или немец, не создаст на незнакомой почве чуждой ему земли тех садов и виноградников, которые давали обильные плоды любимым сынам своим, потомкам первых обитателей Тавриды, и путешественник, проезжая теперь по бесконечным про-

¹ Попытки обвинения крымских татар в политической неблагонадежности, предательстве и в последующие годы и десятилетия будут главными «аргументами» в осуществлении геноцида этноса, кульминацией которой станет трагедия 1944 года, но уже в Советской империи.

странствам северо-западной части полуострова, взирает с изумлением на эти сожженные горячим солнцем поля, дающие земледельцу скудную жатву... Животная жизнь здесь также постепенно исчезает; породы измельчали: верблюды, буйволы становятся редки, рогатый скот, овцы и козы убавились наполовину, и маленькие табуны лошадей, встречающиеся теперь в степи, не могут сравниться с прежними татарскими конями, горячими, быстрыми, воспитанными для набегов, красотой своих форм не уступавшими арабской лошади...

Селения редки, фонтаны развалились или пересохли, воды мало, жалкие остатки опустелых хат попадают часто и свидетельствуют о бывших поселках, а груши, черешни, мушмула, одичалые виноградные лозы в пустынной балке или вдоль лесного ручья говорят вам, что здесь когда-то были сады и виноградники, луга, холмы, покрытые лесами, густонаселенные, богатые деревни, оставившие в наследство пустынным местностям и урочищам свои татарские названия, а нынешним обитателям Крыма обширные кладбища, расположенные на придорожных холмах, с множеством надгробных камней разных цветов и форм; некоторые из камней стоят еще как одинокие стражи этой долины смерти, но многие рассыпались, растрескались, лежат в осколках, как после страшного землетрясения» [5, с. 27, 31–32].

Трагедия крымских татар отражена в описании одного из современников этих лет: «В опустелых деревнях только выли собаки, двери в хатах от ветра хлопали, окна были выставлены, крыши раскрыты. Ночью, когда полная луна освещала эту пустыню, становилось как-то жутко... Днем приходилось наталкиваться на сцены, поистине раздирающие душу. Вот стоит несколько нагруженных мажар, татарские семейства все, от стара до мала, пошли на кладбище сказать последнее «прости» своим похороненным предкам; эти добровольные изгнанники опускаются на колени, бьют себя кулаками в грудь и целуют землю. Ни воя, ни криков не слышно, тихо струятся слезы по их загорелым лицам; каждый из них берет по горсточке земли с могилы дорогого для них покойника и идет, повесив голову, к своим волам, давно проданным какому-нибудь предприимчивому торговцу» [3, с.335].

Начиная с 70-х годов обезлюденный и освобожденный от «нежелательного населения» Крым постепенно начал превра-

щаться в курортную зону. С конца XIX в. Южный Крым становится местом отдыха высшей российской знати, а некогда процветавшие крымско-татарские города и многочисленные селения совершенно опустели. По данным переписи населения 1897 года в Крыму числилось около 500 тысяч человек, из которых татарское население составляло чуть более 180 тысяч, большинство из которых проживало в труднодоступных горных селениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андреев А.Р. История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М.: изд-во «Межрегион. центр отраслевой информатики Госатомнадзора России», 1997. 254 с.
2. Бахрушин С. Основные моменты истории Крымского ханства // История в школе. 1936. № 3.
3. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.
4. Вольфсон Б. Присоединение Крыма и России в 1783 г. // Исторический журнал. 1941. № 3.
5. Горчакова Е. Воспоминания о Крыме. М., 1883–1884. Т. I–II.
6. Голос Крыма. 1999. № 49.
7. Корсаков В.В. По поводу 100-летнего юбилея присоединения Крыма. Симферополь, 1883.
8. Никольский Н.В. От Крымского ханства до наших дней. Симферополь, 1929.
9. Севастопольский листок, 1887. № 3.

Сведения об авторе: Раиль Равилович Фахрутдинов – доктор исторических наук, проректор по научной работе, Академия социального образования (420039, ул. Исаева, 12, Казань, Российская Федерация); fahrutdinov.rail@mail.ru

Crimean Tatars and the Russian Empire in the end of XVIII – the middle of XIX centuries

Rail Fakhrutdinov

(Academy of Social Education)

Abstract: The article is devoted to the historical fate of the Crimean Tatars after the Elimination of the Crimean Khanate to the Russian Empire.

Keywords: Crimean Tatars, the Russian Empire, deportation, Crimean Tatars material and spiritual culture.

REFERENCES

1. Andreev A.R. *Istoriya Kryma. Kratkoe opisanie proshlogo Krymskogo poluostrova*. Moscow, Mezhhregional'nyy tsentr otraslevoy informatiki Gosatomnadzora Rossii Publ., 1997. 254 p.
2. Bakhrushin S. Osnovnye momenty istorii Krymskogo khanstva. *Istoriya v shkole*, 1936, no 3.
3. Vozgrin V.E. *Istoricheskie sud'by krymskikh tatar*. Moscow, 1992.
4. Vol'fson B. Prisoedinenie Kryma i Rossii v 1783 g. *Istoricheskiy zhurnal*, 1941, no 3.
5. Gorchakova E. *Vospominaniya o Kryme*. Moscow, 1883–1884. Vol. I–II.
6. Golos Kryma, 1999, no 49.
7. Korsakov V.V. *Po povodu 100-letnego yubileya prisoedineniya Kryma*. Simferopol', 1883.
8. Nikol'skiy N.V. *Ot Krymskogo khanstva do nashikh dney*. Simferopol', 1929.
9. Sevastopol'skiy listok, 1887, no 3.

About the author: Rail Raviilovich Fakhrutdinov – Doctor of historical sciences, Prorector for Research, Academy of Social Education (420039, Isaev st., 12, Kazan, Russian Federation); fahrutdinov.rail@mail.ru

**Statistics Muslim clergy Crimea
last quarter of the XIX – early XX century
(according to Department of Religious
Affairs of Foreign Confessions
of the Russian Interior Ministry)**

Zarema Khayredinova

(Taurida National V.I. Vernadsky University)

Abstract: The article is devoted to poorly studied statistics of the Muslim clergy in Taurida province. Information was presented by Mohammedan Spiritual Board to the Department of Religious Affairs of Foreign Confessions MIA. In the article the statistics of Muslims last quarter of the XIX to the beginning of XX centuries is presented. Officially, all located here clergy remained in their seats after joining Crimea to Russia. Over time, in addition to traditional confessional and legal, and it acquired the status of public service. Crimean Muslim clergy was gradually incorporated deeply enough into the bureaucracy of the Russian Empire.

To analyze the dynamics of the Muslim clergy of Taurida Gubernia should refer to case number 1143, stored in the Russian State Historical Archive. On the basis of archival documents there was an attempt to recreate the statistical picture of not only the number of Muslim clergy. The numerical parameters of mosques, the total number of Muslims Taurida province were studied. We consider the demographics of fertility, mortality of the Muslim population, as well as registered marriages in the period. This period is interesting in fact that in 1893 there was a wave of mass emigration of Crimean Tatars to Turkey. Specifically, it had an impact on the nature of the statistical reports.

Keywords: Muslim clergy, the statistics of the Muslim population, mosques and immigration.

The Muslim clergy played a huge role in the life of the Crimean Tatars. Life and traditions of the Crimean Tatars were based on Islam,

and the clergy enjoyed enormous prestige and respect. The article investigates the dynamics of the Muslim clergy during the last quarter of XIX – early XX century. The study is based on the documents and papers of central institutions of the Russian Empire, stored in the Russian State Historical Archive (RSHA) in St. Petersburg.

It is commonly known that September 8, 1802 the Interior Ministry was established. February 2, 1832 to the Interior Ministry as a special department was merged with the General Administration of Religious Affairs of Foreign Confessions [1, p. 52]. The organization was named the Department of Religious Affairs of Foreign Confessions (DDDI). Since that time, all questions concerning the Muslim population, were considered in the establishment. For example, in the fund of DDDI (Form 821) the cases «Election Mufti of migrant domestic workers» [2] «On determining the range of action of migrant domestic workers and the approval of its states» [3] «On consideration of the draft regulation on the management of waqf estates in Tauride and on giving land landless Tatars same province» [4] «Statistical information about the Mohammedans in the department of migrant domestic workers» for the years 1875–1909 [5] are stored.

One of the most important sources for the study of the dynamics of the population of Crimean Tatar clergy during last quarter of XIXth – early XXth century are the legislative acts of the central government. These laws coordinate the activities of the sole authority of the Muslim government of the Crimean Tatars – Tauride Mohammedan Spiritual Board (migrant domestic workers), which in turn regulated the quantity and quality of the parish clergy. Among the legislative documents are the following: «The position of the Tauride Mohammedan clergy and to be conducting its affairs», approved December 23, 1831 [6], the Decree of the Senate on November 24, 1833 «On the extension to Tauricheskoe Mohammedan clergy rules and explanations in the Decree of 21 September 1828, on the conduct of births» [7] «On the kind of cases in which spiritual Tauricheskoe Mohammedan rule can go with views directly to the Ministry of Internal Affairs, «from March 28, 1838 [8]» On the Mohammedan clergy in Tauris province» of 24 May 1848 [9], «Election and approval of the mullahs in Mohammedan societies of the western provinces» of 8 January 1851 [10].

The important legislative acts for the study of statistics Muslim clerics were «the Statutes of Religious Affairs of Foreign Confessions» published in 1857, 1896 and 1913 [11] regarding the management of religious affairs of Muslims. Despite the fact that the Constitution of 1913 was an unofficial publication, it reflects all legislation relating to the settlement of Muslim issues in the Tauride.

Muslim clerics were rather differentiated and clearly structured. It absolutely satisfied the spiritual needs of the local Muslim population. They enjoyed great prestige and influence how those in power, and in the ordinary faithful. The Russian government has sought to win over the clergy and tried to keep its rights under existing at the Khan's regime, which can be traced in the laws of the state. Officially, all situated here clergy remained in their places. Over time, other than traditional confessional and legal, and it acquired the status of public service. Muslim clerics Crimea was deep enough to gradually incorporated into the bureaucratic structures of the Russian Empire.

To analyze the dynamics of the Muslim clergy Tauride one should refer to the case of «Statistical information about the Mohammedans in the department of migrant domestic workers» [12].

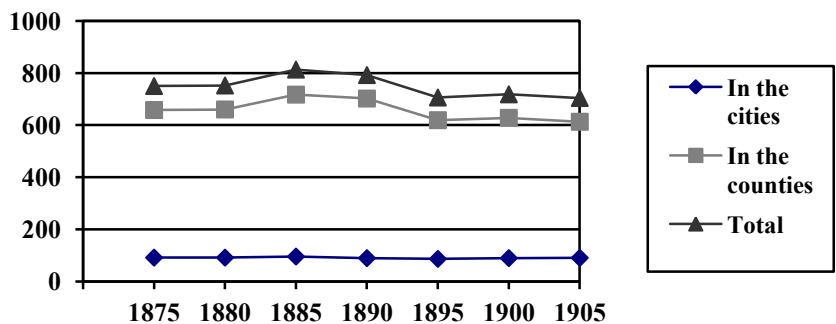
Each year Mohammedan clerical board provided in DDDII statements about the number of mosques serving the clergy, the Muslim population of Tauris and the Western provinces. The information submitted to the department, quite detailed. Taurian province representing the city (Simferopol, Bakhchisaray, Karasubazar, Feodosia, Kerch, Perekop, Evpatoria and Old Crimea) and counties (Simferopol, Feodosia, Perekops'kyi, Yalta and Evpatorijsky). Since the conduct of such workers were Muslim population of the Western provinces, then the information submitted by the Volyn, Podolia, Grodno, Vilna, Minsk and Kaunas counties.

In addition, these statements were listed muderrisy, Oji (teachers) and Sokhta (pupils). In a further statement provides information about births, deaths and marriage combines Muslims.

Statements with a cover letter signed by the Mufti Tauride and county kadiyami sent to the Minister of the Interior.

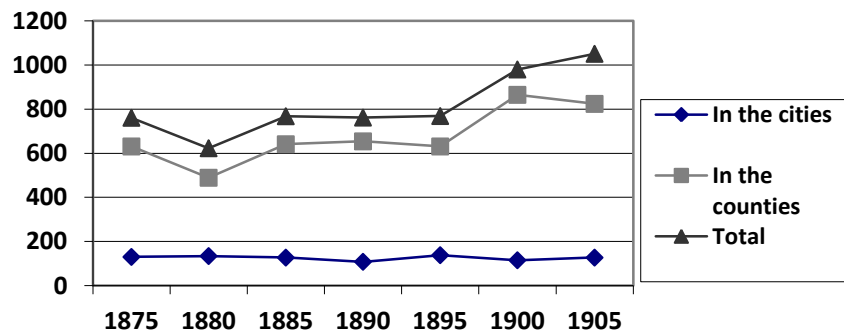
Let's review the dynamics of change in the number of mosques. In the statements of the mosque are divided into Catholic and pyativremennyye. These tables indicate their total amount [13].

Statistics Muslim clergy Crimea last quarter of the XIX – early XX century ...

	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905
In the cities	92	92	96	90	87	90	91
In the counties	658	660	717	702	619	628	613
Total	750	752	813	792	706	718	704

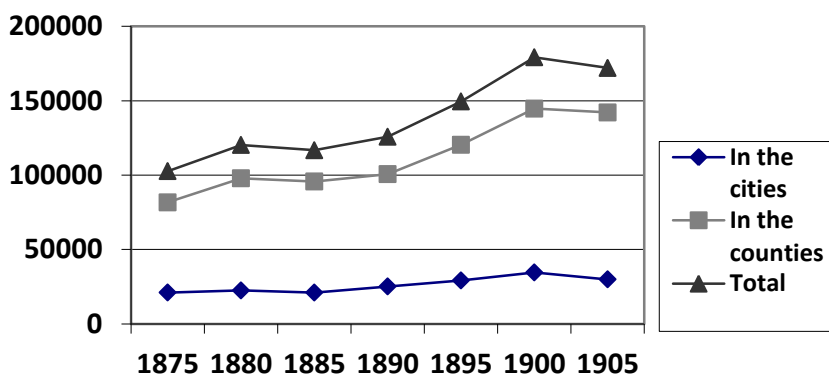
The number of mosques till 1885 was growing. This number of mosques satisfied the needs of the Muslim population in Tauride during the given period. However, from 1885 to 1895, the number dropped to 107 mosques. Obviously, this is a consequence of another wave of mass emigration of Crimean Tatars in 1893.

	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905
In the cities	130	134	127	108	138	115	127
In the counties	631	489	641	654	631	865	824
Total	761	623	768	762	769	980	1051

The Muslim clergy is represented with upper (mufti, qadi-asker, county Cadia) and lower (Khatipov, imams, Masina – muezzins). We are interested in the total number of members including both higher and lower clergy [14]. It should be noted that despite the reduction in the number of mosques, the number of Muslim clerics was not changing.

The following table and graph statistics can be tracked by the Muslim population as a whole Tauride [15].

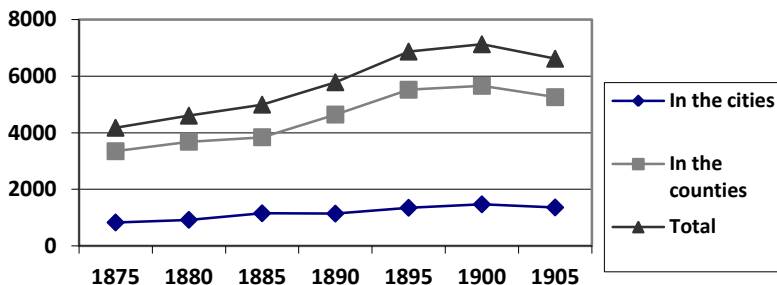

	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905
In the cities	21052	22429	21002	25136	29160	34536	29914
In the counties	81613	97828	95678	100630	120345	144671	142090
Total	102665	120257	116680	125766	149505	179207	172004

In addition, it is surprising that despite the various causes of the economic, emigration etc., the growth of the Muslim population is significant, and therefore the birth rate is increasing.

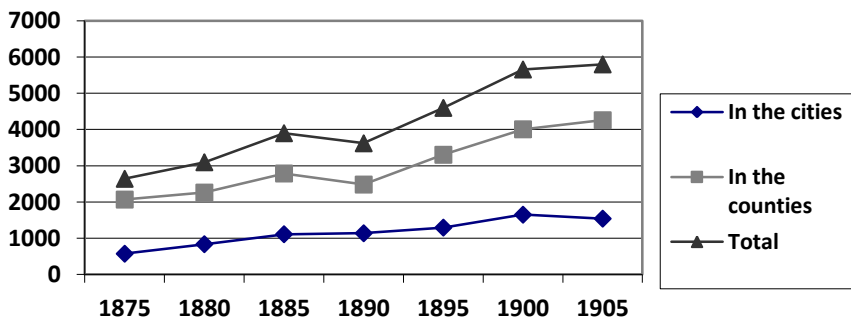
Among the Crimean Tatars, the birth rate has traditionally been high. The following graph shows the development of fertility change in the period under review [16].

Statistics Muslim clergy Crimea last quarter of the XIX – early XX century ...

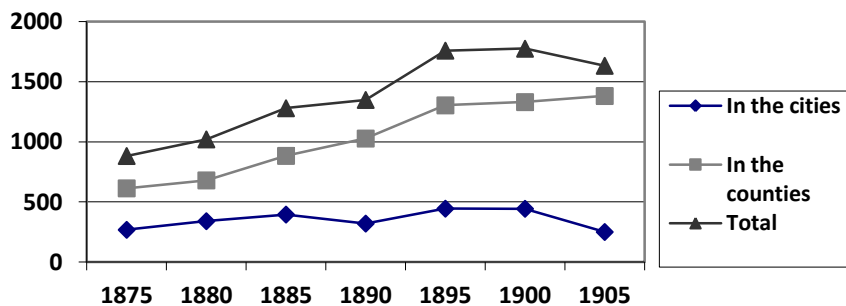
	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905
In the cities	828	920	1152	1141	1348	1469	1359
In the counties	3347	3683	3841	4643	5520	5658	5258
Total	4175	4603	4993	5784	6868	7127	6617

Mortality rate among the Muslim population from 1875 to 1905 is shown in the following graph and table [17].

	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905
In the cities	573	836	1111	1138	1294	1650	1541
In the counties	2067	2260	2787	2482	3303	4006	4256
Total	2640	3096	3898	3620	4597	5656	5797

The following statistics gives an idea of registered marriages among Muslims Tauride in the reviewed period [18].

	1875	1880	1885	1890	1895	1900	1905
In the cities	269	341	396	321	445	444	251
In the counties	614	680	884	1028	1304	1331	1382
Total	883	1021	1280	1349	1759	1775	1633

As can be seen from the chart, the number of registered marriages increased to 1895 and from 1900 to 1905 in the cities, the number of registered fell by half. Accordingly, the total number of marriages declined.

Thus, we can draw the following conclusions. Tauricheskoe Mohammedan spiritual reign in the period between 1875 and 1905, respectively, and regularly provided information to the Department of Religious Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Foreign Confessions. Statements were prepared Tauricheskim Mohammedan spiritual rule and signed Tauricheskim mufti, qadi-asker and county kadiyami. Statements provide interesting statistics about the Muslim population Tauride.

REFERENCES

1. *Ministerstvo vnutrennikh del. Istoricheskiy ocherk*. St.Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1901.
2. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d.1061.
3. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d.605.

4. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d.917.
5. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d.1143.
6. CCL (II), 23.12.1831, no 5033.
7. CCL (II), 21.09.1828, no 5770.
8. CCL (II), 28.03.1838, no 11096.
9. CCL (II), 24.05.1848, no 22297.
10. CCL (II), 08.01.1851, no 24807.
11. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Vol. 11, part 1. St.Petersburg, 1857; Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Izdanie 1896 g. Vol. 11, part 1, (izdanie ofitsial'noe); Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Izdanie 1913 g. (izdanie neofitsial'noe)/
12. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d. 1143.
13. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d. 1143, sheets. 3–225.
14. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d. 1143, sheets. 3–225.
15. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d. 1143, sheets. 3–225.
16. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d. 1143, sheets. 3–225.
17. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d. 1143, sheets. 3–225.
18. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv, f. 821, op. 8, d. 1143, sheets. 3–225.

About the author: Zarema Zudievna Khayredinova – Ph.D. in History, docent, Doctoral Candidate of Chair of regional history and auxiliary disciplines, Assistant Professor of Chair of culturology, Taurida National V.I. Vernadsky University (95000, Vernadskogo av., 4, Simferopol, Crimea); hzarema@gmail.com

**Статистика мусульманского духовенства Крыма
последней четверти XIX – начала XX века
(по материалам Департамента духовных дел
и иностранных исповеданий МВД)**

Зарема Хайрединова

(Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского)

Аннотация: Статья посвящена малоизученной статистике мусульманского духовенства Таврической губернии. Сведения представлялись магометанским духовным правлением в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Отчеты подавались ежегодно и подписывались Таврическим муфтием и Симферопольским уездным кадием. Сделана попытка рассмотреть отчеты муфтиев как исторический источник по изучению демографии мусульманского населения Таврической губернии. В статье рассматривается статистика мусульман последней четверти XIX и до начала XX вв. На основе архивных документов сделана попытка воссоздать статистическую картину не только численности мусульманского духовенства. Исследованы количественные показатели мечетей, общее число мусульман Таврической губернии. Рассмотрена статистика рождаемости, смертности мусульманского населения, а также зарегистрированных браков в рассматриваемый период. Исследуемый период интересен также и тем, что в 1893 году наблюдалась волна массовой эмиграции крымских татар в Турцию. Определено, как это сказалось и на характере статистических отчетов.

Ключевые слова: мусульманское духовенство, статистика, мечети, эмиграция.

Сведения об авторе: Зарема Зудиевна Хайрединова – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры региональной истории и вспомогательных дисциплин, доцент кафедры культурологии, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского (95000, проспект В.И. Вернадского, 4, Симферополь, Крым); hzarema@gmail.com

УДК 93(=11/=8)

Татары: судьба этнонима

Рафаэль Хакимов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Аннотация: В исторической ретроспективе соотношение этноса и этнонима далеко неоднозначно. Прослеживая судьбу этнонима «татары», необходимо иметь в виду, что татарские племена меняли само-название, поскольку постоянно делились или объединялись, входили в союзы с другими народами. При этом новое имя могло приобретаться в зависимости от местности, вождя, наиболее сильного рода и т.д. Татары стали народом с теми чертами, которые дошли до нашего времени, сложились в период Золотой Орды.

Начиная с Петра I разрабатывалась российская историография, представлявшая татар в неблагоприятном свете, хотя сама судьба России как державы непосредственно связана с Золотой Ордой и татарскими ханствами. Золотоордынская цивилизация имела свои черты, которые повлияли на особенности культуры Евразии. К одному из достижений этой цивилизации относится веротерпимость, на чем строился славяно-тюрко-финский симбиоз Евразии. Эта черта определила саму возможность построения Российской империи. Предвзятое отношение к татарам затем сохранилось в СССР, где в частности, было запрещено изучение Золотой Орды и татарских ханств. Российская историография до сих пор не сумела преодолеть стереотипы о татарах.

Татарская нация со своими региональными этнографическими группами складывается вместе с развитием капиталистических отношений. Одновременно с капитализмом в татарском мире начинается реформация под названием «джадидизма» (обновление). Появляется сеть новометодных школ и медресе, собственная печать, газеты, а к началу XX века – политические партии. Татары становятся полноценной нацией вместе с приобретением своей государственности в виде Республики Татарстан и Республики Крым.

Ключевые слова: татары, этноним, этнос, Россия, Татарстан, Крым.

У этнонима «татар» довольно сложная судьба. Изначально это имя носили племена, жившие на севере от Великой китайской стены. В силу их влияния китайцы начали все народы, жившие севернее Китая, называть татарами, а сама территория получила название «Дешт-и-Татар» – «Земля татар». Китайские историки считали, что термин «татар» имеет собирательное значение. Эдурд Паркер, опираясь на китайские хроники, называет татарами хуннов и гуннов, авар, тюрков, сяньбийцев [22, с. 193]. В те времена не существовало этничности или национальности в нашем смысле. Племена легко сходились и расходились, создавали союзы племен, постоянно делились и смешивались. Поэтому татарские племена могли называться по-разному. Например, кимаки, основавшие вместе с кипчаками в X в. самостоятельный Кимакский каганат [13, с. 351] и сыгравшие выдающуюся роль в истории Евразии, представляли одно из многочисленных татарских племен. В то время смена самоназвания происходила проще, чем сегодня.

С чем же связана многозначность татарских племен, что вносит порой путаницу в научные исследования? Множество имен возникает естественным способом в виду размножения населения, которое делится на роды, племена, кланы. Любое отделившееся племя должно чем-то отличаться от родительского и соседних племен, поэтому оно берет себе новое имя. Первобытные роды брали имя тотема, в более позднее время имя могло быть связано с территорией, выдающимся вождем, мощным кланом, а союз племен мог называться по имени наиболее сильного племени и т.д. Сегодня, ссылаясь на источники, мы их можем воспринять как различные народы, хотя они могли быть близкими по культуре и языку и отличаться друг от друга только самоназванием. Более того, когда мы говорим о древних тюряках, подразумеваем некую гомогенность, по крайней мере, по языку. На самом деле, например, Тюркский каганат включал и монголоязычные, и угорские племена. При этом ряд тюркоязычных племен могли и не состоять в каганате.

Некоторые специалисты считают ранних татар монголоязычными, однако Рашид ад-Дин, наиболее авторитетный исто-

рик Средневековья, считал их язык тюркским. Монголы в исторических хрониках упоминаются на несколько веков позже татар. Махмуд Кашгарский, прекрасно осведомленный о тюркских языках, однозначно относил татар к тюркам и «Дешт-и-Татар» располагал между Северным Китаем и Восточным Туркестаном.

«Белыми татарами» назывались кочевники, жившие южнее пустыни Гоби. Большую часть их составляли тюркоязычные онгуы. «Черные татары», в том числе кераиты, жили в степи вдали от культурных центров. Они на ночь огораживались кольцом телег, т.е. создавали курень. «Дикие татары» Южной Сибири промыслили охотой и рыбной ловлей, управлялись старейшинами, у них не было ханов.

Поскольку возникали различные татарские государства (китайские и арабские хроники насчитывают их шесть), то этноним «татар» стал политонимом, это имя распространилось на многие монголо- и тюркоязычные племена. Даже впоследствии, когда Чингизхан прославился на весь мир как монгольский завоеватель, некоторые из историков называли его татаринном, а Монгольскую империю – Татарией. Мунали, наместник Чингизхана в Северном Китае сам себя называл «мы, татары», что соответствовало китайской традиции. Со временем вся Евразия стала отождествляться с «Татарией», что и зафиксировано на средневековых картах.

Этноним «тюрк» сложился вследствие этнического смешения племен на базе общности языка и культуры в конце V в. И.Л. Кызласов пишет: «Тюрками назывался только один из уже многочисленных тогда тюркоязычных народов – а именно создатель Первого и Второго Тюркских каганатов. Другие близкие по языку народы носили иные имена (уйгуры, басмылы, азы, чики, карлуки и т.д.). Народ *тюрк*, объединивший многие (но далеко не все) тюркоязычные и иные по речи народы в огромную евразийскую империю, этим расширил политическое значение своего имени» [17, с. 36]. По мнению ряда ученых, род Ашина, возглавивший Тюркский каганат, был сяньбийского происхождения. В китайских исторических хрониках «Суйшу» записано: «Предками туцзюэ [тюрков] были смешанные ху [гунны] Пинляна. Их родовое прозвание было ашина. Когда северозыский император Тай У-ди уничтожал Цзюйцзюй [439 г.], Ашина с пятьюстами се-

мей бежал к жужу [жужаням]. Они жили из рода в род у гор Цзиньшань [Алтай] и занимались обработкой железа». Группа племен, возглавляемая Асянь-шадом, «великим ябгу» Туу и Бумынем в 551–555 гг. нанесла сокрушительный удар Жуаньжуаньскому каганату, что можно считать временем возникновения Тюркского каганата.

В период создания Тюркского каганата татары уже играли существенную роль во взаимоотношениях тюрков с китайской империей. В VIII в. татары упоминаются в источниках как союз племен. В Терхинской надписи сообщается, что «когда писались эти письма – о мой хан! – то присутствовали именитые моего Небесного хана, восьмиплеменные татары, семнадцать аз'ских буюруков, сенгуны и тысячный отряд из (народа) тонгра, уйгурский народ вместе с моими тегинами» (753 г.). Иначе говоря, татары уже были в составе каганата. Последующая запись уточняет, что Элетмиш Бильге-каган (видимо в 742 г.) «опять подчинил и восьмиплеменных татар», а чуть ниже утверждается, что «в год Свины (747 г.), трёхплеменные карлуки и девятиплеменные татары... почтительно просили стать ханом» [16, с. 43–44]. Татары изначально были одним из активных исторических субъектов, участвовавших в формировании тюркского народа.

Вообще, с этнонимом (вплоть до новейшего времени) следует обращаться очень осторожно, поскольку этническое самосознание не совпадало с самоназванием. В древних источниках упоминаются различные названия племен, сменяющие друг друга, но на самом деле шла перетасовка одной и той же колоды, в которой доминировало то одно, то другое племя, или даже отличившийся выдающимися способностями вождь, чье имя и получал народ или же государство. Этнонимы «он-огуз» или «докуз-огуз» означают десять или девять племен. Этноним «уйгур» происходило от имени соответствующего рода, «карлук» – по названию местности.

В золотоордынский период можно наблюдать подобные же явления смены этнонима. Ногайцы получили самоназвание по имени бека Ногая. В некоторых источниках Улус Джучи в XIV в. называли «Узбеково государство», «Узбекский улус», «Узбекистан» [31, с. 175]. Фанатичные мусульмане Золотой Орды в XIV в. приняли новое имя – «узбеки» в честь хана Узбека. В

1428 г. Тюмень отошла от Орды, где хан Абуль-хайр и его улус стали называться «народ и улус узбекский». Их использовал Тимур в своей борьбе с Золотой Ордой. В самой Средней Азии в те времена под узбеками подразумевали кочевое население восточного «Дешт-и-Кипчака». Исфакхани об этом в начале XVI в. писал следующее: «Три племени относят к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингиз-хана. Ныне одно (из них) – шибани-ты... Второе племя – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третье племя – мангыты...» [32, с. 47]. В узбекском союзе еще при жизни Абуль-хайра стало складываться ядро будущих казахов. Абдулразак Самарканди в 844 г. писал: «Временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казаками, приходили в Мазандеран и, устроив везде грабежи, опять уходили [назад]» [10, с.381]. Порой в исторических летописях их называют узбеки-казахи. Сам Шейбан, сын Джучи по свидетельству его историка подразумевал под узбеками кочевые племена улуса Шейбана, а под казахами – кочевников улуса Орда-Ичена, которые в этническом отношении мало отличались друг от друга. Лишь в XVI в. внук Абуль-хайра Шейбани-хан покорил государство тимуридов, захватив Самарканд, Бухару и распространил имя «узбек» на среднеазиатских тюрок. Тогда и начинают складываться различия между татарами, узбеками и казахами.

Любой этноним переживает метаморфозы, порой настолько сложные, что трудно бывает отыскать его первоначальные корни. Кто скажет, откуда появился этноним «русские»? От варягов или славян? И почему имя собственное происходит от прилагательного, ведь другие народы не называются «татарские» или «французские», они – татары, французы... Тюркоязычные дунайские болгары создали самостоятельное государство и ослабились. А вот такой могучий народ как кипчаки, чей язык стал доминирующим, растворился в других этносах. Аль-Омари о «Дешт-и-Кипчак» пишет: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [Татар], и все они стали точно Кипчаки, как будто одного рода» [10, с. 105]. Кипчакские корни можно найти среди татар, но точно также кипчаки лежат в основе казахов, узбеков,

ногайцев, башкир и даже русских (прежде всего казаков) [8, с.112]. Татары в отличие от кипчаков со временем не растворялись, а, наоборот, соединяли под своим крылом все большее количество племен.

Наиболее широкое распространение имя татары получило во времена Чингизхана. Сами же монголы отделяли себя от татар, они были правящей верхушкой, из них назначались полководцы и состояли отборные части войск. В силу этого татарами постепенно стали называть основную массу тюркоязычных воинов и население. Венгерский монах Юлиан, бывший свидетелем покорения Приуралья в 1236 г., сообщает: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают им опасения... Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами». То, что вначале было искусственным политонимом, впоследствии было подкреплено культурным и языковым единством. Этому в сильнейшей степени способствовало становление Золотой Орды как самостоятельного государства, чья культура была столь мощной, что она как водоворот затягивала в свою орбиту более слабые народы. Потребности торговли, общения, государственных дел сформировали койне на базе кипчакского диалекта. Франческо Пеголотти (1340 г.) в своей книге «Торговое дело» советует купцам, едущим по торговым делам в Золотую Орду, нанять переводчика, по меньшей мере, двух хороших слуг, которые хорошо бы знали куманский, т.е. кипчакский язык. «Codex Cumanicus» был составлен в 1303 г. в качестве пособия для венецианских купцов. Таким образом завершилось формирование средневековой общности «татары».

Любой народ является сложносоставным и зачастую связан многими нитями с другими этносами. Татар и чуваш объединяет наличие булгарской генетической линии. Башкир отделить от ногайцев сложно – после распада Золотой Орды башкиры управлялись ногайцами до 1570-х годов, в то же время в их формировании немалую роль сыграли отатарившиеся мадьяры. Плано Карпини даже отождествлял башкир с мадьярами: «башкиры – это великие венгры» («basgar didest Magna Hungaria»). Гийом де Рубрук сообщает, что население Башкирии еще в XIII в. сохраня-

ло свой язык, который был понятен венграм [27, с. 122]. Знаменитые средневековые историки Джувейни и Рашид ад-Дин «башгирдами» называли венгров Восточной Европы. «Царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сасанов и, обратив в бегство государя их, келара [короля], провели лето на реке Тиса», – пишет Рашид-ад-Дин о покорении венгров и саксонцев [10, с. 259, 406, 408]. Но порой летописцы башкирами называли как венгров, так и тюркоязычные племена.

Татар и ногайцев стали считать разными народами только в советское время, но до сих пор в Центральной Азии татар продолжают именовать нугаями. В. Трепавлов пишет: «Носители этнонима «ногай» проникли в состав почти всех окрестных народов. Не случайно соседи расценивали ногаев как полиэтническую общность, а этим этнонимом называли представителей разных этносов. Ногаями именовали северную группу крымских татар, населявшую степи вне полуострова; для казахов *нугай* – это башкиры и поволжские татары; для башкир и казахов в прошлом *ногай* – сибирские татары; для калмыков *иштигмангад* (т.е. иштяки-мангыты) – башкиры, а *уулунмангад* (горные мангыты) – балкарцы и карачаевцы и т.п.» [30, с. 650–651]. Сегодня мы не сомневаемся в различии ногайцев и татар, но в средние века их считали одним народом. В одной из русских книг тех лет записано: «Сам же [Мухаммед-Гирей] крымских татар не любити начат, но паче начат любити ногайских татар, их же бяше множество у него, и близь себя держаше их и яко доброхоты себе вменяя их» [30, с. 168]. Как видим, здесь ногайцы воспринимаются как татары, живущие в степях, т.е. на определенной специфической территории. Даже в XIX в. крымца-садовода и хлебопашца называли татаринном, а заперекопского чабана – ногаем.

Тюркские народы скроены из близкородственных племен. Эпос «Идегей» начинается следующими словами:

*В стародавние времена,
Там, где была нугаев страна,
А предком Нугая был Татар,
Там, где стольный Сарай стоял,
Там, где вольный Идиль бежал,
Там, где город Булгар блистал,*

*Там, где текла Яика вода,
Там, где была Золотая Орда,
Там, где жили кыпчак и болгар, -
Ханствовал над страной татар
Хан по имени Токтамыш [12, с. 5].*

С распадом Золотой Орды и появлением многочисленных тюрко-татарских ханств территориальные различия становятся более выраженными. На базе Белой Орды формируются казахи, в Центральной Азии тюркский язык испытывает влияние фарси и появляется современный узбекский язык на базе чагатайского наречия, крымские татары долгое время находятся под протекторатом Османской империи, усваивая многие элементы турецкой (огузской) культуры, а другие этнические группы оказываются в ситуации относительной изоляции и развивают свои локальные особенности. Сегодня их называют азербайджанцами, кумыками, балкарами, карачаевцами и т.д.

В современную эпоху многие названия этнических групп происходили в зависимости от территории проживания. Тюрко-татары, которые жили в Сибири стали называться «сибирскими татарами», татары Крыма стали «крымскими татарами», в Астрахани – «астраханскими», те, кто жил на мешерской земле стали – «мишарями» и т.д. Естественные различия между этнографическими группами татар искусственно подогревались в царское время. Петр Столыпин был самым серьезным образом озабочен ростом влияния тюрков. В протоколе заседаний Особого совещания отмечено, что «15-миллионное мусульманское население России, относящееся по преимуществу к одному племени и говорящее хотя и на различных наречиях, но имеющих в своей основе один язык, переживает в настоящее время новый фазис своего развития, стремится к просвещению и, разрушая старый, создает новый быт, который угрожает культурной самобытности России» [20, с. 74]. Преосвященный Андрей заметил, что «в настоящее время Казань важнее Константинополя как центр культурной и издательской деятельности. Даже учебники, употребляемые в Туркестане, изданы в Казани в типографии бр. Каримовых» [20, с. 76]. Столыпин в отличие от современных филологов, отыскивавших десятки мнимых диалектов татарского языка, хорошо пони-

мал, что все тюрки имеют «в своей основе один язык». Он предлагал усилить имеющиеся у тюркского населения особенности в языке и культуре, разделив их таким образом на отдельные народы. В своем Представлении в Совет Министров он писал: «Татарским влиянием захватываются не только поволжские, приуральские и среднеазиатские полуоседлые и кочевые малокультурные народы, подвергающиеся татаризации, но и все оседлое население. Широкое содействие в этом отношении оказывают конфессиональные школы (мектебы и медресе), огромной сетью покрывающие все пространство, заселенное мусульманами. Руководимые татарским и отатаренным духовенством, а равно уже сформировавшимся кадром светских учителей, эти школы при крайне незначительном числе низших правительственных учебных заведений служат надежными проводниками мусульманской культуры и пантуранского духа» [25, с. 37]. Он угрозу увидел в эволюции мусульманского мира, его конкуренции с русской культурой, результатом чего стало отпадение христиан в мусульманство, нанесшее значительный ущерб православной церкви. Это отпадение «нанесло вместе с тем чувствительный удар достоинству национально-русского начала, склонив в Поволжье нравственный перевес в пользу татарско-мусульманской культуры», – утверждал Столыпин. Он предложил децентрализовать духовное управление мусульман, запретить преподавание в медресе русского языка и общеобразовательных предметов. Одновременно был изобретен термин пантюркизм, который благополучно просуществовал по сей день. В советское время продолжили эту политику разделения близкородственных тюркских народов на самостоятельные нации, законодательно закрепив литературные языки и предоставив административный статус.

Итак, в природе чистых этносов не бывает. Каждый народ несет в себе составные элементы многих племен и этносов. По мнению Садри Максуди, «все усилия, направленные на нахождение прямой этнической, родовой или племенной преемственности, этнической адекватности как между древними и средневековыми тюркскими племенами, так и между средневековыми и нынешними этническими тюркскими сообществами (народностями), бесплодны и никогда не дадут положительного результата» [18, с. 291]. Все существующие сегодня тюркские народы – своеобразный

сплав этих племен. Но по большому счету все они наследники общей культуры, опирающейся на поразительную устойчивость тюрко-татарских наречий. Из орхонских памятников видно, что тюркский язык мало изменился за эти столетия. Олжас Сулейменов определяет это явление как «феноменальный консерватизм тюркского слова и языка» [29, с. 109]. Устойчивость и близость тюркских наречий определяется тем, что они сложились как развитый язык уже в глубокой древности.

* * *

О татарах историки чаще писали как о диком кочевом народе. Вообще, кочевников в литературе трактуют как недоразвитую цивилизацию. На самом деле кочевничество – это особая цивилизация, не хуже и не лучше других, но имеющая свои преимущества. Кочевой мир позволяет передвигаться целым народам по большим пространствам и с большой скоростью даже по сегодняшним меркам. Так под влиянием гуннов, тюрков, затем татар оказывается громадная территория от Алтая до Восточной Европы, в которой формировалась ментальность тюркских народов и характер Евразии.

Само слово степь имеет вполне определенную привязку к географии и историческому образу жизни. Оно не совпадает по смыслу с понятием суша. Степь, породив своеобразную кочевую цивилизацию, сделала возможным соединение Востока и Запада, благодаря чему появилась Евразия не как географическое название, а культурное понятие. Кочевые империи были способны объединить разные народы в единый союз.

Многие государства, включая русские княжества, строились вдоль речных коммуникаций, но такой образ жизни не содействовал созданию империи. Разбросанные и мелкие княжества могли быть объединены только благодаря степи, где жили тюрки. «Всякий народ, – пишет Н.С. Трубецкой, – овладевший той или иной речной системой, оказывался господином только одной определенной Евразии; народ же, овладевший системой степи оказывался господином всей Евразии, т.к., господствуя над протекающими через степь отрезками всех речных систем, он, тем самым, подчинял себе и каждую из этих речных систем в ее целом. Итак, объединить всю Евразию могло только государство, овла-

девшее всей системой степи» [11, с. 7]. Следует также заметить, что в те времена тот, кто контролировал степь, контролировал и города. Это и предопределило характер Евразии и возможность возникновения великих империй.

В мировом сознании со времени нашествия гуннов остался затаенный страх перед кочевниками, но особенно напугало Европу появление татар во главе с Бату-ханом. Этот страх оброс различными мифами о «жестокости» татаро-монгол. Предвзятость породила легенды о «диких татарах» и неведомой страшной «Тартарии». Папа Иннокентий IV в 1234 г. писал, что татары «посланники Сатаны и прислужники Тартаруса». Он объявил крестовый поход против них. С тех пор стало общим местом противопоставлять татар цивилизации. До последнего времени в католических храмах Европы в проповедях просили Господа спасти от татар – исчадий ада. Целый народ стал именем нарицательным, «татарщиной». Этот миф Лев Гумилев назвал «черной легендой» [8].

На самом деле, золотоордынская цивилизация не только была одной из самых развитых в Средние века, но и обладала рядом преимуществ по сравнению с римско-европейской моделью империи. «Мы исследуем способы, с помощью которых империи осуществляли «политику различия», – пишут Джейн Бурбанк и Фредерик Купер. – Подобная перспектива позволяет увидеть основное, но не всегда строго выраженное отличие между империями, склоняющимися к унификации и гомогенности («римский путь»), и империями, открыто предпочитающими разнородность, как фундамент имперского правления («евразийский путь»). Эти две модели никогда не были окончательно реализованы в чистом виде, но их применение в исследовательской практике позволяет осмыслить последствия различных стратегий имперского управления» [3, с. 61]. Империя Чингизхана отличалась веротерпимостью и не ломала культуру присоединенных народов. Персидский историк Джувейни писал: «Ученых и отшельников всех толков он почитал, любил и чтит, считая их посредниками перед Господом Богом, и как на мусульман взирал он с почтением, так и христиан и идолопоклонников миловал. Дети и внуки его по несколько человек, выбрали себе одну из вер по своему влечению... Хотя и принимают они [разные] веры, но от изуверства

удаляются, и не уклоняются от Чингизхановой ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать» [Цит. по: 4, с. 43]. Трудно представить себе, чтобы у какого-то европейского короля дети приняли бы ислам, или мусульманские шейхи вдруг стали христианами или буддистами. Ордынская терпимость предоставляла всем народам, религиям, культурам возможность развиваться свободно, придерживаться собственных законов и традиций [24], а низкие налоги делали экономику эффективной.

Ко всему следует добавить о средствах коммуникации, которые обеспечивали хорошее управление государством и развитие торговли. Персидский историк Мирхонд писал, что при Чингизхане «города и большие дороги стали свободны и открыты купцам всякого рода. Он хотел обеспечить их такой безопасностью и спокойствием, чтобы каждый в пределах его господства мог нести на голове своей золото без всякой опасности [быть ограбленным], так, как люди носят простые горшки» [4, с. 22]. Для эффективного управления была создана сеть почтовых станций (ямов), которая служила для доставки сообщений и приказов, обслуживания дипломатов, торговцев и просто путешественников. Ям был снабжен также фуражом, кормом и питьем для проезжающих. Ибн-Арабшах вспоминает: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до [самого] Крыма, а переход [этот] около 3 месяцев... Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собою проводника вследствие многочисленности [тамошних] народов, да обилия безопасности, еды и питья у [живущих там] людей...» [10, с. 208]. Каждый участок управлялся особым «дорожным губернатором», который полностью отвечал за порядок и безопасность в пределах своего участка. Была специальная повинность по охране дорог, которая называлась «караулом». Все приезжие люди и провозимые товары регистрировались, и собиралась специальная дорожная пошлина. В особых случаях, когда известие или лицо должно было быть доставлено срочно, едущему выдавалась табличка с изображением сокола; каждая станция, как только услышит колокольчик скачущих, тотчас обязана была приготовить лошадей так, чтобы перепряжка могла быть незамедлительной. Обладающий такой таб-

личкой мог, в случае падежа лошади в пути, отобрать коней у любого встречного. Эти дороги великий хан приказал обсадить большими деревьями; в пустынных местностях дорога обозначалась столбиками, камнями и т.п. Для переправы через реки жители окрестных селений содержали паромы. В XIII–XIV вв. русские беспрепятственно ездили не только в Орду, но и в Каракорум, а купцы из Европы могли проследовать в Китай. Сухопутные дороги соединялись с важнейшими портами на Черном море. Города Каффа (Феодосия), Солдайя (Судак), Тана (Азов), в которых генуэзцы имели собственные кварталы, Пантекапеум (Керчь), Коп (Кубань), где обосновались венецианцы, были международными центрами торговли. Каффа, по словам Ибн-Батутта, чудная гавань, где он застал «до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира» [10, с. 126]. В те времена не было порта, сравнимого с Каффой по своим масштабам.

Для того чтобы понять историческую значимость этой системы нужно представить Европу того времени. Жак Ле Гофф пишет: «Средневековый люд шел по тропам, дорожкам, по запутанным путям, которые блуждали между несколькими фиксированными пунктами: ярмарочными городами, местами паломничества, мостами, бродами или перевалами. Сколько препятствий нужно было преодолеть: лес с его опасностями и страхами... бандиты, будь то рыцари или вилланы, засевшие в засаде на краю леса или на вершине утеса; бесчисленные пошрины, взимаемые с купцов, а иногда и просто с путешественников у мостов, на перевалах, на реках; скверное состояние дорог...» [6, с. 128–129]. В те времена Европа представляла жалкое зрелище по сравнению с почтовой службой Золотой Орды. В XIX в. эта система была разрушена и, например, Н.М. Пржевальский и другие путешественники с трудом ходили этими же путями.

Распад Золотой Орды говорит о кризисе татарской цивилизации, в которой наследственное право вступило в противоречие с задачами развития государства в меняющихся экономических условиях. Основными историческими конкурентами Орды выступили не столько русские, сколько европейцы, которые начали переходить к капиталистическим отношениям, причем благодаря торговле с Золотой Ордой. Фернан Бродель пишет: «Главное бо-

гатство Генуи заключалось в колониях, основанных ею далеко от Константинополя, на границах Византийской империи, в Каффе, Тане, Солдае и Трапезунде... Это были торговые фактории» [2, с. 466]. Речь идет о городах черноморского побережья, через которые вывозились многие товары с территории Золотой Орды, но главным экспортным товаром было зерно, прежде всего, пшеница, особенно ценная в Европе, где голод в те времена был обычным явлением. С конца XIII в. генуэзцы покупали также осетра и другую рыбу. Важной статьей торговли с итальянцами была соль. В XIV в. через Каффу шла торговля шелком, воском, кожей, мехами, хлопком, мастикой, металлом, полезными ископаемыми и рабами.

Города Черноморского побережья представляли собой своеобразные свободные экономические зоны Средневековья. В «Слове Кутлуг-Тимура, правителя Крыма, венецианским послам господину Джованни Квирини и господину Франческо Бону, послам к хану, венецианцам» от 20 сентября 1358 г. записано: «Если ваши корабли будут приходить в Провато, Калитру или Солдаю¹, то внутри этих трех городов и портов, в какой бы порт им не понадобилось войти, при покупке необходимого вам надлежит платить мне сообразно тому, что вы платили Рамадану. Если их купцы будут производить торговлю, то должны платить три процента; если они не будут торговать, то не должны ничего платить; пусть не взимается с них больше ничего. Кто бы ни был не должен несправедливо наносить им ущерб и притеснение; и если кто-либо захочет их нанести, мы не допустим. Мы должны охранять и защищать иностранцев, чтобы они могли чувствовать себя спокойно и производить свою торговлю» [7]. Генуя и Венеция — основные посредники в торговле с Европой и стали местом зарождения капитализма. К сожалению, в самой Золотой Орде политическая система не позволила перейти к новым экономическим отношениям.

¹ Порт Провато находился в непосредственной близости от Каффы (нынешней Феодосии) и назывался по-тюркски Янгишехр. Порт Калитра (нынешний Коктебель) находился в десяти километрах к юго-западу от Провато. Далее на юго-запад в 35–37 км от Калитры находился порт Солдая (нынешний Судак).

Золотая Орда оказалась под доминирующим влиянием ислама после объявления ее Узбек-ханом государственной религией, что стало тормозом для экономики. Шариат не позволял брать банковский процент, необходимый для концентрации капитала, ведения рискованных торговых операций и развития сельского хозяйства, зависящего от капризов погоды. Для Золотой Орды не были присущи те политические и идейные свободы, которые утвердились в Генуе и Венеции. К внутренним политическим распрям Золотой Орды, связанным с престолонаследием, добавилась Черная Смерть (чума), опустошившая города, через которые и шла основная торговля [14, с. 686–690]. Жак Ле Гофф пишет о ситуации в Европе, которая была характерна и для Золотой Орды: «Все чаще и чаще великим переломным моментом европейской истории ученые называют эпидемию бубонной чумы, разразившуюся в 1347–1348 гг.; после этого бедствия история начинает делиться на время «до чумы» и «после», на время процветания и время кризиса, время уверенности и время сомнений. Таким образом, эпидемия чумы является «временем большой протяженности»; игнорируя Ренессанс, чума влияет на демографическую, биологическую и психологическую историю Запада вплоть до 1720 г, когда в Марселе была зафиксирована последняя ее вспышка» [5, с. 33]. Можно назвать и другие причины распада Золотой Орды, но для нас важно отметить, что дальнейшее существование татарских ханств не сопровождалось модернизацией экономики. Наступил инерционный период некогда великой культуры.

Ивану III приписывают честь отделения от Орды, что не соответствует действительности. Он выступил против хана Большой Орды Ахмата, как самозванца, но вовсе не воевал с Золотой Ордой и не расшатывал ее устои. В.О. Ключевский пишет: «Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех пор, как само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго» [15, с. 115]. Москва не только не воевала с Ордой, напротив, она была очарована идеей государственности чингизидов. В отличие от примитивных представлений, господствовавших в удельной Руси, ордынская государственная идея была грандиозной и притягательной. Н.С. Трубецкой пишет о русских княжествах как про-

винциях большого государства: «Достоверно известно, что Россия была втянута в общую финансовую систему монгольского государства, и тот факт, что целый ряд русских слов, относящихся к финансовому хозяйству и продолжающих жить в русском языке даже и поныне, являются словами, заимствованными из монгольского или татарского (например, *казна*, *казначей*, *деньга*, *алтын*, *таможня*), свидетельствует о том, что монгольская финансовая система в России не только была воспринята и утвердилась, но и пережила татарское иго» [11, с.1 7–18]. Благодаря дружбе с Узбек-ханом Иван Калита получил особые права, а его наследники вместе с великим княжением закрепили право собирать дань с русских князей. Москва расцветала на глазах, поскольку все финансовые потоки были централизованы, а вместо татарской дани Москва от имени всех князей платила «выход». Сколько оставалось самой Москве один Бог знает. При больших деньгах волей-неволей задумаешься о державности. Хотя формально Россия появляется после присоединения татарских ханств, тем не менее, идеология зарождается в Москве, как неотъемлемой части Золотой Орды. Впоследствии сам факт тесной связи природы России с бывшими ханствами закрепляется в титулатуре монархов, а в российском гербе появляются три короны, символизирующие покоренные Казанское, Астраханское и Сибирское царства.

После распада Золотой Орды русская мысль обратилась к близким по вере византийским традициям, соединила ордынскую державность с православием, после чего татарские идеи приобрели совершенно новую, христианско-византийскую оболочку. Сегодня любят к месту и не к месту вспоминать Византию, но к тому времени «Царьград» в политическом отношении был совершенно дряхлым. Выдающийся историк В.Ф. Платонов пишет: «Наши предки долго и пристально наблюдали процесс медленного умирания Византии. Это наблюдение могло давать уроки отрицательного значения, а не вызывать на подражание, могло возбуждать отвращение, а не увлечение» [23, с. 189]. Весьма характерно, что в 1441 г. рязанский епископ Иона был «наречен во митрополиты» не константинопольской патриархией, а собором русских епископов. Таким образом, византийские традиции задолго до начала московской экспансии прервались полностью,

оставшись символическим воспоминанием. Напротив, золотоордынские государственные порядки были обыденностью. «Есть кое-какие указания на то, что первые цари смотрели на себя как на наследников монгольских ханов, – пишет Ричард Пайпс. – Хотя под церковным влиянием они иногда ссылались на византийский образец, они не называли себя преемниками византийских императоров... Уже во время последнего наступления на Казань и Астрахань Иван называл их своей вотчиной; это утверждение могло значить лишь одно – что он смотрел на себя, как на наследника хана Золотой Орды» [21, с. 105–108]. Москва себя видела наследницей Орды, более того она звала на службу татар. При Василии, отце Грозного, с князем Глинским (потомком Мамая) выехала из Литвы целая «толпа», размещенная в Муромском уезде. В 1535 году в правление Елены Глинской, выехало на службу государя московского 300 семейств «литвы» с женами и детьми. Среди этой «литвы», скорее всего, большинство было татар, ибо Москва приглашала людей ратных, а в Великом княжестве Литовском военную службу несли ордынцы. Вместе с царевичем Касимом, бывшем при Василии Темном в казанском плену, выехал целый военный отряд, который был размещен в Городце на Оке, где возникло Касимовское ханство в составе Московского княжества. Иван Грозный приглашал многих мурз и раздавал земли в Московском, Боровском, Калужском и других уездах. Татарский фактор с падением Крымского ханства исчезает с международной арены, но во внутренних делах татары проявляют живейшую активность, особенно во времена Смуты. Это связано не только с Касимовским ханством, романовскими татарами, казаками, но также многими дворянами татарского происхождения, среди которых встречаются весьма примечательные политические фигуры, такие как, например, Семион Бикбулатович.

Российская историография, продолжая традиции европейских историков, формировала образ татар как жестоких дикарей, а золотоордынский период пыталась представить как случайный и несущественный. Такой поворот в умах начался с Петра I, перед которым стояла сугубо идеологическая задача выстраивания концепции происхождения Российской империи с запада на восток – с Киевской Руси. Вопреки евразийской природе России, ее

хотели переделать под римско-византийские традиции, объявить православной державой. Однако инициированная Петром христианизация мусульман привела к массовым протестам татар и башкир, расстроившим дела империи. Екатерина II была вынуждена издать указ о веротерпимости, отчасти вернувшись к традициям Чингизхана.

Петр очень хотел из русских сделать европейцев, но сами европейские историки исходили из того, что русские это вчерашние татары. «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими, – писал маркиз Астольф де Кюстин. – Ведь немногим более ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской эlegantности большинство этих выскочек цивилизации сохраняет медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщиться» [26, с. 536–537]. Антитатарская традиция в России приобрела довольно абсурдный русофобский оттенок. «Западничество» стало выражением этого направления. Как пишет Валерий Захаров, «первым русским русофобом, возненавидевшим Московскую Русь, стал Петр Великий. Для дворянства, подхватившего заразу, признаком *bonton*'а стало отречение от всего русского. Голоса славянофилов, восставших против дворянской русофобии, потонули в общем крике антирусской озлобленности; славянофилам была создана, как потом Достоевскому и Лескову, репутация ретроградов» [9, с. 166]. Ложная история формирует ложную политику, а значит и негативные стереотипы поведения, расшатывая устои государства. Общество раскалывается не только на «западничество» и «славянофильство», но и порождает ненависть к отдельным народам: полякам, евреям, татарам, кавказцам и другим. «И только в тяжелой атмосфере этого перерождения языка, – пишет Александр Салтыков, – являющегося лишь симптомом более глубокой болезни самой национальной души, могли у нас родиться, в конце XIX века, столь нелепые лозунги, как, например, «Россия – для русских». Сказать: Россия – для русских – это значит просто не понимать, что такое Россия. Ибо «Россия», как показывает сама грамматика, может быть только для «Россиян», а не как не для «русских». И действительно: «Россиянами» были

для наших предков и казанский татарин, и прибалтийские уроженцы – немец, эстонец, и латыш – и житель западных областей – поляк и «друг степей – калмык»» [27, с. 114]. В свое время Николай Бердяев – один из самых блестящих русских умов – написал, что Петр «изнасиловал женственную душу русского народа» [1, с. 490]. Это относится и к российской историографии, чьими усилиями целый народ стал именем нарицательным – «татарщиной».

Петровский большевизм в историографии, как это не покажется странным, не был поколеблен социалистической революцией. Конечно, в СССР вся история была подчинена теории классовой борьбы и доказательству неизбежности социализма, но то, что касается изучения татарских корней, они отвергались не только идеологически, но и с помощью административных решений. В частности, 9 августа 1944 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», запретившего изучения истории Золотой Орды, татарских ханств, популяризации эпоса «Идегей». Поразительно насколько важной представлялась фальсификация истории для советской политики. В самый разгар войны, задолго до взятия Берлина, в условиях напряжения всех сил и ресурсов в стране, руководство страны посчитало необходимым запретить изучение Золотой Орды. В глазах Сталина татарская история была столь же значима, как и победы на фронтах.

Татары тот редкий случай, когда сам этноним становится предметом идеологических сражений. С благословения Сталина советские историки переориентировались на так называемое болгарское происхождение современных татар. Не откладывая в долгий ящик, болгарскую концепцию «утвердили» в 1946 году на специально созванной всесоюзной конференции. Татарские историки в своей массе начали отрекаться от татарских корней, представляя Бату-хана разрушителем государственности болгар и русских, а некоторые активисты начали призывать переименовать татар в «болгар», а Татарстан – в Булгарию. К сожалению, до сих пор в научных трудах встречаются отголоски этой сталинской установки, особенно они популярны среди археологов Татарстана.

Рассматривать татар и болгар как разные народы мало имеет смысла. Само по себе покорение болгар татарами во главе с Бату-ханом не говорит о межэтнической войне. И татары, и болгары имели общие исторические корни, близкий разговорный язык и сходную культуру. Если болгар называют западными гуннами, то татар можно на том же основании назвать восточными гуннами. Война родственных народов друг с другом всегда было обычным делом. Для примера можно упомянуть междоусобные войны русских княжеств, которые занимались уничтожением друг друга, причем совершенно непонятно ради каких целей. «Гроза ханского гнева сдерживала забияк, – пишет В.О. Ключевский; – милостью, т.е. произволом, хана не раз предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли. Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батогом Божиим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния» [15, с. 43]. В тюркской среде происходили войны за пастбища, ради контроля над торговыми путями, при строительстве государств: Тюркского каганата, Золотой Орды, империи Тимура, Османской империи.

Волжско-Камская Болгария оказала сильнейшее влияние на формирование не только современных татар, но и всего Поволжья, но для нас этнически и культурно она отстоит слишком далеко. Булгарские компонент татар, принятие ислама, первые сахабы, путешествие Ибн-Фадлана воспринимаются не в качестве реальной, а легендарной истории. Даже когда мы обращаемся к образу Великого Болгара, мы перед глазами имеем город, построенный Бату-ханом, как первую ставку Улуса Джучи. Собственно, о булгарских корнях вспомнили в XIX веке, когда появилось национальное (в европейском смысле) сознание. Когда Шигабутдину Марджани для написания цельной истории татар, понадобилось обосновать местные корни в исламе и создать собственную татарскую систему образования, именно тогда и становится актуальной булгарская тематика. Образ «Священного Болгара» выполнял символическую функцию – обращение к Болгару как истокам означал падение любых зарубежных исламских авторитетов. Вместе с тем именно исторические труды Марджани стали основой татарской

идеологии, что он откровенно выразил в крылатой фразе: «Кто же ты, если не татарин?» [19, с. 6].

Вместе с появлением капиталистических отношений татарский мир претерпел большие изменения. Капитализм, подкрепленный реформацией ислама, привел к коренным изменениям всей системы образования и просвещения. Новая волна начинается с «татарской Реформации» – джадидизма, о котором можно с полной уверенностью говорить как важнейшем повороте в судьбе татар. Становление татарского капитализма требовало подготовки кадров, интенсивных средств коммуникации, всеобщего образования и просвещения, иначе говоря, общество вступило в период трансформации татар в современную развитую нацию европейского типа. Богословские труды Курсави, исторические изыскания Марджани, новая модель медресе, предложенная Исмаилом Гаспринским стали детонатором изменения всей системы социальных отношений и преобразили татарский мир, который к началу XX века имел развитые социальные и политические структуры. Вместе с революцией татары уже претендовали на свою форму государственности в виде автономных республик в Поволжье и Крыму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. Философия свободы. Харьков: Фолио; М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. 736 с.
2. Бродель Фернан. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
3. Бурбанк Джейн, Купер Фредерик. Траектории империи // *Ab Imperio*, 4/2007. 85 с.
4. Вернадский Г.В. О составе Великой Ясы Чингиз Хана. Брюссель. 1939. 64 с.
5. Гофф Ж. Ле. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 440 с.
6. Гофф Жак Ле. Цивилизации средневекового Запада. М.: «Прогресс-Академия», 1992. 376 с.
7. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002.

8. Гумилев Л. «Черная легенда» (историко-психологический этюд). М.: Алгоритм. 2003. 352 с.
9. Захаров В. Извращение великорусской истории // Молодая гвардия, 1992, № 9.
10. Золотая Орда в источниках. Том 1. М.: Наука, 2003. 448 с.
11. И.Р. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925. 60 с.
12. Идегей. Татарский народный эпос. Казань: Татарское кн. изво, 1990. 256 с.
13. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 551 с.
14. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. 1054 с.
15. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. II. М.: Мысль, 1987. 447 с.
16. Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб: Петербургское Востоковедение, 2010. 328 с.
17. Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Ин-т тюркологии, 2011. 256 с.
18. Максуди Садри Арсал. Тюркская история и право. Казань: ФЭН, 2002. 412 с.
19. Марджани Шихабутдин. Извлечения вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ад-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Часть I. Казань: ФЭН, 2005. 255 с.
20. П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Гасырлар авазы – Эхо веков, 1998. № 3/4.
21. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. – 424 с.
22. Паркер Э.Х. Тысяча лет из истории татар. Казань: «Идель-Пресс», «Слово», 2003. 288 с.
23. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: «Изд-во АСТ», 2004. 843 с.
24. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 260 с.
25. Проект, не успевший стать законом // Гасырлар авазы. – Эхо веков. 2001. № 1/2.

26. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. 719 с.
27. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. М., Географгиз, 1957. 270 с.
28. Салтыков Александр. Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен: Изд-во Милавида, 1922. 117 с.
29. Сулейменов Олжас. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: «АТАМУРА», 2002. 320 с.
30. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М.: «Восточная литература», 2001. 752 с.
31. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. М.: Фолиант, 2011. 251 с.
32. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-ий Бухара (Записки бухарского гостя). М.: Восточная литература, 1976. 106 с.
33. Хаким Рафаэль. Джадидизм. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. 207 с.

Сведения об авторе: Рафаэль Сибгатович Хакимов – доктор исторических наук, директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

TheTatars: destiny of the ethnonym

Rafael Khakimov

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Abstract: Historically, the correlation of the ethnic group and the ethnonym is ambiguous. Tracing the history of the ethnonym *Tatars*, it is necessary to take into account that the Tatar tribes changed the name itself as they always divided or merged as well they had alliances with other nations. Thus, a new name could depend on place location, a tribal chief, the most powerful tribe, etc. The Tatars became a nation possessing the traits they have nowadays, and which were formed in the period of the Golden Horde.

The Russian historiography was elaborated since Peter the Great, and it represented the Tatars in the least favorable light, although the fate of Russia as a state is directly connected with the Golden Horde and the Tatar Khanates. The Golden Horde civilization had its own features that influenced the particularities of the Eurasian culture. One of the achievements of this civilization was religious toleration that performed as the basis of the Slavic-Turkic-Finnish symbiosis of Eurasia. This feature identified the possibility of development of the Russian Empire. The prepossession to the Tatars has remained in the USSR ever since, particularly, it was prohibited to study the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates. Since then the Russian historiography has not been able to overcome the stereotypes about the Tatars.

The Tatar nation with its regional ethnographic groups was formed along with the development of capitalist relations. Along with capitalism in the Tatar world the reformation named *jadidism* (renovation). Based on new teaching techniques, the schools and medrese were opened, the own printing press (newspapers) was formed, and by the early twentieth century political parties were organized. The Tatars became a full-fledged nation due to the acquisition of statehood in the Republic of Tatarstan and the Republic of Crimea.

Keywords: the Tatars, ethnonym, ethnic group, Russia, Tatarstan, the Crimea.

REFERENCES

1. Berdyaev N. *Filosofiya svobody*. Khar'kov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2002. 736 p.
2. Brodel' Fernan. *Sredizemnoe more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filippa II*. Part I. Rol' sredi. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 496 p.
3. Burbank Dzheyn, Kuper Frederik. Traektorii imperii. *Ab Imperio*, 2007, no. 4. 85 p.
4. Vernadskiy G.V. *O sostave Velikoy Yasy Chingiz Khana*. Bryussel', 1939. 64 p.
5. Goff Zh. Le. *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo*. Moscow, Progress Publ., 2001. 440 p.
6. Goff Zhak Le. *Tsivilizatsii srednevekovogo Zapada*. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1992. 376 p.
7. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kollektsiya zolotoordynskikh dokumentov KhIV veka iz Venetsii*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 2002.

8. Gumilev L. «*Chernaya legenda*» (istoriko-psikhologicheskiiy etyud). Moscow, Algoritm Publ., 2003. 352 p.
9. Zakharov V. Izvrashchenie velikoruskoy istorii. *Molodaya gvardiya*, 1992, no 9.
10. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2003. 448 p.
11. I.R. Nasledie Chingiskhana. *Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka*. Berlin, Evraziyskoe knigoizdatel'stvo Publ., 1925. 60 p.
12. *Idegey. Tatarskiy narodnyy epos*. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 256 p.
13. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. Vol. I. Narody stepnoy Evrazii v drevnosti*. Kazan, Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2002. 551 p.
14. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh. T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* Kazan, Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2009. 1054 p.
15. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v devyati tomakh*. Vol. II. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 447 p.
16. Klyashtornyy S.G. *Runicheskie pamyatniki Uygurskogo kaganata i istoriya evraziyskikh stepey*. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2010. 328 p.
17. Kyzlasov I.L. *Altaistika i arkheologiya*. Moscow, Institut tyurkologii Publ., 2011. 256 p.
18. Maksudi Sadri Arsal. *Tyurkskaya istoriya i pravo*. Kazan, Fen Publ., 2002. 412 p.
19. Mardzhani Shikhabutdin. *Izvlecheniya vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad ad-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)*. Part I. Kazan, Fen Publ., 2005. 255 p.
20. P.A. Stolypin: napravit' «ser'eznye usiliya k presecheniyu natsional'no-tatarskogo natiska». *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*, 1998, no 3/4.
21. Payps R. *Rossiya pri starom rezhime*. Moscow, «Nezavisimaya gazeta» Publ., 1993. 424 p.
22. Parker E.Kh. *Tysyacha let iz istorii tatar*. Kazan, Idel'-Press Publ., Slovo Publ., 2003. 288 p.
23. Platonov S.F. *Polnyy kurs lektsiy po russkoy istorii*. Moscow, AST Publ., 2004. 843 p.
24. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordyy*. Kazan, Fen Publ., 2009. 260 p.
25. Proekt, ne uspevshiy stat' zakonom. *Gasyrlar avazy. – Ekho vekov*, 2001, no 1/2.

26. *Rossiya pervoy poloviny XIX v. glazami inostrantsev*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991. 719 s.
27. Rubruk G. *Puteshestvie v vostochnye strany*. Moscow, Geografiz Publ., 1957. 270 p.
28. Saltykov Aleksandr. *Dve Rossii. Natsional'no-psikhologicheskie ocherki*. Myunkhen, Milavida Publ., 1922. 117 p.
29. Suleymenov Olzhas. *Tyurki v doistorii. O proiskhozhdenii drevnetyurkskikh yazykov i pis'mennostey*. Almaty, ATAMURA Publ., 2002. 320 p.
30. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy ordy*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 752 p.
31. Trepavlov V.V. *Tyurkskie narody srednevekovoy Evrazii*. Moscow, Foliant Publ., 2011. 251 p.
32. Fazlallakh ibn Ruzbikhan Isfakhani. *Mikhman-name-iy Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya)*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1976. 106 p.
33. Khakim Rafael'. *Dzhadidizm*. Kazan, Institut istorii Akademii nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2010. 207 p.

About the author: Rafael Sibgatovich Khakimov – Doctor of historical sciences, Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Vice-President of AS RT, Academician of AS RT (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru

Kırım tatarları ve osmanlıların İran seferleri

Özer Küpeli

(İzmir Kâtip Çelebi Üniversitesi)

Özet: makalede XVI–XVII yüzyıllarda Osmanlı İmparatorluğu'nun İran kampanyalarının tarihini incelemektedir ve bu savaşlarda Kırım Tatarlarının rolü göstermektedir.

Anahtar kelimeler: Osmanlı hâkimiyeti, Kırım Tatarları, İran

Giriş

XV. yüzyıl sonlarına doğru Osmanlı hâkimiyetini kabul eden Kırım Hanlığı'nın ordusu; mirzalara bağlı kabile kuvvetleri, Kuban, Yedisan ve Bucak seraskerlerinin kendi mirzaları kumandasında hareket eden Nogaylar ve maaşları Osmanlı padişahı tarafından ödenen hanın hassa birliği kapıkullarından oluşmaktaydı [30, s. 457]. Hanlığın askeri kuvveti çoğunluğu atlı olmak üzere 40–50.000 kişiden ibaret olup büyük bir kısmı silah olarak ok, yay ve kılıç kullanmaktaydı. Ateşli silahlar Kırım kuvvetleri arasında pek yaygın değildi. Kırım ordusunda Osmanlılar tarafından hanın maiyetine verilen sadece bir miktar topçuylaaz sayıda tüfekliyeiçeri bulunuyordu [32, s. 83–84]. Nitekim Sahip Giray 1532'de İstanbul'dan han sıfatıyla Kırım'a gönderildiğinde rakiplerine karşı mücadelesinde kendisine yardımcı olması için maiyetine 60 topçu, 300 cebeci, 1000 kapıkulu, 40 müteferrika, 30 çavuş, 60 da tımarlı süvari tayin edilmişti [26, s. 519].

Osmanlı Devleti Kırım Hanlığı'nı himayesine aldıktan sonra onun askerî gücünden faydalanmış, Kırım'ı insan ve malzeme kaynağı olarak kullanmıştır. Kırım Tatarları bir yandan Doğu Avrupa ve Kafkasya'ya düzenlenenOsmanlı seferlerineaskerî destek verirken, bir yandan da kuzeyden gelebilecek tehditlere karşı tampon vazifesi görmüşlerdir. Osmanlı seferlerine katılan Kırım birlikleri cephe

savaşında hizmet görmekten ziyade padişahın ordusunun önünde giden akıncılar olarak görev yapıyor ve ganimet için düşman ülkenin topraklarında yağma faaliyetlerinde bulunuyorlardı. Hem Osmanlı, hem de Avrupa tarihleri katıldıkları seferlerde Tatar süvarilerinin sayısını olduğundan çok daha fazla yazmaktadır. Oysa bunların sayısı en çok 50.000'di [27, s. 60]. Süvarilerin sayısının çok sanılmasının başlıca nedeni her süvarinin yanında yedek bir ya da birkaç at bulundurması ve grup halinde hareket etmeleridir [36, s. 82–82]. Mesela 1638'deki Bağdat Seferi'ne Kırım Hanı Bahadır Giray da davet edilmiş, hanın kardeşi 12 Ağustos 1638'de padişahın istediği gibi 40.000 kişi ile değil yanında 4.749 adam ve 8.561 at olduğu halde 63 parça gemi ile Kefe'den Sinop'a geçmiştir [1, s. 58–59]. Bu kayıt Tatar süvarilerinin seferlere Osmanlı vakanüvislerinin yazdığı gibi 40–50.000 kişiyle değil 5–10.000 kişiyle katıldıklarını göstermektedir.

1484'teki Akkirman Seferi Kırım kuvvetlerinin destek verdiği ilk Osmanlı seferiydi. Padişah tarafından gönderilen hediye ve yüklü miktarda paraya binaen sefere katılan Mengli Giray yardımının-mükâfatı olarak Kavşan, Tombasar ve Balta gibi bazı Besarabya şehirlerini topraklarına kattı. Kırım hanlarını sefere davet eden hatt-ı hümayunlarında Osmanlı padişahları genellikle «*İslam dinine yardım*» veya «*Osmanlı hanedanı ile kardeşlik*» vurgusunu ön plana çıkarırlardı. Buna karşılık Kırım hanlarını yardım etmeye teşvik eden bunlardan ziyade gönderilen hediyeler, sefer akçesinin çokluğu ve sefer sonunda elde edilecek ganimetin cazibesiydi. XVI. yüzyıl boyunca ara sıra sefere davet olunan Kırım hanları 1595'ten sonra Tatar süvarilerinin Osmanlı akıncılarının yerini almasıyla her sefere katılmaya mecbur tutuldular. Bu mecburiyete uymamaları hanlıktan azilleri için yeterli bir sebepti [28, s. 786; 27, s. 30 ve 61].

XVI. Yüzyıl

Kırım hanları başlangıçta sadece batıya düzenlenen seferlere davet edilirdi. Ancak bu durum XVI. yüzyılın ikinci yarısında değişti ve Tatar süvarileri doğu seferlerine de katılmaya başladılar. Bu yöndeki ilk davet Kanuni Sultan Süleyman'ın 1548–49'daki ikinci İran seferi vesilesiyle yapıldı. Ancak Sahip Giray Tatar askerinin uzak diyarlara gitmeye tahammülü olmadığını ileri sürüp önce sefere katılmamak için ayak diredi. Ardından asker başına beşer bin akçe gönderilirse sefere katılabileceğini belirtti. Bazı vezirler bu talebi

hanın aleyhine kullanmaya kalkıştılsa da, Kanunî Sultan Süleyman bunlara kulak asmayıp sefer dönüşü bir nameyle kendisini taltif etti [23, s. 114].

Kırım kuvvetlerini doğu seferine çağıran bir sonraki davet 1578'dedir. XVI. yüzyılın son çeyreğine girildiğinde Osmanlı Devleti resmîyette Safevî şahının düşmanca tavırlarını, Kızılbaş tahriklerini ve sınır tacizlerini bahane ederek, gerçekteyse Safevî ve Rus tehditlerini Hazar Denizi kıyılarında nuzaklaştırmak, İran'ı arkadan kuşatmak ve Orta Asya hanlıklarıyla doğrudan irtibat kurmak için Safevî Devleti'ne savaş ilan etti [31, s. 271–272]. Öte yandan 1578 yılı başında gönderilen mektuplarla gelişmelerden haberdar edilen Kırım Hanı II. Mehmed Giray'danda Tatar süvarilerini Osmanlı serdarına yardım için Şirvan'a yollaması istendi [2, nr. 128, 663]. Bunun üzerine II. Mehmed Giray kardeşi Adil Giray'ın başbuğluğunda, diğer kardeşleri Gazi, Mübarek, Selamet ve oğlu Murad girayların dâhil olduğu 15.000 kişilik bir kuvveti Demirkapı üzerinden Şirvan'a gönderdi. Yanlarında İstanbul'dan maiyetlerine verilen 500 nefer yeniçeri, 12 nefer topçu, 15 nefer top arabacısı yanında 6 şahî, 8 küçük darbzen, 100 tüfek, 1.000 kantar barut ve sair mühimmat da bulunuyordu [2, nr. 310; 22, s. 29].

Adil Giray Kırım'dan yola çıktığında Osmanlı ordusu 1578 senesi için planladığı harekâtı tamamlamıştı. Veziriazam Lala Mustafa Paşa Şirvan'ın muhafazasına Özdemiroğlu Osman Paşa'yı bırakarak askerin büyük kısmıyla kışı geçirmek üzere Erzurum'a dönmüştü. Onun ayrılmasını fırsat bilen Safevîler Aras Han kumandasındaki 20.000 kişilik bir orduyu Ekim 1578'de Şirvan'a göndermişlerdi. Kısa sürede Ereş'i zapt eden Aras Han ardından Şamahî üzerine yürüyerek Kasım ayı başında kaleyi kuşattı. Birkaç gün boyunca kale önünde cereyan eden muharebelerde Osman Paşa'nın askerleri gayet başarılı sonuçlar alsalar da, düşmanın sayıca üstünlüğü karşısında yetersiz kalıyorlardı. Artık ümitlerin tükendiği bir sırada 11 Kasım günü öğleden sonra Tatarlardan 5–6.000 kadar öncünün yetişip savaşa dâhil olması durumu Osmanlılar lehine değiştirdi. Ani Tatar saldırısıyla şaşkına dönen Kızılbaşlar binlerce ölü ve yaralı vererek çekilmek zorunda kaldılar. Kaçmaya çalışan Aras Han, Adil Giray'ın mirahuru Sührab Bey tarafından yakalanıp esir edildi. Ertesi gün Osman Paşa başarılarından dolayı Kırım giraylarını ödüllendirip Tatar askerlerine de üç gün süreyle ziyafet düzenledi. Fakat giraylar hediyelerle

yetinmeyip yağmaya gitmekte ısrar ettiler. Osman Paşa Tatar askerine Aras Han'ın memleketi Salyan bölgesinin yağması için müsaade verdi. Ereş'e beylerbeyi tayin edilen Piyale Bey'i de yanlarına alarak Şamahı'dan ayrılan Kırım atlıları kısa sürede Salyan'a ulaşır Aras Han'ın sarayının bulunduğu Kür (Kura) Nehri ortasındaki adayı bastılar. Şamahı önlerinde yaşadıkları hezimetten sonra buraya sığınan Kızılbaş kuvvetleri Tatar askeri karşısında bir kez daha yenilgiye uğradı. Aras Han'ın sarayını ve hazinesini yağmalayan Kırımlılar büyük miktarda ganimet ve esir topladılar. Tatar süvarilerinin Ramazan ayına denk gelen bu yağma esnasında yaptıkları vahşet dönemin Osmanlı kaynaklarında ciddi şekilde eleştirilmiştir [22, s. 28–33; 8, s. 115–138; 19, s. 310–311].

Tatar askeri Salyan'da yağmadayken Safevi Veliahtı Haydar Mirza ile Başvezir Mirza Selman'ın büyük bir orduyla Kür'ü aşır Şirvan'a gelmekte olduklarını öğrenen Osman Paşa, Adil Giray'a haber gönderip acilengeri dönmesini buyurdu. Kazandıkları zaferler ve ganimetlerin verdiği sarhoşlukla Tatarlar bu emri dikkate almayıp yağmaya devam ettiler. Osman Paşa'nın ısrarlı yardım çağrıları üzerine Adil Giray dönüş yolunda olduğunu bildirmek için haberci gönderdiyse de, ulaşı yakalayan Haydar Mirza Şamahı etrafındaki kuşatmayı kaldırıp Salyan'a yöneldi. Molla Hasan Nehri kenarında dağınık ve perakende bir haldeyken Safevi ordusunun ani saldırısına uğrayan Tatarlar savaşmak yerine ganimetlerini koruma derdine düşünce büyük bir hezimete uğradılar. 30 kadar Tatar mirzasıyla 2.000 civarı Kırım süvarisi ölürken, sağ kalanların pek çoğu kaçtı ya da esir düştü. Ereş Beylerbeyi Piyale Paşa ile Adil Girayda esir düşenler arasındaydı. Esaretinin ardından Adil Giray ve Piyale Paşa Kazvin'e gönderilirken, Osman Paşa Safevi kuvvetlerinin Şamahı önlerinden çekilmesiyle kaleden çıkıp bitkin ve perişan askerle Demirkapı'ya çekildi [22, s. 33–37; 8, s. 139–156; 19, s. 311–213]. Böylece Şirvan'ın büyük kısmı Safevilerin kontrolüne girmiş oldu.

Esir edildikten sonra götürüldüğü Kazvin'de türlü iltifatlara mazhar olan Adil Giray'ı Safevi Şahı Muhammed Hüdabende kızlarından biriyle evlendirmeye niyetlenmiş, böylelikle İran ile Kırım halkı arasında dostluk tesisine zemin yaratmak istemişti. Ancak bu mümkün olmadı. Kırım kalgayının saraya damat olup nüfuzunun artacağından endişelenen bazı Kızılbaş beyleri kendisinin şahın eşi Begüm Sultan ile ilişkisi olduğuna dair şayialar çıkardılar.

Dedikoduların önü alınamayınca ayaklanan Kızılbaş korçıları sarayı basıp Muhammed Hüdabende'nin engelleme çabalarına rağmen Begüm Sultan ve Adil Giray'ı zinayla suçlayıp katlettiler [17, I, s. 236–239; 11, s. 151–153].

Kırım kuvvetlerinin Safeviler karşısında yaşadığı hezimet ve Adil Giray'ın esareti nameyle Kırım Hanı II. Mehmed Giray'a bildirilerek en kısa sürede Şirvan'a gelmesi buyuruldu [3, nr. 99, 324; 19, s. 319–320]. Sefer hazırlıklarını tamamlayan Mehmed Giray 1579 yılının 26 Temmuz'unda kalabalık bir orduyla (kaynaklar bu ordunun mevcudunu oldukça abartılı bir şekilde 80.000 olarak verirler) Bahçesaray'dan hareket etti ve Ekim ayı ortalarına doğru Demirkapı'ya ulaştı. Kırım kuvvetlerinin gelişiyile Özdemiroğlu Osman Paşa Şirvan'ı Safevi işgalinden kurtarmak için harekete geçti. İkili birlikte önce Şamahı, peşinden Ereş üzerine gidip her iki şehri de tekrar Osmanlı hâkimiyetine aldılar. Ereş'te Lala Mustafa Paşa'yı beklemeye başlayan ikiliden Mehmed Giray veziriazam gelinceye kadar oyalanmaları için Tatar askerini Karabağ tarafına yağmaya gönderdi. Tatar süvarileri Aras Nehri'nin güneyine kadar indikleri bu akın esnasında 20–30.000 kadar esir ve binlerce küçükbaş hayvanı ganimet olarak alıp hiçbir Kızılbaş kuvvetiyle karşılaşmadan geri döndüler. Bu esnada Gence'de buluşup birlikte Kazvin üzerine yürümek konusunda sözleştikleri Veziriazam Lala Mustafa Paşa'nın gelmekten vazgeçip kışı geçirmek üzere Kars'tan Erzurum'a döndüğü haberi geldi. Bu gelişmeye canı sıkılan Mehmed Giray kışı Şirvan'da geçirmesi istenmesine rağmen Kırım'a dönmeye karar verdi ve kardeşi Gazi Giray ile oğlu Saadet Giray'ı yaklaşık 10.000 askerle Osman Paşa'nın yanında bırakıp Kasım ayı sonlarında Şirvan'dan ayrıldı. Kısa süre sonra Saadet Giray da, Selman Han idaresindeki bir Safevi ordusunun yaklaşmakta olduğunu öğrenince hayatından endişelenerek babasının peşinden Kırım yoluna düştü. Tatar askerlerinin büyük bir kısmının geri dönmesi Osmanlı askerlerinin de huzursuzlanmasına ve çoğunun Erzurum tarafına firarına yol açtı. Bu suretle emrindeki asker sayısı azalan Osman Paşa 1579–80 kışını geçirmek üzere bir kez daha Demirkapı'ya çekilmek zorunda kaldı. Yanındaki 2–3.000 Tatar süvarisiyle serdarın maiyetinde kalmaya devam eden Gazi Giray ise bölgede eşkıyalık yapan Küre kabilesinin tedibine gönderildi ve adı geçen kabile başarıyla yola getirildi [22, 1998, s. 39–42; 8, s. 194–230].

Osman Paşa 1580 yılının sonbaharına gelindiğinde Gazi Giray ve Tatar süvarilerini yanlarında bir miktar Osmanlı askeriyle Safevi veziri Selman Han'ın asker toplamakta olduğu Karabağ taraflarına akına gönderdi. Yedi günlük yolu çok kısa sürede alan Gazi Giray düşmanın savunmasız bir anını denk getirip gece yarısı gerçekleştirdiği birtakımla Safevileriağır bir mağlubiyete uğrattı. Çok sayıda kayıp veren Selman Han savaştan yaralı olarak kurtulurken Tatar süvarileri çok miktarda ganimetle geri döndüler [4, nr. 644–645; 25, s. 45–47; 35, s. 122–123]. Şah Muhammed Hüdabende bozgun haberini aldığı daintikam için 20.000 kişilik bir orduyu Şirvan'a yolladı. Safeviler Şamahı'yı zapt ettikten sonra Şabran'a yöneldiler. Gazi Giray baskın için tekrar üzerlerine vardıysa da, bu kez düşman tedbirli olduğundan başarılı olamadı. Osmanlı-Tatar kuvvetleri yenilirken Gazi Giray Safevilere esir düştü. Esaretinin ilk zamanlarında iyi ağırlanan Gazi Giray Safevilerle işbirliğine yanaşmayınca Alamut Kalesi'ne hapsedildi. Ancak 1585'te bir yolunu bulup buradan kaçmayı başardı ve Erzurum'a döndü [8, s. 265–276].

Kırım Hanı II. Mehmed Giray 1580 sonbaharında Şirvan'a gelmesinden kısa süre sonra memleketinin savunmasız kaldığını bahane ederek geri dönmüştü. İstanbul'dan gelen emirler üzerine bir kez daha Şirvan'a gitmek üzere yola çıktıysa da Kuban'dan öteye gitmedi. Daha sonra gelen emirleri ise yanıtsız bırakıp Osmanlı padişahına meydan okuyan tavırlar içerisine girdi [7, s. 27–28]. Hanın bu davranışları payitahtın emirlerine itaatsizlik olarak görülüp azline karar verildi. Bu esnada doğu cephesinden İstanbul'a dönen Özdemiroğlu Osman Paşa'nın Kefe'ye uğramasını tedibine yönelik bir eylem hazırlığı şeklinde değerlendiren Mehmed Giray paşayı ele geçirmek için Kefe'yı kuşattı. Bunun üzerine Osman Paşa'ya Mehmed Giray'ın tedibi emredildi ve İstanbul'a çağrılan İslam Giray Osmanlı donanması eşliğinde yeni Kırım Hanı sıfatıyla Kefe'ye gönderildi. Buna rağmen savaşmaktaki ısrarını sürdüren Mehmed Giray adamlarının çoğunun yeni hanın saflarına katılmasıyla kaçmak zorunda kaldıysa da, kısa süre içinde yakalanıp öldürüldü. Mehmed Giray'ın öldürülmesi ve yerine İslam Giray'ın hanlığa tayini Kırım'da işleri yoluna koymadı. Sabık hanın oğulları Saadet ve Safa Giray Ruslar, Don Kazakları ve Büyük Nogaylarla işbirliği yaparak yeni hanı devirmek üzere bir isyan başlattılar. İslam Giray'ın çaresiz hali üzerine Osmanlı sarayı Kırım'daki gelişmelere doğrudan el koyma kararı aldı

ve Sadrazam Özdemiroğlu Osman Paşa serdar tayin edildi. Fakat kendisinin gitmesine gerek kalmadan Bosna Beylerbeyi Ferhad Paşa Kırım'a ulaşip isyanı bastırdı [24, I, s. 143–153; 25, s. 66–74].

İslam Giray'ın ve peşinden gelen II. Gazi Giray'ın hanlık dönemleri Osmanlıların Kırım Hanlığı üzerinde nüfuzunun giderek arttığı yıllardı. Öyle ki, İslam Giray zamanında Cuma hutbelerinde Osmanlı padişahının adının Kırım hanından önce okunması normal prosedür haline geldi. Eskiden hanlar Osmanlı seferlerine katılmaya nazik bir üslupla davet olunurken artık emrediliyordu. İslam Giray ve bilhassa II. Gazi Giray İstanbul'dan gelen her emri koşulsuz yerine getirmekle bu yeni döneme uygun bir han profili çizdiler. Hatta dönemin Osmanlı vakanüv islerinden biriitaatkâr tavırları yüzünden ikincisinden «*mükemmel hükümdar*» diye bahseder [27, s. 72–73; 29, s. 452].

XVII. Yüzyıl

1603'te Şah Abbas Osmanlıların Avrupa'da savaşta olmasını fırsat bilerek 1590'daki Ferhat Paşa Antlaşması ile Osmanlı padişahına bıraktığı toprakları geri almak için harekete geçti. Büyük bir ordu hazırlayıp Tebriz üzerine yürüdü. Peşinden Nahçıvan, Revan ve Gence gibi Azerbaycan'daki önemli Osmanlı kalelerini kısa sürede ele geçirdi. Safevi orduları bir yanda Ahıska ve Kars, diğer yanda da Demirkapı'ya ulaşınca Osmanlılar 1604'te bir ordu hazırlayıp Cigalazâde Sinan Paşa serdarlığında İran üzerine gönderdiler. Fakat bu ordu Safeviler karşısında beklenmedik bir yenilgi aldı. Avrupa'daki savaş 1606'da bitince Osmanlılar Azerbaycan ve Şirvan'daki kayıplarını telafi için hazırlıklara başladılar. Bununla birlikte Kuyucu Murad Paşa'nın öncelikli meselesi Anadolu'daki Celâli çetelerinin tedibiydi. Veziriazam bu işle meşgulken Şah Abbas'ın Şamahı üzerine yürüdüğünü haber aldı ve onu durdurabilmek için hemen Kırım hanından yardım istedi. 1607'de II. Gazi Giray'a gönderdiği namedebir an önce Tatar askeriyle Şirvan'a gitmesini buyurdu [12, II, s. 25–27]. Ancak Gazi Girayvebaya yakalanıp ölünce Tatar kuvvetlerinin Şirvan'a gitmesi mümkün olmadı. Kuyucu Murad Paşa ise 1610'da Tebriz'e kadar gidip herhangi bir Safevi ordusuyla karşılaşamayınca geri döndü. Sonrasında başlayan barış görüşmeleri ise onun ölümüyle halefi Nasuh Paşa tarafından sürdürüldü ve 1612'de taraflar barış yaptılar.

1612 barışı, Şah Abbas'ın Gürcistan'da giriştiği harekât ve anlaşma taahhütlerine uymaması bahane edilerek iki buçuk yıl sonra Osmanlılar tarafından bozuldu. 1615 yılı baharında İran seferi hazırlıklarının başlamasıyla ulaklar askerî yardım yapılmasını isteyen namelerle yine Kırım'a gönderildi. Payitahttan gelen emir üzerine Kırım Hanı Canibek Giray, Ateş Mirza başbuğluğunda 3.000'e yakın Tatar askerini serdarın ordusuna katılmaları için İstanbul'a yolladı [5, nr. 370]. Şimdilik bu kadar kuvvet yeterli olsa da, Veziriazam Mehmed Paşa Halep'te ulaştığında Kakheti Hâkimi Tahmures Han'dan gelen bir mektupdurumdeğiştirdi. Gürcistan'da Safevilere karşı isyan başlatan Tahmures Han mektubunda üzerine gönderilen Safevi ordusunu yenilgiye uğrattığını, Dağıstan beylerinin ittifak halinde olduğunu, Demirkapı'daki Safevi egemenliğine son verildiğini, şayet Kırım hanı Demirkapı'ya gelirse buradan emniyetle geçebileceğini, hatta kendisine kılavuzluk yapabileceğini bildiriyordu. Bu bilgi I. Ahmed'e arz edildi. Padişah dahir nameyle durumu Kırım Hanı Canibek Giray'a bildirdi ve 1616 ilkbaharında çıkılacak Revan Seferi'ne destek için Demirkapı üzerinden Şirvan'a taarruz etmesini buyurdu [12, II, s. 16–19]. Aslında Tahmures Han'ın Tatar ordusunun gelmesini istemesindeki amaç kendisini güvence altına almaktı. Çünkü kendisini tedibe gelen Safevi kuvvetlerini yenilgiye uğrattıktan sonra Şah Abbas'ın daha büyük bir orduyu Gürcistan'a gönderdiğini öğrenmişti. Osmanlı ordusu kışlakta olduğu için bahardan önce Gürcistan'a gelmesi mümkün değildi. Bu nedenle hızlı ve hareket kabiliyeti yüksek Kırım kuvvetlerinin bölgeye gelişi onun için en uygunuydu. Tahmures'den gelen haber doğrultusunda Osmanlı padişahının verdiği emre rağmen Kırım hanı Demirkapı'ya gitmekten kaçındı. Çünkü bizzat Şah Abbas'ın kumanda ettiği Safevi ordusuasi Gürcüler üzerine yürüyüp onları yenilgiye uğratmıştı. Tahmures Han kaçıp Osmanlılara sığınırken taraftarlarından pek çok kişi yakalanıp öldürülmüş veya sürgün edilmişti [17, II, s. 900–901]. Böylece Safeviler Gürcistan'ın doğusuna ve Şirvan'a yeniden hâkim olmuşlardı. Bu harekât Canibek Giray'ı ürkütmüş, o dakaradan Şirvan'a gitmek yerine Kefe-Trabzon yolunu kullanmak için payitahttan izin istemişti. Fakat padişah buna izin vermeyip bir an önce karadan Demirkapı'ya gitmesi konusunda diretti. Israrlar üzerine Kırım hanı kardeşi Fetih Giray'ı 20.000 kişilik kuvvetle Demirkapı'ya göndereceğini söylese de, bunu da yapmadı [12, II, s. 19–20].

Revan kuşatmasının başarısızlıkla sonuçlanması üzerine Veziriazam Mehmed Paşa azledilerek yerine Halil Paşa sadarete getirilmişti. Yeni veziriazamın ilk görevi İran üzerine gidip Safevilere haddini bildirmektir. Hemen sefer hazırlıklarına başlanırken Kırım Hanı Canibek Giray'a ferman ve harcırah gönderilip sefere katılması istendi [13, I, s. 377; 20, II, s. 428]. Bir yıl önceki sefere katılmadığı gibi söz verdiği kuvveti de göndermeyen Kırım hanının bu defa bahane üretecek durumu yoktu ve verilen emre binaen ordusuyla Kefe'den gemilere binip Trabzon'a hareket etti. Bazı Osmanlı kaynakları Canibek Giray'ın Kırım'dan 40.000 kişilik bir orduyla yola çıktığını yazmaktadır [10, III, s. 639; 18, s. 659]. Ancak Kırım hanının gemilerle karşıya geçtiği ve her Tatar askerinin yanında bir ya da birkaç yedek at bulundurduğu dikkate alınırsa bu iş için binlerce gemi gerekeceğinden Canibek Giray'ın 40.000 kişiyle yola çıkmış olmasımümkün değildir. Bu yüzdenhanın beraberinde Anadolu'ya geçen asker sayısı muhtemelen 10.000 civarındaydı. Kırım kuvvetleri Trabzon'da karaya çıktıklarında Osmanlı ordusu da Diyarbakır'a ulaşmış ve askerler kışlaklara dağılmıştı. Diyarbakır'a gelmeden önceKırım Hanı Canibek GirayGence, Nahçıvan ve Culfa taraflarını yağmalamak için Halil Paşa'dan izin talep etti. Bu talep uygun görülünce Tatar askerleri Azerbaycan'a akınlarda bulunup 30.000 kadar esir ve bol miktarda ganimetle Diyarbakır'da bulunanserdarın yanına geldiler. Akının başarılı geçmesinden dolayı Canibek Giray ödüllendirilirken Kırım kuvvetlerine Cizre havalisi kışlak olarak tahsis edildi [9, 106b–107a; 16, II, s. 364].

1617 ilkbaharında askerler kışlaklardan dönünce Osmanlı ordusu Tebriz'e doğru harekete geçti. Cizre taraflarında bulunan Kırım hanına da haber verilerek Tatar askerinin öncü olarak Safevi topraklarına akınlarda bulunması istendi. Bu emir üzerine Bahadır ve Sufimirzaların kumandasında 4–5.000 kadar Tatar yağmaya gönderildi. Bunlar Nahçıvan civarından toparladıkları 30–40.000 koyun, 4–5.000 at, 2.000 deve ve 3.000 kadar esirle dönüp Tatvan civarında Canibek Giray ile buluştular ve birlikte Osmanlı ordusuna katıldılar [9, 110b–111b].

Veziriazam Halil Paşa'nın kalabalık bir orduyla Diyarbakır'dan hareket ettiğini öğrenen Safevi Şahı Abbas bir yandan diplomatik girişimlerle Osmanlı ordusunu durdurmaya çalışırken, bir yandan da Azerbaycan bölgesindeki halkın İran'ın iç kesimlerine göç ettiril-

mesini emretmişti. Diplomatik temaslardan bir sonuç çıkmayınca Osmanlı ordusu ileri harekâtını sürdürerek Tebriz'e kadar geldi. Şehir yakılıp yıkıldıktan sonra Erdebil üzerine gidilmesine karar verildi. Henüz birkaç konak yol alınmışken daha önceşaha gönderilen Osmanlı Elçisi Osman Ağa geri geldi. Elçinin Tebriz halkının perişan bir halde iç bölgelere doğru sürüldüğünden ve Safevi Başveziri Karçakay Han'ın bu işle uğraştığından bahsetmesi Osmanlı ordugâhında kafaları karıştırdı. Zira Osman Ağa gördüklerinden sonra Kırım süvarilerinin yapacağı bir saldırıyla hem Safevi kuvvetlerine önemli bir darbe indirileceğini, hem de külliyetli miktarda ganimet elde edileceğini savunuyordu. Bu fikir savaş divanında tartışmaya açıldı ve taraftar buldu. Başta Defterdar Baki Paşa olmak üzere bazı tecrübeli devlet adamlarıise bu fikre karşı çıktılar. Muhalipler yedi-sekiz konak mesafeyi hızlı bir şekilde alan askerin dinlenmeye fırsat bulamadan girişeceği bir savaşta başarılı olamayacağını iddia ediyorlardı. Buna rağmen Veziriazam Halil Paşa, Kırım Hanı Canibek Giray ve Halep Beylerbeyi Abaza Mehmed Paşa'nın baskıları sonucu harekâta onay verdi. Diyarbekir Beylerbeyi Mustafa Paşa, Van Beylerbeyi Elmacı Mehmed Paşa, Sivas Beylerbeyi Osman Paşa, Rumeli Beylerbeyi Arslan Paşa, Halep Beylerbeyi Abaza Mehmed Paşa ile Kırım Hanı Canibek Giray Han'ın memur olduğu bu harekâta Erzurum Beylerbeyi Hasan Paşa başbuğ tayin edildi. Ganimet hırsıyla bir an önce yola koyulmak isteyen paşalar ve Kırım hanı yanlarında iki topla 22 Ağustos 1617'de yola çıktılar ve sekiz konaklık mesafeyi hiç dinlenmeden iki buçuk günde alıp Serav sahrasına ulaştılar [16, II, s. 364–366; 13, I, s. 391–392; 20, II, s. 443; 10, III, s. 645].

Osmanlı ve Kırım kuvvetleri Serav'a ulaştıktan kısa süre sonra yorgunluktan bitap düşmüş ve dikkatleri dağılmış bir haldeyken baskını önceden haber alan Karçakay Han'ın pususuna düştüler. Pol-i Şikeste (Kırıkköprü) bozgunu olarak da bilinen ve birkaç saat süren çatışma sonunda Hasan Paşa, Arslan Paşa ve Mustafa Paşa ölürken Elmacı Mehmed Paşa başta olmak üzere üst rütbeli pek çok subay esir düştü. Esirler arasında 500 kadar asker de bulunuyordu. Ölenlerin sayısı ise oldukça fazlaydı [16, II, s. 366; 13, I, s. 392; 20, II, s. 443–444; 10, III, s. 645. Safevi vakanüvisi İskender Münşî'ye göre Osmanlı tarafının kaybı 15.000 civarındadır, bkz. 17, II, s. 935–936]. Baştan beri harekâtın en büyük taraftarı Kırım Hanı Canibek Giray esir düşmesine ramak kala yeniçeriler ve Şam askerinin dirayetli

savunması sayesinde kurtulmayı başardı. Vekili mirzayla birkaç adamı ise esir düşenler arasındaydı [17, II, s. 935]. Osmanlı vakanüvisi Naîmâ bazı kaynaklardan derlediği bilgiler neticesinde bu bozgunun Karçakay Han'ın bir komplosu sonucu gerçekleştiğini savunmaktadır. Ona göre Tebriz halkının İran'ın iç bölgelerine göçerken sergilediği perişanlık aslında Karçakay Han'ın Osmanlı elçisini aldatmak için sahnelediği bir oyundu. Ayrıca birkaç yıl önce Kırım'daki hanlık mücadelesinden kaçarak Safevilere sığınan Şahin Giray da adamlarından bazılarını casusluk amacıyla Canibek Giray'ın askerleri arasına sokup Kızılbaş kuvvetlerinin silahsız ve gafil durumda oldukları şayiasını yaymıştır. Bu şayialar Elçi Osman Ağa'nın ifadeleriyle de desteklenince ganimet hirsına kapılan Kırım hanı baskın için çok diretmiştir [20, II, s. 444].

Bozgunun ardından paşaların bir kısmı geri dönülmesini isterken çoğunluk hem askerin moralini yükseltmek, hem de Safevileri şaşırtmak için ordunun ileri harekete devam etmesini savundu. Halil Paşa da bunların kararını destekleyerek orduya Erdebil istikametinde hareket emri verdi. Diğer taraftan Tatar askerine de Erdebil çevresine yağmaya gönderdi. Civardaki köyler boşaltılıp yakılmış olmasına rağmen birçok gizli zahire deposu bulan Tatarlar ele geçirdikleri arpa ve buğdayı iâşe sıkıntısı çeken orduya getirdiler [9, 115b–116a]. Osmanlıların bu teşebbüsüyle telaşlanan Şah Abbas, Veziriazam Halil Paşa'nın ileri sürdüğü şartlar çerçevesinde barışa razı oldu ve taraflar Serav sahrasında bir anlaşma imzaladılar [34, s. 116–120]. Barışın sağlanmasıyla Kırım Hanı Canibek Giray ve Tatar askeri memleketine döndü.

Osmanlı-Safevi savaşı 1624 yılı başında Şah Abbas'ın Osmanlıların Irak-ı Arap'taki en önemli şehri Bağdat'ı ele geçirip çevresini yağmalamasıyla yeniden başladı. Bağdat'ı geri almak için Osmanlılar 1625 ve 1630'da iki büyük sefer düzenlediler ama her ikisinde de başarılı olamadılar. Bu iki sefere Kırım kuvvetlerinin katıldığına ya da en azından Şirvan ve Azerbaycan taraflarına akınlarda bulunduklarına dair kaynaklarda bir bilgi bulunmamaktadır. Muhtemelen Kırım'da 1623'ten sonra yaşanan hanlık çekişmeleri ve iç savaş durumu buna imkân vermemiş olmalıdır. Aksi halde Osmanlıların Bağdat üzerine yürüdükleri bir sırada Safevileri zor duruma düşürmek için Tatar askerinden Azerbaycan taraflarını yağmalamalarını istememeleri pek de mümkün gözükmemektedir.

1630 Ekiminde Bağdat'ı kuşatan Hüsrev Paşa iki ayında sonunda kuşatmayıertesı yıl tekrarlamak üzere kaldırmıştı. Bu nedenle İstanbul'a dönmeyip kışı Mardin'de geçirmeye karar vermişti. Mardin'e vardığında niyetini Padişah IV. Murad ile paylaşan Hüsrev Paşa sefer için gerekli mühimmat, hazine ve zahirenin bir an önce hazırlanıp gönderilmesini ve Kırım hanının da 30.000 askerle yardıma gelmesini payitahta arz etti [13, II, s. 132–133; 20, II, s. 686–687]. Bu istekleri yerinde bulan IV. Murad sefer için mühimmat, hazine ve zahirenin tedarikinde gerekli özenin gösterileceğini ve Kırım hanının da sefere mutlaka katılacağını veziriazama bildirdi [15, s. 16–17, 122–123]. Ancak Kırım kuvvetleri 1631 yılı ortalarında Mardin yakınlarındaki Koçhisar Yaylası'na ulaştıklarında seferin askerin muhalefeti nedeniyle tatil edildiğini öğrendiler. Bunun üzerine Tatar askerine kışı Erzurum dolaylarında geçirmeleri ve baharla birlikte Bağdat taraflarına akınlarda bulunmaları emredildi [13, II, s. 138–139; 20, II, s. 693–694]. Kısa süre sonra Hüsrev Paşa azledilip Bağdat Seferi şimdilik iptal edilince Kırım kuvvetleri herhangi bir yağma harekâtında bulunmayıp memleketlerine döndü.

Bağdat'ın yıllardır Safevilerineline olması, Gürcistan'daki gelişmeler ve nihayet 1633'de Van Kalesi'nin Safeviler tarafından kuşatılması Osmanlıları bir kez daha doğu seferine çıkmaya teşvik etti. Yıllar sonra ilk kez bir padişah ordunun başında sefere çıkmayı planladığından hazırlıklar aylar öncesinden başladı. Bu arada kendisini sefere davet eden nameyi ve gönderilen çizme bahasını kabul etmeyen Canibek Giray hanlıktan azledilerek yerine Lehlilerle olan mücadele önemli yararlılıklar gösteren İnayet Giray atandı ve İran üzerine düzenlenecek sefere katılması için gerekli hazırlıkları yapması istendi [20, II, 798–799]. İnayet Giray gönderilen emirlere rağmen Lehlilere karşı memleketinin savunmasız kalacağını bahane ederek IV. Murad'ın Revan Seferi'ne katılmadı. Revan'ın fethinden altı ay sonra Safeviler Revan'ı kuşattıklarında padişah katından kendisine acele yardıma gitmesi yönünde yapılan çağrılara bir yıl içinde iki kez sefere çıkmanın makbul olmayacağı, yol harçlığı gönderilmediği ve üzengi bahasını alamayan askerin ayak dirediği gibi gerekçelerle kulak asmadı. Ayrıca IV. Murad ve Osmanlılar aleyhinde ağır sözler sarf ederek adeta padişaha meydan okudu [6, s.370]. Bu durum karşısında IV. Murad haraca kesileceği tehdidinde bulununca bu kez de halkın isyanını bahane ederek sefere katılmaktan yine imtina etti [37, s. 151].

Emirlere itaat etmemesi ve başına buyruk hareketleri nedeniyle padişahın kendisine tahammülü kalmadığından İnayet Giray 1637 yılının Haziran ayında azledildi ve yerine Bahadır Giray han atandı [14, s. 85–87; 20, II, s. 855]. Selefinin aksine Bahadır Giray Bağdat Seferi için yapılan davete icabet ederek kardeşini yanında 4.749 Tatar askeri olduğu halde 1638 yılının Ağustos ayında Kefe'den Sinop'a uğurladı [1, s. 58–59]. Sinop'tan Erzurum'a geçen Tatar askerleri Gürcistan Seraskeri Kenan Paşa'nın emrine verilerek Gence, Şeki ve Şamahı taraflarını yağmalamakla görevlendirildiler. Tatarlar Safevileri Azerbaycan'da meşgul etmeyi amaçlayan bu akın sırasında Revan Hâkimi Kelb Ali Han'ın Kenan Paşa tarafından yenilgiye uğratılmasına yardımcı oldular ve Şirvan taraflarından bolca ganimet elde ederek döndüler [21, 79b–80b, 121a–125a].

XVIII. Yüzyıl

1639'da Osmanlı ile Safevi devletleri arasında imzalanan Kasr-ı Şirin barışı iki devlet arasında uzun süreli bir barış süreci başlattı. Bu dönem Osmanlı Devleti için doğu sınırının güvencede olduğu ve Avrupa meseleleri ile daha yakından ilgilenebildiği bir zaman dilimiydi. Ancak doğu hududunda sükûnet yaklaşık bir asır sonra 1722'de Afganlıların İsfahan'ı kuşatmasıyla bozuldu. Safevi Şahı Hüseyin tahtını Afganlı Mir Mahmud'e terk ederken, İran'da yaşanan kargaşadan istifadeyle Rus Çarı I. Petro Kafkasya ve Hazar Denizi kıyılarında kendisine önemli kazanımlar sağladı. Bu duruma Osmanlı müdahalesi gecikmedi ve 1723'te Osmanlılar bir kez daha İran'a savaş açtılar [Geniş bilgi için bkz. 33, s. 41–71].

İran ile savaşın başlamasıyla beraber Kırım Hanlığı'nın Kafkasya üzerinden Osmanlılara askerî destek vermesi bir kez daha gündeme geldi. Nitekim çok geçmeden 1725'te II. Mengli Giray'dan Tebriz Seferi'ne 5.000 asker yollaması istendi. Bunun üzerine Kalgay Safa Giray kumandasında yola çıkan Tatar askerleri Temmuz 1725'te İstanbul'a ulaştılar ve hemen Tebriz'e sevk edildiler [14, s. 160; 33, s. 103–104].

XVIII. yüzyılda Osmanlı ile Safevi devletleri arasındaki bu ilk savaş dönemini bitiren anlaşma içerdiği bazı pürüzlere rağmen 1732'de Kirmanşahan'da tarafların murahhasları tarafından imzalandı ve ardından hem Osmanlı Padişahı I. Mahmud, hem de son Safevi Şahı III. Tahmasb tarafından onaylandı [33, s. 166–170]. Arcak şahın vekili

Nadir bu anlaşmayı tanımayıp Tahmasb'ı tahttan indirdi ve Osmanlılara savaş ilan edip 1732 sonlarında Bağdat'ı kuşattı. Osmanlılar ise Nadir'in Bağdat'ı kuşatmasına Azerbaycan tarafından saldırmak suretiyle cevap vermek istediler. Bunun için Kırım hanına haber gönderip 10.000 Tatar askerinin bir an evvel Dağıstan üzerinden yollamasını talep ettiler. Yapılan plana göre Tatar askerleri gelince Şirvan Hanı Sorhay Han, Revan Seraskeri Vezir İbrahim Paşa ve Gence Muhafızı Genç Ali Paşa'nın emrinde uygun görülen yerlere saldırıp Safevi topraklarına maksimum zarar verilmesi amaçlanıyordu. Bu saldırılar Safeviler barışa razı oluncaya kadar sürdürülecekti [33, s. 180–181]. 1735'de Nadir Revan ve Gence taraflarına yönelik bir harekâta girişince Osmanlılar Kırım hanından cepheye takviyede bulunmasını istediler. I. Kaplan Giray ihtiyarlığına ve yaşlılığına bakmadan kalabalık bir orduyla Demirkapı'ya doğru yola çıktı. Buraya vardığında Nadir Şah ile şimdilik savaşa ara verilip barış görüşmelerine başlandığından acele İstanbul'a gelmesi emredildi [6, s. 465–466; 14, s. 145–146].

Kars yakınlarındaki Bagavard'da Osmanlı ordusunun mağlubiyeti, Serasker Abdullah Paşa'nın şehadeti, Gence'nin düşmesi ve Kars'ın kuşatılmasıyla Kafkasya'da zor duruma düşen Osmanlılar Nadir Şah ile barış yapmak için teşebbüste bulunmuşlardı. Zira bu sıralarda Osmanlı Devleti'nin Rusya ile de ilişkileri iyi değildi ve ufukta savaş görünüyordu. Bundan dolayı İran ile anlaşmak zaruri bir hale gelmişti. Kırım hanının İstanbul'a çağırılması da bununla alakalıydı ve barış görüşmelerine başlanmadan evvel kendisinin talepleri alınmak isteniyordu. Bununla birlikte Kaplan Giray'ın ileri sürdüğü Safevi-Rus Antlaşması'nın feshi ve Rusya'nın Dağıstan'dan tamamen çekilmesi şartları Serasker Ahmed Paşa'nın itirazı nedeniyle dikkate alınmadı. Çünkü Rusya bu tarihlerde Safevi topraklarından tamamen çıkarılmıştı ve yakın bir zamanda Dağıstan'a müdahale etme ihtimali de yoktu [33, s. 207].

Nadir Şah ile görüşmeler yedi yıl sürdü, fakat bir netice alınamadı. Caferîliğin Osmanlılar tarafından beşinci mezhep olarak kabul edilmemesini bahane eden Nadir 1743'te Osmanlı topraklarına girip Musul'u kuşatarak savaşı tekrar başlattı. Osmanlılar Musul ve çevresinin savunulması için bir takım tedbirler alırken, daha önce pek çok kez olduğu gibi Kırım hanından asker göndermesi için talepte bulunuldu. Ertesi yıl Nadir Şah Kars taraflarına yönelince bu kez de

10.000 Tatar süvarisi talep edildi. Kırım kuvvetleri Nisan 1745'te İstanbul'a vardılar ve hemen Kars'a sevk edildiler. Kars'a ulaştıktan sonra İran topraklarına akınlar yapmaları istenen Tatar süvarileri hiç karşılık görmedikleri gibi Maku Kalesi'ni dahi ele geçirmeyi başardılar. Yılsonunda Osmanlılar handan yine asker istedilerse de, Nadir Şah ile barış görüşmeleri tekrar başladığından bu askerin gelmesine gerek kalmadı [33, s. 255, 266, 277–78, 285–86]. İran ile savaş 1747'de sona erdiğinden Osmanlıların Kırım hanlarından doğu seferi için son asker talepleri bu oldu.

Sonuç

Kırım hanları 1578'de başlayan Osmanlı-Safevi savaşından itibaren İran üzerine düzenlenen hemen her sefere davet edildiler. Osmanlı padişahından veya veziriazamdan gelen davete riayet etmemeleri II. Mehmed Giray, Canibek Giray ve İnyet Giray örneklerinde olduğu gibi bazen hanların azillerine giden yolun başlangıcı olabiliyordu. Bu nedenle hanlar kendileri gelemeseler bile oğulları ya da kardeşlerinin başbuğluğunda süvarilerini göndererek Osmanlıların gazabına uğramamaya çalışıyorlardı.

Osmanlı kaynakları Kırım hanının İran seferleri için gönderdiği Tatar kuvvetlerinin sayısını genelde 30–40.000 kişi olarak vermişlerdir. Ancak arşiv belgeleri ve başka bazı kaynaklar göstermektedir ki, bu rakam oldukça abartılıdır ve gelen Tatar askeri sayısı ancak 5–10.000 kişi civarındadır. Bu rakamın olduğundan çok zannedilmesinin başlıca nedeni her Tatar askerinin yanında bir ya da iki yedek at bulundurmasıdır.

Osmanlıların doğu seferlerine katılan Tatar süvarilerinin savaş süresince başlıca faaliyetleri Azerbaycan ve Şirvan bölgesinde giriştikleri yağma harekâtlarıydı. Çünkü onlar ateşli silahlara sahip olmadıklarından cephe muharebesine uygun değillerdi. Öte yandan XVII. yüzyılda yaygınlaşan kuşatma savaşlarında da etkisizdiler. Bu nedenle onlardan istenen sadece savaşılan ülkenin topraklarına girip köyleri kasabaları yağmalayarak düşman ülkeye azami zarar vermeleri vedüşmanın moralini bozmalarıydı. Ganimet ve esir arzusuyla yanıp tutuşan Tatarlar da buna dünden razı olduklarından kendilerinden istenen bu görevleri çoğu kez başarıyla yerine getirdiler. Hatta kimi zaman ani baskınlarla beklenmedik anlarda Safevi ordularını yenilgiye bile uğrattılar. Bununla birlikte Azerbaycan bölgesindeki akınlar

sırasında Tatar süvarilerinin sergiledikleri vahşet ve mezalim öylesine fazlaydı ki, Osmanlı kaynakları ahalisi Müslüman olan bir ülkeye yapılan bu şiddeti kınamak zorunda kalmışlardır.

REFERENCES

Arşiv Kaynakları

1. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. *Maliyeden Müdevver Defterler* 4326.
2. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. *Mühimme Defteri* 32.
3. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. *Mühimme Defteri* 38.
4. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. *Mühimme Defteri* 42.
5. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. *Mühimme Defteri* 81.

Ana Kaynaklar

6. *Abdulgaffar Kırımı'nın Umdetü'l-Ahbar'ına (Umdetü't-Tevarih) Göre Kırım Tarihi*. Hazırlayan Derya Derin. Yüksek Lisans Tezi. Ankara Üniversitesi. Ankara, 2003.
7. Abdullah ibn Rıdvan. *Tevârih-i Deşt-i Kıpçak 'an Hutta-i Kırım veya Tevârih-i Tatar Hânân-ı Kadîm ve Ahvâl-i Deşt-i Kıpçak*. Hazırlayan M. Akif Erdoğan ve Selçuk Uysal. İzmir, 2012.
8. Âsafî Dal Mehmed Çelebi. *Şeca'atnâme: Özdemiroğlu Osman Paşa'nın Şark Seferleri (1578–1585)*. Hazırlayan Abdülkadir Özcan. İstanbul, 2007.
9. Defterdar Sarı Abdullah Efendi. *Gazânâme-i Halil Paşa*. Süleymaniye Kütüphanesi Esad Efendi, nr. 2139.
10. Derviş Dede Ahmed Efendi Müneccimbaşı. *Sahâifü'l-ahbâr fi vekâyi'i'l-a'sâr III*. İstanbul, 1285.
11. *Don Juan of Persia, A Shi'ah Catholic 1560–1604*. Translated and edited G.Le Strange. New York&London, 1926.
12. Feridun Ahmed Bey. *Münşe'atü's-selâtin II*. İstanbul, 1265–1274.
13. Hacı Halife Mustafa b. Abdullah. *Fezleke I–II*. İstanbul, 1286.
14. Halim Giray Sultan. *Gülbin-i Hanân*. İstanbul, 1870.
15. *IV. Murad'ın Hatt-ı Hümayunları*. Hazırlayan Önder Bayır. Yüksek Lisans Tezi. Marmara Üniversitesi. İstanbul, 1994.
16. İbrahim Peçevî. *Târih-i Peçevî II*. İstanbul, 1283.
17. İskender Beğ-i Türkmen. *Târih-i Âlem-ârâ-yı Abbâsî I–II*. Neşreden İrec Afşar. Tahran, 1382.
18. *Mehmed b. Mehmed er-Rûmî (Edirneli)'nin Nuhbetü't-tevârih ve'l-ahbâr'ı ve Târih-i âl-i Osman'ı (Metinleri, Tahlilleri)*. Hazırlayan Abdurrahman Sağırılı. Doktora Tezi. İstanbul Üniversitesi. İstanbul, 2000.

19. *Mustafa Âli's Nusret-Name: edition and study on the history of the Persian campaign under Lala Mustafa Paşa*. Translated and prepared H. Mustafa Eravcı. Ph.D. dissertation. Edinburg University. Edinburg, 1999.
20. Naîmâ Mustafa Efendi. *Târih-i Na'ûmâ (Ravzatü'l-Hüseyn fî Hulâsati Ahbârî'l-Hâfikayn) II*. Hazırlayan Mehmet İpşirli. Ankara, 2007.
21. Nuri Ziyaeddin İbrahim. *Fetihnâme-i Bağdad*. Österreichische National bibliothek, nr. 1054.
22. *Rahimizâde İbrahim Harimi Çavuş'un "Zafername-i Sultan Murad Han" Adlı Eserinin Transkripsiyonu*. Hazırlayan Çetin Sungur. Yüksek Lisans Tezi, Kırıkkale Üniversitesi. Kırıkkale, 1998.
23. Remmal Hoca. *Târih-i Sâhib Giray Han*. Neşreden Özalp Gök-bilgin. Erzurum, 1973.
24. Selânîkî Mustafa Efendi. *Tarih-i Selâniki (971–1003/1563–1595) I*. Hazırlayan Mehmet İpşirli. Ankara, 1999.

Araştırma ve İncelemelçer

25. Abdurrahman Şeref. *Özdemir-oğlu Osman Paşa*. Hazırlayan Vehbi Günay. İzmir, 2011.
26. Emecen F. Sâhib Giray. *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi* 35. İstanbul, 2008. s. 519–520.
27. Fisher A. *Kırım Tatarları*. Çeviren Eşref B. Özbilen. İstanbul, 2009.
28. İnalçık H, Giray. *Milli Eğitim Bakanlığı İslam Ansiklopedisi IV*. Eskişehir, 2001. s. 783–789.
29. İnalçık H. Gazi Giray II. *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi* 13. İstanbul, 1996. s. 451–452.
30. İnalçık H. Kırım Hanlığı. *Türkiye Diyanet Vakfı İslam Ansiklopedisi* 25. İstanbul, 2002. s. 450–458.
31. Kırzioğlu F. *Osmanlılar'ın Kafkas-Ellerini Fethi (1451–1590)*. Ankara, 1993.
32. Kurat A.N. *Türkiye ve İdil Boyu*. Ankara, 1966.
33. Külbilge İ. *18. Yüzyılın İlk Yarısında Osmanlı-İran Siyasi Münasebetleri (1703–1747)*. Doktora Tezi. Ege Üniversitesi. İzmir, 2010.
34. Küpeli Ö. *Osmanlı-Safevi Münasebetleri*. İstanbul, 2014.
35. Kütükoğlu B. *Osmanlı-İran Siyasi Münasebetleri (1578–1612)*. İstanbul 1993.
36. Ürekli M. *Kırım Hanlığının Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükselişi (1441–1569)*. Ankara, 1989.
37. Yans K. *IV. Murad Devrinde Osmanlı-Safevî Münasebetleri*. Doktora Tezi. İstanbul Üniversitesi. İstanbul, 1977.

Yazar hakkında: Özer Küpeli – Doç. Dr., İzmir Kâtip Çelebi Üniversitesi (35620, Çiğli Ana Yerleşkesi, İzmir, Türkiye); ozer.kupeli@ege.edu.tr

Persian campaigns of the Ottoman Empire and the Crimean Tatars

Özer Küpeli

(University named after Katib Chalabi)

Abstract: The article describes the history of the Persian campaigns of the Ottoman Empire in the XVI–XVII cc., and the role of the Crimean Tatars in these wars.

Keywords: the Ottoman Empire, the Crimean Tatars, Iran.

About the author: Özer Küpeli – Ph.D. in History, Associate Professor, İzmir Kâtip Çelebi University (35620, the main campus Çiğli, İzmir, Turkey); ozer.kupeli@ege.edu.tr

УДК 338.48-44(477.75)

Kırım izlenimleri (Temmuz 2013)

Ahmet Kanlıdere

(Marmara Üniversitesi, Türkiye)

Özet: Bu makalede Ahmet Kanlıdere Türk halklarının bir Türk tarihçisi seyahat hesabını okuyacaktır. O Akmescit'te (Simferopol), Bahçesaray'da, Gözleve (Yevpatoria), Kefe (Feodosia) ve Kırım'ın güney kıyılarında şehirlere Temmuz, 2013 yılında seyahat ederken, Kırım Tatar varlık ve bu kültürel mirasın mevcut durumu hakkında izlenimlerini kaydetti. Sürgünden Kırım Tatarlarının dönüş Dünya tarihinin mücadele nadir bir örnektir. 1944 tehciri kendi köklerinden Kırım Tatar kesilmiş, aynı zamanda Kırım'da kütüphanelerden Tatar kitaplardan mahrum değil. Birçok kültürel eserlerin yanı sıra Tatarların mezarlıklar silinmiştir. Bu hangi bir koruyucusu olmadan sol kurtulmuştur. 1980'li yılların ortalarından bu yana Tatarlar vatanlarına yerleşmek ve atalarının kültürel mirasın kalıntılarını canlandırmak için mücadele deneyin. Bürokratik ve diğer engellere rağmen, Tatarlar yurtlarını yeniden inşa ve kültürel ve tarihi mirasını canlandırmak devam ediyor.

Anahtar kelimeler: Kırım Tatarları, İsmail Gasprinski, Cengiz Dağcı, Akmescit (Simferopol), Bahçesaray, Gözleve (Yevpatoria), Kefe (Feodosia).

Kırımlı Tatar yazarı Cengiz Dağcı'nın romanlarından tanıdığım Kırım yurdunu 2013 yılı Temmuz ayı boyunca gezme fırsatı buldum. Akmescit, Bahçesaray, Gözleve, Kefe ve güney sahillerini gezerken buralardaki Tatar varlığını ve bugüne kadar gelebilmiş olan kültür

mirasını görmeye ve tespit etmeye çalıştım. Kırım Tatarlarının sürgünden dönüşü, dünya tarihinde eşine az rastlanır bir mücadele örneğidir. Onlar 1980'lerin ortalarından beri sökülüp atıldıkları yurtlarına yeniden yerleşmeye, sahipsiz kalan ata yadigârlarını ayağa kaldırmaya çalışıyorlar. Aşağıdaki satırlarda, Kırım'ın Rusya tarafından ilhakından 6 ay kadar önceki gözlemlerimi okuyacaksınız.

Kırım'a gitmeden Kırım'ı ve Kırımlıları anlamak mümkün mü? Kırım Tatarlarını ne kadar tanıyoruz? Kırımlıları Osmanlı tarihçilerinin gözünden görmek yanıltıcı olabilir. Osmanlılar Kırım Hanlığı'na ayrı ve diğer eyaletlerin üstünde bir statü vermiş olsalar da, zaman zaman Kırım hanlarının da hükümdar soyundan geldiklerini akıldan çıkarmışlar. Kırım hanları ise, Osmanlı yönetiminin kendilerinin Osmanlı paşalarına denk görülmesine içerlemişler. Kırım Hanlığı'nın Osmanlı merkezî yönetimi ile olan ilişkilerinin niteliğini ve zaman zaman ortaya çıkan gerginliklerin sebeplerini doğru anlamak lazım [1]. Kırım Tatarlarının hafızalarında imparatorluk kurmuş bir halkın çocukları olma bilincinin olduğunu unutmamak gerekir.

Kırım Tatarları son iki asır içinde çok önemli şahsiyetler yetiştirdiler. Türkiye'de daha ziyade Gaspıralı İsmail Bey'i biliyoruz. Ama onu da ne kadar tanıyor ve anlıyoruz, tartışılır¹. Bekir Çobanzade'yi tanıyor muyuz? Sadece bir dilci değil o. Yusuf Akçura gibi, o da analiz kabiliyeti çok yüksek bir aydın. Eserlerini bile daha doğru dürüst ortaya koymuş değiliz. Onun 1920'li yıllarda Akmesic'te yayınladığı eserler, Türk halklarının entelektüel tarihini anlamak için son derece önemlidir.

Kırım'da beni en çok şaşırtan, Cengiz Dağcı'nın (1919–2011) burada pek fazla bilinmemesi oldu. Sovyet döneminde ondan söz edilmesi mümkün olamazdı. Fakat şu son 23 yılda Cengiz Dağcı'nın yeniden keşfedilmesi ve Kırımlı Tatar gençlerinin en çok okuduğu yazarlardan biri olması beklenirdi. Dağcı'nın Kırım'da sakıncalı bir kişilik olarak görülmesinin bunda önemli bir payı olmalı. İkinci Dünya Savaşı sırasında Sovyet ordusu saflarında savaşırken Almanlara esir düştükten sonra onların safında yer alması (aslında buna nasıl mecbur kaldığı *Yurdunu Kaybeden Adam* adlı hatıra romanında anlatılmaktadır)

¹ İsmail Gaspıralı hakkında birkaç eser yazıldıysa da, onu en iyi anlatan eser, Kırımlı bir aydın olan Cafer Seydahmed tarafından kaleme alınan *Gaspıralı İsmail Bey* (İstanbul, 1934) adlı kitaptır.

Sovyet döneminde onun hain olarak görülmesi için yeterliydi. Sovyetler dağılmış olsa da, Dağcı'ya olan bakışın pek fazla değişmediği ve onun aşırı milliyetçiymiş gibi algılandığı anlaşıyor. Fakat Dağcı'nın kitapları okunduğunda onun yurdunu ve kendi halkını sevmekle beraber, bunu hiçbir zaman şovenizme vardırmadığı, diğer halklara da saygı ve sempati duyguları içinde olduğu görülür.

Dağcı hakkındaki bu önyargılar Kırım Tatarları için de geçerli. Nitekim yeni yayınlanan Kısa Kırım Tarihi adlı kitapta [2] Tatarları savaş sırasında Almanlarla işbirliği yapmakla suçlayan ifadeler var. Oradayken bu tartışmaların yeniden gündeme geldiğini gördüm. Kırım Tatarları da bunun doğru olmadığını ispat etmek durumunda kalıyorlar.

Bu arada, Kırım Tatarları arasında tarihçilerin az olduğunu öğrendim. Zira, Sovyet yönetimi onların tarih alanında yetişmelerini yasaklamış. Bu yüzden, Tatar aydınları tarih araştırmalarını filoloji kisvesi altında yapmak zorunda kalmışlar.

1944 sürgünü sadece insanları köklerinden söküp atmakla kalmamış. Sovyet yönetimi, Kırım kütüphanelerindeki Tatar eserlerini de ayıklayıp yok etmiş. Kültür eserleri, mezarlıklar yok edilmiş. Kalanlar boynu bükük ve sahihsiz. Şimdi vatanlarına dönen Kırımlılar onları yeniden ayağa kaldırmaya ve korumaya çalışıyorlar. Ak-mescit'te eski Tatar eserlerini yeniden toparlamaya çalışan bir kütüphane var: İsmail Bey Gaspıralı Kütüphanesi. Sovyetler Birliğinin başka yerlerine dağılan Kırım Tatarlarının eserlerini yeniden bir araya getirmeye çalışıyor. Şimdi, Kırım'da kaldığım bir ay içinde görebildiğim kadarıyla, Kırım Tatar kültür mirasından ve bunların son durumundan söz etmek istiyorum.

Akmescit (Simferopol)

Kırım'a gitmeden önce Akmescit (Simferopol) hakkında rehberlere bakmıştım. Şehir geniş bir alana yayılmış ve oldukça yeşil. Üç tane büyük parkı var. Tatarlar, şehrin sonlarında iki farklı noktada mahalleler oluşturmuşlar. Sokaklarının isimleri Kırım Tatar Türkçesiyle yazılmış. Hatta bu isimler Latin harfleriyle gösteriliyor haritada.

Havaalanından şehre doğru giderken ilk gözüme çarpan, Akmescit'in yeşilliği oldu. Fakat şehirde Sovyetlerin son zamanlarından kalma terk edilmişlik ve bakımsızlık hâli devam ediyor. Burası hâlâ bir Sovyet şehri görünümünde. Lenin heykeli şehrin merkezinde duruyor. Kaldığımız evdeki eşyalar hep eski; sanki onlarca yıl hiç el değmemiş

gibi. Kırım'ın Rus ahalisi Sovyet geleneğine bağlılığı sürdürüyor. Komünist Partisi burada oldukça güçlüymiş.

Şehrin eski kısmında bulunan Cami-i Kebir ilk defa 1508'de yapılmış. Bugüne gelene kadar birkaç defa tahribat ve tamir görmüş. Şimdi de avlusunun karşı tarafındaki alçak binada (Kırım Müftülüğü) tamirat devam ediyor. Şehir merkezindeki (Puşkin sokağı 17 numaradaki) Simferopol Şehri Tarih Müzesi'nde (Müzey İstorii Goroda Simferopolya) şehrin tarihî resimleri ve bazı eserler var. Müzedeki bir Müslüman mezar taşı dikkatimi çekti (bu taşlar şehrin değişik yerlerine savrulmuş). Müze eski bir banka binasına kurulmuş. Kendisi de tarihçi olan müze müdiresi Akmescit'te sadece bir cami kaldığını, diğerlerinin yok olduğunu (muhafaza edilemediğini) söyledi. Resimlerden birinde Yeni Cuma Camisi görülüyor. Fakat şimdi o da yok olmuş. XIX. yüzyıla ait resimlerde epeyce cami görülsede,² şimdi bunlardan sadece biri ayakta. O da 1991'de ayağa kaldırılan Cami-i Kebir. Haritaya bakınca bu caminin etrafındaki muhitin eski Tatar mahallesi olduğu anlaşılıyor.

Şehrin eski (Tatar) mahallesinde Kırım Tatar yazarı Cengiz Dağcı'nın okuduğu Öğretmen Okulu'nu gördüm. Dağcı, romanlarında devamlı olarak Kızıлтаş köyünü, Gurzuf'u, Yalta'yı, Değirmenköy'ü, Akmescit'in eski sokaklarını, Salgır nehrini anlatmaktadır.

Akmescit Öğretmen Okulu'nun karşısındaki tarihî binada (Çarlık yönetiminin yıkıldığı sıralarda) Kırım Tatar Özerk Cumhuriyeti ilan edilmiş. Kırimlı Tatar aydını Numan Çelebi Cihan'ın başbakan olduğu bu cumhuriyet, sadece 40 gün yaşayabilmiş. Buradan aşağı doğru inince Salgır nehrinin hemen ötesinde bulunan Tatar Meclisi binası görülüyor. Ukrayna burayı resmen tanımıyormuş. Ama dış ülkelerden gelen temsilciler, Kırım Parlamentosundan sonra burayı ziyaret ediyorlarmış. Salgır nehri boyunca biraz gittikten sonra İskitlerden kalma duvar kalıntıları uzanıyor. Kalıntılar yol boyunca devam ediyor.

Salgır nehrine doğru yürüdük ve İsmail Gaspralı'nın büstünün olduğu anıta geldik. Yakın zamanda düzenlenmiş burası. Buradan epey bir yürüdükten sonra, Tavrida Üniversitesine vardık. Üniversite

² Kazanlı Fatih Kerimî, Akmescit, Bahçesaray, Sivastopol ve Yalta'yı gezmiş 1903'te. «*Kırım'a Seyahat*» kitabında anlattığına göre, o zaman Akmescit'te 12 cami ve 9 Rus kilisesi varmış. Kerimî, Karaim kenesasından ve Ermeni kiliselerinden de bahsediyor. Kitabında yer yer Kazanlılarla Kırimlıları karşılaştırıyor.

bahçesinin kenarında Kırım Tatarlarına ait bir anıt var. Onların 1944'te sürüldüklerini yerleri (Özbekistan, Rusya, Kırgızistan, Kazakistan ve Tacikistan) gösteriyor.

Sonra üniversitenin botanik bahçesini gezdik. Gayet güzel düzenlenmiş. Prens (Knyaz) Feliks Yusupov'un yaptırdığı binaları gördük. Birinin üzerinde minareyi andıran bir yapı var. Ataları asırlar önce Hristiyanlığı benimsemiş olsa da, Yusupov geldiği yeri unutmamış; camilere ve diğer Müslüman kurumlarına yardımlarda bulunmuş. Yusupovların ailevî kökenleri Altın Orda soylularından (mirzalarından) birine dayanıyor.

Cengiz Dağcı'nın Kızıltaş Köyü

11 Temmuzda Yalta'ya gitmek niyetiyle yola çıktık. Bahçesaray, Akmescit'in sadece 25 kilometre güneyinde. Şehrin kenarından geçip giderken uzaktan Lenin heykelini gördük. Sonra dağ yoluna tırmanmaya başladık. Kıvrımlı yollardan geçerek Ay-Petri tepesine tırmandık. Her taraf yemyeşil, hava serin ve temiz. Epeyce bir düzlükte ilerledikten sonra inişe geçtik. Aşağı tarafta Karadeniz görüldü. Kıvrıla kıvrıla dağdan aşağıya indik. Alupka'da denizin kıyısındaki kayalıklar üstünde yükselen eski sarayı gördük.

Buradan doğuya doğru giderek meşhur Livadiye Sarayı'na yöneldik. II. Dünya Savaşı sırasında Çörçil, Ruzvelt ve Stalin üçlüsünün yeni dünya düzeni hakkında önemli kararlar aldıkları saray burası. Oldukça güzel görünen ve geniş bir bahçeye sahip olan bu sarayın giriş tarafında bir çeşme dikkatimi çekti. Üzerinde eski Türkçeyle yazılmış 1864 tarihli bir kitabe var. Biraz ileride, üzerinde çok güzel bir Osmanlı yazısıyla süslenmiş âbidevî bir taş gördüm. Rehber arkadaşım o dönemdeki Çarlık yöneticilerinin müsamahalı olduklarından ve Tatar eserlerini koruduklarından söz etti.

Livadiye'den çıkıp Yalta'ya doğru yola koyulduk. "Kırım'ın İncisi" denilen bu şehir bir tatil mekânı. Sahile gidenler, gelenler, büyük bir kalabalık ve trafik var. Buradan ayrılıp doğu tarafına doğru giderken Cengiz Dağcı'nın köyü olan Kızıltaş'ta durduk.

Cengiz Dağcı'nın adını duyunca çok heyecanlandım. Cengiz Dağcı'nın *Korkunç Yıllar* ve *Yurdunu Kaybeden Adam* romanlarını bir çırpıda okumuştum. Dağcı bu romanlarında, Kızıltaş köyünü, Kırım Tatarlarının köy hayatını, İkinci Dünya Savaşı yıllarının acılarını anlatıyordu. Akmescit'teki Tohar Camii minaresinin vinçle yıkılışını okurken çok üzülmüştüm. *O Topraklar Bizimdi, Onlarda İnsandı,*

Kolhozda Hayat romanlarını da aynı heyecanla okudum. Cengiz Dağcı bana hem kitap okumayı sevdirdi hem de Kırım ve Türkistan Türklerine karşı bende ilgi uyandırdı. Yurdunu kaybetmenin ne demek olduğunu ondan öğrendim. İçinde büyük bir hasret birikmiş Dağcı'nın. "Yurdunu kaybeden adam için hürriyetin bile manası kalmadığını şimdi anlıyorum. İçinde doğduğum, gülüp oynadığım yerlerde benim dilim konuşulmuyor artık. Bir zamanlar o topraklarda dilimi konuşan insanların ne olduklarını da bilmiyorum" diyordu. Onun romanlarının hepsinde bu hasret var. Hepsinde de etkileyici, insanî ve duygusal. Hem milli hem evrensel yanı var bu romanların.

Kızıлтаş köyü içinden geçen yolun hemen altında Cengiz Dağcı'nın evini bulduk. Ev sahibinden izin alarak evin dış tarafını, üst katını gezdik. Denize yukardan bakan, müthiş bir manzarası var. Daha sonra yolun üst tarafındaki Kızıлтаş köyünün yokuşuna tırmandık. Yemyeşil ve çok güzel bir yer burası. Aşağı taraf Karadeniz. C. Dağcı buralarda bir yere defnedilmiş geçen yıl. Köye adını veren büyük ve kırmızı kayayı gördük. Köyün batı tarafında, deniz kenarındaki Gurzuf kasabası görünüyor.

Kızıлтаş'tan ayrılıp Aluşta'ya yöneldik. Sahil ve tatil mekânı olan bu kasabada fazla oyalanmadık. Doğuya doğru giderken yolda bir camiye rastladık. Münir Bey o taraftaki evleri gösterdi:

- Bunlar Tatar gecekonduları.
- Pek gecekonduya benzemiyorlar, düzenli yapılmışlar.
- Bizim Tatarlar düzgün yaparlar; sokakları cetvel gibi ölçüp biçerek yerleşirler.

Gerçekten de çok düzenli bir yerleşim olmuş. Burayı birkaç kilometre geçtikten sonra yol kenarında yığılmış tuğlalar dikkatimi çekti. Bunlar yeni yapılacak cami için yığılmış buraya. Fakat cami inşası için izin almak oldukça maceralı ve bürokratik zorluklarla dolu bir çabayı gerektiriyormuş.

Bahçesaray

Kırım'da özellikle Bahçesaray çok ilginç. Akmescit ve Kırım'ın diğer şehirlerinden Çarlık ve Sovyet Rüzgarı epey şeyleri alıp götürmüşse de, Bahçesaray bu rüzgâra direnç göstermiş (hâlâ da gösteriyor). Bu şehir, tarihî ve mistik güzellikleriyle insanı geçmiş asırların derinliğine ve kültür zenginliğine götürüyor. Kırım hanlarının gücünün ve ihtişamının merkezi, Gaspıralı İsmail Bey'in Türk fikir hayatında çığır açtığı muhit burası.

Bahesaray’a giden tren Ukrayna ilerinden geliyor. Tatil mekânı olan Simferopol’a turist getiriyor. 16 Temmuz sabahı Simferopol tren istasyonundan yola ıktık. 40 dakika kadar sonra Bahesaray’a vardık. Tren garının duvarına konulan aıklamada 1944 yılında Kırım Tatarlarının bu istasyondan sürgüne gönderildiđi anlatılıyordu. Daha sonra Greklerin ve Bulgarların da sürgün edildiđi yazılmış.

Tren garı yakında bir Tatar hanımdan ekmek (nan) aldıktan sonra Han Sarayı’na vardık. Burasını resimlerde görmüştüm ama bu kadar büyük ve güzel bir yer olduđunu bilmiyordum. Topkapı Sarayına ok benziyor. Han Sarayı ok güzel bir yerde konuřlandırılmış. Etrafı tepelik ve havası temiz. Yazın bu sıcak gününe rađmen hava serin.

Han Sarayının bahesindeki Büyük caminin yanındaki türbeleri ve mezarları ziyaret ettik. Mezar taşlarının ođu kırılmış vaziyette. Burası önemli kiřilerin gömüldüğü bir yer. Tamamen bir Osmanlı kabristanı gibi. Tařlardan bir kısmı daha bir özenle yazılmış. Üzerinde kılı, Davut yıldızı řekilleri dikkatimi ekti. Sonra, Büyük Han Camii’nin arka tarafındaki XVI. yüzyıldan kalma hamamı gezdik.

Rusya’nın Kırım’ı istila yönündeki ilk giriřimi 1736’da olmuş. Kırım’ın kuzeyindeki Or Kapısı berzahından giren Ruslar bu tarihte Bahesaray’ı yağmalayıp Han Sarayı’yla řehirdeki evlerin ođunu yakmışlar. Fakat hastalık ve iaře sıkıntısı yüzünden burada fazla kalamamışlar. II. Mengli Giray (1737–40) ve II. Selamet Giray (1740–43), tahrip olan ülkeyi ve Bahesaray’daki Han Sarayı’nı yeniden inşa etmişler.

Saraydan ıkıp yukarı dođru uzanan yola koyulduk. Yukarı dođru, sol tarafımızda büyük ve yüksek kayalıklar uzanıyor yol boyunca. Bir yerde küçük bir řelale akıyor. Alt taraf mezarlıkmış eskiden. Fakat řimdi pek bir řey kalmamış. Sadece bir tane Müslüman mezar taşına rastladık. Yolun biraz daha ilerisinde XVIII. yüzyıldan kalma bir cami var: Tahta Cami denilen bu yer bakımsız kalmış. Yolun sađ tarafında gördüğümüz evler Tatarlardan kalma olmalı. Sürgün öncesinden kalma.

Biraz daha yürüdükten sonra İsmail Gaspralı Müzesi’ni bulduk. İki katlı, taş bir bina bu. Yeni restore edildiđi anlařılıyor. Burası Gaspralı’nın matbaasıymış aslında. Alt katta matbaa, üstte alıřma odası varmış. Matbaadan pek bir řey kalmamış. alıřma odasında Gaspralı’nın eserlerinden bazıları ve resimleri sergileniyor. Müzede hâlâ

düzenlemeler devam ediyor. Matbaanın hemen yan tarafında Gaspıralı'nın evi var. Fakat bu ev, eski resimlerde gördüğümüz ev değil.

Müzeden ayrılıp yokuşu tırmanmaya devam ettik. Sol tarafımızda yol boyunca yüksek kayalar uzanıyor. Epey gittikten sonra, birçok turistin olduğu bir meydana vardık. Turistler, Tatar eserlerine değil, buradaki Hristiyan (Uspenski) Manastırına ve Cufut Kale'ye doğru gidiyorlar. Biz, Tatar eserlerinin olduğu tarafa, Salacık denilen yerdeki Zincirli Medrese'ye yöneldik. Medrese son zamanlarda ayağa kaldırılmış. Yan tarafında ise bir hamam kalıntısı görülüyor. Onun tam karşısında ise eski bir Tatar okulu var. XX. yüzyıl başında rüştiye mektebi olan bu bina şimdi müze hâline getirilmiş. Biraz ileride, minaresiz bir cami var. Onun biraz ötesinde ilk Tatar hanlarından birinin türbesi görülüyor.

Biraz daha gidince Gaspıralı İsmail Bey'in mezarını gördük. Sürgünden sonra mezar tahrip edilmiş. Sonradan, yaşlı kimselerin ifadelerine ve eski resimlere dayanılarak mezar yeniden yapılmış. Mezarın üstündeki kitabenin sonradan yazıldığı anlaşılıyor. "Mustafa oğlu İsmail Gasprinski'nin ruhuna el-fatiha" yazısı biraz acemice yazılmış. Bu mezarın hemen yanında 1950'lerde vefat eden Ahmet Özenbaşlı'nın, onun hemen yanında ise Edige Kırımın'ın mezarları görülüyor.

Zincirli Medrese, Osmanlı medreseleri tarzında yapılmış. Kapısında ve iç mekânda birer kitabe var. İçeride, ortada toplanmış kalıntılar arasında yatan bir kitabe çok güzel bir yazıyla yazılmış ve büyük bir ihtimalle başka bir yerde bulunup buraya getirilmiş. Sonra, ikinci müzeye yöneldik. Burası XX. yüzyıl başında rüştiye mektebiymiş. Orada tanıştığım Neriman Bey üniversite hocası. Kendisi edebiyatçı, fakat tarih bilgisi de çok iyi. Onun anlattığına göre, medrese, hamam ve türbenin olduğu bu mekân, han sarayından da önceye aitmiş. İlk Tatar hanları burayı seçmişler taht merkezi olarak. Gerçekten de burası stratejik bir noktada. Etrafı kayalık tepelerle çevrili, yüksekçe bir yer burası.

Neriman Bey'den işittiğime göre, Yavuz Sultan Selim şehzade iken Kefe'ye geldiğinde buraya da uğramış. Tatar hanı ile aralarında ilginç bir sohbet olmuş. Tatar hanı, Yavuz'a her türlü desteği vereceğini söyledikten sonra, padişah olduğunda Tatar topraklarını Tatar hanlığına verip vermeyeceğini sormuş. O da dürüst davranmış: "Her şeyi isteyin ama benden toprak istemeyin; bir padişah toprak veremez" diye cevap

vermiş. Bu sözlere son derece kızıp Yavuz'un üzerine yürüyen Tatar şehzadeyi babası güçlkle tutmuş. Durumun gerginleştiğini gören Yavuz, kısa zamanda, başına bir iş gelmeden buradan ayrılmış.

28 Temmuzda Bahçesaray'a üçüncü defa gittim. Bu defa hedefimiz Cufut Kale'yi gezmekti. Gerçekten de mutlaka gezilmesi gereken bir yer imiş. Han Sarayı'nı ve Gaspıralı Müzesi'ni geçip Uspenski Manastırı'na doğru tırmandık. Manastır yokuşun sağ tarafında, kayaların içine yerleşmiş. Kırım Hanlığı zamanından beri varmış bu manastır. Ama şimdi işin rengi değişmiş; manastır yayıldıkça yayılıyor.

Burayı geçip yolumuza devam ettik. Yol boyunca satıcılar var. Cufutkale'ye doğru giderken yolda bir tabela dikkatimi çekti. Yeni konulmuş olan bu tabelada Gazi Mansur adlı Müslüman mezarlığı olduğu yazılı. XV–XIX. yüzyıllar arası olarak tarihlenmiş. Yukarıya doğru çıkarken merdivenlerin çok eski zamanlardan kalma olduğu hemen fark ediliyor. Ama öyle bir bakımsızlık var ki. Tepeye çıkınca birkaç mezar taşı gördüm. Bazıları hâlâ ayakta, bazıları yatık ve kırık. Biraz daha yürüyünce başka mezarlar da gördüm. Biraz ileride bir çukur fark ettim. Tam tepede bir türbe var ama üzerinde hiçbir yazı yok. Öylece terk edilmiş, sahipsiz kalmış bir mezarlık burası. Buraya defnedilenler Kırım Tatarlarının önemli kişileri olmalı.

Mezarlıktan aşağı inip eski bir yolda ilerliyoruz. Yokuş epeyce dikleşti. Yüzyıllar öncesinden kalma taş bir yol bu. Aşındıkça aşınmış. Nihayet yukarıda Cufutkale'nin girişine geldik. Buradan, daha da yukarı tırmanırken kayalara oyulmuş evler gördük. Eski medeniyetlerin izleri açıkça görülüyor. Orta Kapı denilen kapının üzerinde VI–XV. yüzyıllar arası şeklinde bir tarihleme var. Kalenin içinde Karaimlere ait mezarlar ve bir de kenesa gördük.

Kalenin bir ucunda Altın Orda dönemine ait Canike Hanım Türbesi'ne vardık. Canike Hanım, Toktamış Han'ın kızı imiş. 1420'lerde buraya defnedilmiş. Türbenin ötesinde güzel bir manzara var. Aşağıda bütün Bahçesaray vadisi uzanıyor. Buradan Büyük Kapı'ya, yani surların son noktasına kadar gittik. Yürüdüğümüz eski taş yol hep aşınmış. Yolun her iki yanı büyük bir ihtimamla taşla döşenmiş.

Gözleve (Yevpatoriya)

21 Temmuz günü Gözleve'ye yaptığımız yolculuk 1 saat kadar sürdü. Bakımsızlık burada da kendini gösteriyor. Garajda indikten sonra doğruca Mimar Sinan'ın 1552'de yaptığı meşhur Cuma

Camii'ne gittik. Şehirde ayakta kalan tek cami bu imiş. Giriş kapısının üstünde şöyle bir yazı var: «Giray Han'ın Gözlev Camii şerifidir». Caminin hemen önünde birkaç Osmanlı mezarı görülüyor.

Osmanlılardan kalma surların olduğu yere Odun Pazarı deniliyor. Surların tek kalıntısı burada kalmış. O da daha yakınlarda restore edilmiş. Buranın biraz ötesinde bir tekke görülüyor. Harap durumdaki bu yer müzeye dönüştürülmüş. İçeride cami, tekke ve bir de Kırım Tatar müzesi var. Caminin duvarında kırık mezar taşları sıralanmış. Müzede buranın Tatar kimliğini hatırlatan resimler ve eşyalar var. Cami kubbesinin alemi de müzede sergileniyor.

Tekrar geriye dönüp yeniden Odun Pazarına vardık. Buradan başlanarak şehrin en eski kısımları müze şehre dönüştürülmüş; turistik bir mekân olmuş. Çok sayıda turist burada dönüp dolaşıyorlar. Odun Pazarında Tatarların işlettiği bir kafe var. İstanbul'daki eski Osmanlı kahvehanelerini andırıyor. Burada çalışan gençler geleneksel Tatar kıyafetleri giymişler.

Kefe (Feodosiya)

24 Temmuz sabahı Kırım'ın doğu tarafına, Kefe'ye doğru yola çıktık. Yol üzerinde Eski Kırım kasabasından geçtik. Haritada şehir gibi gözükse de yoldan geçerken pek şehre benzer bir şey göremedim. Yol boyunca sıralanmış evler var. Haritada sokaklar filan gösterilmiş olsa da, dağınık evlerin sıralandığı başı-sonu belirsiz bir yer. Burada Altın Orda hanlarından Özbek Han'ın yaptırdığı cami ile Sultan Baybars Camii'nin olduğunu biliyorum.

Kefe'nin girişi çok bakımsız görünüyor. Şehrin ayakta kalmış tek camisi olan Müftü Meçit'e gittik. Caminin iç avlusunda kimsecikler yok. Yan tarafta imamın evi olduğu anlaşılan bir bina var, fakat orada da bir hareket yok. Caminin hemen dışında kırık-dökük birkaç mezar taşı var.

Kefe sokakları çok تنها. Eski eserlerin olduğu sahil tarafına yöneldik. Meşhur ressam Ayvazovski'nin mezarının olduğu yeri geçtikten sonra Ayvazovski çeşmesine vardık. Bundan sonra müthiş bir kalabalık başladı. Sahil boyunca demiryolu uzanıyor. Yol boyunca satıcılar sıralanmış. Şehir müzesindeki Ceneviz eserlerini hızla gezdim. Müze bahçesindeki Osmanlı mezar taşları ilgimi çekti. Acaba bunlar okundu mu? Vaktiyle Kefe önemli bir merkezdi. Rusya ile Osmanlı Devleti arasındaki müzakereler genellikle Kefe'de yapılırdı.

Res. 1. Bahesaray’da Gazi Mansur adlı Mslman mezarlıęı. Cufutkale yolu zerinde bulunan bu mezarlıęa, XV.–XIX. yzyıllarda Kırımlı Tatar ileri gelenlerinin gmldę anlaşılmaktadır. Őimdi ok harap bir durumdadır.

Res. 2. Kırım’ın Bahesaray Őehrindeki İsmail Gaspiralı Mzesi. *Tercman* gazetesinin basıldıęı matbaa olan bu bina, Sovyet dneminde dispanser olarak kullanıldıktan sonra, Őimdi mzeye dnřtrlmř. Binaının saę tarafında Gaspiralı’nın evi bulunmaktadır.

Res. 3. Gözleve’de Dervişler Tekkesi adıyla bilinen yerdeki cami.

REFERENCES

1. İnalçık Halil. Kırım Hanlığı. *Türkiye Diyanet Vakfı. İslam Ansiklopedisi*.
2. *Kratkaya İstoriya Krıma*. Simferopol, 2013

Yazar hakkında: Ahmet Kanlıdere – Prof. Dr., Marmara Üniversitesi, Fen-Edebiyat Fakültesi, Tarih Bölümü (34722, Göztepe Kampüsü, Kadıköy, İstanbul, Türkiye); ahkanlidere@hotmail.com

Impressions of Crimea (July 2013)

Ahmet Kanlıdere

(Marmara University, Turkey)

Abstract: In this article, you will read the travel account of Ahmet Kanlıdere, a Turkish historian of Turkic peoples. While he traveled into the cities of Aqmescit (Simferopol), Bakhchisarai, Gözleve (Yevpatoria), Kefe

(Feodosia) and southern coasts of Crimea in July, 2013, he noted his impressions about the present status of Crimean Tatar entity and cultural heritage in these places. Crimean Tatars' return from the exile is a rare example of struggle in World history. The deportation of 1944 not only cut Crimean Tatars from their roots, but also deprived them of the Tatar books from the libraries in Crimea. Many cultural monuments as well as cemeteries of the Tatars were erased. Those which were survived left without a protector. Since the middle of 1980's, the Tatars try to resettle to their homeland and struggle to revive the ruins of cultural heritage of their ancestors. Despite the bureaucratic and other obstacles, the Tatars continue to rebuild their homeland and revive the cultural and historical heritage.

Keywords: Crimean Tatars, Ismail Gasprinski, Cengiz Dağcı, Aqmescit (Simferopol), Bakhchisarai, Gözleve (Yevpatoria), Kefe (Feodosia).

About the author: Ahmet Kanlıdere – Prof. Dr., Marmara University, Faculty of Arts and Sciences, Department of History (34722, Goztepe Campus, Kadikoy, Istanbul, Turkey); ahkanlidere@hotmail.com

Поликультурное образование – новый этап развития национального образования

Марат Лотфуллин

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Аннотация: В статье рассматривается опыт Республики Татарстан по созданию системы национального образования в составе единой образовательной системы образования Российской Федерации. Анализ показывает, что дальнейшее развитие национального образования в условиях Федеральных государственных образовательных стандартов возможно на основе поликультурной (билингвальной и полилингвальной) образовательной модели. Опыт, накопленный в республике по развитию поликультурного образования на основе родного языка, может существенно помочь адаптации системы образования крымских татар и обеспечить сохранение и развитие крымско-татарского языка в условиях Российской Федерации.

Ключевые слова: национальное образование, поликультурное образование, Федеральные государственные образовательные стандарты, опыт Республики Татарстан, сохранение и развитие крымско-татарского языка.

В начале 90 годов прошлого столетия в рамках демократизации всего российского общества началась гуманизация и гуманитаризация образования: в унитарном образовательном пространстве были введены вариативные учебники; расширились полномочия учреждений образования и региональных органов управления образованием. Были введены федеральный и региональный компоненты образования. Началось восстановление системы национального образования [1, с. 210–214].

Поликультурное образование – новый этап развития национального...

В целом, за 1990–2007-е гг. в Республике Татарстан был решен комплекс следующих практических задач:

а) проработано содержание гуманитарного образования, выстроенного на билингвальной и бикультурной основе с использованием сопоставительного анализа и с учетом этноязыковой и этнокультурной среды, выработаны принципы и механизмы межкультурного взаимодействия;

б) усовершенствована законодательная база, приведено в соответствие с целями и приоритетами этнонациональной образовательной политики нормативно-правовое обеспечение систем этнонационального образования;

в) проведено сопряжение содержания гуманитарных предметов, представленных федеральным и региональным (этнонациональным) компонентами государственного образовательного стандарта;

г) созданы организационно-управленческие механизмы, обеспечивающие реализацию государственных гарантий доступности образования с учетом местной языковой и этносоциокультурной специфики;

е) организовано повышение уровня профессиональной подготовки и квалификации научно-педагогических кадров, обеспечивающих научно-теоретическую и научно-методическую разработку этнонациональных проблем в образовании;

ж) развиваются государственно-общественные механизмы выработки и реализации национальной образовательной политики Республики Татарстан, предусматривающих широкое вовлечение в эту деятельность представителей национально-культурных элит.

Таким образом, в Республике Татарстан созданы условия для дальнейшего развития национального образования на основе поликультурной (билингвальной и полилингвальной) образовательной модели.

На современном этапе в Российской образовательной системе внедряются Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), утверждаемые федеральным правительством. В новых стандартах национально-региональный компонент образования, формируемый регионами и народами, отменен. Главным требованием государства к системе образования становится вос-

питание российской гражданской идентичности. В соответствии с действующим законодательством, федеральные стандарты должны обеспечивать развитие и сохранение языков и культур народов Российской Федерации. Для татарского народа эта проблема имеет особую актуальность, т.к. 75% татар проживает вне Татарстана. При компонентном подходе в других регионах Российской Федерации изучение татарского языка и обучение на народном языке не имело единой нормативной и методической базы. Наличие федеральных стандартов по изучению татарского языка и литературы, истории татарского народа улучшит ситуацию по сохранению татарского народа татарского народа во всей России. Опыт, накопленный в Татарстане, может существенно помочь в этом важном деле.

Задачу формирования российской гражданской идентичности и сохранения содержания национально-регионального образования в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов решает федеральная комплексная программа развития поликультурного образования. Таким образом, на смену национального и этнокультурного образования приходит поликультурное образование.

Для разработки и внедрения экспериментальной поликультурной программы Татарстан определен пилотным регионом. В рамках данной программы в 2010–2013 году разработаны учебно-методические комплекты для учащихся начальных классов и дошкольников. Содержание учебно-методических комплектов направлено на формирование у детей сознания принадлежности своему народу, историко-культурному наследию народов Татарстана, России, к мировым духовным ценностям и соответствует требованиям ФГОС. Учебно-методические комплекты включают в себя учебники, рабочие тетради, хрестоматии, электронные пособия и пособия для учителей на русском и татарском языках. Учебно-методические комплекты для учащихся первых – третьих классов и дошкольников младшего – старшего возраста изданы за счет средств бюджета РТ.

Под руководством Министерства образования и науки Республики Татарстан данные разработки внедряются в 50 общеобразовательных школах и 10 детских садах в порядке эксперимента. В целях дальнейшего развития поликультурного образования

Поликультурное образование – новый этап развития национального...

создано 17 авторских коллективов, состоящих из известных ученых, авторов школьных учебников и талантливых учителей нашей республики.

В соответствие с федеральной программой развития поликультурного образования в 2010–2013 годах предусматривается развертывание поликультурных образовательных моделей начального и дошкольного, 2014–2018 годах – неполного общего и 2019–2020 годах – среднего общего образования.

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ ведет исследования в данном направлении и выступил разработчиком проекта «Поликультурная образовательная модель Республики Татарстан». Концепция поликультурного образования основана на функциональном двуязычии и полилингвальности. В начальной школе большинство предметов изучается на родном языке. В среднем звене предметы изучаются на русском и татарском языках. В старшем звене профильное обучение может быть организовано на трех языках: на русском, татарском и английском (Лицеи-интернаты для одаренных детей работают на основе концепции поликультурного образования).

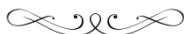
В настоящее время данная работа продолжается в рамках республиканской программы сохранения, изучения и развития языков народов Республики Татарстан на 2014–2020 годы. Опыт, накопленный в республике по развитию поликультурного образования на основе родного языка, может существенно помочь адаптации системы образования крымских татар и обеспечить сохранение и развитие крымско-татарского языка в условиях Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лотфуллин М.В.* Поликультурное образование как условие сохранения родных языков в рамках Федеральных государственных образовательных стандартов // Казанский федералист, 2012, № 1–2, С. 210–214.

Сведения об авторе: Марат Вазыхович Лотфуллин – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им.

Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); maratlv50@gmail.com

Polycultural education – new phase in development of national education

Marat Lotfullin

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Abstract: Paper looks at the experience of national education system creation as a part of Russian Federation unified education system. Analyses shows that further development of national education under the scope of Federal state education standards is possible on the base of polycultural (bilingual and polylingual) educational model. Experience gathered in the republic, while development of native language based polycultural education, can substantially help in adaptation of the national education system of crimean tatars and secure preservation and development of crimean-tatar language in Russian Federation environment.

Keywords: national education, polycultural education, Federal state educational standards, experience of Tatarstan Republic, preservation and development of crimean-tatar language.

REFERENCES

1. Lotfullin M.V. Polikul'turnoe obrazovanie kak uslovie sokhraneniya rodnykh yazykov v ramkakh Federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov [Polycultural education as a condition for preservation of native languages within the framework of Federal state educational standards]. *Kazanskiy federalist – Kazan federalist*, no. 1–2, 2012, pp. 210–214.

About the author: Marat Vazykhovich Lotfullin – Ph.D. in physics and mathematics, senior researcher at the Center of history and theory of national education, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); maratlv50@gmail.com

НАСЛЕДИЕ

УДК 09

Рәһбәр мугаллимин яки мөгаллимләргә юлдаш

Исмәгыйль Гаспринский

Аннотация: Вниманию читателей предлагается транслитерация книги Исмаила Гаспринского «Рәһбәр мугаллимин яки мөгаллимләргә юлдаш», которое представляет собой первое в истории методическое руководство для учителей по обучению на основе нового метода, где систематизированы взгляды И.Гаспринского на развитие системы образования и основы нового звукового метода изучения языка.

Ключевые слова: Гаспринский, новый метод, звуковой метод обучения, методическое руководство.

Вместо предисловия

Трудно переоценить место, занимаемое Исмаилом Гаспринским в истории татарского просвещения. В качестве отца-основателя джадидизма он заслуженно занимает почетное место среди педагогов, способствовавших развитию системы образования у татар на рубеже XIX–XX вв., его взглядам и трудам посвящены многочисленные исследования и научные публикации. Однако, вспоминая о Гаспринском, наиболее часто говорят о его деятельности как издателя газеты «Тарджиман». Учитывая широкий спектр тематики данного издания и его беспрецедентный ав-

торитет не только среди татар, но и у других тюркских и мусульманских народов, неудивительно, что большое количество исследований посвящено анализу публикаций именно данного издания. Особой популярности «Тарджимана» в качестве источника исследований способствовало и то, что материалы в нем печатались сразу на двух языках (тюрки и русском). Вместе с тем ряд произведений И. Гаспринского незаслуженно оказался в стороне от внимания многих исследователей и остался недоступным широкой общественности.

В связи с этим следует назвать книгу «Рәһбәр мугаллимин яки мөгаллимләргә юлдаш» (Спутник учителей), выпущенную в Бахчисарае в лито-типографии издательства газеты «Тарджиман» в 1898 г. Эта небольшая по своему формату (фактически карманному) 121 страничная книга тем не менее занимает особое место в истории татарской педагогической мысли и образования. В ней не просто впервые систематизированы взгляды И. Гаспринского на развитие системы образования и основы нового звукового метода изучения языка, она представляет собой первое в истории методическое руководство для учителей по обучению на основе нового метода, да и вообще, первое методическое пособие для учителей (в современном понимании данного термина), изданное на татарском языке.

Именно данная книга стала тем краеугольным камнем, на котором тысячи педагогов смогли выстроить джадидистские учебные заведения, постепенно реформируя закосневшую со средних веков систему национального образования у татар и других мусульманских народов Российской империи.

Однако несмотря на свою важность для истории татарской педагогической мысли и истории образования данная книга являлась объектом изучения лишь небольшого числа исследователей истории татарского образования, упоминалась лишь вкратце, в общем контексте истории татарского образования рубежа XIX–XX вв. Тот факт, что книга до сих пор не была переведена на кириллицу или латиницу и не переиздавалась (насколько нам известно ни в Крыму, ни в Казани), по крайней мере с начала XX в., так же сузило круг ее исследователей.

Учитывая все вышеизложенное, Центром истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани

Рәһбәр мугаллимин яки мөгаллимләргә юлдаш

АН РТ была предпринята попытка впервые транслитерировать данный труд Исаила Гаспринского на кириллицу и перевести на современный татарский и на русский языки. И хотя данная работа еще далеко не завершена, мы все же хотели бы представить вниманию широкой общественности первые ее результаты. Надеемся, что публикация книги «Рәһбәр мугаллимин яки мөгаллимләргә юлдаш» впервые после более чем столетнего перерыва будет не только нашей данью памяти выдающегося педагога и просветителя Исаила Гаспринского, но и послужит новым толчком к изучению его творчества и истории татарского образования.

*Марат Гибатдинов,
кандидат педагогических наук, руководитель Центра
истории и теории национального образования
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

* * *

Рәһбәр мугаллимин яки мөгаллимләргә юлдаш

Һәр кеше фәһем вә идракъ идәчәк сурәттә ызылмыш вә ысул
жәдидән тәдрис вә мәктәб идарәсенә белдерер рисаләдер

Әсәр
Исмәгыйль бәк Гаспринский
мөхәррир рузнамә «Тәржемән»

Бәлдәи Бахчисарай

Басмасына рөхсәт бирелде С. Петербург июнь 1, сәнә 1898

Сәбәбе тәәлиф

Заманымызда дөньяда яшәмәк өчен инсаннар зиядә белемгә вә зиядә чалышмага мохтаждырлар. Һәрбер адәм, зарурәт диния-сене үгрәндекдән соң, һәркөн эшдә вә мөгамәләдә лязим улган белек, һөнәр, сәнагать вә кәмаләт саирә белмәсе лязимдер. Бонлар һеп тәхсил вә тәгълим илә мәйданга килер.

Безем мөселманлар ялгыз бер микъдар «Кәлям шәриф» уку-мак вә бәғзән бер-ике сәтыр караламак тәхсиле өчен биш сәнә мәктәбкә варып килерләр вә азачак бу тәхсил өчен яшьлеге вә заман тәхсиле идерләр; әгәр мәктәпләр гүзәл бер ысулга кунлурса, биш сәнәлек тәхсил дәнә мөкәммәл уларак ике сәнәдә тәмам иделеб, калган өч сәнәдә дәнә хәйли мәғълүмат вә гыйлем казанмак мөмкин улачакдыр.

Боңа бинаән биек сигез йөз сиксэн дүрт сәнәсе Бахчисарайда бер мәктәбне ысул жәдид куймыш идем. Ысулның сәмәрәсе өмидемдән зиядә булды. Бер кач мәктәпләр дәнә ысулымны кабул илә ислях улдылар. Саир вилаятьләрдән ысул күрмәгә килеб киткәнләр улыб, бу сайәдә һәр тарафдан ике йөздән мөтәжавиз мәктәпләр ысулны кабул итсәләр дә, Бахчисарайга килеб китмәк һәр мөгаллимгә мөмкин улмадыгындан, ысул саутия тәдрижия илә мәктәб тәртибенең нидән гыйбарәт улдыкларыны жөмлөгә тәфәһһем итмәк өчен, жөмләнәң аңлаячыгы тарызда ошбу рисаләчекне языб чыкардым.

Һәр кәскә бәдәл бирелер.

Өмидләремгә истифадәсе күреләчәкдер. Истифадә иделдекне ишедсәм, иң биек мөкяфәт вә иң бөөк сөнеч улачакдыр.

Исмәғыйль Гаспринский

Мөляхәзә

Мәғълүмдер ки: «Жөмлә мөслим вә мөслимәгә гыйлем фарыздыр». Фарыздыр, әмма бу фарыз әда иден бик аздыр.

Гыйлем тәхсил итмәк, гыйлем белмәк кайда калды ки, гыйлем капусының ачкычы – анаһтары гад улынган «укуыб язмак» беленер йөздә ул төз юкдыр.

Мөтәрәккый милләтләр тәжрибә вә гакул кувәте илә голүмнәң жөмлә инсан углына «фарыз» улдыгыны белеб, боңа күрә гомумән укыр-язар хәленә кердекләре сурәтдә тараф сәрвәр жиһан жаныб, галисендән әмер вә дәстүр алмыш мөселманларның әксәриять илә надан вә би сәвад калдыкларына күз яшьләре түгелмәзе? Бу наданлык нидән килер? Мәктәбханәләремез юкмы? Хәмед улсын, вар. Мөгалимләрдә гайрәт юкмы? Шөкерләр улсын, бу да вар. Мәктәбкә могавәнәт иден, тәшвики вирен юкмы? Янә бар. Халыклар укымак вә белмәк әстәмиерме? Хаша, бик әстәрләр; һушлары вардыр. Иң әдна бер мөселман уг-

лын өч, биш сәнәләр мәктәбкә юлладыгы жөмләмезгә мәгълүмдер. Нә кадәр малсыз вә хәлсез улса, һәфтәдә биш копейк, сәнәдә ике һәдия виреб, биш сәнәдә мөгаллим әфәндегә урта хисаптан 18–20 рубль бирмәгән ата я ана юкдыр. Вирерләр, Хода разый улсын. Наданлыкның сәбәбе нидә? Мәктәпләрнең хуш ысулда улмадыгыдыр.

Мәктәб идарә итмәк, дәрес вирмәк, аеруча бер фән улдыкны белгән юкдыр. Бондан бойлә хөрмәтле мөгаллим вә мәктәбдарларның сәгый вә гайрәте, сабыяның жиһан дигәр заман тәхсиле, ата вә аналарның сарфияты би сәмәрә калыр. Боның өчен мөгаллим карендәшләргә бер гажизанәдә булынмак үзрә, ашагыда «фән ысул тәдрис»дән бәгъзе мәгълүмат биреләчәкдер. Өмид вар ки, истифадасы күрелер.

Иске ысул мәктәпләре

Ысул тәдрисдән, ягъни дигәр нам илә заманымызда мәгъләбәр улмыш, мөкаддәм иске ысул мәктәбләренә хәленә бер нәзар идәлем. Искене белмәк жәдиди фәрекъ итмәгә мәдардыр.

Иске ысул мәктәб мөгаллимләре, хөрмәтле карендәшләремезгә, бу яздыкларымыз агыр килмәсен. Хаша, без кендимиз иске ысул илә укыдык; мөгаллимләренә вә мәктәбдарларның сәгый вә гайрәтләрен, вә бик чук йирләрдә фи сәбилаллаһ чалышдыкларын зиядәсе илә вә кәмал хөлус илә тәкърир вә тәхсин идәбез. Жәдид ысулның интишарына чалышдыгымыз сезләргә вә голяма хөрмәтән бер хезмәтдер, чөнки ата-баба көнләрендән калмыш милли мәктәбләрне ислях итмәк ысул жәдид димәкдер; башка бер уку, башка бер мәктәб димәк дәгелдер.

Ысул жәдид – аз вакытта зиядә вә дәһә мөкәммәл укытмак, вә укымак юлларыны гүстәрмәк; гайре бер шәй дәгелдер.

Һәр карьяда вә һәр мәхәлләдә бер жамигъ булындырмак кеби, бердәй мәктәб булдырмак мәгыйшәт исламиянә иң иске бер кагыйдәсе вә гадәтедер. Хәтта жамигъ улмадыгы йирләрдә дәхи мәктәб булындыгы мәгълүмдер.

Ошбу ибтидаи сабыян мәктәбләренә, вилайтьнә икълименә күрә, биш вә алты яшендән ун-унике яшьләренә кадәр сабыян кабул иделер. Жомга вә бәйрәмләрдән башка мәктәб һәр көн ачыкдыр: уку укылыр. Әксәр мәктәбләрдә сабахдан ахшамга ике сәгать калганга кадәр, ягъни көн дә жиде-сигез сәгать дәвам иде-

лер. Мәктәбкә мәбтәди нә вакыт китерелерсә, рәд улынмаз, кабул улыныр; бер мөгаллим ундан сиксәнгә кадәр шәкерд жәмгъ идәр. Сабыян өч, дүрт, биш сәнә уқыр, «Әлифба»дан «Һәфтияк шәриф»кә, бәгъдә «Кәлям кадим»гә, «Иманның шартлары»на вә язу дәрәсләренә керер, имтихан иделмез, һичбер мөгаллимнең сәгый вә гайрәте, дикъкатъ гомумигә алыныб, мөкяфәт вә афәрин күрелмез. Бер вакыт килер, шәкерд белдеме, белмәдеме тәгъйин вә бәян улыныб, «белде» заны илә мәктәбдән алыныр, эшкә вә тижарәткә куелыр, яки гыйльме гарәби тәхсиле өчен мәдрәсәгә керер. Мәктәбләргә мәбтәдиләр керер, бонлар да бөйлә уқыр; уқыр, чыгар, китәр. Нә дикъкатъ вардыр, нә имтихан, сарыф иделгән эмек вә гайрәте чыгачак нә аршин вардыр, нәдә мизан?

Иске ысул мәктәбләренең бер дәһә вардыр: «Әлифба»ны белер-белмәз мәбтәдигә тугры я гарәби вә я фарси гүстәрелер. Әүләд төрки өчен бу бик агыр вә мөшкел киләчәге мөляхәзә уланмамышдыр. Иске ысул мәктәбләр бу хәлдәдер. Бер мөгаллим вә утыз шәкерддән гыйбарәт бер мәктәб фараз идәлем. Мөгаллим әфәндене гайрәтле, чалышкыр вә гыйлем белер гад идәлем. Бу мәктәбнең утыз шәкерде төрле-төрле вакытда мәктәбкә кереб, «Әлифба» башладыкларындан һәрберенең дәресе (сабагы) башка вә бәгъзан икесе-өче сабакдаш улыр. Мөгаллим әфәнде һәр көн шәкердне үгенә алыб, «ярым» сәгать укытачак улурса, утызына янә унбиш сәгать вакыт лязимдер. Һәр көн бу кадәр дәрәс ула алмас. Ялгыз бер чар якъ сәгать, ягъни унбиш дәкыйкә укутачак улурса, нәфес алмаеб вә баш күтәрмәеб йиде сәгать укутмак лязимдер. Мөгаллим әфәнде инсанлыгы мөнәсәбәте илә бу кадәр тәхмил итә алмас, чыдый алмас. Көн дә бер чар якъ сәгать мөгаллимдән укумага форсат булмаган сабыян дәрәсдә тәрәккый идәмәячәге көн кеби ашкяр казыядыр.

Ысул жәдид сәясендә утыз шәкерднең һәрбере көн дә мөгаллимдән өч я дүрт сәгать истифада идәр.

Бер чар якъ илә өч сәгать арасында нә кадәр фәрекъ улса, сабыяның тәрәккыйсы да шул нисбәтдә улачагы бармак хисабы илә мәгълүмдер.

Мәктәбкә һәрвакыт мәбтәди кабул ителүнең вә бондан бөйлә сабыяның мөхтәлиф дәрәсдә булундыгы тәрәккыйга иң бөөк бер манигъдыр. Зәхмәте чук, сәмәрәсе юк.

Иске ысул мәктәбдә мөбтәди балага ибтида «Әлифба» вирелер вә бөтен хәреф һәжа гүстерелер, ике-өч ай боның илә үгрәнүдән соңра, гарәби, бәгъзе догалар укыттырылып, дәһә соңра «Һәфтияк шәриф» аятьләрене башланыр, яки кыйраәт гүстерелер вә ахрысы ике-өч сәнәдә «Кәлям кадим» башланып, бер-ике сәнә боның кыйраәтенә дәвам улыныр. Бер кач сәнәгә кадәр шәкердкә каләм вә язу гүстерелмәз, зарурәт диниядән хәбәр вирелмәз, дәресләр ялгыз «кара танымага», Коръән укытмага мәхсусдыр. Артык (шуннан соң) кыйраәт гарәби бер дәрәжә белендекдән соңра, язу мәшкә вирелер, ана телебездә Йосыф галәйһиссәлам хикәясә, «Иманның шартлары» вә бер «Гыйльме хәл» китабы кыйраәт улыныр. Бәгъзе мөгаллимләр рәкым вә инша гүстерер, бәгъзеләр гүстермәзләр, чөнки үзләре дә белмәзләр.

Нәкыйль булган сурәтдә дәрәс вирелмеш сабий өчен бик агырдыр, чөнки ибтида гарәби вә фарси, вә бәгъдә төрки кыйраәт гүстерелер, кыйраәт илә берлекдә язу гүстерелмиюр. Сабиян алты-жиде сәгать мәктәб эчендә калыб, ялгыз бер дәрәс илә мәшгуль иделдегендән, табигый уларак, осаниер, бөлдерьер, зиһенә караер, таяк вә камчы лязим улыр, ләкин бонларның истигъмалда эшкә фәйда вә мәктәбкә тәрәккыйи вирмиер, чөнки мәзкүр ысул гыйльме тыйб вә гыйльме әл-рух кавагыйдәнә ачык мохалифдыр. Хайван улсын, инсан улсын, вә бахосус сөягә катмамыш сабий осандыкдан соңра вә бөлдердекдән соңра нә камчы йә нәкар, нә агача.

Мәгърифәт – хайвани булдыртмаеб егитмәк, сабияны осандырмаеб укытмакдыр, ысул жәдид боңа муафикъ улыр.

Иске ысул тәдрисдә дәһә бер хәйли ноксанлар вардыр, ләкин бонлардан сарыф нәзар ля, шул дидекләремез илә иктифа идийорун. Чөнки ысул жәдид бәхәсендә ноксанларны һәр кәсә үзе күреб фәһем идәчәкдер.

Иске ысул мәктәбкә сигез яшендә вирелмеш бер сабий анчак унөч яшендә мәктәбдән чыгарылып. Вә биш сәнәдә пәйда итдеге «гыйлем вә кәмаләт»не дөрест гыйбадәт итмәгә кяфидер. Нәдә дөкянга кереб, дәфтәр тотмага вафидыр. Хальбуки, биш сәнә дәвам вә гайрәт илә бик чук фән тәхсил итмәк мөмкиндер, чөнки иделдеге күрелмәкдәдер.

Ысул жәдид сайәсендә сабий ике сәнәдә дәресләре мөкәмәл сурәтдә икмаль улыныб, шәкердләр укымак, язмак, гыйбадәт,

гыйльме хэл, кыйраэт, Коръэн, бер микъдар хисаб, китабэт вэ кавагыйдел үгрәнеп чыгарлар. Калган өч сәнә истир голүм гарәбия, истир рус тәхсиленә, вэ истир тәгълим санигъка хисыр ителер. Ысул сайәсендә казандыклары фазлә замандыр.

Ысул жәдид һәрбер сабыяга өч сәнәлек бер заман хифыз идергә акча илә хәзинәләр вирелсә, бер көн белән сатып алмак мөмкин дәгелдер. Сигездә башлаеб, унда мәктәбне икмаль итү әүляд ислам һәртөрле һөнәр вэ мәгърифәт кәсебенә дә заман булыр. Әмма яше ундүрт, унбиш килдекдән соңра заман тәхсил кичмеш улыр. Һәм мөгаллимләрнең рәхәте, һәм милләтнең файдасы өчен мәктәпләрнең исляхны вэ ысул жәдидне һәр тарафта кабул ителү лязимдер.

Шимдигә кадәр белмиярәк «исраф заман» иделмешдер, кабәхәт дәгелдер, ләкин шәмдән соңра, ягъни жиңел ысул, рәхәт юл ишеделдегә хәлдә гыйнад идеб, колак вирмәмәк кабәхәт вэ гөнаһдыр, зан идәрәз.

Бәян ысул жәдид (Ысул идарәи мәктәб кагыйдәләре)

1) Бер мөгаллим мәктәбкә утыз, вэ ниһаять, кырык сабыядан зиядә кабул итмәмлидер, чөнки баль-тәжрибә мәгълүмдер ки: бу микъдардан зиядәсә бер мөгаллим өчен агырлык идер. Шәкерд кырыкдан зиядә улурса, мотлак могавин мөгаллим булындырмак лязимдер.

2) Мәктәбкә мөбтәди шәкерд сәнәдә ике дәфга кабул иделмәлидер. Мәсәлән: яз башында вэ кыш башында. Һәр йирнең хәленә күрә, заман кабул тәгъйин улыныр, анчак бер кабулдан дигәрәнә кадәр биш-алты ай кичмәк лязимдер.

3) Һәр дәфгада кабул улынган мөбтәдиләр, биш улсын, ун улсын, бер сыйныф гад улыныб, бердән «Әлифба» башлаеб, сабакдаш иделеб укытылыр.

Һәр нәкадәр инсанлар бер-беренә бәгземез исәләр дә, вэ истигъдад вэ кувә зиһниләрәндә тәфавет вар исә дә, бергә укумага манигъ улачак дәрәжәдә дәгелдер. Бәлгакес, биш-ун шәкерднең бер дәрәсдә улдыгы гайрәтләшеп укумага сәбәб улыр. Һич бере сыйныфдан вэ аркадашдан калмак эстәмәс.

4) Бер мөгаллимле мәктәбдә өй я дүрт сыйныф шәкерд булындырмалы. Мәктәб өч сыйныф үзрә улурса, мөгаллимгә бик рәхәт вэ мәктәбкә тәрәккый килер, әмма дүрт сыйныф булын-

дырмак та жаиз, ләкин биш-алты сыйныф идеб мәктәб укутмак ысул мөфид дәгелдер. Дәресләргә вә тәрәккыйга манигъдыр.

5) Мәктәб өч сыйныфдан гыйбарәт улурса, беренче сыйныфы мөбтәдиләр тәшкил идәр, бунлар «Әлифба» укырлар, «Әлифба» язарлар, төркичә укырлар вә дәрес әдәсе зиһни әзбәр хисаб идәрләр.

Икенче сыйныф шәкердләре төрки вә гарәби укырлар, әзбәр язырлар, лисан төрки вә гыйльме хисаб дәресләре алырлар вә төркичә укыдыкларыны агыздан хикәя яки каләм илә дәфтәрләренә тәхирән башларлар.

Әгәр сыйныф дүрт исә, дәресләр боңа күрә тәкъсим улыныр.

6) 7, 8 вә 9 чакларында улан сабыян йиде-сигез сәгать белән истирахәт укый алмас. Гыйльме тыйб вә гыйльме рух кавагыйде вә хәкаикъ икътизасынча, шәкердләргә тәнәфес вә истирахәт виреб укутмак хикмәт тәдрисәдәндер. Сабахтан өйләгә кадәр өч сәгать, вә өйлә намазындан соңра ике сәгать, жәмгы биш сәгать тәдрис бик кяфидер. Мәктәб бер сәгать дәрес бакдыкдан соңра ун дәкыйка йөрмәлидер, шәкердләр китабдан вә дәфтәрдән баш күтәрмәлидер. Өйлә вакыты мәктәб ярым сәгать яки өч чар якъ тәгътыйль дәрес идеб, мөгаллим жөмлә шәкердләр илә жомгага варыб намаз кылмалыдыр.

7) Жомга көнләре вә берәр һәфтә бәйрәмнәрдә, вә «дәүләт көннәре» улан январь 1дә, апрель 23дә вә 27дә, май бда вә 14дә, вә 20дә, июль 22дә, октябрь 21дә вә декабрь бда дәресләр тәгътыйль иделеб, мәктәб капалы улмалыдыр.

8) Сәнәдә ун ай дикъкатыле вә көннән-көн тәрәккыйлы дәрес бакылдыгы хәлдә, язын иң хәрарәт вә сижак улан айны мәктәб тәгътыйль иделеб истирахәт иделсә, бик яхшы улыр, ләкин әхваль мэхәлли боңа манигъ улыб, яз әснасы дәхи мәктәб дәвам идерсә, дәресләрне жиңелчә тотып, көн дә дүрт сәгать уку илә иктифа итмәк лязимдер.

9) Сабыяны осандырмаеб укутмак лязимдер. Боның өчен дәресләрне һәр өч чар якъта яки һәр сәгәтдә бер тәбдил итмәлидер. Мәсәлән, бер сыйныф илә ярым сәгать кыйраәт иделәктән соңра, мәзкүр сыйныфка язу дәресе вирмәлидер. Язу язмыш сыйныфны кыйраәткә куймалыдыр. Шөйлә ки бер сыйныф тәхминән бер сәгать укымалы, бер сәгать язмалы, бонларның арасында ярым сәгать кадәр зиһни хисаб илә мәшгуль иделмәле,

бәгъдә бер сәгать «Гыйльме хәл» вә бер сәгать кавагыйд төрки вә эзбәр язу илә вакыт күчәрмәле. Бойләчә тәбдил дәрәс илә дәвам иделәрсә, шәкердләр укудан вә мәктәптән бизмәсләр вә зиһен-нәре кувәттән төшмәз.

Биш сәгатьдә биш төрлө фәндән дәрәс бакмак агыр дәгелдер, ләкин биш сәгать ялгыз бер дәрәс илә үгрәшмәк зиһенне бозар. Ычбер сабий биш сәгать язу яза алмас яки кыйраәт әйтә алмас; бизмәсә, оғүстердегемезсанмысы табигыйдыр.

10) Шәкердләре ормага, сукмага хажәт юктыр; гүстердегемез ысул илә хәрәкәт иден мәктәптә тәнбәл шәкерд улмаз вә мәктәбдән нәфрәт иден күрелмәз. Жөмлә шәкерд мәктәбкә һәвәсләнәп килер, һәвәсләнәп укыр. Анчак лязем улса, бәгъзә нәсихәт вә сүз илә тәәдиб улыныр, үтендерелер; афәрин намә бирелмәз.

11) Һәр һәфтә ниһаятендә шәкердкә һәфтәлек тәзәкерә бирелмәлидер. Һәфтә бую дәрәсләренә дикъкате улыб, белдеге ишарәт иделеб, «афәрин» язылмәлидер.

12) Мәктәбнең бәнжәрәләре биш вә эчә зыялы, вә айдин улмасына, биш дикъкате итмәлидер. Түшәмесе тәмиз вә кыш әснасе сижак улмасы лязимдер. Соғук ханәдә дәрәс вирмәк гыйлем үгрәтмәк дәгелдер, би гөнаһ сабийга жәза вирмәкдер.

Мөгаллимләр бу хосусда жәмәгатькә вә бөөк адәмләргә мөрәжәгать идеб, мәктәбне хуш хәлгә китермәледер.

Дәрәс вирмәк ысулы кагыйдәләре

1) Бөтен «Әлифба»ны бердән гүстәрәб белдермәк агырдыр; ибтида өч-биш хәрәф гүстәрәб забыт итдермәк дәһә сөһүләтледер.

2) Укудыкны язмак вә языб укымак «Әлифба»ны дәһә мөкәммәл забыт идеб, онытмамыйга бағыйс улдыгындан, беренчә дәрәсдән шәкердләре язу башлатмалыдыр.

3) Боңа күрә «Әлифба»ны тәдрижи сурәттә, хисса-хисса укып, язып чыкмәлидер. «Әлифба»ның ахырына варәнә кадәр шәкерд укымак вә язмак мәләкәсә хасыйл идәр, вә һәр көн берике хәрәф күрдегендән, бонларны тиз забыт итмәгә һуш идәр, һәм забыт идәр.

Ошбу кагыйдәләргә күрә «Хужаи сыйбиянымыз»да «Әлифба» бердән дәгел, тәдрижән гүстәрләмешдер. Бондан ысулымызга тәдрижи диенләмешдер. Мәсәлән, беренчә дәрәстә Ә А Б

Т Н Р хәрефләре гүстәрелеб, бонлар илә үз делемездә бәгъзе кәлимәләр тәртиб әйделмешдер (*аб, ба, баба, ат, бат, анна, ата, тар, нар* кеби). Бонларны мөбтәди шәкерд жиңел укыр вә укудыгы илә китабка бакыб язар, яздакча дәһә гүзәл забыт идәр.

Язу өчен ибтида мөрәккәб истигъмал итмәк кирәкмәз; шәкердләр доскага грифель таш каләм илә, яки карандаш куршун каләм илә кягадкә язарлар. Яздыклары хәрефләр азачык бәгзәр исә, вә нокталары тәмам исә, зиядәсенә бакмамлыдыр, чөнки гүзәл язу вә мәшкь бәгъдә гүстәрелер.

4) Бер дәрәс белмәдекчә вә яздырмадыкча икенче дәрәскә башламамлы, вә «Хужаи сыйбиян»да дәрә иделмеш тәкъсимат үзрә, дәрәс араларында улан нәсихәтләргә вә ихтарларга күрә гамәл идеб дәвам итмәле.

5) Хәреф, һәжә гүстәрдекдә ялгыз «*әлиф*», «*ба*», «*та*», «*ра*», «*дал*», «*нун*» дию исемләренә сөйләмәк илә иктифа (канәгатыләнү) итмәмели. Мотлак һәр хәрефнең садасын, саутен, мәхрәжән бәян итмәли. Боның өчен ысулымызга һәм «саутия» диенләмешдер. Хәреф-һәжаның саутләрен белмеш мөбтәди фи әльхаль һәр нә күрсә, укуя белер, колагы һәр нә ишәдсә яза белер.

Хәрефләрнең мәхрәжләрене белмәк

Садасы беленмәк лязим килгән хәрефкә сәкен куелыб, үгенә хәмзә, ягъни хәрәкәле әлиф китәрәб тәлләфыз итдекдә сүз фәнагый йирдә бетер исә, мәхрәж ул йирдер. Мәсәлән, «*ба*» хәрефенең мәхрәжәне белмәк өчен, бу кеби (*аб*) дию сөкүт итдекдән соңра хәмзәне ташлар ... «*б*»ның садасы сәкен илә хәфиф ... арасында калыр. Бу кеби: *ат – аш – ад – ар – ах – ак – ас* вә гайре хәрефләрнең мәхрәжләре вә садаләре булыныр.

Хәреф һәжәдән – *әлиф – йа – һә – уау* хәрефләре озын садалидер, бакый калган хәрефләр кыска тавышлыдыр. Мөгаллим әфәнде һәрбер гүстәрдегә хәрефнең тавышын мөбтәдигә белдермәлидер.

Бер мөбтәдигә *әлиф – ба – ра* (ا ب ر) хәрефләренең ялгыз исемләрен белдерәб (ر ا ب), ягъни *бар* (ر ب ا) кәлимәсә гүстәрелер исә укуямаз, чөнки *ба – әлиф – ра* дию укыр, *бар* дию укуямаз. Әмма мәзкүр хәрефләрнең тавышларыны, садаләрене белмәс улса, һәман тавышлары буенча (*бар*) дию укып кичер.

Төрки әлифбаны тәшкил идән утыз дүрт хәреф улыб, бонларның егерме сигезе хәреф гарәби, дүрте хәреф фарсы вә

икесе хәреф төркидер. Бонларда ике кяфдер (ك) ки. Бере *гайн* (غ) укылыр. Мәсәлән: *игенә* – *һәгибә* кәлимәләрендә улдыгы кеби. Дигәре *нун* (ن) кеби укылыр: *аңа* – *соңра* кәлимәләрендә улдыгы кеби. Ошбу кяфләр «Хужаи сыйбиян»да әмсал илә тәгъриф вә тәгъйин иделмешдер. Дикъкаты бирелсен.

Хәреф фарсидан әлифбаи төркигә алынмыш дүрт хәреф бонлардыр: پ چ ژ ك (ك исраф). Мәсәлән: *пар* – *чар* – *чәһәршәнбе* – *сар* – *сандар* – *кил* кәлимәләрендә улдыгы кеби.

Хәреф һәжаи исламияның һәрбере бер-ике төрле шәкелдә килер: сүз башында, сүз уртасында вә сүз ахырында вә кәнди башында булындыкта шәкеле бераз тәбдил улыр.

Мәсәлән:

« ب » бу шәкелдә улса, ялгыз ب ;

« ب » бу шәкелдә улса, баш ب ;

« ب » бу шәкелдә улса, урта ب ;

« ب » бу шәкелдә улса, ахыр ب .

«Хужаи сыйбиян»да һәр дәрәсдә гүстәрелдеге кеби, мөбтәдиләргә һәр хәрефнең ничә төрле шәкелдә язылдыгыны белдермәк лязимдер.

Хәреф һәжадан و ژ ز ر ذ ا хәрефләре ялгыз башдан дигәр хәрефкә тоташыр, азагындан тоташмас, боңа күрә икешәр шәкелдә улырлар: و ژ ز ر ذ ا кеби. Бонларга «хәреф мөнфәсыйлә» диерләр. Әмма калган егерме жиде хәреф ике тарафтан дәхи тоташып, дүртәр шәкелгә керерләр. Бонларга дәхи «хәреф мөттәсилә» диерләр.

«Хужаи сыйбиян»дан яки язар-бозарга бур илә язып, шәкердләргә хәрефнең тәбдил шәкел итдегене гүстәрмәлидер.

Мәсәлән, бу юлда:

Ялгыз хәреф: ب ت ج د ر ل م вә гайре.

Баш хәреф: ب ت ج د ر ل م вә гайреләре.

Урта хәреф: ب ت ج د ر ل م вә гайре.

Ахыр хәреф: ب ت ج د ر ل م вә гайреләре.

Сәзир жөмлә хәрефләренең бойлә төрле шәкелгә кердекләрене һәр дәрәсдә «Хужаи сыйбиян» сурәтенчә гүстәрәб укутмалыдыр.

Нокталы хәрефләргә «хәреф мөгжәмә « вә ноктасыз хәрефләргә «хәреф мөһмәлә» диенләмешдер. Ноктасы өстендә улган

хәрәфләргә «хәрәф фәүкани» вә ноктасы ашагыда улганларга «хәрәф тәхтани» диенләмешдер.

«Әлифба»ны хисса-хисса тәхсил итмәк, төрек вә татар әүләденә ибтида ана телендә уку вә язу гүстөрмәк гарәби вә фарсыдан чук асан вә жиңел килер. Ана телендә укып яздыкдан сонра истир фарсы, истир гарәби башлансын, бик ул кадәр авыр килмәз.

«Хужаи сыйбиян»да тәртиб иделмеш дәресләр илә мөбтәди бер айда ана телендә укып язуны тәхсил идәр, бәгъдә кыйраәт гарәбигә башлар вә зәхмәтсез укып китәр.

Кәнде лисанында ... хасыйль итмәздән мөкаддәм татар вә төрек әүләденә гарәби гыйбарәләре чыгармак бик куч килер. Әмма бер микъдар төркичә, ягъни татарча укудыкдан сонра каләм шәриф укумак да чук зәхмәт күрмәс. Ошбу хәл тәҗрибәләр илә мөсбәт улдыгындан дәнә тәфсилле сөйләмәгә хәҗәт юкдыр.

Идарәи мәктәб ысулы

Бер мөгаллим яки жәмәгать мәктәбне монтазам бер сурәткә куймак өчен иң ибтида ике маддәгә дикъкатъ бирелмәли: бере мәктәбханә сабыян утырачак вә укып язачак кеби бер бинада улмалы, эче айдин вә сижак, махсус утыргычлары булынмалы, язу гүстөрмәк вә язу яздырмак өчен каршы диварда «язар-бозар» тактасы булынмалыдыр ки, кара буяулы бу тактаның өстенә бур, ягъни тебезир илә язып бозарлар. Икенче: әгәр мәктәбнең кяфи мәдар вақыфы юк исә, мөгаллим әфәндегә рәхәт мәгаш тәгъйин итмәлидер.

Әксәреге ысул мәктәбләрдә мөгаллим әфәндегә айда шәкерд башына бер рубль һәдия иделер. Егерме биш-утыз шәкерд жәмгъ улындыкда егерме биш-утыз рубль идәргә бәлки житәр, бондан дәнә аз улурса, мөгаллим рәхәт уламаз.

Диерләр ки: дәрәс өчен акча алмак жаиз дәгелдер. Бу кагыйдә вардыр, әмма жиренә күрә. Мәсәлән, мәгашны вақыфдан, хәзаин дәүләтдән яки бәйтелмалдан кабул идкән мөгаллим шәкердләрдән өжрәт алмас.

Бинай галәйһи мәктәбне тәгъмир вә мөгаллимнең идарәсен тәэмин итдекдән сонра эшкә башламлыдыр.

Әксәр хәлдә иске ысул мәктәбләрен жәдид ысулга куймак лязим улыр. Боның чарасын күстәрәлим:

Яхшы Коръән укуян вә язу башлаян шәкердләрне бер сыйныф итмәли. Бонлар беренче сыйныф улырлар. Фараз идәлем ун кеше.

Бонлардан ... уланлары вә «Һәфтияк» укуянлары бер сыйныф идеб, икенче сыйныф тәртиб итмәли, бонлары да ун кеше фараз идәлем.

«Әлифба» укуянлары вә жәдид ысулга вирелмеш мөбтәдиләрне кушыб, өченче сыйныф итмәли, бонлары да ун кеше фараз идәлем.

Бонларның жөмләсенә, ягъни өч сыйныфка «Хужаи сыйбиян»дан башлатыб, укытыб яздырмалы. Беренче вә икенче сыйныф шәкердләрене бер-ике һәфтәдә «Хужаи сыйбиян»ны икмаль идеб, кыйраәт гарәбигә килерләр, вә дәһә мөкәммәл «Каләм шәриф» укымага башларлар.

Өченче сыйныф вә мөбтәдиләр «Хужаи сыйбиян»ны акрын вә аһәстә укыб килерләр югарыда күстердегемез ысул илә.

«Хужаи сыйбиян» бетердекләре илә сыйныфларның һәр кайсы «Кәлям шәриф» кыйраәтенә вә каләм илә мәшкә, хисаб, гыйльме хәл вә сарыф төрки дәрәсләрен башлар.

Әгәр мәктәбдә өске шәкерд булынмаеб, дәрәсләр мөбтәдиләрдән башланачак исә, ибтида бер сыйныф ачылыб югарыда күстерелдеги кеби алты ай дәрәс вирелер. Бәгъдә янә мөбтәдиләр кабул иделер, мәктәб ике сыйныфлы улыр, алты ай соңра тәкра мөбтәди алыныб, өченче сыйныф тәртиб улыныр. Икенче сәнәдә, дүртенче кабул итүдә дүрт сыйныф тәртиб иделер вә дүртенче сыйныф мәктәбне икмаль идеб чыгар. Бойләчә дәвер вә дәвам иделер.

Мәктәбдә мөбтәдиләр һеп беренче сыйныфда улырлар. Икенче сыйныф бонлардан биек уланлардыр, өченче сыйныф дәһә биекләрдер вә дүртенче сыйныф иң биек дәрәсдә улыб, мәктәбдән чыгачак шәкердләрдән гыйбарәтдер.

Мөбтәди сыйныфдан магадасына берәр сыйныф башы шәкерд тәгъйин улыныб, мөгаллим әфәндегә могавәнәт идерләр.

Һәр алты айда жиңелчә имтихан идеб, шәкердләрне сыйныфдан сыйныфка чыгармалыдыр. Белмәгән шәкерд янә ашагы сыйныфда калыр. Сәнәдә бер мәсәлән яз башында вә я саир вакытта гомуми имтихан идеб, жөмлә сыйныфларның дәрәжә тәхсилене мәйданга куймалыдыр.

Имтихан шәкердләренә һәвәсләндерер вә мөгаллимнең карарын белдерер.

Язу язмак ысулы

Шәкерд яки бер сыйныф мәбтәди ا ب ت хәрефләрен күреб белдеге илә һәмән әленә куршун каләм виреб, кягадкә яки таш каләм илә язар-бозарга мәзкүр хәрефләренә яздырмалы. Язу гүзәл булмасын, ялгыз танылачак дәрәжәдә язып, нокталарыны тәмам куйса, житәр, чөнки гүзәл язу вә мәшкь соңра күстөреләчәкдер. «Хужаи сыйбиян» әлифбасы ахырына варынчага кадәр каләм илә язу яздырмак кирәк дәгелдер.

Шәкердләр бер-ике дәрәс укуыб яздыкдан соңра янә куршун каләм яки таш каләм (карандаш яки грифель) илә әзбәр, ягъни хифыздан язу язмага башласалар кирәк. Әзбәр язу димәк, хажә агыздан ачык тәләффыз (сүзне әйтү) идеб, мәсәлән, *баиш – яиш – каиш – адаиш – шад – саз – без – кап – калтак* кеби вә дәһә гайре кәлимәләренә сөйләр. Шәкердләр тыңлаеб, үзләре белдекләре кеби, фикер идеб язарлар. Ибтидаи хәлдә әлифбадан укудыклары сүзләре әзбәр яздырылыр исә дәһә сөһүләтле улыр.

«Әлифба»ның уника дәрәсе укуылыб язылдыкдан соңра бер-ике сәтырлык гыйбарәләр сөйләнәб әзбәр яздырылыр. Төрки әлифба икмаль улындыкдан соңра биш-ун сәтырлык маддәләр әзбәр яздырылыр.

Әзбәр язылмыш дәрәснә мөгаллим багыб, бер шәкерднәң ялгышын дигәр шәкерддән сөаль идәр. Бу да белмәс исә, өченче бер шәкерддән сөаль идәр. Жөмлә сыйныф колак виреб торыр. Нич кемсәнә белмәс исә, үзе сөйләр.

Сыйныфдан шәкерднәң беренә биек язар-бозарга чыгарыр. Я агыздан сөйләеп, я китабдан укуыб әзбәр язу яздырыр, сыйныфдашлары багыб торырлар. Ялгышы улурса, сыйныф шәкердләрендән сөаль улыныр, ничбере белмәс исә, мөгаллим үзе языб күстөрер.

Әзбәр язу мәләкә кәсби итдермәк вә уку забыт итмәк өчен иң биек мәдардыр, бер бит әзбәр язу язмак китабдан ун бит яздырмакдан хәерле вә файдалыдыр.

Кыйраәте төрки ысулы

Шәкерд һәр нә укыса, укудыкны аңламалы вә укудыгы маддәнә нәкыль идә белмәлидер. Укудыгы маддәләре намаз дога-

лары кеби хифызга алмак лязим дәгелдер, анчак укудыгы нидер фәһем итмәлидер. Боның өчен мөгаллим әфәнде шәкердкә сәальләр әйдеб, маддәне тәфәһһем итмәли вә бәгъдә китабны яптырыб нәкыл итдермәли. Мәсәлән: «Әлифба»да «безнең мәктәб» атлы бер маддә вардыр. Боны укыган шәкердкә «Мәктәптә ничә хажә бармыш? Ничә шәкерд бармыш? Бонлар кач сыйныфдыр? Язуны нә илә язалырмыш? Мәктәбдә балалар ни эшлиләр?» юлында сәальләр идәр. Саир маддәләр укылдыкда янә мөнәсиб сәальләр илә тәфәһһем иделер.

Сыйныфдан бере маддәне укыб, сабакдашлары китабның шул маддәсен ачыб көтеб, гайни жөмләләр укырлар. Бере өч-биш сәтыр укыдыкдан соңра, мөгаллим дигәренә әмер идәр. Беренче шәкерд туктадыгы жирдән икенче шәкерд укыр, бәгъдә өченче вә дүрденче, вә саирлары укырлар.

Ялгыш укылдыкда мөгаллим беренә ялгышын дигерендән сәаль идәр. Сыйныфдан билән чыкмас исә, үзе сөйләр. Бу ысул илә беренә укыдыгы сәтырлардан жөмлә сыйныфка файда улыр, чөнки жөмләсе бер адәм кеби бер сабакдан укырлар.

Кыйраәте гарәби ысулы

«Хужаи сыйбиян» әлифбасы икмәль иделдеге илә һәмән «Кәлям шәриф» кыйраәтенә башланыр. Кыйраәт гарәбидә дәхи югарыда гүстәрелгән ысул кулланмалы. Сыйныфдан бере кычкырыб укыр, калган сабакдашлары бакыб көтәрләр, өч-биш сәтыр укыб ялгышлары гүстәрелдекдән соңра, элгәреге өч-биш сәтырны икенче шәкерд укыр. Бойләчә һәрбер шәкерд өч-биш сәтыр укымыш улыр вә ялгышлары жөмлә сыйныф күрмеш вә аңламыш улыр.

Ибтидаи хәлдә көн дә сыйныф илә ярым бит вә бәгъдә бер бит кыйраәт укылырса, кяфидер. Анчак кыйраәт вакыты сыйныфның жөмлә шәкердләре укыган мәхәлне жуймаеб, мөгаллимнең сүзләренә дикъкат итмәли.

Хәрәкәләрдә күз алыштырыб, хәйли жиңел кыйраәт улына башладыкдан соңра, шәкердләргә «Тәжвид» гүстәрмәледер.

Әзбәр язуда кыйраәт төрки вә гарәбидә һеп бөтен сыйныф илә язмалы вә бөтен сыйныф илә укымалы. Ялгыш күрелдекдә сыйныфның жөмләсенә сәаль иделмәли, беренә белмәдегенә дигәре белер. Бу ысул сәясендә жөмлә шәкердләр даим дикъкаткә мәжбүр улыр. Сыйныф белмәгән шәйләрне мөгаллим үзе бәян вә тәфәһһем идәр.

«Гыйльме хәл» дәресләре

Сыйныф шәкердләре «Кәлям шәрифне» чыгарга башладыгы илә «Гыйльме хәл» дәресләре кушылып. «Гыйльме хәл»дән һәр бәхәсне мөгаллим укып, кирәк жирләрне агыздан тәфәһһем идәр. Шәкердләр китабларына багып, хажә илә укырлар вә сөйлә-декләрене ишедерләр.

Бәгъдә дәреснең ахырында дәрж иделмеш сөальләрне әйдеб укылмыш бәхәсне тәкрат бәян вә тәфәһһем идәр. Бүген бойләчә укылмыш маддәне иртәсе көн шәкерддән сөаль идәр. Сыйныф-ның һәрбер шәкерде гыйльме хәлдән укылмыш бәхәсне нәкыль итмәлидер, әзбәрләмәк, хифызга алмак лязем дәгелдер, анчак фәһем итмәлидер вә теле илә нәкыль идеб сөйләмәлидер.

Догалардан вә бәгъзе саир хифыз ителмәсе лязим шәйләрдән магадасы хифыз идәлмәз, тәфәһһем иделер.

Хикәя улсын, гыйльме хәл маддәсе улсын, шәкерд укыдык-ны аңлаеп хикәя вә нәкыль итмәгә улмалыдыр, вә никадәр үз теле илә нәкыль идерсә, шул кадәр мәкбүлдер, чөнки дога укыр кеби китапта язылган гыйбарәләр илә сөйләсә, аңламаеп әзбәрледегенә вә үз теле илә нәкыль идерсә, фәһем итдегенә дәләләт идәр. «Шәрәәтел-исламда» сәгый вә гамәл, тәвәккел вә тижарәт хосу-сында бәхәсләрне мисаллар илә тәфәһһем итмәлидер.

Хисаб дәресләре

«Гыйльме хәл»нең бер сөлес микъдары укылдыктан соңра, «рәкым» яздырмак вә хисаб гүстәрелер. Бу вакытка кадәр һеп әзбәр, ягъни зийһән хисаб иделер. Зийһән хисаб та «Әлифба»дан башланып, уку вә язу дәресләре истирахәт мәкамендә шәкерд-ләргә сөаль-жавап илә дәрес иделер. Сабыян зийһене хисаб дәресләренә бик һәвәсдер һәм зиядә мөстәфид улыр.

Рәкым вә әгъмәле әрбәга вә бәгъзе мәсаил хисабия рисалә-сендән гүстәрелер. Бу фәндә дәхи мөгаллим әфәнде сөаль жавап илә бөтен сыйныфка дәрес тәфәһһем идәр, бер маддә белендекдән соңра, икенче маддәне гүстәрер.

Сарыф төрки дәресе

Хисаб илә бәрабәр бөтен сыйныф сарыф төрки вә тәгълим башлар. Сарыф төрки рисаләсендә улдыгы кеби маддә, маддә бәян вә тәфәһһем иделер.

Сарыф төрки укыган шәкерд бәгъдә сарыф гарәби яки сарыф руси вә кавагыйд фарси кердекдә бик тиз фәһем идәр. Ана телендә сарыф күрмәгән шәкерд өчен гайре бер телнең кавагыйд сарыфын аңламак бик агыр улачагы табигыйдыр. Сарыф төрки укымакда бик чук файдалар вардыр.

Мәшкь ысулы

Мәшкь, ягъни хәсән хат тәгълиме язылмыш мәшкьгә вә нәмунәгә багыб, каләм илә язмакдан вә ошатмакдан гыйбарәттер. Иске ысулда мөгаллим мәшкь языб вирер иде, шәкерд боңа багып кагыйдә язар иде. Боңа каралама диерләр.

Шәмди мәшкь вә хәсән хат тәгълимендә биек сөһүләт ижад иделмеш мәшкъләр басмадыр. Кара буяу илә басылмышдыр. Шәкерднең язачагы кагыйдә ачык вә хәфиф буяу илә янә шул мәшкь басылмышдыр. Шәкерд кара мәшкьенә багыб маи буяулы сәтырлар язар, кулы вә күзе бик тиз алышыр, тиз вакытта гүзәл хат пәйда идәр вә зәхмәт чикмәс.

Ибтида сөлес, ягъни биек язулары яздырмалы. Бонлары гүзәл яздыкдан соңра, тәмиз, бейаз, ак кягадкә дәхи яздырыб бакмалы. Әгәр шәкерднең кулы алышмыш исә, дәгер язуларга башлатмалы.

Һәр дәрәс ярым сәгатьдән бер сәгатькә кадәр бакмалы, зиядәсе сабыяга агыр килер. Бер сәгать язу, бәгъдә бер чар якъ зийһи хисаб, бәгъдә бер сәгать уку гүстәрмәли. Бондан соң шәкердләргә берәз рәхәтлек вә тәнәфес вирмәли. Бәгъдә бер сәгать кадәр гыйльме хәл вә бер сәгать кадәр я хисаб язмак, яки сарыф төрки илә мәшгуль итмәли. Аздан сәгатьдә бер дәрәс тәбдил идеб, мөгаллим әфәнде беренче сыйныфка язу дәрәсе сипариш идәр, икенче сыйныфка рәкым язмак сипариш идәр, өченче сыйныф илә я гарәби, я төрки укыр. Бойләчә дәрәсләре дегишдереб, кяһ бер сыйныф, кяһ дигәр сыйныф илә мәшгуль улыр.

Дәрәс жәдвәле

... Мөгаллим әфәнде мәктәбнең сыйныфларына күрә вә шәкердләрнең хәленә муафикъ һәфтәлек дәрәс жәдвәле тәртиб идеб, кайсы көндә, кайсы сәгатьдә, кайсы фәндән үзе дәрәс вирәчәгене вә кайсы дәрәсләре сыйныфның башы улан шәкердкә вирдерәчәгене вә кайсы сыйныф кайсы сәгатьдә мәшкьдан яки

китабдан бакыб чалышачагыны тәгъйин вә бәян итмәлидер вә аңа күрә эш күрмәлидер.

Сыйныф башы улан шәкердкә нә эшләячегене тәгъриф идеб мөгаллим әфәнде боңа күз-колак улмалыдыр вә лязим шәйләрне күстөрмәлидер.

Һәр дәрәсдән сонра тәгълим һәм истирахәт мәкамендә бөтен мәктәб илә биш-ун дәкыйка зиһнән хисаб итмәлидер, зиһни хисаб мәсьәләләрен хәл итмәлидер. Шәкердләргә бик хуш килер: һәвәслек вә рәхәтлек бирер.

Дәрәс жәдвәле тәртиб итмәк өчен вакытны фәнләр илә сыйныфларга тәкъсим итмәлидер.

Көн дә мәктәбдә дүрт сәгать дәрәс биреләчәк исә, һәфтәнең алты көнендә егерме дүрт сәгать идәр. Ошбу егерме дүрт сәгать кыйраәт гарәби, кыйраәт төрки, әзбәр язү, хәсән хат, гыйльме халь, сарыф төрки вә гыйльме хисаб фәнләренә тәкъсим иделмәйдер, әмма фәнләрнең бәгъзе агыр вә бәгъзе ул кадәр агыр улмадыгын-дан, агырларына зиядә сәгать тәкъсим итмәлидер. Боңа күрә һәфтәнең егерме дүрт сәгатен бойләчә тәкъсим итмәк лязем килер:

кыйраәте гарәби дәрәсенә – һәфтәдә 6 сәгать;

кыйраәте төрки дәрәсенә – һәфтәдә 4 сәгать;

гыйльме халж дәрәсенә – һәфтәдә 4 сәгать;

гыйльме хисаб дәрәсенә – һәфтәдә 3 сәгать;

әзбәр язү дәрәсенә – һәфтәдә 3 сәгать;

сарыф төрки дәрәсенә – һәфтәдә 2 сәгать;

хәсән хат дәрәсенә – һәфтәдә 2 сәгать.

Жәмгы 24 сәгать идәр.

Һәр көн һәр сыйныф берәр сәгать микъдары дүрт төрле дәрәс вә сабак бакмалыдыр.

Көн дә дүрт сәгать уку аз улмазмы? Хәер (юк). Чөнки ошбу ысул илә дүрт сәгать укуб язмак иске ысул мәктәбдә ун сәгать утырмакдан әфзальдер (артыграктыр).

Зиһни хисаб

Һәр көн бер микъдар укудыкдан соң йә яздыкдан соң балага рәхәтлек өчен бер хәйли (байтак) зиһнән хисаб итдөрмәлидер. Бер сәгать дикъкат илә укыган вә язган шәкердкә бер чар якъ сәгать хисабдан тәгълим һәм рәхәтлек һәм аеруча бер файдадыр, һәм илериде (киләчәктә) дәрәс улачак гыйльме хисабка мәдар улыр. Рәкым яздырмадан ул төрле хисаблары һеп зиһнә итмәли.

Шәкерд бер дәгел исә, бере белмәдекне икенчесендән соаль итмәли вә һич кемсә белмәс исә, бәгъдә хажә үзе бәян итмәли.

... Шәкерд яки шәкердләрнең чагы вә яшьләренә күрә, бердән йөзгә кадәр һәр төрле зийһи хисаб итмәгә алышдырмалы зийһән жәмгъ, ихраж, зарб вә тәкъсим итдермәк биек файдалары мужәб улыр. Әмма шәкерд бик яшь исә, ун вә егермедән зиядә рәкым илә гамәлият итмәмлидер.

Тәкрат язу вә уку арасы бер чар якъ, я ярым сәгать зийһи хисаб илә тәгълим итмәк бик файдалыдыр.

Укудан вә язудан булдырмыш баланың зийһене рәхәтләнер һәм хисаб илә фәһеме ачылыр.

Соң.

*Текстны әзерләүчеләр:
филология фәннәре кандидатлары
Р.Р. Абызова, А.М. Сафина
(ТР ФАнең III.Мәрҗәни исемеңдәге Тарих институты)*

Ruhbar Muallimin yaki Muallimlere Yuldash (Teacher's Guide)

Ismail Gasprinsky

Abstract: The readers are invited to get familiar with the transliteration of the book of Ismail Gasprinsky *Ruhbar Muallimin yaki Muallimlere Yuldash (Teacher's Guide)*. It is the first methodological guide for teachers in the history on the basis of the new method, where I. Gasprinsky's views are systematized. These views refer to the development of the system of education and the foundations of the new pronunciation method of language teaching.

Keywords: Ismail Gasprinsky, the new method, the pronunciation method of teaching, methodological guide.

Хафуз Осман Мурасов (1882–1926)

ве аилеси

Исмаил Асаногълу Керим

(Крымский инженерно-педагогический университет)

Аннотация: В статье на основе архивных источников, воспоминаний близких родственников, а также информации, почерпнутых из периодических изданий и книг начала XX века, впервые делается попытка разработки научной биографии известного крымскотатарского публициста и общественного деятеля Османа Мурасова.

Ключевые слова. Газета «Миллет» (1917–1920), Осман Мурасов, крымскотатарский фольклор, история крымскотатарской литературы.

Мурасовлар аилеси иле танышмакъ ве манъа меракълы олгъан кечмишимизниъ базы левхаларыны айдынлатмакъ ниетинен Осман Мурасовныъ къызы Леман ханымгъа биринджи мектюбимни 1991 сенеси майыс 19-да ёллагъан эдим. Сонъра 1999 сенеси майыс 17-де айрыджа оларакъ Осман Мурасовныъ огълу Чингиз бейге мектюп язгъан эдим. Адам энди аятта олмагъаныны бильмедим. Ама бу мектюплерниъ нетиджесинде шу вакъытлары, даа догърусы 2000 сенеси, Краснодардаки эски къоншулары Диляра Ибрагимова Чингиз агъанынъ топлагъан аиле архивини манъа такъдим этти.

Осман Мурасов халкъымызныъ белли зиялысы, джемаатчысы, оджа, фольклорджы ве мухаррири эди. 1926 сенесининъ бааринде вефатындан сонъ, къадыны дёрт баланы бакъмакъ ичюн девлеттен маддий ярдым алмагъа арекет эткенде, къоджасынынъ 23-йыллыкъ оджалыкъ стажы белли ола. Яни Осман Мурасов 1903 сенесинден Къырымда оджалыкъ япып кельгендир. Эм де муаллимлиги заманында, 1918 сенеси Кезлеведе оджаларнынъ курсларында дерс бериркен, шу курсларда окъугъан Ава Шерфе

Аппазова иле танышып 1920 сенеси эвлене. Бу онынъ экинджи эвилиги эди. Биринджи дефа 1910-нджы сенелери Кефе шеэринден бир кыызгъа эвилигинден 1912 сенеси Ягъя огълу догъгъан эди. Сонъундан, 1921 сенесинден башлап (Ава Шерфе кендисининъ Леман кызыны догъгъан сонъ), Ягъяны да озъ аилесине алгъандырлар. Аслында, къайд эткенимиз киби, Осман Мурасовнынъ дёрт эвляды олгъандыр: 1. Ягъя (1912 сенеси догъумлы), Леман (1921 с.д.), Эскендер (1924 с.д.) ве Чингиз (1926 с.д.).

Осман Мурасовнынъ къартдедеси (бабасынынъ къартбабасы) польша татарларындан олып, сойады «Мирасович» эди. Сонъра сыра буларакъ Кырымгъа, Кефеге, коче ве вакътынен фамилиясы руслаштырылып «Мурасов» шеклини ала. Кырымдан Польшагъа тюшкенлери хусусында къартбабалары бойле хатырлар экен. Кырым ханы ве Украина гетманы бераберликте аскер чыкъарып Польшагъа къаршы арбий сеферде булунгъанда, аскерлер сюрюсининъ аркъа кысымларында эснаф такъымы бар эди. Яни о заманда саваш эснасында гъает керек олгъан къайышчылар, налбандлар, араба ве сила тамирджилери ве дигерлери. Лех аскерлери тамам шу такъымгъа уджюм этип, оларны эсирге алгъанлар. Осман Мурасовнынъ эски сойларындан кимселер де шу эснаф такъымында экенлер. Айткъанларына коре, Польшанынъ бир шеэрчигинде шимди де о эснафларнынъ сойлары яшамакъталар.

Чингиз агъа бабасынынъ догъгъан йылыны къарарнен белгилеген эди. Бабасы анасындан къарарнен 13 яшына буюк экен. Анасы Ава Шерфе Аппазова 1895 сенеси Акъмесджитте догъгъаны белли. Демек 1895-тен 13-ни чыкъарсакъ, 1882 ола. Яни Осман Мурасов тахминен 1882 сенеси догъгъандыр. Эм бу тарихче-ни Чингиз агъа сонъундан бастыргъан озюнинъ бир макъалесинде де эсас оларакъ къуллаана [7]. Анълагъанымызгъа коре, Осман Мурасов Кефедде догъып мектеп чагъыны да Кефедде кечире. Сонъра Москвада окъуй. Археология экспедициялары такъымынен Мысыр ве Орта Асияда (Самаркандда) булуна, арапчаны огрене, Къуран-и Керимдеки сурелернинъ мундериджесини сербест терджиме эте, ве Къуранны 7 яшыннан эзберден бильгени ичюн «Хафуз» намыны ташый. Бу ал, яни динге меракъ ве бу ёлда илерилеме, сонъундан оны «Кырым мусульманлары» адлы кунъде-

лик газетасынынъ (1919–1920) баш мухаррири олмасына кетире [2, с. 13; 3, с. 29–30; 5].

Москвада окъугъан вакъытта, студентлернинъ демонстрацияларында иштирак эте. Ве атта бир дефасында жандармалар тарафындан яралана. Къырымгъа къайткъан сонъ, чешит мектеп-лерде рус тилинден дерс бере.

1914 сенеси С.-Петербург университети шаркъ тиллери факультетининъ яш алими ве оджасы Павел Александрович Фалев Къырымда ильмий командировкада булуна [7, с. 234]. О, А.Н. Самойловичнинъ вастасынен эльде эткен къырымтатар аталар сёз-лери топлангъан учъ эльязманы бир китап шеклинде неширге азырлай. Эльязмаларнынъ бириси, А.А. Боданинскийнинъ то-плагъан 521 аталар сёзлери джыйынтыгъы. Экинджиси, Осман Мурасовнынъ топлагъан 305 аталар сёзлери ве Э.Л. Мартино-нынъ 54 аталар сёзлеринден ибарет джыйынтыкълары эдилер. О вакъытлары Осман Мурасов рус окъуйыджыларыны козь огюне аларакъ, топлагъан аталар сёзлерининъ ярысыны кирил харфле-рине транслитерациясыны япмагъа етиштирген. П.А. Фалевнинъ хаберине коре, эльде эткен учъ эльязманынъ кирилджеге энъ ях-шы транскрипциясыны Осман Мурасов япкъан. «Онынъ (Мурасовнынъ) транскрипциясы гъает акъылане ве мантыкъкъа уйгъун оларакъ япылгъандыр» – дей П.А. Фалев [9, с. 1]. Осман Мурасов кенди эльязма джыйынтыгъынынъ кириш сёзюнде топлагъан аталар сёзлерининъ Кефе, Ор-Къапы ве Кезлеве уездлерине аит олгъаныны къайд эте [9, с. 2].

Вакъты олмагъаны себебинден, О. Мурасов топлагъан ата-лар сёзлерини рус тилине чевирмеген [9, с. 7]. Кене де кириш сё-зюнде авам халкънынъ агъзында надир (сийрек) сёзлер расткель-генини анълата. Меселя: «чалмап=чайнаярак» (жевать), «кын-даг=чоджугу саран без» (пеленки), «джорме» (чабла туттургъан учкъурлар – *И.К.*)¹, «кымырска=чекирге» (саранча, сверчок, куз-нечик)², «мефа=вефа» (верность). Къырымда аталар сёзлерининъ кениш бир медений мейдан алгъаныны ве буюк эмиетини анъла-

¹ Бу сёзнинъ манасыны П.А. Фалев Петербургда яшагъан къырымлы Менсеит Джемилевден сорап бильген.

² П.А. Фалевнинъ хаберине коре, башкъа къырымлыларнынъ анълаткъанлары киби, «кымырска» – «муравей» демектир.

таракъ, Осман Мурасов балалыкъ ве генчлик чагъында, 1890–1900 сенелери, корьгенлерини тариф эткенде, Кефе ве Ор-Къапы уездлеринде аталар сёзлери айтышмаларынынъ саатлердже ярышмалары биле олып кечкенлерини анъа³. Къырымтатар аталар сёзлерини тюркче аталар сёзлеринен къыяс эте ве буларнынъ китаплар, улемалар ве къонушмалар вастасынен тюркий халкълар арасында юрютитьгенлерини анълата.

Корьгенимиз киби, О. Мурасов рус тилинден оджалыгъынен берабер къырымтатарджанен де айрыджа мукеммель огърашып, махсус аталар сёзлери джыйынтыгъыны да азырлап А.Н. Самойлович ве П.А. Фалевге нешир ичюн такъдим эткендир.

Окъувгъа ве бильгиге буюк истеги олгъаныны кендисининъ турмушы иле багълы бойле бир эпизодда да коремиз. Биринджи эвлилигинде озъ кефели ханымыны окъутмакъ ичюн алып кетеджек олып огърашты. (Къырымнынъ башкъа шеэринемиз, Европакъа, Русиегеми, белли дегиль). Лякин яш къадынынынъ эбевейнлери, яни ана-бабасы бунъа шиддетли суретте къаршылыкъ косьтерип, атта огълу Ягъяны бир яшында экен, онъа ташлап, къызыны айыргъанлар. Юкъарыда къайд эткенимиз киби, Ягъя 1921 сенесине къадар О. Мурасовнынъ ана-бабасы янында олып, 1921 сенеси экинджи къарысы Ава ханымнынъ истегинен аилеге алынган эди.

1917 сенеси Осман Мурасовны джемаат арасында урьмет ве итибар къазанып ичтимаий ишлерде огъ сафларда булунгъаныны коремиз. Биринджи Къурултайгъа намзетлер джедвели косьтерильгенде, Кезлеве уезди Къоджамбакъ волости мусульманлары тарафындан берильген джедвельде биринджи язылып кимлиги бойле косьтериле: 1. Осман Мурасов: Къарье-и Къаранайман, Кезлеве уезди земствосы азасы ве Къоджамбакъ волостной земский управасы реиси [6, с. 515]. Айны сенеси Къаранайман коюнде ноябрь 15-те ачылган Нумюне-и иптидаий мектебининъ мудири сыфатында тайин олуна [6, с. 519].

Осман Мурасовнынъ язы-сызы меселесинде энъ фааль деври 1919–1920 сенелерине раст кельмекте. Чюнки бу девирде о, кунь-

³ О. Мурасовнынъ анълаткъан аталар сёзлери ярышмалары акъкъында тарифи толу шекильде къырымтатарджа терджимеде энди басылган эди [4].

де чыккыан «Миллет» газетасынынъ баш мухаррирлигини ве куньделик «Къырым мусульманлары» газетасынынъ мухаррирлигини С.М. Меметов иле бераберликте япмакыта.

2012 сенеси ф.и.н. Таир Нуреддиногълу Кирым тарафындан нешир этильген «Миллет джеvhэрлери» топламында Осман Мурасовнынъ «Миллет» газетасында (1917–1920) басылгъан 18 язысы ер алмакыта. Шу ерде берильген библиографияда да айны газетте басылгъан 20 парчасы косьтерильмекте.

Буларнынъ арасында чешит эснаф тешкилятлары ве оларнынъ инкишаф ёллары аккындаки парча. Сонъра, айрыджа мектеп ве медреселер меселеси айдынлатылмакыта. Бу сонъкилери хусусында фикир юрютиркен, кесин шекильде бойле нетидже чыкыара: «Дюнъя узеринде яшаян бутюн миллетлерин, ве аельхусус биз – татарларын, энъ зияде ихтияджы олан бир шей вар исе, о да мектеп ве медреседир. Хэр шейден эввель мектеп, хэр иштен эввель медресе лязимдир. Мектеби, тахсили маарифети ве хиссият-ы миллиеси олмаян бир миллет, миллет сайылмаюп, аякълар алтында эзильмекте ве тапталмакытадыр. Корюп кечирдигимиз ве илериде текрар олмасы ихтималы ортадан котерильмеен Джихан мухаребеси мектепли иле мектепсиз миллетлерин фаркъларыны бизе пек гузель бильдирди» [6, с. 680–681].

Биринджи Джихан дженкининъ замандашы олгъан Осман Мурасов, кенди языларында Русие ве Русие ичерсинде Къырымнынъ дурумы иле багълы ичтимаий-сиясий анализлерни буюк усталыкъ ве мантыкъле кечирмекте. Рус ватандашлары дженки арасында большевиклер тарафындан къырым халкынынъ усьтюнден тынмай сыдырылгъан «контрибуция»лар, «безлар», гонъюлли ордулары тарафындан сыдырылгъан вергилер, булардан эввель чар акимиятининъ сыдыргъан «недоимка»ларыны ачыкылап келеджектеки фелякетлерни тахминлей.

«Къырымтатарларнынъ хиджретлери» серлевхалы буюкче бир язысындан корюнгени киби, Осман Мурасов Къырым архивлеринде булунгъан надир весикъаларны огренерек, ильмий инструментарий вастасынен Къырым Русие тарафындан запт этильген сонъ, насыл бир шекильде ерли халкытан бошатылгъаныны буюк фаджиясы ве аджыныгынен айдынлата.

Къырымда сиясий идаре меселелери мейдан алгъанда, Осман Мурасов «Къырымын энъ эхэмиетли ве энъ эксериятли ве

энь ишанчлы татар халкъынынъ мюмессиллерини (векиллерини – *И.К.*) унутмамалы, онлар тышта къалмамалары» ичюн къайгыра [6, с. 551–552]. Идаре сайлав системаларыны бутюн инджеликлеринен огренип, Къырымнынъ идаре сечимлеринде ерли халкънынъ хакъларыны талабыны ортагъа чыкъара [6, с. 553–554].

Сиясий меселелерни теренден огренген Осман Мурасов, бир девлет эрбабы дереджесине котерилип этрафындаки къанлы чарпышмаларны токътатмакъ ве къырым джемиетини келеджектеки буюк фаджиа ве фелякетлерден къуртармакъ меселесинде (къанун ишлееджек комиссиясынынъ векиллерине берильген «наказ»гъа къошулып) тюшонджелерини ве платформасыны бойле ифаде эте: «Къырым къытасынынъ дахилий (ич) мулъкий идареси демократик эсасы узерине мухтарий (автоном) бир тарзда идаре олунмасы... Къылынч, сюнгю диктатурасындан зияде хакимие ве идаре эхалининъ фикир ве арзулары узерине истинат олунмасы... Сиясий хаят эсасы узерине сиясийлер афв-ы умумийнинъ илян ве иджра олунмасы, къытанынъ дахилий ве мулъкий идарелери... къанунлар муджиби иджра олунмакъ шартыйле шехэр ве земство киби ерли идарелере аит олмасы... Къырым къытасынынъ икътисадий джихэттен теракъкъиси зираата багълы олдугъындан, чалышан койлюлере верильмек шартыйле топракъ меселесининъ халь олунмасы... Къырым къытасынынъ санат, харис (экинчилик – *И.К.*) ве тиджарет усулларынынъ махв олунмасына рагъмен, амеле (ишчи – *И.К.*) меселесининъ халь олунмасы» [6, с. 555].

1920 сенесининъ башында Осман Мурасов хурназлы интригагъа огърай. Сафдилъ бир мухаррир сыфатында ватандашлар савашы ичинде (1919, сентябрь) Къырымда рус «Осваг» агентствосы ачылдыгъында, онъа терджиман сыфатында иштирак этмек ичюн ариза язып кондере. Кендисининъ тюшонджесине коре, бу агентство Къырымдаки умуммиллетлернинъ теракъкъиятына хызмет этмек ичюн ачылгъан бир идаре олдугъындан, идаренинъ тешвикъат шубеси вастасыле кенди миллетининъ инкишафына чалышмакъ мумкюн оладжагъы ве бу агентство вастасыле рус газеталары иле берабер «Миллет» газетасынынъ да интишарына баягъы ярдымлар оладжагъына умют эте. Ве бу агентстводан хабар телеграммалары ве тыш девлетлерден кельген газеталарны алмакъ мумкюн оладжагъына инана. Ама бир къач афтадан сонъ,

бу агентствонинъ макъсады башкъа олгъаныны, яни джасуслыкъ вазифесинде булунгъаныны, анълагъан сонъ, 1919 сенеси октябрьнинъ 9-дан башлап алякъасыны кесе. Бу «алякъадан» хабер алгъан весвеседжи ве интригаджылар О. Мурасовгъа мезкюр агентствонинъ гуя баш терджиманы сыфатында Судакътан, Кефеден мектюплер язып «тиль ярдымы» истеп, «джан-гонъюльден» риджа этелер. Осман Мурасов бу хурназ мектюплерге къаршылыкъ оларакъ «Меджбурий бир джевап» серлевхасыле «Миллет» газетасынынъ вастасынен ресмий джевап берип интригаджыларнынъ ошек ёлларыны къапата [6, с. 548–549].

Осман Мурасовнынъ «Миллет» газетасында бастыргъан миллий-медений ве тарихий макъалелеринден бириси де XVIII а. экинджи ярысы ве XIX а. биринджи чейрегинде иджат эткен къырым шаири Исметийге багъышлангъандыр. Бу парчаны бир сыра гъает муим комментарийлер ве О. Мурасовнынъ биографиясына аит базы малюматлар иле къыйметли оджамыз Нариман Абдульваапов озъ вакътында «Гюнсель» журналында айдынлаткъан эди [1].

Бу парчада О. Мурасовнынъ хаберинден ибарет бир сатыр дикъкъатымызны зияде чекти. О. Мурасов Исет Эфенди (Исметий) акъкъында тариф этеркен, бойле дей: «Мерхумын кенди элийле язан бир къач китаплары, дефтерлери элимизде булундыгъындан...» [1, с. 11]. Бу сатыр бугунде бизим ичюн бир йип уджудыр. Нариман Абдульвааповнынъ мезкюр макъалеле берген хаберине коре, Исметийнинъ «Кефе дестаны» эсери биринджи дефа 1939 сенеси А. Гъазиев тарафындан Акъмесджитте «Эдебият ве культура» журналында басылгъандыр. Сонъра айны шу парча 1971 сенеси Ташкентте нешир этильген «Эдебият хрестоматиясы»на кирсетильди. А. Гъазиев бу материалны азырлагъанда, насыл менбаларнен файдалангъан экен – деген суаль догъа. Тамам бу ерде Осман Мурасовнынъ къадыны Ава Шерфе Аппазованынъ хатырлавы меселени айдынлата. Мегер, Ава Шерфе 1939 сенеси киеви (къыз къардашы Зейнеп Аппазованынъ къоджасы) Амит Ляtif-заде вастасынен⁴ къоджасындан, яни Осман

⁴ Амит Ляtif-заде (1899–1955). Абдулла Ляtif-заденинъ догъмуш къардышы. 1930-нджы сенелери Къырымда белли терджимеджи ве матбаа хадими олгъаныны айрыджа къайд этмели.

Мурасовдан, къалгъан материалларны пединститутнынъ завучы Усеин Гъазиевге ве А.С. Пушкин адына Къырымтатар тили, эдебияты ве тарихи ильмий араштырма институтына теслим эте. Осман Мурасовнынъ къырымтатарджа ве русча вариантларыны азырлагъан «Чорабатыр» дестанынынъ эльязмасы ичюн Ава Шерфеге Институт тарафындан 750 кумюш (рубле) бериле. Сонъундан Ильмий араштырма институтынынъ хадими А. Гъазиев шу материаллар узеринде чалышып Исметий акъкъында макъалени ве онынъ «Кефе дестаны»ны ишлеп «Эдебият ве культура» журналында нешир эте (1939, № 6).

Осман Мурасовнынъ вефатындан сонъ, хорантасы гъает мухтадж алда булуна. Огълу Чингизнинъ тарифине коре, 1926 сенесининъ апрель айында бабасынынъ вефатындан сонъ, аилесине мирас оларакъ шальварынынъ джебиндеки 7 капиги ве эвинде эки араба китаплары ве эльязмалары къалгъан эди. Къадыны Ава Шерфе къолунда 4 баласынен акъчасыз, малсыз-мульксюз къала. Балаларыны ач олюмден къуртармакъ ичюн экисини (Эскендер ве Чингизни) приюткъа, Ягъяны юнга сыфатында деньизджилер окъув журтуна, къызы Леманны кенди ана-бабасынынъ къолуна берип чалышмагъа башлай. Азбучукъ пара ве эшья топлагъан сонъ, 1930 сенеси балаларыны приюттан алмагъа имкъан була...

Эбет, бойле вазиятте булунгъан къадын, 1939 сенеси Ильмий араштырма институтынынъ теклифине разы олып, къоджасынынъ кутюпханесини пара мукъабиле теслим эткен эди.

Къыскъадан Осман Мурасовнынъ вефаты акъкъында. 1925 сенеси октябрь айында О. Мурасов Акъмесджиттен Акъяргъа кеткен тренге минген вакъытта, йыкылып къазалана, эли ве аягъы агъыр яралана. Акъяр хастаханесинде операциядан кече. Ама 7 ай девамындаки тедавийленмеси файда бермеден 1926 сенеси апрель айынынъ башында вефат эте...

Кенди башындан чокътан-чокъ агъырлыкълар ве мушкюлят кечирген Осман Мурасовнынъ аиле азаларынынъ такъдирлери чешит-чешитли олып кечкендир.

Осман Мурасовнынъ къадыны Ава Шерфе Аппазова къызлыгъында 1915 сенеси Акъмесджит джемиет хайриеси тарафындан ачылгъан къыз санайы мектебине оджалыкъкъа чагърыла. О мектепте 3 сене девамында эль ишлери ве кетен токъума дерсле-

рини кечире. Махсус аттестат алгъан сонъ, Кезлевеге чагърыла ве бу ерде 4 мектепте эль ишлери дерслерини бере. Кезлеведе чалышкъан мектеплери булардыр: 1. Рушдие мектеби, 2. Одун-Базары мектеби, 3. Къумлукъ мектеби ве 4. Къызлар мектеби.

1941 сенеси дженк башлангъан сонъ, Краснодар виляетине къардашы Ислям янына кете. Дженктен сонъ, 1960-нджы сенелерининъ ахрында, «Ленин байрагъы» редакциясынен мектюплешип оларгъа бир сыра фольклор материалларыны (шуларнынъ арасында «Байгъонджек йырлары»)нны) ёллай. Яни Ава Шерфе къоджасынынъ ишини девам этмеге арекет эткенини коремиз. 1976 сенеси 81 яшына келип Краснодар виляетинде вефат эте.

Осман Мурасовнынъ уйкен огълу Ягъя тиджарет флотунда чалышкъан вакъытта, сувукъланып хасталангъан сонъ, Ялта санаторийлеринден бирисине ишке авуша. 1940 сенеси къазагъа огърап, бир козюни гъайып эте. Бу себептен дженкке алынмаса да, сюргюннинъ биринджи йылларында, 1946 сенеси, 34 яшында экен Самарканд тарафларында вефат эте.

Экинджи огълу – Эскендер Акъмесджитнинъ 12-нджи мектебинде окъуды. Кучълю бир шахмат оюнджысы эди. Акъмесджит паркындаки шахмат ярышларында чокъ гъалебелер къазангъандыр. «Шахматы в СССР» журналынынъ 1939, 40, 41 сенелери чыкъкъан нухаларында Эскендер Мурасовнынъ шахмат композициялары басылды. Бойле материаллары «Къызыл Къырым» газетасында да дердж этильген эди. 1942 сенесининъ июль айында дженкке алына. Фронтта, Сталинград мудафаасында, 1942 сенесининъ ноябрь айында, 18 яшында экен, ломнен немсе танкынынъ узериндеки пулеметнынъ намлусыны (стволуны) къыйыштырып тындырдыгъы заман, къуршунлама атешине огърап къараманджа эляк ола.

Къызы – Леман 1944 сенеси майыс 16-да эки яшлы огълунен берабер НКВД тарафындан хапс этилип тюрьмеге быракъыла. Леман о вакъытта 23 яшында эди. УНЖЛАГнынъ Сухобезводное станциясындаки тюремелерининъ бирисинде булундыгъы вакъыт, 1946–47 сенелери арасында, яzydжымыз Умер Ипчинен корюше. Бу корюшювден сонъ, Умер Ипчи Леман ханымгъа багъышлап 1947 сенеси август 5-те «тюрьменинъ бир кошесинде» язгъан мешхур «Бульбулин йыры» адлы манзум эсерини къалемге ала [9].

1948 сенеси Леман ханым къабаатсыз таныларакъ тюрьмеден азат олуна. Шу сенеден итибарен Сухуми шеэринде яшай. 1990 сенесининъ январь айындан башлап «Геноциднинъ сонъгъы нокътасы – ГУЛАГ эди» серлевхасы алтында мемуарларыны яза. Ама бу язысыны сонъуна еткизип олдумы, ёкъмы – белли дегилъ. 1990-нджи сенелерининъ башларында вефат эткени акъкъында хаберимиз бар. Къырымдаки эки догъмуш къардашы Севиль ханым Ляtif-задеге сонъки мектюбини 16 март 1991 сенеси язды.

Осман Мурасовнынъ энъ кучюк огълу – Чингиз, бабасынынъ вефатындан сонъ, 1926 сенеси майыс 1-де догъа. (Къайд эткенимиз киби, Осман Мурасов 1926 сенеси апрельнинъ башларында кечине). Чингиз Акъмесджитте 13-нджи нумюневий мектепте тасиль алгъан эди. 7-нджи сыныфтан мектеп дивар газетасынынъ редколлегиясына аза сайлангъан. О заманда генч яызджы Дженгиз Дагъджынен аралары сыкъ олып, онынъ эвине къатнап язгъан шиирлерини окъуп бере экен. Дженгиз Дагъджы о вакъытта пединститутнынъ учюнджи курсунда окъуй ве онъа шиир язма техникасыны огрете. «О, меним шаир оджам эди» – деп яза Чингиз агъа. 7-нджи сыныфта иджат эткен «Кельди бахаръ» шиирини «Яш ленинджилер» журналында баскъанлар. 1940 сенеси Чингиз Мурасов Акъмесджиттеки 13-нджи нумюневий мектебининъ 7-нджи сыныфыны битирип Кефедки демирьёл окъув юртуна кире. 1941 сенеси Кефеден Краснодаргъа кетип Ислям дайысынынъ ярдымынен санайы мектебине окъумагъа кире. 1942 сенесининъ август айында санайы мектебинен берабер Сибирьге, Кемерово шеэринге, эвакуация олуна. Мында окъув юртуны битирген сонъ, айны юртта оджа оларакъ чалышмагъа къалдырыла. 1946 сенеси Кубангъа анасы янына къайта. 1950-нджи сенелерининъ экинджи ярысында 5 йыл девамында «Адыгконсерва» комбинатында спорт инструкторы сыфатында чалыша. Аул Октябрьский районынынъ русча чыкъкъан газетасында ичтимаий журналист сыфатында булуна. Мектепте дерс бере. «Ленин байрагъы» ве сонъра Къырымда чыкъып башлагъан «Достлукъ» газеталарында макъалелери ве шиирлери басыла. 1980-нджи сенелерининъ сонъунда Краснодар виляети Яблоновский коюндеки Седина заводында электрик олып чалыша эди. 1996 сенесининъ апрель айында, догъгъанынынъ 70-йыллыгъына 5 кунъ къалгъанда, кечингендир.

* * *

Осман Мурасов озь заманынынъ кучлю интеллектуалларындан бири эди. 1919–20 сенелери эки куньделик газетанынъ баш мухаррири сыфатында чалышыркен, Къырымдаки бир чокъ ичтимай, сиясий ве икътисадий меселелерни гъает индже анализлеринен айдынлатып тургъанындан гъайры, эдебий-ильмий меселелерни де юксек севиеде ачыкълагъандыр. Большевиклернинъ сонъ дередже амораль ве хунриз олгъанларыны ачыкъ-айдын корип, оларнынъ чешит ийлекярлыкъларле укумет башына чыкъмасына къолундаки васталарнен кучлю ве самимий къаршылыкъ япа бильди. Осман Мурасовнынъ омюр бою топлагъан материаллары халкъымызнынъ муим вариетине чевриледжеги ачыкъ эди. Къырымтатар классик эдебиятынынъ тарихи ичюн ялынъыз Исметийнинъ иджадына аит топлагъан, ишлеген ве чаресине коре нешир эткени буюк бир хызметтир. Бугунде Осман Мурасовнынъ аяты ве фаалиети айрыджа ильмий-тедкъикъат чалышмаларыны талап этмектедир.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Абдулваапов Н. Осман Мурасов, шаир Исметий ве «Озю» вакъиасы дестаны» эсери // Гюнсель. 1999. № 3. С. 10–13.
2. Айвазов А.С. Къырым татарларында газета ве газетаджылыкъ // Илери. 1927. № 4.
3. Айвазов А.С. Къырым татар матбуаты. «Къырает китабы»нда. Акъмесджит: Къырым Енъи Тюрк Элифбеси Комитеси Нешри. Центральное Издательство Народов СССР. Москва, 1928. 32 с.
4. Ильясов Хидир. Эски ве земане тойлары акъкында // Ленин байрагы. 1980.
5. Кирим Т.Н. Миллет джеvhэрлери. Хрестоматия. 1917–1920 сс. «Миллет» газетасында басылгъан эдебий-публицистик эсерлер. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир. 2012. 704 с.
6. Кононов А.Н. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е издание. М.: Наука. 1989. 301 с.
7. Мурасов Дж. Оджалар сюлялеси // Достлукъ. 1989. № 13. сент. 29.
8. Мурасов Чингиз. «УНЖЛАГ» – «ГУЛАГ»да язылгъан мектюп // Достлукъ. 1989. № 26. дек. 29.
9. Пословицы, поговорки и приметы крымскихъ татаръ, собранныя А.А. Боданинскимъ, Э.Л. Мартино и О. Мурасовымъ. Под редакци-

ей А.Н. Самойловича и П.А. Фалева. Симферополь: Типография Таврич. Губерн. Земства. 1914. 69 с.

Сведения об авторе: Исмаил Асанович Керимов – доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры, Крымский инженерно-педагогический университет (95000, Учебный пер., 8, Симферополь, Крым)

Hafuz Osman Murasov (1882–1926) and his family

Ismail Kerim

(Crimean Engineering and Pedagogical University)

Abstract: The article attempts to work out the scientific biography of the famous Crimean Tatar publicist and public man Osman Murasov according to the archive sources, memories of his near relatives, and also the information from periodicals and books of the beginning of the 20th century.

Keywords: the Millet newspaper (1917–1920), Osman Murasov, the Crimean Tatar folklore, the history of the Crimean Tatar literature.

REFERENCES

1. Abdul'vaapov N. Osman Murasov, shair Ismetij ve «Ozju» vak#iasy destany» jeseri. *Gjunsel'*, 1999, no 3, pp. 10–13.
2. Ajvazov A.S. Kyrym tatarlarynda gazeta ve gazetadzhlyk. Ileri, 1927, no 4.
3. Ajvazov A.S. *Kyrym tatar matbuaty*. «Kyraet kitaby»nda. Akmesdzhit, Kyrym Eni Tjurk Jelifbesi Komitesi Neshri. Central'noe Izdatel'stvo Narodov SSSR. Moscow, 1928. 32 p.
4. Il'jasov Hidir. Jeski ve zemanе tojlary akkynda. *Lenin bajragy*, 1980.
5. Kirim T.N. Millet dzhevherleri. Hrestomatija. 1917–1920 gg. «Millet» gazetasynnda basylgan jedebij-publicistik jeserler. Akmesdzhit, Kyrym-devokuppedneshir, 2012, 704 p.

6. Kononov A.N. *Biobibliograficheskiy slovar' otechestvennyh tjurkologov*. Dooktjabr'skij period. 2-e izdanie. Moscow, Nauka, 1989. 301 p.
7. Murasov Dzh. Odzhalar sjuljalesi. *Dostluk*, 1989, no 13, sent. 29.
8. Murasov Chingiz. «UNZhLAG» – «GULAG»da jazylgan mektjup. *Dostluk*, 1989, no 26, dek. 29.
9. *Posloviy, pogovorki i primety krymskih tatar, sobrannyja A.A. Bodaninskim, Je.L. Martino i O. Murasovym*. Pod redakciej A.N. Samojlovicha i P.A. Faleva. Simferopol', Tipografija Tavricheskogo. Gubernskogo Zemstva, 1914, 69 p.

About the author: Ismail Asanovich Kerimov – Doctor of philological sciences, Professor, Director of the Research Centre of the Crimean Tatar language, literature, history and culture, Crimean Engineering and Pedagogical University (95000, Uchebniy pereulok, 8, Simferopol, the Crimea)

«Татарская лопатка» риваяте

Ильнур Миргалеев

(Институт истории им. Ш. Марджани

Академии наук Республики Татарстан)

Аннотация: Мәкаләдә Төркиядә яшәүче милләттәшәбез Равил ага Агиш нәселендә сакланып килгән риваять турында сөйләнә. Халык хәтерендә яшәп, бүгенге көннәргә кадәр килеп житкән әлегә зур булмаган риваятьтә татарларның урыслардан ни рәвешле ясак жыюлары сүрәтләнә. Риваятьнең әһәмияте, иң беренче чиратта, тарихи чыганаclarда әлегә вакыйга турында мәгълүмат сакланмау белән билгеләнә.

Ачкыч сүзләр: Риваять, тарихи хәтер, хатирәләр, татар диаспорасы, ясак жыю.

Милләтнең тарихи хәтерендә риваятьләрнең аерым бер мөһим урыны бар. Милләтебез бик озын һәм үзенчәлекле юл үткән. Тарихыбыз вакыйгаларга чынлап та бик бай. Халкыбызның тарихи хәтере үтә күпкырлы. Әмма, кызганычка каршы, әле бүген дә халкыбызның тарихи мирасы, рухи кыйммәtlәре тулысынча барланмаган, аны тулаем анализлауга багышланган бер генә академик тикшеренү дә юк. Юкса бу юнәлештә шактый зур гына эшләр башкарылган, күп кенә аспектлар буенча саллы гына хезмәtlәр дә язылган. Безнең фикеребезчә, киләчәктә бу темага игътибарны тагын да арттыру мәжбүри.

Газета-журнал битләрендә халкыбызның үткәннә багышланган мәгълүмат еш басыла. Популяр жанрда язылган тарихи китаплар да житәрлек. Шуңа күрә бүген чын-чынлап гаилә эчендә, нәселдән-нәселгә сөйләнеп килгән риваятьләрне беренчел хәлендә, төрле «кушымталарсыз» табуы жиңел түгел. Әлбәттә, бу халыктан риваятьләрне жыймаска дигән сүз түгел.

Туплуйсы, өйрәнәсе, киләчәк буыннарға житкерәсе мирасыбыз шактый әле.

Бу юнәлештә, безнең карашыбызча, чит илләрдә чагыштырмача күптән яшәгән диаспораларыбыз аерым бер әһәмияткә ия. Аларда тарихыбызның төрлө чорларына караган бик кызыклы хатирәләр сакланган. Бу яктан караганда, аеруча Белоруссия, Төркия һәм Румыниядә яшәүче кардәшләрөбезнең риваятьләре кыйммәтле.

Төркиядә еш булу сәбәпле, анда яшәүче милләттәшләрөбез белән дә аралашырга, күрешергә туры килә. Төркия жирләренә, бигрәк тә Анатолиягә татарлар чагыштырмача күптән күчкән башлаганнар. Мәсәлән, ул жирләргә татарлар Алтын Урдада барган чуалышлар вакытында бик күпләп күчкәннәр. Әдирнә яларына исә Аксак Тимер яуларыннан качып килеп утырулары билгеле. Соңыннан да бу процесс дәвам иткән, татарлар әкрәнләп Анатолиянең төрлө өлкәләренә барып урнашканнар.

Әлбәттә, алар тиз арада төрекләшеп киткәннәр. Шунысы кызыклы, әле хәзер дә үзләренең ерак бабаларының татарлардан чыкканын белгән төрекләр бу турыда горурланып искә алалар. Ә менә чын мәгънәсендә үзләрен татар итеп хис итүчеләр – бабалары XVIII гасырда күчеп килгәннәрнең нәсел дәвамчылары. Аларда тарихи хәтер татарлыкны саклап калган һәм нәкъ менә әлегә милләттәшләрөбез безнең өчен үтә дә мөһим булган риваятьләренә бүгенге көнгә кадәр житкерә алганнар.

Хәзерге Төркиядә татар диаспорасы көчле. Алар күптән инде анда урнашып, үзләрен күрсәтә алганнар, үз кешеләр булып киткәннәр. Күпчелеге Төркиянең Искешәһәр, Кутахья, Маниса, Бурса һәм Әнкара шәһәрләрендә, шулай ук берничә татар авылында тупланып яшиләр.

Соңгы баруымда Әнкарада яшәүче Равил ага Агиш белән кабат күрешү мөмкинлегенә туды. Шактый өлкән яшьтә булуына карамастан, әле һаман егетләрчә туры итеп йөри, бик ипле сөйли белә. Затлы нәселдән булуы фамилиясеннән генә түгел, ә үз-үзен тотышыннан да күренә. Менә нинди алар безнең югалткан зыялыларыбыз! Равил Агиш үзе Япониядә туып үскән, соңыннан гаиләсе белән Төркиягә күчкәннәр, ә нәсел очлары Пенза якларына барып тоташа.

Равил ага миңа бик кызыклы бер риваять сөйләде. Бу хикәят аларның бабаларыннан буыннан-буынга күчеп килгән, гаиләдә кадерле ядкарь булып сакланган. Риваятьтә урыслардан ясак жыю күренеше сурәтләнә. XIII гасырның урталарына кадәр бу эш белән татар баскаклары шөгыльләнүе билгеле. Соңрак чорларда урыс кенәзләре ханнарга ясакны үзләре жыеп китерә торган булганнар. Риваятьнең чынбарлыкка ни дәрәжәдә туры килүен әйтү кыен, чөнки сакланган чыганаclarда бу аспект бөтенләй чагылыш тапмый. Нәкъ менә шуның өчен дә, безнең карашка, бу хикәят әһәмиятле дә. Шулай ук ул халык хатирәсен саклап калуы белән кадерле. Тагын бер ягын ассызыклап үтәргә кирәк, ул да булса дини бәя мәсьәләсе. Биредә кяфер диненә булган мөнәсәбәт чагылыш таба. Ясак жыючы татар баскагының үз вазыйфасын гадел башкаруына игътибар юнәлтелә – ул бары тик бөек ханның хезмәтчесе генә, ул акчага кызыкмый һәм кагылмый да: жыелган акча турыдан-туры сандыкка салына бара. Үтә кыйммәтле һәм кирәкле, үрнәк алырлык мәгънә салынган бу риваятькә.

Риваятьне миңа Равил аганың энесе Фазыл әфәнде язып жиберде. Менә ул хикәят: «Әби- бабаларыбыз арасында әйтелеп, безгә кадәр килеп таралган бер риваять бар. Казан ханлыгы заманыннан калган. Өвәл вакытлар ханлык урысның Бөек Мәскәү кенәзлегеннән һәм урыс халкыннан ясак алган. Урыс кяфер динендә булгач, тәне нәжес әйтелдегә өчен, алардан көрәк белән ясак-налог алганнар. Жыйган ясак акчаларын нәжеслеген бетерер өчен юганнар да. Шул сәбәптән урысчада «татарская лопатка» сүзе калган».

تاتار سكي لاپاتكا

ابى باباىلر آرسىندە آڭلاتىلىپ بىزگە قادىر كىلۇپ طورالغان بىر روابىت با , قازان خانلىغى زامانىڭدىن قالغان :

اول وقتلر خانلىق اورىسنىڭ بويىك مسكوا كىنازلىگىڭدىن هم ارىس خلقىڭدىن ياساق آلغانلر .

اورىس كافىر دىنىڭدە بولغاچ تىنى نَحس (پىچىراق) ايتىلدۇڭى اوجون آلاردان كوراڭ بىلان ياساق – نالوگ – آلغانلر جىغان آچىلارنىڭجىسلىگىن بىتىرور اوچىن يوغالر دە . شول سىبىدىن اورىسچەدە تاتارسكى لاپاتكا سوزى قالغان

Tatarskiy lapatka

Ebi-babaylarıbız arasında eytélép bézge qader kilép taralgan bér rivayet bar; Qazan Xanlığı zamaningnan qalgan:

Ewel waqıtlar Xanlıq, Urısning Böyék Meskew Knezlégénnen hem Urıs Xalqıngnan yasaq alğan. Urıs kafêr dinengde bulgaç, tene necês (pıçıraq) eytêldégé öcün, alardan körek belen yasaq-nalog algannar. Cigan yasak akcalarin necêsligin beterer öcün yugannar da. Şul sebepten Urısçada Tatarskiy lapatka süze qalgan.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

The Legend of «Tatar shoulder»

Ilnur Mirgaleev

*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

Abstract: There is a legend, which was kept in family of Ravil Agishev, who lives in Turkey. This short story explains how tatars gathered tax from urs. This story is important, because there isn't any information about it in historical sources.

Keywords: Legend, historical memory, memories, tatar diaspora, tax

About the author: Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – Ph.D. in History, Head of Usmanov Center for Research on the Golden Horde History, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

Татарское наследие Западной Украины: рукописный Коран 1804 года

Михаил Якубович

(Национальный университет «Острожская академия»)

Аннотация: Исследование посвящено наследию «западных татар» (татар-липка), первые поселения которых возникли в Литве, Беларуси, Польши и Украине уже в XIV веке. В Западной Украине на сегодняшний день сохранилось лишь небольшое число памятников, позволяющих дать оценку религиозной культуре местных татар. Город Острог (сегодня – Ровенская область, Украина), где татары осели уже в XVI веке, остается одним из самых интересных мест для таких исследований. Остатки мусульманского кладбища (старейшего в регионе) и некоторые исламские рукописи сохранились именно в этом городе. В пределах настоящего исследования автор описывает рукопись Корана из Острога, датированную 1804 годом. Некоторые связи между татарами западной Украины и другими мусульманскими общинами также отмечены в статье.

Ключевые слова: западные татары, мусульманские общины, исламские рукописи, Коран, польский язык, украинский язык, Османская империя.

Наследие татарских общин, проживавших на территории западной Украины, Беларуси, Литвы и Польши с XIV века, уже длительное время является предметом исследования историков, филологов, исламоведов и этнографов. Среди различных артефактов, известных до наших дней, особое место занимают так называемые кетабы (от арабского китаб – «книга») – рукописи Корана и переводы его смыслов, молитвенники, сборники поучений и др. Особый интерес вызывает тот факт, что в кетабах, помимо арабского и тюркских языков, использовались также славянские, записанные арабскими буквами с использованием спе-

циальных графем (для звуков «п», «ч», «ц», отсутствующих в арабском). Преимущественно использовался польский и белорусский язык, однако во многих случаях встречаются и «языковые смеси» (активное использование, к примеру, белорусизмов в польских текстах, реже добавления украинизмов, как показано в исследовании Ш. Акинер) [8, с. 98–99].

По словам видной белорусской исследовательницы З. Канапцкой, в настоящее время в одной лишь Беларуси сохранилось более 40 татарских рукописей, среди которых и известный «Минский тафсир» 1686 года – старейший частичный перевод смыслов Корана на славянский язык (польский с частыми включениями белорусской лексики). Десятки рукописей «западных татар» хранятся в библиотеках и частных коллекциях Литвы, Польши, Германии, Великобритании, России и других государств [3].

Несмотря на то, что в Украине также существовали поселения этой этнической группы, рукописных памятников здесь почти не сохранилось: по данным польских исследователей А. Дрозда, М. Дзекана и Т. Майды, известен лишь один кетаб из коллекций Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника, представляющий собой сборник молитв и выдержку сур из Корана (*хамаил*, что можно перевести как «книга, носимая с собой») [9, с. 11]. Как свидетельствует исследование Л. Дзендзюк и Л. Тимошенко, этот хамаил был переписан в 1808 году в селении Кошолы (ныне Люблинское воеводство Польши) и в свое время принадлежал украинскому шляхтичу и ориенталисту Вацлаву Жевускому (1785–1831 гг.) [2, с. 132–133]. Впервые на эту рукопись обратил внимание львовский востоковед Я. Полотнюк [6]. Хранящиеся же манускрипты Корана и других исламских текстов в Национальной библиотеке Украины им. В.И. Вернадского и других книгохранилищах относятся преимущественно к созданным в Крыму и других регионах, то есть представляют уже совсем иную традицию копирования священной книги мусульман [4].

В связи с указанными выше фактами, особый интерес представляет арабская рукопись Корана, обнаруженная еще в 1992 году в городе Остроге Ровенской области (Украина) [5]. Поскольку ранее рукопись не была предметом научного исследова-

ния, настоящая статья является первой работой, посвященной этому без преувеличения уникальному для Украины тексту.

Прежде чем перейти непосредственно к описанию рукописи, следует обратить внимание на исторический контекст ее появления. Как уже было показано нами в иных работах, первые татарские поселения в Остроге и близлежащих регионах появились в XVI веке, преимущественно из пленных ногайских и крымских татар. Согласно историческим документам того периода, уже в 1565 году в Остроге действовала мечеть; десятки татарских дворов упоминаются и в «Актах раздела Острога» между сыновьями князя Василия-Константина Острожского (1603 и 1621 годы). О сотнях татар, живущих в Остроге и соседних населенных пунктах Волыни (Полонное, Староконстантинов, Майдан-Лабунь), повествуют и позднейшие документы («Osiadłość miasta Ostroga anno 1708») и «Генеральное описание Волынской губернии» (составленное около 1800 года). Наконец, еще в 1911 году в Волынской губернии (с. Ювовцы, ныне Хмельницкой обл. и г. Острог) проживало около 340 мусульман, действовала мечеть и библиотека, а имам утверждался Таврическим духовным магометанским правлением в центре в Крыму (см.: [7]). Судя по всему, татарская религиозная община Острога существовала до начала Второй мировой войны. На сегодняшний день в Остроге сохранилось историческое название одной из улиц («Татарская»), а также находящееся на ней мусульманское кладбище.

Рукопись Корана, хранящаяся в Острожском государственном историко-культурном заповеднике (шифр КН 20366/VIP – 2477), была приобретена в 1992 году местными краеведами М. Позиховским и М. Бендюком у семьи уже немолодых острожских татар. Как удалось разузнать краеведам, в свое время рукопись хранилась в острожской мечети вместе с другими книгами, а уже далее стала семейной реликвией. По словам владельцев, продажа рукописи (за символическую стоимость в 300 карбованцев, не превышающую, по тогдашнему курсу, нескольких долларов) местному заповеднику, была вызвана желанием сохранить важный документ для будущих поколений. Некоторое время манускрипт Корана пребывал в экспозиции местного музея, а в дальнейшем был отправлен на хранение в фонды, где и представилась возможность с ним ознакомиться.

«Острожский Коран» переписан на тряпичной бумаге местного производства с синеватым оттенком, имеющей размеры 19 (длина) на 14 (ширина) сантиметров. 114 сур, а также молитва (*ду'а хатм шариф*, то есть мольба *хатм аль-Кур'ан*, возносимая после завершения рецитации всех сур Корана) изложены на листах, собранных в 19 сшитых тетрадей, каждая из которых содержит до двух десятков страниц. Часть тетрадей, вследствие износа, разорвана на отдельные листы. Обложка из тонкой кожи сохранилась в целом неплохо; поля некоторых страниц оборваны, попадаются пятна, однако отсутствия листов не обнаружено (за исключением нескольких страниц приконцевой молитвы, от которой сохранился только первый лист).

Традиционно для кетабов, текст Корана вписан в красную рамку, содержащую (на каждом листе) по 15 строк. Нумерация и страниц, и аятов отсутствует; аяты отделены друг от друга большими красными точками. Проставлены и знаки паузации: так, обязательная пауза обозначена красным значком, напоминающим арабскую букву та, а отсутствие паузы – горизонтальной красной черточкой. Текст Корана в целом, написанный черными чернилами, имеет форму почерка *наسخ* со специфическим наклоном, характерным именно для кетабов западных татар.

Заголовок каждой суры отделан дополнительными красными рамками и также записан красными чернилами. После названия суры обычно следует указание числа аятов на арабском языке, однако в заголовки некоторых сур включен текст последнего аята предыдущей суры (полностью или частично): так, за словами сура Ибрахим (сура 14) следует традиционный салам (*'алайхи с-салам*, «мир ему!») и выражение *'инда-ху 'илму ль-китаб* («у Него – знание книги»), уже записанное черными чернилами. В 30-ой суре, например, заметна аналогичная особенность: после заголовка (сура ар-Рум) черными чернилами записано уа *инна Ллага ла-ма'а ль-мухсинин* («воистину, Аллах – с праведными»). Многие суры, впрочем, не содержат таких включений (сура «Корова», сура «Марьям», где добавлен лишь салам, многие из мекканских сур). К заголовку предпоследней суры (113) черным добавлено слово *ахад*, отсутствующее в основном тексте четвертого аята суры *Аль-Ихляс*. Включение последнего аята предыдущей суры в заголовок следующей вызвано правилами таджвида –

текст не вмещался в строку и, дабы не прерывать рецитации, был вписан уже в заголовок следующей суры (с использованием черного чернила для отличия).

Интересно, что, за редким исключением, переписчик не использует принятую в арабском концевую *та марбута*, а предпочитает обычную *та*, как в тюркских языках. Слова в некоторых аятах слитны, отдельные буквы трудно отличить друг от друга (*гайн* и *фа*, к примеру), хотя в целом текст довольно аккуратен и разборчив. Эти особенности также характерны для кетабов в целом, поскольку в период XIX века хорошее знание арабского уже было редкостью среди западных татар.

Интерес вызывают и поля рукописи. На них присутствует нумерация джузов, записанная по-арабски (красными чернилами) и продублированная арабской надписью на польском (черными чернилами). Добавлены и цифры, но уже другим почерком. Представлены и дополнительные пометки (*нисф калям Аллах*, «середина Божьего слова» напротив 18-ой суры, места земного поклона – саджда и др). В некоторых местах попадаются и выписки из Корана. Толкования или попыток перевода самого текста Корана, встречающихся в других кетабах, рукопись не содержит.

К последней суре примыкает и небольшая ритуальная формула, обыкновенно возглашаемая сразу после завершения чтения Корана (не обязательно полного, как в случае с вышеупомянутой молитвой *хатм аль-Кур'ан*). Она озаглавлена *сура садака Ллаху ль-Азым* и содержит следующие арабские слова (без огласовок): *бисми Лляхи р-рахман ар-рахим, садака Аллаху ль-азым, уа садака расулу-гу ль-карим, уа нахну 'аля залика мина ш-шахидин [не-разборчиво] субхана раббу-ка раббу ль-'иззати 'амма йасифун, уа с-салям 'аля ль-мурсалин, уа ль-хамду ли-Лляхи рабби ль-'аламин* («Именем Аллаха, Милостивого, Милосердного! Правдив Великий Аллах, правдив благородный Посланник его, и мы этому свидетели [...] Пречист Господь твой, Господь могущества, от того, что приписывают Ему, мир посланникам, хвала Аллаху, Господу миров!»).

В самом конце рукописи, как уже упоминалось, содержится *ду'а хатм аль-Кур'ан*. Рифмованный текст именно этой молитвы, включающей, среди прочего, слова *Аллахумма такаббаля мин-на хатм аль-Кур'ан уа таджауваз фи-на ма кана фи тияувати-хи*

хатта-ин уа нисйан («Господи! Прими от нас завершение чтения Корана и избави нас от ошибки или забывчивости в нашем прочтении») можно обнаружить и в рукописях, созданных в других регионах исламского мира. Например, в Мичиганском университете (США) сохранилась османская рукопись конца XV – начала XVI века, предположительно созданная в Стамбуле и содержащая практически идентичный острожскому текст молитвы хатм аль-Кур’ан [1]. Совпадение вполне закономерно, поскольку кетабы западных татар восходили именно к османской традиции переписывания Корана (также представленной в Крыму). Лист с окончанием этой молитвы из острожской рукописи, впрочем, обнаружить не удалось.

Особый интерес вызывают преимущественно польские и украинские надписи на начальных и конечных страницах рукописи, записанные, как это обычно делали западные татары, арабскими буквами. Их удалось прочесть лишь частично. Так, в верхней части первого листа можно разобрать (в кириллической транслитерации) «[...] в конце гетую дуа написавши [...]». Далее следуют традиционные формулы на арабском: *бисмилля*, *шахада*, *субхана Лла*, 10 раз *йа Аллах* («о Аллах!»), 2 раза *йа Рабб* («о Господь!») и, в самом конце, *ин ша’ Аллаху Та’аля* («если пожелает Аллах Всевышний»). *Ин иша’* записаны как одно слово. Также первая страница содержит молитву, состоящую из арабских и предположительно славянских слов; в силу потертости бумаги, разобрать ее целиком сложно, однако из некоторых выражений ясно, что это молитва перед чтением Корана, в которой чтец декларирует искренность намерений (*халис-ан мухлис-ан ли-Лляхи*) и просит благословить Пророка Мухаммада (*салават*). Читаются отдельные польские и украинские слова, записанные арабицей (*научен* – «обучен», *цילהа* – «целого»).

Несколько разборчивее оказалась выполненная и арабицей, и латиницей надпись после молитвы *садака Ллагу ль-Азым*, расположенная в нижней части страницы. В самом начале используются два арабских слова (*сахиб* и *малик*, означающие «собственник» или «автор», а в данном контексте, очевидно, переписчик). После них арабицей можно разобрать следующее (в кириллической транслитерации): *ибн Адам ’Али Мустафа... Писаны Кур’ан року тыщонст двести девятого од... Мухаммада*

Пророка месъонца Зу ль-Ка'да девъонтего дня од 'Исы Пророка. Далее, после паузы, следует слово (или два) наподобие *остри/лава* или *оскри/лава* («о» передано через *алиф* и *вав*), а после того – четкая надпись на латинице: Roku 1804 Mesiaca Aprila Dnia 9, то есть «Года 1804, месяца апреля, дня 9». Итак, Коран переписал некий ибн Адам Али Мустафа, завершив свою работу в месяце зу ль-кыда 1219 года по хиджре (9 апреля 1804 года).

Место переписки рукописи не указано, однако исходя и из бумаги, и из истории находки, это вполне мог быть сам Острог или близлежащие села, где компактно проживали татары. Именно здесь в XIX веке находилась, по всей видимости, единственная действующая на Волыни (северо-запад Украины) мечеть. Интересны, впрочем, параллели между «Острожским Кораном» и кетабами того же периода из Беларуси: так, Коран из Новогрудка (Гродненская область, Беларусь), переписанный в первой половине XIX века, также обрамлен в красную рамку, использует красные точки для разделения аятов и аналогичные знаки паузации¹. Это позволяет судить о культурных и религиозных связях между мусульманами Острога и их единоверцами из Беларуси, Польши и Литвы, указывая на единство письменной традиции.

Среди страниц рукописи обнаружили и две «закладки». Первая из них представляет собой небольшую бумажную вырезку, на обеих сторонах которой заметны фрагменты текста. На одной стороне можно разобрать несколько раз повторяемую *бисмилля* («Во имя Аллаха!»). Можно прочесть, среди прочего, *'иша' фи бисми Лля... субх фи бисми Лля*, т.е. «вечер (или: «вечерняя молитва») с *бисмилля*, рассвет (или: «рассветная молитва») с *бисмилля*». На оборотной стороне, по-видимому, текст уже на польском либо украинском, записанный арабицей – различимо, например, слово *заукав* («начал звать», «обратился»). Вторая «закладка» – лист из неопознанного печатного издания, содержащего три суры из Корана (105, Аль-Филь – частично, 106, Курайш, 107, Аль-Ма'ун), а также молитвы на староосманском язы-

¹ Автор искренне благодарит кандидата исторических наук, доцента Белорусского государственного университета З.И. Канапацкую (Минск, Беларусь) за предоставленные снимки персональной коллекции кетабов.

ке. Это может свидетельствовать о продолжавшихся связях между острожскими татарами и их единоверцами из Крыма.

«Острожский Коран» оставляет еще целый ряд вопросов для дальнейших исследований. Однако, исходя из изложенных выше фактов, уже сегодня можно утверждать, что рукопись представляет из себя уникальный памятник религиозной традиции западных татар. Помимо того, что текст, по всей вероятности, был переписан именно в Остроге или его окрестностях, манускрипт остается единственной известной рукописью Корана, созданной на Волини (да и, по всей видимости, Западной Украине в целом). Дальнейшее изучение текста и поиск новых рукописных источников может открыть перспективы для более глубокого знакомства с историей ислама в регионе Волини, Галиции и Подолья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ду'а хатм аль-Кур'ан. Ann Arbor, University of Michigan. Special Collections Library. Islamic Manuscripts Collection. Manuscript No. 236.
2. Дзензелюк, Л., Тимошенко, Э. Хамаил литовских татар из фондов Львовской национальной научной библиотеки Украины // Ориент в общественной традиции Великого княжества Литовского: татары караимы. Вильнюс: Vilniaus universiteto leidykla, 2008. С. 132–136.
3. Канапацкая З. Славяномаўныя рукапісы арабскім пісьмом, як крыніцы ведаў па культуры беларускіх татар // Зборнік артыкулаў па беларусістыцы і багаслоўі. Уклад. І. Дубянецкая; пад. рэд. І. Дубянецкай, А. Макмілінаі, Г. Сагановіча. Мн.: Тэхналогія, 2009. С. 231–238.
4. Каталог арабских рукописей из ЦНБ им. В.И. Вернадского АН УССР: Кат. Сост. А.В. Савченко. К., 1988. 67 с.
5. Коран 1804 р. Острозький історико-культурний заповідник. КН 20366/VIP – 2477.
6. Полотнюк Я. Арабський рукопис еміра Жевуського чи гамаїл литовських татар // Архіви України. 1969. № 1. С. 85–87.
7. Якубович, М.М. Татарсько-мусульманське населення Південно-Східної Волині XVI–XX століть: історична ретроспектива // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Історичне релігієзнавство», 2010. № 2. С. 186–196.
8. Akiner, Shirin. Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab: A Cultural Monument of Islam in Europe. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2009. 457 p.

9. Drozd A., Dziekan M., Majda T. Piśmiennictwoi muhiry Tatarów polsko-litewskich. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 2000. 84 s.

Сведения об авторе: Михаил Михайлович Якубович – кандидат исторических наук, доцент кафедры религиоведения и теологии Национального университета «Острожская академия» (35800, ул. Семинарская, 2, г. Острог, Ровенская обл., Украина); nitishini@gmail.com

Tatarian heritage in Western Ukraine: Qur'an manuscript of 1804

Mikhail Yakubovich

(The National University of Ostroh Academy)

Abstract: The study is dedicated to the heritage of the “Western Tatars” (lipka), settled in Lithuania, Belarus, Poland and Ukraine since 14th century onwards. In contrast to Lithuania, Poland and Belarus, there are just a few monuments which makes possible to comprehend their religion and culture in Western Ukraine. The city of Ostroh (nowadays, Rivnens'ka obl., Ukraine) where these Tatars settled already in 16th, is one of the most interesting place to study this culture. Remains of the Muslim cemetery (the oldest in the area) and some of Islamic manuscripts are preserved there. In this article, the author describes manuscript of the Qur'an from the city of Ostroh, dated by 1804. Some links between the Tatars of the Western Ukraine and other Muslim communities are investigated as well.

Keywords: Western Tatars, Muslim Communities, Islamic Manuscripts, Qur'an, Polish Language, Ukrainian Language, Ottoman Empire.

REFERENCES

1. *Du'a khatm al'-Kur'an*. Ann Arbor, University of Michigan. Special Collections Library. Islamic Manuscripts Collection. Manuscript no. 236.
2. Dzendzelyuk L., Timoshenko E. Khamail litovskikh tatar iz fondov L'vovskoy natsional'noy nauchnoy biblioteki Ukrainy. *Orient v obshchestvennoy traditsii Velikogo knyazhestva Litovskogo: tatory karaimy*. Vil'nyus: Vilniaus universiteto leidykla, 2008, pp. 132–136.

3. Kanapatskaya Z. Slavyanamoŭnyya rukapisy arabskim pis'mom, yak krynitsy vedaŭ pa kul'tury belaruskikh tatar. *Zbornik artykulaŭ pa belarusistytsy i bagasloŭi*. Uklad. I. Dubyanetskaya; pad. red. I. Dubyanetskay, A. Makmilinai, G. Saganovicha. Mn., Tekhnalogiya, 2009, pp. 231–238.
4. *Katalog arabskikh rukopisey iz TsNB im. V.I. Vernadskogo AN USSR*. Kat. Sost. A.V. Savchenko. K., 1988. 67 p.
5. *Koran 1804 r. Ostroz'kiy istoriko-kul'turniy zapovidnik*. KN 20366/VIR – 2477.
6. Polotnyuk Ya. Arabs'kiy rukopis emira Zhevus'kogo chi gamaïl litovs'kikh tatar. *Arkhivi Ukraïni*, 1969, no 1, pp. 85–87.
7. Yakubovich M.M. Tatars'ko-musul'mans'ke naselennya Pivdenno-Skhidnoï Volini XVI–XX stolit': istorichna retrospektiva. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu «Ostroz'ka akademiya»*. Seriya «Istorichne religieznastvo», 2010, no 2, pp. 186–196.
8. Akiner Shirin. *Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab: A Cultural Monument of Islam in Europe*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, 2009, 457 p.
9. Drozd A., Dziekan M., Majda T. *Piśmiennictwoi muhiry Tatarów polsko-litewskich*. Warszawa, Res Publica Multiethnica, 2000. 84 p.

About the author: Mikhail Mikhaylovich Yakubovich – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Religious Studies and Theology, the National University of Ostroh Academy (35800, Seminarskaya str., 2. Ostroh, Rovenskaya obl., Ukraine); nitishini@gmail.com

УДК 930.2

Турецкий винный кубок XVII в. из киевского Музея Ханенко

Александр Галенко

(Институт истории Украины

Национальной Академии наук Украины)

Аннотация: В статье дается анализ турецкого винного кубка, который представляет собой элемент хмельного пира, где он выступает гарантом обязательств между участниками. В то же время данный кубок отражает сохранность степных и заимствование чуждых обычаев.

Ключевые слова: винный кубок, османский мир, степные традиции.

Хмельные обычаи были важной и даже примечательной частью культуры степных сообществ Евразии. Дело в том, что степняки считали алкоголь средством, которое побуждало людей к сплочению и гарантировало его¹. Разумеется, такое убеждение

¹ Аргументы на эту тему для российского читателя я сформулировал в статье «Евразийский пир», предложенной редакции журнала «История в подробностях» для публикации в апрельском номере этого года, который посвящен пищевой культуре России. Редакция отклонила данную статью под сомнительным

отнодъ непохвально делало пьянство обязательной чертой этих обычаев. Однако коллективность обычаев и сплоченность их участников, которых также основывались на этом убеждении, заслуженно придавали им общественную значимость. Уже Геродот (История IV: 66) точно описал пир степняков: там правитель скифов угощал своих воинов вином в награду за службу, а те, выпивая, демонстрировали ему свою верность, причем наиболее отличившиеся пили из двух чаш сразу. Не удивительно, что степняки сделали чашу, как главную принадлежность хмельного пира, регалией политической власти. Она уступала значимостью только луку, который символизировал военное могущество вождя и подвластного улуса, племени, государства.

О важной социальной роли хмельных обычаев в жизни степняков сохранилось множество убедительных свидетельств. Утварь для перевозки и сервирования вина всевозможных форм и размеров – от гигантских пифосов до индивидуальных чашек – частый атрибут захоронений степняков от скифов, начиная с середины VII в. до н.э., до половцев начала XIII в. Степняки любили свои изображения с сосудами для хмельных напитков. Например, уже скифы на статуях VI–III вв. до н.э. заказывали свои изображения с ритонами, а персонажи статуй древних тюрок, а затем половцев держали маленькие чаши.

О пирах степняков часто писали и заезжие чужеземцы, хотя из-за непонимания местных языков их сообщения, как и упомянутый рассказ Геродота, рисуют всего лишь немую картину, чем оставляют простор для домыслов. Письменных свидетельств, оставленных степняками, мало, да и те зачастую несут на себе следы влияния иных культур. Правда, именно они аутентично отражают идеи, лежащие в основе тех или иных обычаев. Так, надежное свидетельство о статусе чаши как регалии находится только в «Сокровенном сказании монголов» (ок. 1240 г.), являющейся монгольским историческим повествованием. В частности, высшими должностями в улусе Чингисхана были его оруженосцы и виночерпии, отвечавшие соответственно за его лук и чашу суве-

предлогом несоответствия тематике, который, впрочем, симптоматично отвечает настроению россиян в отношении Украины.

рена (§ 124). Привилегированный статус *дархана* у монголов (от тюркского *тархан*) отражался в тех же символах: подданным вменялось носить за дарханом колчан и провозглашать в его честь здравицу с чашей ритуального хмельного напитка *оток/ötög* (§ 187, дважды в § 219). Сосуды для питья, по-видимому, выставленные на специальном столике, располагались в центре юрты правителя, деля ее на правую и левую половины (§ 245); этот винный сервиз или «винница» считался важнейшим трофеем, доставшимся от побежденного суверена (§ 187).

Иное дело, что сами степные традиции менялись или даже исчезали под влиянием культурных заимствований, таких как, например, религии. Так, для населения западной половины Евразийской степи, принявшего ислам, алкоголь и соответственно хмельные традиции оказались под бескомпромиссным запретом. Тем не менее, степные обычаи сохранились доньше, причем, несмотря на то, что цивилизация кочевников-скотоводов уже давно и безвозвратно сошла с исторической сцены. Некоторые из них, например, соревнование в пьянстве, «штрафные», тосты, обнаруживаются у бывших соседей и соперников степняков – украинцев, русских, китайцев [2]. Так, слово «чокаться» содержит подражание степному тосту «Чок яша(сун)!» (тюрк. «многая лета!»), который произносился в честь суверена. Собственно, живучесть степных хмельных обычаев вопреки религиозным запретам и ассимиляции лишний раз доказывает необходимость их изучения.

Османские источники представляют значительную ценность для изучения степных обычаев, ведь турки – творцы Османской империи принадлежали к степным народам, а культурное наследие их шестисотлетнего государства исключительно богато. Разумеется, они имеют прямое отношение к территориям Восточной Европы, которые, как Крымское ханство, входили в состав Османской империи. Правда, выявление и изучение этих обычаев осложнено влиянием исламской религии, а также культурным влиянием со стороны нетюркских народов, входивших в состав империи, или же являвшихся ее соседями, например, персов и славян. Но важно, что иногда случаи пьянства описывались вполне открыто, давая тем самым возможность увидеть реалии, скрытые словесными ухищрениями и культурными наслоениями. Например, авторитетный османский историк Наима, описывая

конфликт между ногайцами под предводительством Кантемира и крымским ханом Инаетом Гиреем 1637 г., буквально на одной странице оставил несколько неоспоримых по смыслу указаний: «Братья Кантемира Сельман-Шах и Орак Мирза поели-попили с [калгой] Хюсамом Гиреем и [нуреддином] Саадетом Гиреем, пребывали в «дружеских удовольствиях» (*ayş ü iştret*), «Братья Кантемира увидели, что Хюсам Гирей и Саадет Гирей дни и ночи пьянствуют и пребывают без сознания (*mest ve lâ-yu'kal*)», «Хюсама Гирея охватила пьяная гордыня (*mest-i mağrur*)», «как-то ночью они убили Хюсама Гирея и Саадета Гирея, пока те спали пьяные и без сознания» [6, с. 846].

В свете вышеизложенного представляет несомненную ценность турецкий кубок с надписью из Музея искусств Богдана и Варвары Ханенко в Киеве². Это – сосуд цилиндрической формы, имеющий две ручки и крышку шлемовидной формы. Высота с крышкой составляет 30 см. Кубок изготовлен из медного сплава и украшен гравированным орнаментом и надписями с позолотой. Данный экспонат поступил на хранение между 1930 и 1953 г. при неясных обстоятельствах [3, с. 482]. Согласно авторитетной экспертизе советского историка искусств Ю.А. Миллера, кубок был сделан во второй половине XVII в. в Стамбуле или Токате [3, с. 489–490].

Особую ценность ему придают надписи. Так что, данный экспонат, является как предметом банкетной утвари, так и письменным источником, который позволяет точно установить предназначение предмета и услышать голос реальных людей, державших его в своих руках. Текст надписи не публиковался и не был предметом изучения.

Надпись выполнена в три строки, опоясывающие предмет в трех местах – по краю крышки, по венчику кубка, и над нижним краем кубка. Строки поделены на две половины, каждая из которых заключена в отдельную рамку. Гравировка исполнена тщательно и аккуратно. Письмо – арабское, но язык – османско-турецкий, а почерк – насталик, который характерен для Ирана и

² Музей был основан в 1919 г., и основу его фондов составляет частная коллекция Богдана Ивановича (1849–1917) и Варвары Николовны (1852–1922) Ханенко. В советское время музей носил другие названия [1, с. 6–10].

потому привносит в надпись иранский стиль. Текст полностью прочитывается.

Поскольку строки текста расположены на круглой поверхности, порядок прочтения строк не очевиден. Орнамент тоже не дает подсказок в отношении организации текста. Некоторый порядок задан только на кубке, где полустроки расположены одна над другой. Но поскольку крышка не прикреплена к кубку, то связь с остальным текстом может быть установлена только логически из самого текста. Началом представляется полустрока, помещенная на крышке и заканчивающаяся словом *bulduk* – «мы нашли», тогда как остальные строки заканчиваются обращением или пожеланием: четыре строки завершаются словом *olsun* – «пусть будет», и одна – словом *bolsun* – «пусть наполнится». Одинаковые окончания строк и разбивка на полустроки в целом делают текст похожим на три двустишия.

Ниже приводится запись, транскрипция современным турецким алфавитом и перевод надписей.

а) Крышка

بخمر سر صفامز وار هله شمدي بولدق
ندامت چكمز ز هرکز صفا اوزره صفا اولسون

Be-hamr-i surr safamız var, hele şimdi bulduq!
Nidamet çekmez! Zehriniz safa üzre safa olsun!

Наша утеха в вине радости, вот мы уже нашли [её там]!
Не стоит ни о чем сожалеть! Пусть утехой утешится Ваша
печаль!

б) Венчик кубка

اله جام مصفاً آل درونك پُر صفا بولسون
حریم بزمگه جام شراب دلشاد اولسون

Ele cam-i musaffa al, derunuñ pür safa bolsun!
Harim bazmıña cam-i şarab dilşad olsun!

Турецкий винный кубок XVII в. из киевского Музея Ханенко

Возьми в руку полный кубок утех! Пусть все твоё нутро наполнится утехой!

Пусть кубок вина станет на твоём укромном пиру отрадой сердца!

в) Дно кружки

حانهء صفاده اللشلء دوشمن كور اولسون
مى كلكون ايچلم صفا بولوب صفا اولسون

Hane-'i safada elleşelim! Düşman kör olsun!
Mey-i gülgün içelim! Safa bulup, safa olsun!

Возьмемся за руки в «доме утехи»! Пусть враг ослепнет!
Выпьем розоцветного вина! Пусть познается утеха и да будет утеха!

Интерпретация содержания.

Очевидно, что текст надписи так или иначе касается потребления вина. Об этом, в частности, прямо говорят фразы со словами, означавшими вино: «Вино (*hamr*) радости», «Возьми в руку полный кубок ... кубок вина (*şarab*)», «Выпьем розоцветного вина (*mey*)». Поэтому не вызывает сомнений назначение данной вещи – служить кубком для вина на хмельных пирах.

Собственно, в одном случае так же прямо назван и пир – *bazm*. Базм – это термин, который означал особенный хмельной пир у иранцев. Обычно такой пир устраивался по избранным поводам для узкой компании приближенных и друзей. У персов он устраивался специально или же в качестве закрытого собрания для избранных, созываемого после многолюдных публичных пиров. Базм представлял собой псевдо-религиозный ритуал. Его основной практической целью было развеять печаль, чтобы весельем и наслаждением предварить или отпраздновать какие-то общественно важные события (календарные праздники, битвы, встречи). Употребление вина было главным средством, но не единственным: в придачу к угощению вином устраивались разнообразные развлечения и зрелища. К таковым относилось уже созерцание самого вина и игры света, окрашиваемого и преломляемого вином, отражаемого металлом и декором сосуда для питья – само вино персы считали жидким светом. Кроме того, пирующих могли развлекать танцы, пение, спортивные соревнования, настольные игры (подробнее об иранском пире-базме см.: [5]). Персы даже считали базм такой же неотъемлемой частью

жизни человека благородного происхождения, как и занятие войной, что отразилось в соответствующем выражении *razm o bazm*, которое приблизительно можно перевести как «бой и пир».

Помимо употребления термина «базм», данная надпись содержит прямые ссылки на характерные для него черты. Так, определение «укромный, запретный» (*harim*) отвечает именно уединению с близкими компаньонами, как это было принято для базма. Главный призыв рассматриваемых строк, в соответствии с идеей базма, заключался в испытании утех, наслаждения и удовольствия. Слова, передававшие эти значения – *safa* вместе с производным *musaffa*, *surr*, *dilşad* – упомянуты 10 раз. Даже созерцание вина проявилось в изысканном и опять-таки персидском (!) эпитете для вина – «розоцветное» (*gülğün*), который, к тому же вызывал не только зрительные, но и не менее важные обонятельные ассоциации. Наконец, присутствие персидских слов (*cam*, *dilşad*, *gülğün*, *mev*, *pür*, *surr*) и популярный в Иране почерк насталик служат вербальным и визуальным подражанием именно иранской традиции хмельного пира.

Столь выразительное иранское влияние в османской среде не удивительно, ведь турки в Анатолии были хорошо знакомы с иранскими традициями и заимствовали их, что подтверждается другими источниками. Например, само название хроники Атрабди «*Bazm u razm*», посвященной событиям в Анатолии конца XIV в. [4], свидетельствует о привычности этой традиции в турецкой среде. В хронике государства Сельджукидов Рума, написанной по-персидски Ибн Биби в конце XIII в., но около 1427 г. переведенной на османско-турецкий по заказу османского султана Мурада II (правил 1421–1451), есть описание базма с характерными персидскими чертами, который устроил командующий сельджукского войска Хусамеддином Чупаном под стенами Судака во время похода в 1220-е гг.:

«Бег над бегами Хусамеддин Чупан ввиду беззаботности-праздности и увеселения приказал расставить утварь для базма, созвал командиров войска и предводителей и по исполнении надлежащей по обычаю подготовки уселся с ними на приватном заседании в комфортном месте... Они просидели до самой полночи и занимались делом; чаша с вином все кружила и ходила между теми предводителями. Когда они опьянели от выпитых полных

чаш-братин, то все разошлись по своим шатрам-местам» [7, s. 454–455].

Правдоподобно, обычай Османов одаривать крымского хана во время военных кампаний холодным оружием и большими сосуда́ми для сервирования вина на пиру отражали именно иранскую традицию *разм о базм*. Например, великий везир Синан Паша при встрече крымского хана Гази Герея в османском лагере в 1594 г. преподнес тому как орудия войны (боевого коня, сабли, палаша и булавы), так и принадлежности для пира – богато украшенные золотые чашу (*leğen*, собственно, таз) и кувшин (*ibrik*) [6, s. 71].

Вместе с тем, в тексте рассматриваемого кубка присутствуют и черты, вовсе не характерные для иранского базма. Прежде всего, обращает внимание тот факт, что рассматриваемый кубок предназначался для индивидуального, а не коллективного использования, тогда как для базма было присуще угощение пьющих вином из коллективной чаши, пускаемой по кругу. Так, пожелание, заключенное во втором двустии, было обращено именно к индивидуальному пользователю: «Возьми в руку полный кубок утех! Пусть все твоё нутро наполнится утехой!// Пусть кубок вина станет на твоём укромном пиру отрадой сердца!». Обращение во второй полустроке «Не стоит ни о чем сожалеть! Пусть утехой утешится Ваша печаль!» было безличным. Очевидно, что в данном случае размеры кубка, отвечающие индивидуальному использованию, согласуются с текстом надписи.

Похоже, что кубок был подарком, что также указывает на его предназначение в качестве индивидуального сосуда для питья. Так, с одной стороны, высказывания в первом лице множественного числа указывают, скорее всего, на дарителя или дарителей: «Наша утеха в вине радости, вот мы уже нашли [её там]! », «Возьмемся за руки», «Выпьем». С другой стороны, адресат ясно выражен как индивидуум, о чем говорит во второй строке обращение во втором лице единственного числа: *al* – «возьми», *deruniñ* – «твое нутро», *bazmiñ* – «твой базм». Придание данному кубку функции подарка отражало также существование тесных взаимоотношений между дарителем и одариваемым или, по крайней мере, стремление к ним.

Кроме того, надпись отражает целый ряд других действий, устанавливающих или подтверждающих тесные отношения меж-

ду заказчиком надписи и ее адресатом. В первой строке автор/заказчик надписи, похоже, ссылается на существующий опыт, который обосновывает и сам предмет дарения – кубок. Во второй строке высказаны пожелания адресату на счет того, как он должен был бы распорядиться подаренным предметом – испытывать с его помощью радости жизни. Наконец, в третьей строке выражен как призыв к адресату, так и готовность или даже обязательство заказчика разделить утехи вместе с ним и с даримым предметом. Заключительные слова выражают пожелание на будущее: «Пусть познается утеха и да будет утеха!». Будучи нанесенными на винном кубке, этим пожеланиям и обязательствам неизбежно предстояло быть скрепленными символической гарантией, какой было употребление вина из этого же кубка. Таким образом, подарочная надпись, содержащая пожелания и обязательства, в сочетании с функцией гарантии исполнения, которая была присуща предмету, несущему надпись, представляет собой не что иное как тост.

Таким образом, рассмотренный кубок представляет интерес по нескольким причинам. Конечно, он дает пример подарочной надписи, что само по себе приоткрывает завесу над одним из аспектов культуры общения людей османского мира, при этом демонстрируя требовательность к эlegantности композиции, остроумию и даже озорной непосредственности. В то же время, кубок, благодаря надписи, является памятником, дающим полноценное представление о степном обычае хмельного пира. В нем наглядно видны оба структурных элемента последнего – установление между участниками пира взаимных обязательств и употребление алкоголя в качестве их гаранта. Вместе с тем, надпись наглядно отражает синкретизм обычаев степного пира, ведь он допускал заимствования чуждых обычаев, например, иранских, впрочем, не допуская противоречия исконным степным принципам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Біленко Г.І., Рудик Г.Б. Музей мистецтв імені Богдана та Варвари Ханенків. Східна колекція. Альбом-путівник. Київ: Вітал-Пресс, 2005.

2. Галенко О.І. Радянські бенкети та пиятики у перспективі євразійської історії // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. Міжвідомчий збірник наукових праць. Вип. 16 на пошану доктора історичних наук, професора Станіслава Владиславовича Кульчицького з нагоди 70-річчя від дні народження та 50-річчя наукової праці. Частина 2. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2007. С. 163–184.

3. Рудик Г. Османська колекція Музею Ханенків // Україна-Туреччина. Книга 1 [Хроніка 2000: Український культурологічний альманах. Вип. 95]. Київ, 2014.

4. Bazm u razm, müellif-i Aziz bin Ardeshir Astarabadi. İstanbul: Evkaf Matbaası, 1928. 441 s.

5. Melikian-Chirvani A.S. The Iranian Bazm in Early Persian Sources / Banquets d'Orient. Res Orientales. Vol. IV. Pp. 95–120.

6. Naîmâ Mustafa Efendi/ Târih-i Na'îmâ (Ravzatü'l-hüseyn fî hulâsati ahhâri'l-hâfikayn) / Hazırlayan Mehmet İpşirli. Cilt IV. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2007.

7. Yazıcızâde Ali. Tevârih-i âl-i Selçuk [Oğuznâme-Selçuklu Târîhi] / Hazırlayan A. Bakır. İstanbul, Çamlıca, 2009.

Сведения об авторе: Александр Иванович Галенко – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея искусств им. Богдана и Варвары Ханенко, заведующий сектором изучения цивилизаций Причерноморья Института истории Украины Национальной Академии наук Украины (01001, ул. Михайла Грушевского, 4, Киев, Украина).

Turkish wine cup of the XVII century from the Kiev Khanenko Museum of arts

Aleksandr Galenko

*(The Institute of history of Ukraine,
the National Academy of Sciences of Ukraine)*

Abstract: The article gives the analysis of Turkish wine cup, which is an element of heady feast, where it performs as the guaranty of obligations between the participants. At the same time this cup represents the preservation of steppe customs as well as the following of other ones.

Keywords: the wine cup, the Ottoman world, the steppe traditions.

REFERENCES

1. Bilenko G.I., Rudik G.B. *Muzey mistetstv imeni Bogdana ta Varvari Khanenkov. Skhidna kolektsiya. Al'bom-putivnik*. Kiïv, Vital-Press, 2005.
2. Galenko O.I. Radyans'ki benketi ta piyatiki u perspektivi evraziys'koï istoriï. *Problemi istoriï Ukraïni: Fakti, sudzhennya, poshuki*. Mizhvidomchiiy zbirknik naukovikh prats'. Vip. 16 na poshanu doktora istorichnikh nauk, profesora Stanislava Vladislavovicha Kul'chits'kogo z nagodi 70-richchya vid dni narodzhennya ta 50-richchya naukovoï pratsi. Chastina 2. Kiïv, Institut istoriï Ukraïni NANU, 2007, pp. 163–184.
3. Rudik G. Osmans'ka kolektsiya Muzeiu Khanenkov. *Ukraïna-Turechchina*. Kniga 1 [Khronika 2000. Ukraïns'kiy kul'turologichniy al'manakh. Vip. 95]. Kiïv, 2014.
4. *Bazm u razm, müellif-i Aziz bin Ardeshir Astarabadi*. İstanbul, Evkaf Matbaası, 1928. 441 p.
5. Melikian-Chirvani A.S. The Iranian Bazm in Early Persian Sources. *Vanquets d'Orient. Res Orientales*, vol. IV, pp. 95–120.
6. Naïmâ Mustafa Efendi. *Târih-i Na'îmâ (Ravzatü'l-hüseyin fî hulâsati ahbârî'l-hâfikayn)*. Hazırlayan Mehmet İpşirli. Cilt IV. Ankara, Türk Tarih Kurumu, 2007.
7. Yazıcızâde Ali. *Tevârih-i âl-i Selçuk* [Oğuznâme-Selçuklu Târîhi]. Hazırlayan A. Bakır. İstanbul, Çamlıca, 2009.

About the author: Aleksandr Ivanovich Galenko – Ph.D. in History, Head of the Sector of the Black Sea region civilizations study, the Institute of history of Ukraine, the National Academy of Sciences of Ukraine; Leading researcher of the Bogdan and Varvara Khanenko Museum of Art (01001, Mihaila Hrushevskoho st., 4, Kiev, Ukraine).

УДК 902/904

Мавзолеи западных районов Золотой Орды

Эмма Зиливинская

(Институт этнологии и антропологии РАН)

Аннотация: Среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры золотоордынского времени мавзолеи составляют наибольшее количество. Статья посвящена обзору золотоордынских мавзолеев, исследованных в западных частях Золотой Орды. Рассматриваются мавзолеи Подонья, Поднепровья, Крыма и Поднестровья, а также выделяются различные их типы.

Ключевые слова: Золотая Орда, мусульманство, мавзолеи, Подонье, Поднепровье, Крым, Поднестровье.

В Золотой Орде, как и в других странах этого времени, где мусульманская религия играла существенную роль, мавзолеи строились во всех регионах. В частности, это объясняется тем, что в золотоордынских городах наибольшим влиянием пользовались проповедники суфизма, для которого характерен культ «святых могил». Среди раскопанных археологами объектов монументальной архитектуры мавзолеи составляют наибольшее количество. Отдельные постройки сохранились до наших дней, некоторые известны по рисункам и описаниям исследователей и путешественников предыдущих веков. Общее число золотоордынских мавзолеев, планировка которых может быть в той или иной степени проанализирована, приближается к сотне. Археологически исследованы мавзолеи и в западной части Золотой Орды, то есть в тех ее районах, которые расположены западнее центрального, поволжского региона.

В бассейне Дона, в Воронежской области, на правом берегу реки Мечетки (Мечети) находится городище Краснохуторское. В

1948 г. здесь при раскопках были найдены остатки большого мавзолея [16, с. 179–185]. К сожалению, здание не было исследовано полностью, поэтому планировка его осталась неизвестной. Стены были сложены из обожженных кирпичей размерами 25 x 25 x 4,3 см. Внутреннее помещение мавзолея имело кирпичный пол. Под полом находились мусульманские захоронения, три из которых были исследованы. В двух могилах погребенные лежали в кирпичных склепах. При раскопках найдено большое количество изразцов, украшавших стены. Изразцы были как плоские, так и рельефные с полушарными выступами и оттисками растительного узора, плетенки и подражаниями арабским надписям. Большая часть изразцов была бирюзового цвета, встречались синие, белые и желтые. Автор публикации считает эту постройку мавзолеем-мечетью, принимая во внимание монументальность и богатую отделку здания [16, с. 181]. Однако термин мавзолеем-мечеть является спорным, поэтому более корректно было бы говорить о большом богатом мавзолее.

В 2002 г. экспедицией Воронежского университета полностью был вскрыт еще один мавзолей, расположенный неподалеку у пос. Красный [18, с. 316–317; 19, с. 194–195; 20, с. 218–220]. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым по линии ССЗ-ЮЮВ (рис. 1,1). Стены его почти полностью разобраны, кое-где сохранились участки кладки нижнего слоя, в целом же план здания был прослежен по канавке фундамента, который был заглублен в материк на 40–45 см. Стены были сложены из квадратных кирпичей со стороной 23,5–24 см на глиняном растворе. Толщина их достигала 1,8 м. Общие размеры мавзолея составляли 21,5 x 10, 5 м. В северной части находилась квадратная в плане усыпальница, размерами 6,8 x 7,0 м. Под полом в ней был сделан большой квадратный (4,5 x 4,6 м) склеп глубиной 1,5 м. В склеп можно было попасть через вход в виде узкого коридора, который проложен под восточной стеной. С северной стороны к усыпальнице пристроено прямоугольное помещение с более тонкими стенами. Внутренние размеры его – 3,5 x 3,7 м. Возможно, это какая-то более поздняя пристройка, в которой также совершались захоронения. С южной стороны к усыпальнице примыкало прямоугольное в плане (3,5 x 7,0 м) помещение (зиорат-хана). Длинные стены с южной стороны оканчивались пилонами шириной

3,2 и 3,6 м, поддерживающими арку портала. Портал был украшен мозаикой из кашина. При раскопках были найдены ее элементы, бирюзового, ультрамаринового, белого цветов, а также плитки, покрытые золотой фольгой по белому фону.

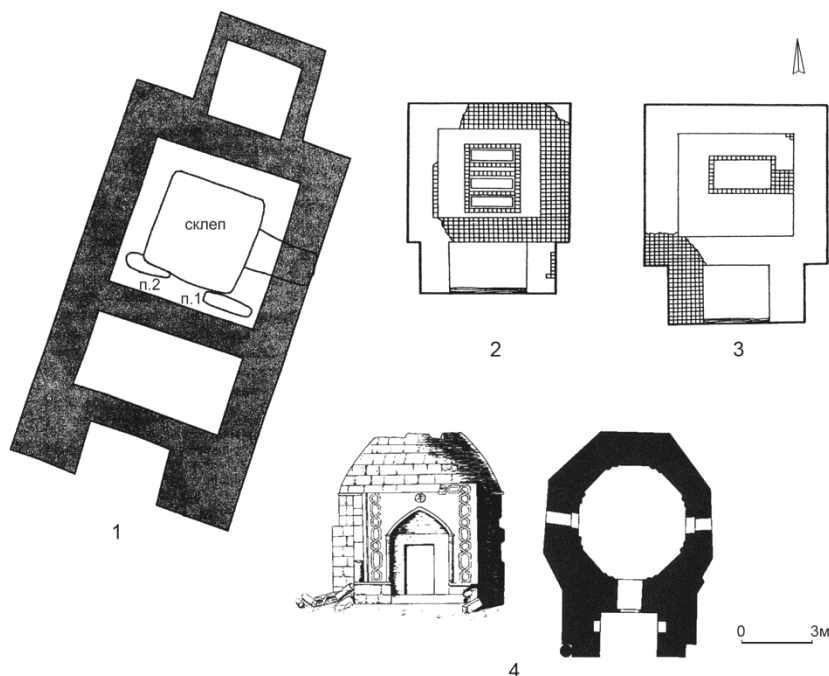

Рис. 1. Мавзолеи Подонья и Поднепровья:

- 1 – у пос. Красный в Воронежской области (по М.В. Цыбину);
2–3 – на урочище Мечеть (по О.Б. Супруненко); 4 – вблизи
городища Конские Воды (по М.В. Ельникову)

В Днепровском Левобережье, на правом берегу р. Ворсклы, притока Днепра, находилось поселение Правобережная Кишенька золотоордынского времени, которое сильно нарушено Днепродзержинским водохранилищем. Гораздо лучше сохранился его некрополь на урочище Мечеть, расположенный выше по течению [17, с. 19–24]. Наряду с грунтовыми погребениями здесь исследованы фундаменты двух мавзолеев, сложенных из обожженного

кирпича размерами 20–23 x 20–23 x 6–6,5 см на глиняном растворе. Обе постройки имели сходную планировку. Они состояли из квадратной в плане усыпальницы, к которой с южной стороны был пристроен обширный портал, несколько суженный относительно основного объема здания (рис. 1, 2–3). Мавзолей № 1 имел размеры 7,4 x 7,4 м. Стены его были сложены в 6 рядов кладки, и толщина их достигала 1,3 м. Пилоны портала толщиной 1,2 м образовывали айван шириной 3,4 м и глубиной 3,0 м. На плане между пилонами у их южного окончания изображен деревянный брус, который, вероятно, является остатками порога. То есть, айван был закрыт деревянной панелью с дверями. Размеры мавзолея № 2 составляли 9,5 x 9,5 м. Кирпичные стены и пилоны портала были 1,4 м толщиной (7–8 рядов кладки). Портал 2,9 м шириной и 3,4 м глубиной имел такое же строение и также был закрыт деревянной дверью. В мавзолее № 1 было три кирпичных склепа в виде прямоугольных ящиков, а в мавзолее № 2 – один, такой же конструкции, но больших размеров. Обе постройки были почти полностью разобраны, от их архитектурного оформления остались только обломки майоликовых плиток с голубой и зеленоватой поливой, кашинных изразцов с подглазурной росписью белого, желтого и синего цветов, фрагменты терракотового декора, обломки известкового раствора и алебастровой штукатурки. Недалеко от этих зданий выявлены остатки еще двух мавзолеев, но об их плане сведений не сообщается.

На правом берегу р. Конки, в 60 верстах от Днепра находилось золотоордынское городище, упоминаемое в «Книге Большому Чертежу» 1627 г. Согласно описаниям в этом месте сохранилось семь мавзолеев [7, с. 86]. На плане Конских Вод и р. Мечетной (Жеребца) 1774 г., хранящемся в Государственном военно-историческом архиве, изображены четыре мавзолея с сохранившимися порталами, шесть – обвалившихся и еще пять, входы в которые были завалены большими камнями [8, с. 128]. Следовательно, здесь находился крупный мусульманский могильник, возможно относившийся к городищу «Конские Воды». В 1769 г. один из мавзолеев близ устья реки Мечетной был зарисован (рис. 1, 4). План его и чертеж фасада также были найдены в Государственном военно-историческом архиве [8, с. 128]. Мавзолей башенный, восьмигранный, увенчанный шатровым куполом. Размеры

его приблизительно 8 х 7 м, высота – около 7,5–8 м. Здание имело большой выступающий портал с нишей стрельчатого очертания. Во внешних углах его сделан квадратный вырез, в который вставлены колонки небольшого диаметра. Фасад портала украшен прямоугольной рамой в виде «сельджукской цепи», в боковых стенках имелись небольшие нишки. По плану, внешнему виду и пропорциям этот мавзолей наиболее близок известному мавзолею Джанике ханым в Чуфут-Кале.

Важнейшим районом Золотой Орды являлся Крым. Именно через Таврику осуществлялась торговля Золотой Орды со странами Черноморского бассейна и далее со всей Европой. В золотоордынское время здесь оживляются ремесло и торговля, происходит рост населения, расширяются старые и возникают новые города. Административным центром Крымского полуострова становится город Солхат или Крым. В Солхате находятся широко известные памятники золотоордынского зодчества, такие как мечеть-медресе Узбека, мечети «Бейбарса» и Куршун Джамии. Также здесь исследованы два мавзолея золотоордынского времени¹.

Мавзолей № 1 находился на площади перед медресе [12, 1985]. Он представлял собой прямоугольное в плане сооружение, ориентированное по оси запад-восток (рис. 2, 1). Размеры его 6,3 х 9,65 м. Стены сложены из известняка на известковом растворе. Толщина стен 85–90 см, в высоту они сохранились на 0,7–1,25 м. Основную часть здания составляло прямоугольное в плане помещение усыпальницы, внешние размеры которого составляли 6,3 х 7,4 м, внутренние – 4,4 х 5,4 м. Северная и южная стены продолжались к западу примерно на 2,25 м, образуя пилоны портала. В центре помещения усыпальницы находилась известняковая плита размерами 2,0 х 0,76 м с выемками для крепления первоначально существовавшего надгробия. По монетному материалу мавзолеев датируется концом XIV – началом XV вв.

Мавзолей № 2 расположен на гребне юго-восточного отрога горы Малый Агармыш, недалеко от крепостной стены Солхата [13; 14; 15]. Постройка прямоугольная в плане, вытянута вдоль

¹ Приношу искреннюю благодарность М.Г. Крамаровскому за разрешение использовать неопубликованные материалы.

Мавзолеи западных районов Золотой Орды

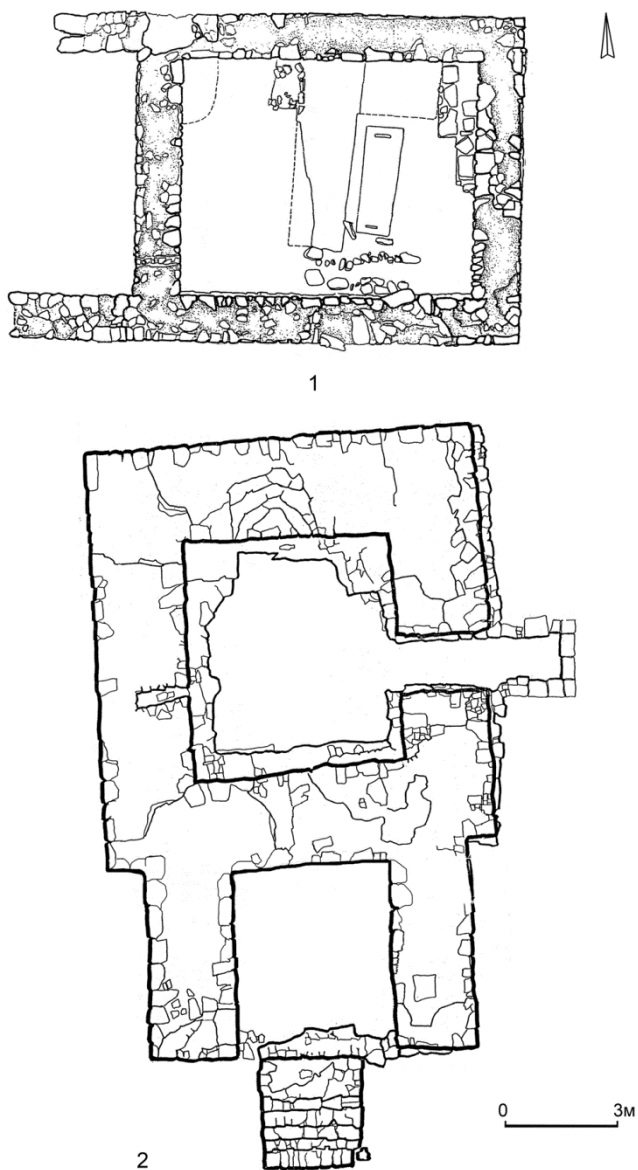

Рис. 2. Мавзолеи Солхата: 1 – № 1; 2 – № 2 (по М.Г. Крамаровскому)

меридиональной оси (рис. 2,2). Длина ее 15,7 м, ширина 10 м в северной части и 9 м – в южной. Стены сложены панцирной кладкой из крупных блоков известняка по внешним фасадам с заполнением рваным бутом в середине. Кладка на известковом растворе. В высоту стены сохранились на высоту до 1,25 м. Здание состояло из двух объемов: квадратной в плане (10,7 х 10,0 м) усыпальницы в северной части и примыкающего к ней с юга портала длиной 5,0 м и шириной 9,0 м. То есть портал несколько сужен относительно основного объема. Западный пилон имел толщину 2,35 м, восточный – 2,15 м, они образовывали нишу айвана шириной 4,2 м и глубиной 5 м. Южные концы пилонов были соединены стенкой, которая имела толщину 1,1 м и была положена не в перевязку с ними. Полы в мавзолее находились выше уровня дневной поверхности, поэтому снаружи к входу вела каменная лестница из 5 ступеней общей высотой 1,45 м и шириной 2,85 м.

Толщина стен гур-ханы составляла 2,5 м. Они ограничивали пространство 5,7 х 6,0–6,4 м. В западной стене был сделан вентиляционный канал длиной 1,5 м и шириной 30 см. Под усыпальницей находился полуподземный склеп, перекрытый сводом. В него можно было попасть через специальный коридор, который начинался в 2,3 м к востоку от восточной стены и проходил через нее. Ширина коридора составляла 1,25 м, общая длина – 4,8 м. Пол склепа частично был выложен обожженным кирпичом. В склепе найдены останки 14 человек. Датируется мавзолеем 50–60 гг. XIV в.

В других частях Крымского полуострова известно довольно много мавзолеев, называемых по-тюркски дюрбе. Они имеют различную степень сохранности, но большей частью планировка их прослеживается достаточно полно. Все мавзолеи в Крыму возводились из тесаного камня, преимущественно известняка, на крепком известковом растворе. К сожалению, не все из них поддаются достоверной датировке, поэтому в настоящую работу включены те памятники, которые либо построены в золотоордынское время, либо соответствуют золотоордынским мавзолеям по планировке и внешнему облику.

Одним из самых известных мемориальных памятников Крыма является Эски-дюрбе в Бахчисарае [2, с. 196–197; 9, с. 120–124]. Здание мавзолея представляет собой в плане квадрат

9,26 x 9,16 м (рис. 3). Толщина стен его 1,4 м. Верхняя часть постройки переходит путем среза углов под прямым углом в восьмигранный барабан, перекрытый полусферическим, несколько удлиненным куполом, диаметр которого в основании 6,4 м. Б.Н. Засыпкин указывает, что снаружи купол мог быть перекрыт шатром. Внутри переход к восьмиграннику осуществляется при помощи тропов, поверхность которых представлена пятью треугольниками. Кладка купола сделана из тесаных блоков известняка, размеры которых уменьшаются по мере приближения к замку свода. С восточной стороны находится глубокий портал прямоугольной формы со стрельчатой аркой. Тимпан арки украшен тремя рельефными розетками, средняя из которых слегка наклонена книзу (рис. 3,2). В глубине портала сделан небольшой дверной проем с полукруглым верхом. Снаружи на плоскости стены проем обрамлен декоративной аркой с килевидным завершением. В северной стене дюрбе имеет два оконных проема, с западной – один, с южной – дверной и над ним оконный проемы. Эски-дюрбе отличается от подобных памятников наличием открытого двора, который примыкает к основному объему здания с южной стороны во всю его ширину. Длина его стены 6, 2 м. В нижней части стены идет ряд узких отверстий-бойниц, имеющих чисто декоративное значение. В боковых стенах сделано по шесть бойниц, а в южной – восемь. Верхняя часть состоит из стрельчатых арок-пролетов 1,9 м шириной. Всего их семь: по две в боковых стенах и три – в южной. Дата постройки этого сооружения неизвестна, устная традиция говорит о том, что оно было построено еще до Гиреев.

Характерный для XIV – начала XV вв. облик имеет дюрбе № 1 в Азисе (рис. 4–5), воздвигнутое, как следует из строительной надписи над порталом, Муххамед-Шах-беем, сыном Мухаммеда [2, с. 199–200; 9, с. 116–118; 11, с. 451–464]. В нижней части здание представляет собой в плане квадрат 5,45 x 5,45 м. Купол держится на восьмигранном барабане, переход к которому осуществляется путем верхних треугольных срезов кубического основания под углом 45 градусов. Полусферический купол имеет радиус 2 м. Общая высота здания (до верха перекрытия) – 5,7 м. Вход в мавзолей находится с южной стороны. Перед входом был портал, от которого уцелел один пилон. С внутренней стороны пилона

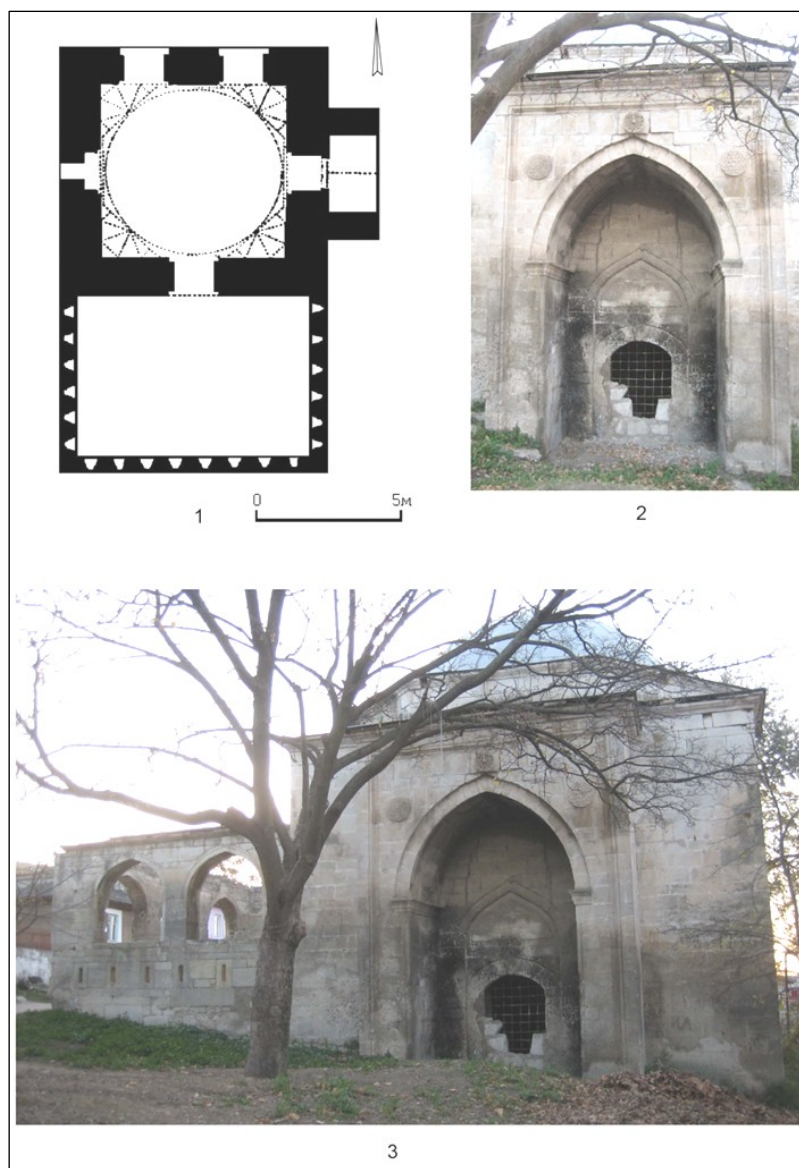

Рис. 3. Эски-дюрбе в Бахчисарае:
1 – план (по Б.Н. Засыпкину); 2 – портал; 3 – вид с востока

1

2

3

Рис. 4. Дюрбе № 1 в Асизе близ Бахчисарая: 1 – вид с северо-запада; 2 – плита с надписью над входом; 3 – вход и остатки портала

сделана полукруглая в сечении стрельчатая ниша со сталактитовым декором в верхней части. С двух сторон от нее находятся высеченные по камню семиконечные звезды. Над дверью сохранилась плита с арабской надписью с именем строителя. По бокам ее находятся два рельефных круга, в одном из которых видна семиконечная звезда (рис. 4,2). С западной и восточной сторон интерьер здания освещался через прямоугольные окна, забранные желез-

ными решетками. Внутри мавзолея находится подземный склеп с провалившимся сводом. Высота склепа – 1,75 м.

Точная дата постройки мавзолея неизвестна, но на основе анализа архитектурных форм памятника большинство исследователей относило его к концу XIV – началу XV в. Б.Н. Засыпкин отмечал типично сельджукский облик портала и архитектурного декора здания [9, с. 117–118]. У. Боданинский относил арабскую надпись на портале по стилю письма к поздне-золотоордынскому времени [2, с. 199]. А.Л. Якобсон также считал, что дюрбе Мухамед-Шах-бея является одним из наиболее древних памятников золотоордынской архитектуры Крыма. «Во всем облике этого маленького дюрбе сказывается полная зависимость раннетатарской архитектуры от сельджукского искусства, формы которого к тому же сильно упрощались» – писал исследователь [22, с. 129].

В 1991 г. В.П. Кирилко провел обследование, архитектурную фиксацию и раскопки внутри и снаружи мавзолея [11, с. 451–464]. В результате этих раскопок был получен материал, который позволил автору датировать данный памятник. В отложениях толщиной 12–25 см, которые трактуются как слой строительного мусора (не слой разрушения), были найдены две медные монеты. Одна из них датируется временем правления Шахин-Гирая (1746–1787 гг.), вторая не определена [11, с. 462]. Этот слой лежит непосредственно на плотной дневной поверхности строительного горизонта, который представлен почвой, насыщенной золотоордынской керамикой. На основании такой стратиграфии и находки одной монеты В.П. Кирилко относит время строительства мавзолея к XVIII в. Мне представляется, что эти выводы несколько поспешны. Конечно, нумизматический материал дает наиболее достоверные даты, но одной монеты не достаточно, и контекст ее находки может быть определен не совсем верно. Судя по описанию, мавзолей стоит непосредственно на золотоордынском слое и в слое строительного мусора найден фрагмент золотоордынской керамики. Эти факты в комплексе с архитектурными особенностями здания могут свидетельствовать в пользу ранней даты. Что касается монеты XVIII в., то она могла попасть в слой случайным образом (например, закатилась в ямку или нору). На полу дюрбе были найдены фрагменты каменного надгробия, аналогии которому находятся на Ханском кладбище

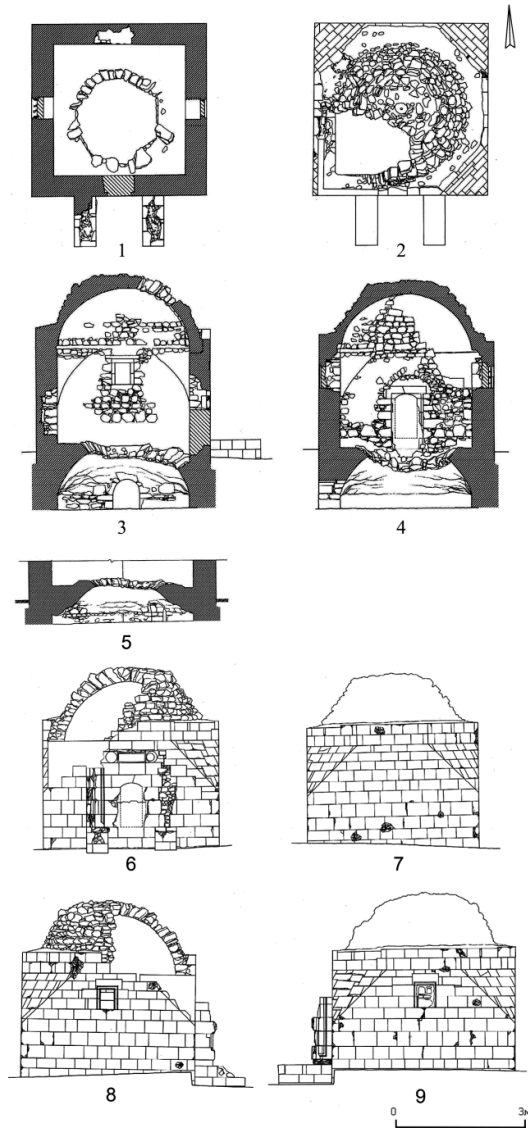

Рис. 5. Дюрбе № 1 в Асизе близ Бахчисарая: 1 – план; 2 – план перекрытия; 3 – продольный разрез; 4 – поперечный разрез; 5 – диагональный разрез погребальной камеры); 6– южный фасад; 7 – западный фасад; 8 – северный фасад; 9 – восточный фасад (по В.П. Кирилко)

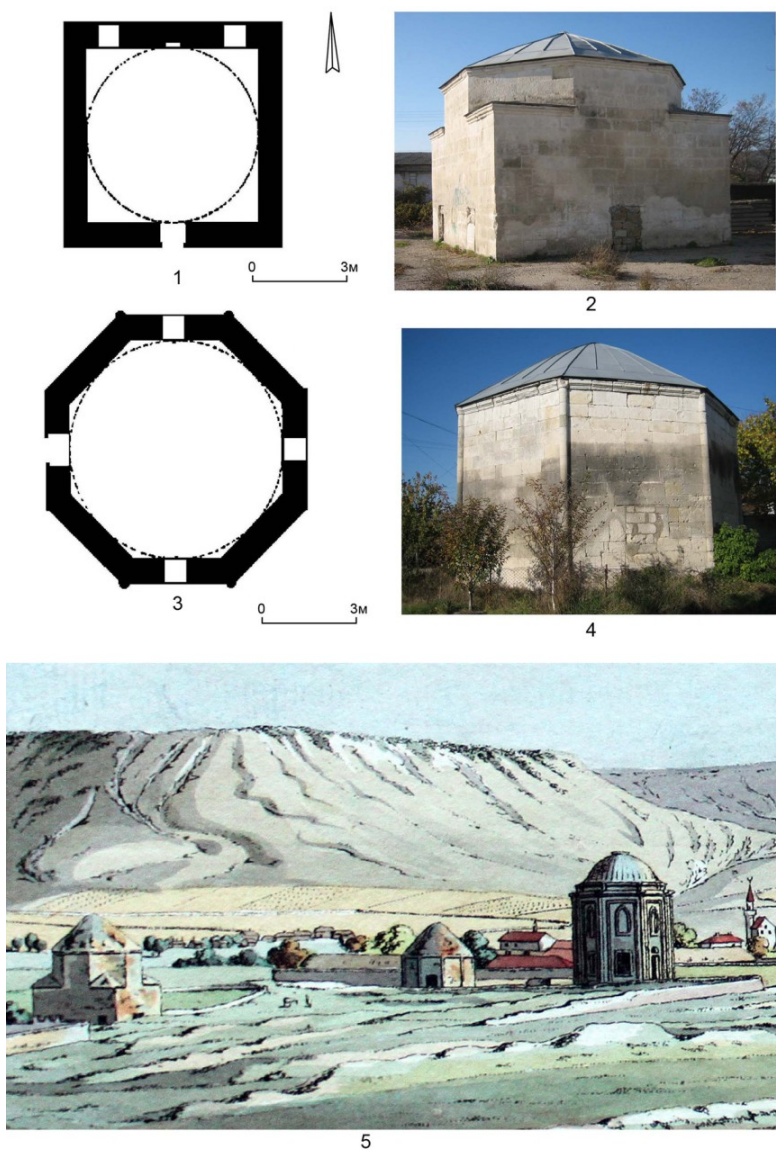

Рис. 6. Дюрбе в окрестностях Азиса: 1 – № 4, план (по Б.Н. Засыпкину); 2 – современный вид; 3 – «малый восьмигранник», план (по Б.Н. Засыпкину); 4 – современный вид; 5 – рисунок из сочинений П.С. Палласа

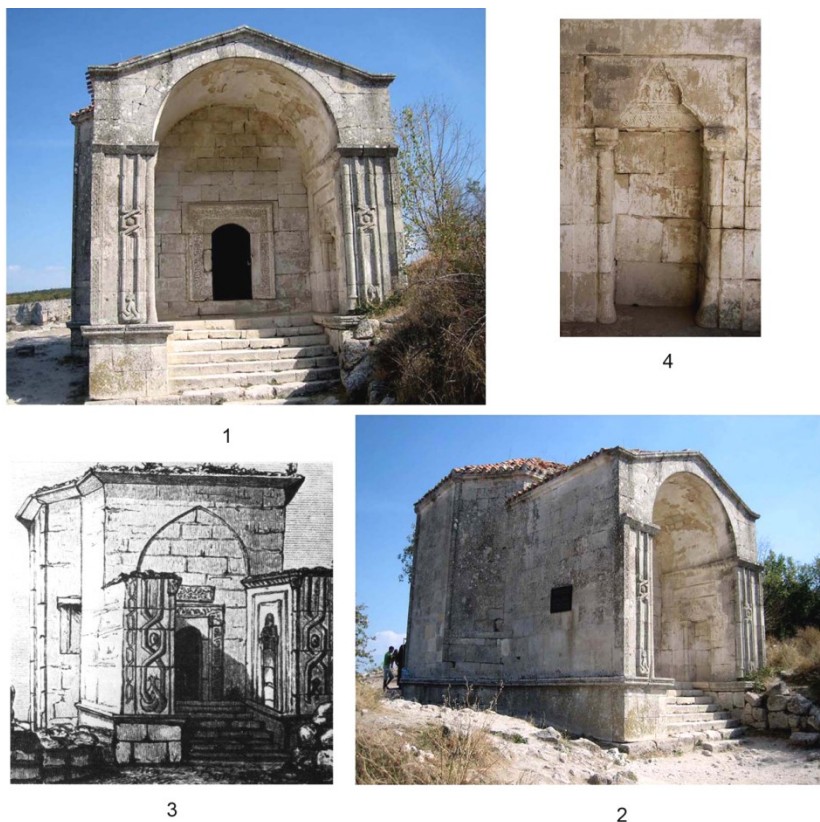

Рис. 7. Мавзолей Джанике ханым в Чуфут-Кале: 1 – портал;
1 – общий вид; 3 – рисунок XIX в. (по А.Г. Герцену и
Ю.М. Могаричеву); 4 – ниша в стене портала

дворца в захоронениях XVII – начала XIX в., что тоже, по мнению исследователя, подтверждает позднюю дату [11, с. 459]. Однако, возможно, мавзолей, построенный в XIV в., использовался и в более позднее время. В XVIII в. он мог быть обновлен, и в него совершены новые захоронения. В этом случае слой строительного мусора может относиться к ремонту здания. Тогда-то монета и была потеряна возле стен мавзолея. Или же этот слой все же является слоем разрушения.

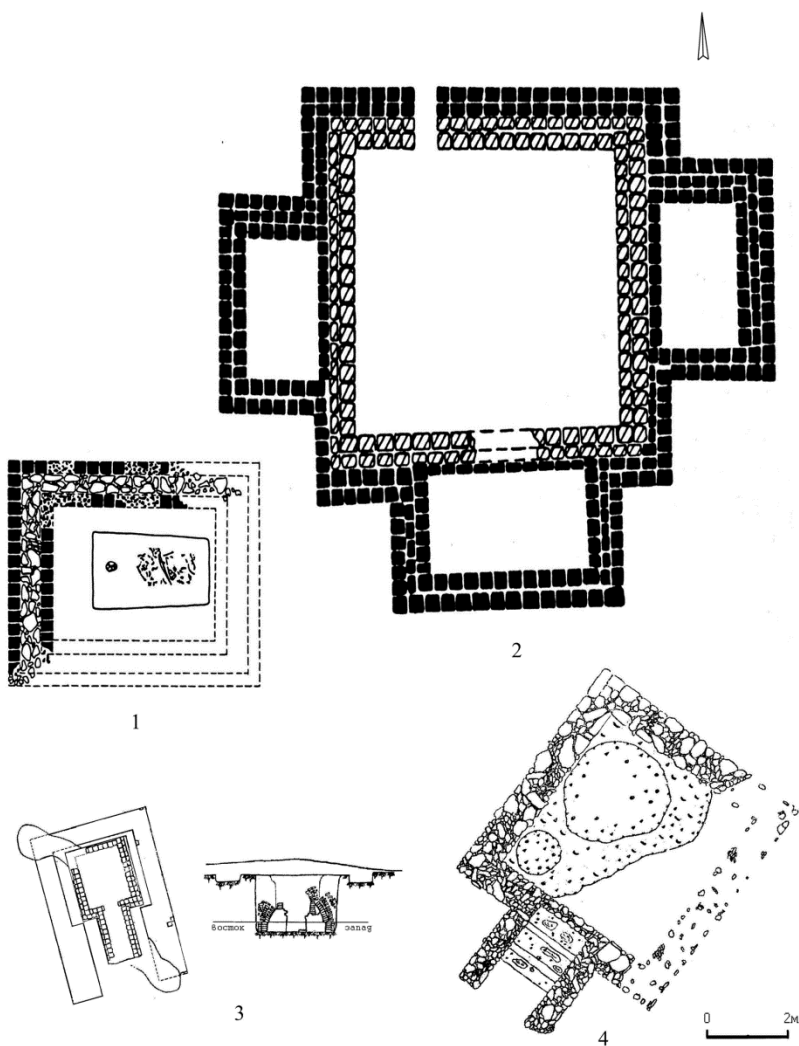

Рис. 8. Мавзолеи Поднестровья и Подунавья: 1–2 – № 1 и № 2 в Старом Орхее (по П.П. Бырне и Т.Ф.Рябой); 3 – № 1 у с. Бравичены (по Г.Ф. Чеботаренко и П.П. Бырне); 4 – у с. Новосельское (по А.О. Добролюбскому и В.М. Кожокару)

Архитектура здания является типично сельджукской и совершенно не соответствует XVIII в. В.П. Кирилко признает, что объемное решение постройки, ее портал, сопряжение объемов посредством треугольных скосов, орнаментальные мотивы декора выполнены в сельджукских строительных традициях. При реконструкции внешнего купола мавзолея он также основывается на аналогиях из Малой Азии сельджукского периода [11, с. 464]. Таким образом, вопрос с датой строительства дюрбе Мухаммед-Шах-бея в настоящее время однозначно решен быть не может.

Два дюрбе известны в окрестностях Азиса [2, с. 200; 9, с. 119–121]. Дюрбе № 4 (рис. 6, 1–2) аналогично Эски-дюрбе в Бахчисарае. Оно квадратное в плане, но не имеет портала и аркатуры. Сверху перекрыто полусферическим куполом. Дюрбе находится в ограде суфийского монастыря. Дюрбе «Малый восьмигранник» восьмигранное, внешние углы его декорированы трехчетвертными колонками, верх увенчан карнизом (рис. 6, 3–4). Внутренний объем перекрыт полусферическим куполом на полуциркулярных арках. Снаружи прослеживается сильно разрушенное перекрытие в виде восьмигранного шатра. Дата обеих построек неизвестна, но по своему внешнему облику они соответствуют крымским мавзолеям золотоордынского времени. Шатровые покрытия обоих мавзолеев хорошо видны на цветной литографии из сочинений П.С. Палласа 1799–1801 гг., на которой изображена панорама Азиса (рис. 6, 5). На картине легко узнаваемы дюрбе № 4, «Малый восьмигранник» и «Большой восьмигранник», относящийся уже к османскому периоду.

Достаточно известным памятником является дюрбе в Чуфут-Кале [2, с. 197–198; 9, с. 124–126]. В плане оно представляет собой восьмиугольник, каждая грань которого имеет 3,5 м в длину, внутри расстояние от грани до грани – 5,2 м (рис. 7). На наружных углах восьмигранника сделаны полукруглые колонки, декорированные резьбой в виде рельефной геометрической плетенки. Высота нижней части здания до карниза – 5,4 м. Мавзолеем перекрыт полукруглым куполом без барабана. С южной стороны к объему здания пристроен сильно выдвинутый портал в виде че-

тырехугольника с полуциркульной аркой². Ширина портала составляет 5,1 м, глубина – 4,15 м. Внутри с обеих сторон портала имеется по одной углубленной «сельджукской» нише полукруглого плана со сталактитовым завершением и круглыми трехчетвертными колонками по сторонам. В этом мавзолее найдена надгробная плита, из надписи на которой следует, что здесь находилась «гробница великой царицы Джанике ханым, дочери великого хана (Тохтамыша) скончалась в месяце Рамазана 841 г.х. (1437 г.)» [3, с. 16–18]. Однако по поводу датировки всего здания в целом существуют различные мнения. Например, У.А. Боданинский на основе архитектурного анализа здания относил его к началу XIV в. и считал, что захоронение было сделано позже в уже существующем мавзолее [2, с. 198]. В то же время Б.Н. Засыпкин предполагал, что к золотоордынскому периоду относится только сам мавзолей, а портал, не имеющий аналогий в подобных памятниках, был пристроен позднее [9, с. 126]. Однако находка рисунка почти такого же мавзолея у Конских Вод позволяет предположить, что это был достаточно распространенный тип построек. Такое же строение имеет мавзолей Хаджи Герая в Салачике, но он построен позже. Тюрбе Хаджи Герая было открыто 21 марта 1501 г. в праздник Новруз [5, с. 37]. Остальные мавзолей-дюрбе Крыма также относятся ко времени Крымского ханства.

У западных границ Золотой Орды на территории Поднепровья также исследованы мемориальные постройки золотоордынского времени. Два мавзолея раскопаны в 50-е гг. XX в. на городище Старый Орхей [4, с. 94–95; 23, р. 64–65, 112–113]. Мавзолей № 1 находился на высоком обрывистом берегу р. Реут. Он был прямоугольным в плане, ориентированным по сторонам света, вытянутым по оси запад-восток. Размеры его 5,4 x 4,4 м (рис. 8,1). Цокольная часть стен была сложена панцирной кладкой из обожженного кирпича и известняка. Из кирпичей состояли внешний и внутренний ряды кладки, а пространство между ними было забутовано необработанными камнями. Толщина стен цоколя составляла 1 м. В значительной степени сохранились северная и

² Возможно, это результат реставрации. На рисунке XIX в. (рис. 7,3) арка имеет стрельчатое очертание.

западная стены цоколя, южная и восточная были разобраны до основания. Рядом с постройкой был обнаружен упавший фрагмент стены надцокольной части, который полностью состоял из кирпичной кладки. Внутри мавзолея находилась выдолбленная в скале яма погребения. Погребение было разграблено, кости и фрагменты деревянного гроба перемешаны.

Мавзолей № 2 расположен недалеко от мавзолея № 1 также на берегу реки. Он был частично разрушен при строительстве более позднего дворцового здания, а основание его использовалось в качестве подземного бассейна [4, с. 95]. Здание состояло из четырех помещений и имело сложную конфигурацию в виде неполного креста (рис. 8,2). В центре находилось прямоугольное помещение, вытянутое вдоль широтной оси. Размеры его 7,6 x 6,5 м. Стены его толщиной около 1 м сложены с наружной стороны из двух рядов обожженного кирпича на известковом растворе, а с внутренней стороны из двух рядов сырцового кирпича на глиняном растворе. К восточной, южной и западной стенам центрального помещения были пристроены три камеры прямоугольной формы, которые примыкали к нему длинной стороной. Размеры их соответственно 3,3 x 2,2 м, 4,0 x 2,5 м и 3,0 x 1,9 м. Стены были сложены из двух-трех слоев обожженного кирпича на известковом растворе. Судя по плану, (описание отсутствует) стены камер сложены в перевязку со стенами центрального помещения, но не сообщаются с ним. Здание имело один вход в центральное помещение, который был сделан в северной стене, но не по центру, а со смещением к западу. Ширина его 0,9 м. В материковом полу центральной камеры была прослежена яма полностью ограбленного погребения.

Мавзолей № 2 в Старом Орхее представляет собой довольно интересный образец мемориального сооружения. К сожалению, сохранившиеся материалы раскопок не дают возможности сделать однозначные выводы, так как описание и разрезы отсутствуют, а чертеж весьма схематичен. Если это мавзолей крестообразной планировки, то все части его должны соединяться между собой. Кроме того, в подобных зданиях зал с нишами обычно вписан в компактный квадратный или прямоугольный объем здания. Более всего постройка в Старом Орхее напоминает не сам мавзолей, а склеп под ним, который может иметь сложный внеш-

ний контур. Но и в этом случае боковые камеры должны быть соединены с центральной. Судя по публикации, вся постройка была наземной, в то же время в ней говорится о том, что уровень стен мавзолея находился на 4 м ниже развалин дворца XV в. и использовалась как подземный бассейн [4, с. 95]. Поэтому, мне кажется возможным предположить, что здесь мы имеем дело не с наземным сооружением, а подземным склепом.

Еще две постройки раскопаны у села Бравичены в Оргеевском районе, недалеко от городища Старый Орхей [21, с.45–47]. Стены мавзолеев полностью разобраны, и планировка зданий прослеживалась по следам кладки стен в материке. Оба мавзолея были сложены из обожженных кирпичей размерами 21 x 21 x 5,5 см, 24 x 23 x 5,5 см и 25 x 24 x 5,5 см. Мавзолей № 1 был прямоугольным в плане, вытянутым по оси С-Ю. Внешние размеры его 8,2 x 6 м (рис. 8, 3). Здание состояло из двух частей – близкой в плане к квадрату погребальной комнаты (4,10 x 3,75 м) и широкого, открытого на юг айвана. Стены основного помещения сложены в 4 ряда кладки и имели толщину 90–95 см. Стены айвана сложены в 6 рядов, толщина их составляла 1,5 м. Айван был 3 м глубиной и 3,55 м шириной. Внутри наземного сооружения находился склеп также сложенный из кирпича. Кладка в 2 ряда кирпичей. Склеп прямоугольной в плане формы (3,35 x 3 м), восточная и западная стенки его, начиная с шестого слоя кладки, закруглялись, образуя свод. Общая высота склепа 1,75 м. В южной стене находился дверной проем шириной 70 см, от которого к тянулся входной коридор длиной 2,45 м и шириной 90 см. Коридор был перекрыт кирпичным арочным сводом. В склепе находились остатки двух скелетов. При раскопках были найдены изразцовые кирпичи с бирюзовой поливой.

Мавзолей № 2 имел сходную планировку. Сам мавзолей также был прямоугольным в плане размерами 6,2 x 5,6 м. Стены его имели на всем протяжении одинаковую ширину – 90 см. Они были сложены из 4-х рядов обожженного кирпича на глиняном растворе. Южная стена отсутствовала, вероятно, здесь находился вход в айван. Айван никак не выделен, поскольку его стены не отличаются по толщине от стен основного помещения. Склеп имел форму квадрата со стороной 2, 5 м. Дно его находилось на глубине 1,1 м от дневной поверхности. Склеп был перекрыт

стрельчатым сводом. В южной стене был сделан проем шириной 50 см. Входного коридора не было, в помещение склепа вели 4 ступеньки. В нем были найдены остатки двух скелетов.

Интересное сооружение было обнаружено при раскопках у с. Новосельское Ренийского района Одесской области [6, с. 156–168]. Здесь был раскопан фундамент квадратного в плане каменного здания. Внешние размеры его примерно 7 x 7 м, внутренние – 5 x 5 м (рис. 8,4). Стены сложены из необработанных камней и бута на известковом растворе. Толщина их колебалась от 70 см до 1,1 м. Сооружение ориентировано по оси СЗ-ЮВ. Вход в здание находился по центру юго-западной стены. Снаружи он был оформлен двумя пилонами, которые образовывали айван шириной 1,5 м и глубиной 2,9 м. Пол основного помещения был ниже уровня дневной поверхности, к нему вели земляные ступеньки с отпечатками бута и досок. Пол был покрыт известковой обмазкой. Авторы публикации считали это сооружение жилой постройкой, которая свидетельствует о наличии оседлого населения в Буджакских степях в XV–XVI вв [6, с. 158]. Непосредственно на известковом полу был найден довольно мощный слой золы с костями животных и керамикой начала XV в., затем следовала стерильная прослойка и вновь слой с пятнами очагов и следами жизнедеятельности. В нем была найдена турецкая монета султана Баязида II (1481–1512 г). На основании стратиграфии исследователи выделяют два жилых периода данной постройки: 10–80-е гг. XV в. и начало – 70-х гг. XVI в. [6, с. 161]. А между тем, это здание по своей планировке является типичным мавзолеем, которые известны в XIV–XV вв. практически во всех регионах Золотой Орды. В данном случае наличие слоя золы и кухонной керамики, относящейся к началу XV в. свидетельствует не о дате постройки, а о том, что в это время мавзолеей уже был в запустении и не использовался по назначению. Действительно, в конце XIV в. Буджакские степи отошли к Молдавии, христианское население которой не почитало мусульманские святыни и могло использовать мавзолей как временное пристанище. Таким образом, в качестве мавзолея это здание использовалось раньше, то есть в золотоордынское время. Этот мавзолеей является первой находкой такого рода зданий в северо-западном Причерноморье.

Обзор мемориальных построек западных районов Золотой Орды показывает, что планировка их достаточно разнообразна. Здесь строились башенные многогранные сооружения, как с порталами, так и без них. К фасадным мавзолеям этого типа относятся Малый восьмигранник в Азисе. Дюрбе Джанике-ханым в Чуфут-Кале и мавзолей у Конских Вод имеют развитые порталы.

Наиболее многочисленную группу представляют мавзолеи с кубическим (призматическим) помещением усыпальницы. Здесь встречаются фасадные здания без портала, такие как дюрбе № 4 в Азисе и мавзолей № 1 в Старом Орхее. Часть построек имеет узкий, выступающий портал. Это Эски-дюрбе и дюрбе Мухаммед-Шах-бея, мавзолей в Новосельском. Такой же выступающий портал, но значительно более мощный имеют мавзолеи №№ 1, 2 на урочище Мечеть мавзолей № 2 в Солхате. Возможно, он представлял собой довольно высокую арку типа среднеазиатского пештака. Довольно интересно решена планировочная структура мавзолеев у с. Бравичены в Поднестровье. Пилоны портала вписаны в объем здания и значительно превышают по толщине стены основного помещения. В то же время, порталная часть равна по длине основному помещению, то есть между пилонами располагается длинное узкое пространство вроде коридора. Именно в этом коридоре находится вход в сводчатый узкий проход, ведущий в погребальную камеру склепа. Мавзолей № 1 в Солхате представляет собой постройку с порталом, вписанным в объем здания, но не имеющим массивных пилонов. Пилоны портала являются продолжением продольных стен здания, не превышая их при этом по ширине.

Самой крупной постройкой является мавзолей № 2 у пос. Красный в Воронежской области. Это многокамерный призматический продольноосевой мавзолей с массивным порталом типа пештака. Большая часть продольноосевых мавзолеев Золотой Орды состоит из двух помещений – прямоугольного в плане тамбурного, следующего за входом, и квадратной в плане усыпальницы [10, с. 257–259, 280]. По-видимому, прямоугольное помещение возникает в результате возведения сплошной стены между пилонами портала и «закрывания» входного айвана. Стены этого помещения обычно не отличаются большой толщиной, поэтому такие здания, скорее всего, не имеют высокого портала и являют-

ся фасадными. Стремление сделать акцент на фасадную часть привело к возникновению построек такого же плана, но с входом, оформленным пештаком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым, 1927. № 1.
2. Боданинский У. Татарские «Дурбе» – мавзолеи в Крыму // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II (58). Симферополь, 1927.
3. Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н., Ачокраклы О.А.. Чуфут-Кале по материалам раскопок 1928–29 гг. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II (58). Симферополь, 1929.
4. Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // Российская археология, 1997. №2.
5. Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая. По материалам исследований 2003–2008 гг. Киев-Запорожье, 2010.
6. Добролюбский А.О., Кожокару В.М. Молдавский средневековый поселок Рошкань на Нижнем Дунае // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Вестник Черноморской ассоциации археологи любителей древности (выпуск 1). Одесса-Запорожье, 1990.
7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985.
8. Ельников М.В. Охоронні дослідження золотоордынского міста «Кінські Води» // Старожитності ліво бережного подніпро'я. Київ-Полтава, 2013.
9. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым, 1927. № 2.
10. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Взаимодействие культурных традиций. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012.
11. Кирилко В.П. Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // Stratum plus. № 6. 2005–2009.
12. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив Института Археологии Украины. № 1985/94.

13. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1991 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив Института Археологии Украины. № 1991.

14. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1992 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив Института Археологии Украины. № 1992.

15. Крамаровский М.Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа в 1985 году // Архив Института Археологии Украины. № 1993.

16. Левашева В.П. Золотоордынские памятники в Воронежской области // Труды Государственного Исторического Музея, вып. 37. М.: ГИМ, 1960.

17. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ-Полтава: «Археологія», 2004.

18. Цыбин М.В. К изучению русско-золотоордынского пограничья в Среднем Подонье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. I Международная Нижневолжская конференция. Г.Волгоград, 1–5 ноября, 2004 г. Тез. докл. Волгоград, 2004.

19. Цыбин М.В. Русско-ордынское пограничье в Подонье (по данным археологических исследований) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. III Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). Тез. докл. М., 2006.

20. Цыбин М.В., Савицкий Н.М. Планировка мавзолея у пос. Красный Бобровского района Воронежской области // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 13. Воронеж, 2009.

21. Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 4 (70). Кишинев, 1960.

22. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л.: Наука, 1964.

23. Nesterov T. Situl Orheiul Vechi. Monumente de arhitectura. Moldova, Epigraf, 2003.

24. Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794. B. I. Leipzig, 1799.

Сведения об авторе: Эмма Давидовна Зиливинская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (119991, Ленинский проспект, 32а, Москва, Российская Федерация); eziliv@mail.ru

Mausoleums of the western areas of the Golden Horde

Emma Zilivinskaya

*(Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences)*

Abstract: Among the objects excavated by archaeologists monumental architecture Golden Horde period tombs are the most. The article provides an overview of the Golden mausoleums investigated in the western parts of the Golden Horde. Mausoleums are considered along the Don, Dnieper, Dniester and the Crimea as well as distinguished their various types.

Keywords: The Golden Horde, Islam, mausoleums, Don region, Dnieper, the Crimea, the Dniester.

REFERENCES

1. Bashkirov A.S. Khudozhestvennye pamyatniki Solkhata. *Krym*, 1927, no 1.
2. Bodaninskiy U. Tatarskie «Durbe» – mavzolei v Krymu. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, vol. II (58). Simferopol', 1927.
3. Bodaninskiy U.A., Zasyrkin B.N., Achokrakly O.A.. Chufut-Kale po materialam raskopok 1928–29 gg. *Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, vol. II (58). Simferopol', 1929.
4. Byrnya P.P., Ryaboy T.F. Monumental'naya arkhitektura zolotoordynskogo goroda XIV v. Shekhr al-Dzhedid. *Rossiyskaya arkheologiya*, 1997, no 2.
5. Gavriluk N.A., Ibragimova A.M. *Tyurbe khana Khadzhi Geraya*. Po materialam issledovaniy 2003–2008 gg. Kiev-Zaporozh'e, 2010.
6. Dobrolyubskiy A.O., Kozhokaru V.M. Moldavskiy srednevekovyy poselok Roshkan' na Nizhnem Dunae. *Okhrannye istoriko-arkheologicheskie*

issledovaniya na yugo-zapade Ukrainy. Vestnik Chernomorskoj assotsiatsii arkeologovi lyubiteley drevnosti, випуск 1. Odessa-Zaporozh'e, 1990.

7. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordyy v XIII–XIV vv.* Moscow, Nauka Publ., 1985.

8. El'nikov M.V. Okhoronni doslidzhennya zolotoordynskogo mista «Kinski Vodi». *Starozhitnosti livo berezhnogo podnipro'ya*. Kiiv-Poltava, 2013.

9. Zasyupkin B.N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar. *Krym*, 1927, no 2.

10. Zilivinskaya E.D. *Arkhitectura Zolotoy Ordyy. Vzaimodeystvie kul'turnykh traditsiy*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2012.

11. Kirilko V.P. Arkheologicheskoe issledovanie musul'manskikh mavzoleev-dyurbe Bakhchisaraya. *Stratum plus*, no 6, 2005–2009.

12. Kramarovskiy M.G. *Otchet o polevykh issledovaniyakh na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha v 1985 godu*. Arkhiv Instituta Arkheologii Ukrainy, no 1985/94.

13. Kramarovskiy M.G. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1991 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha v 1985 godu*. Arkhiv Instituta Arkheologii Ukrainy, no 1991.

14. Kramarovskiy M.G. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1992 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha v 1985 godu*. Arkhiv Instituta Arkheologii Ukrainy, no 1992.

15. Kramarovskiy M.G. *Otchet o polevykh issledovaniyakh 1993 g. na gorodishche srednevekovogo Solkhata (Krym, Staryy Krym) arkheologicheskoy ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha v 1985 godu*. Arkhiv Instituta Arkheologii Ukrainy, no 1993.

16. Levasheva V.P. Zolotoordynskie pamyatniki v Voronezhskoy oblasti. *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya*, vyp. 37. Moscow, GIM, 1960.

17. Suprunenko O.B., Priymak V.V., Mironenko K.M. *Starozhitnosti zolotoordynskogo chasu Dniprovskogo lisostepovogo Livoberezhzhya*. Kiiv-Poltava, «Arkheologiya», 2004.

18. Tsybin M.V. K izucheniyu russko-zolotoordynskogo pogranich'ya v Srednem Podon'e. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. I Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya konferentsiya*. G.Volgograd, 1–5 noyabrya, 2004 g. Volgograd, 2004.

19. Tsybin M.V. Russko-ordynskoe pogranich'e v Podon'e (po dannym arkheologicheskikh issledovaniy). *Gorod i step' v kontaktnoy evro-*

aziatskoy zone. III Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova (1931–2000). Moscow, 2006.

20. Tsybin M.V., Savitskiy N.M. Planirovka mavzoleya u pos. Krasnyy Bobrovskogo rayona Voronezhskoy oblasti. *Arkheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy*. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov, vol. 13. Voronezh, 2009.

21. Chebotarenko G.F., Byrnya P.P. Arkheologicheskie raskopki u s. Bravicheny v 1956 godu. *Izvestiya Moldavskogo filiala Akademii nauk SSSR*, no 4 (70). Kishinev, 1960.

22. Yakobson A.L. *Srednevekovyy Krym*. Moscow-Leningrad., Nauka, 1964.

23. Nesterov T. *Situl Orheiul Vechi. Monumente de arhitektura*. Moldova, Epigraf, 2003.

24. Pallas P.S. *Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltersaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793–1794*. B. I. Leipzig, 1799.

About the author: Emma Zilivinskaya – Doctor of historical sciences, Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, the Russian Academy of Sciences (119991, Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, Russian Federation); eziliv@mail.ru

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)¹

Марк Крамаровский

(Государственный Эрмитаж)

Аннотация: Статья посвящена атрибуции уникального надгробия с арабской надписью и изображениями несторианского креста и лампы – символа Аллаха в геральдических композициях. Надгробие (кенотаф) обнаружено нашими работами на городище Солхата-Крыма, к сожалению, вне археологического контекста. Учитывая жизнь городища в XIII–XIV столетиях в условиях существования нескольких религиозных общин, такое сочетание ведущих символов христианства и ислама на одном памятнике вызывает особый интерес с позиции коммуникативных проблем и межрелигиозного диалога в рамках городской культуры одного из заметных административных центров Золотой Орды в Крыму.

Ключевые слова: Золотая Орда, Крым, городище средневекового Солхата, кенотаф, религиозные символы.

Проблемы взаимной рефлексии в материальной культуре, вырастающей на почве соседского взаимодействия исламских и христианских общин в период развитого средневековья, не слишком привлекают внимание исследователей за пределами айюбидской Сирии или насридской Испании [см., например: 34; 43, p.135]. Вместе с тем, многие важные аспекты исламо-христианских контактов (в основном периода Крестовых походов),

¹ Работа представляет собой дополненную редакцию статьи: Солхат: Аллах и Мессия в культуре крымской улицы XIV в. // Христианский Восток. Т. 6 (XII). Издательство Государственного Эрмитажа, СПб.: «Индрик», М., 2013. С. 559–576. Вариант содержит необходимые авторские правки и новую литературу.

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

включая частную жизнь граждан, обоюдное влияние в области вооружения и оборонительного зодчества продолжают привлекать внимание ученых [26]. С точки зрения этно-религиозного взаимодействия в истории культуры византийского Понта, особенно для понимания феномена «свой-чужой», важно многоязычие городской улицы. Здесь, начиная с XII в., образовался и нарастал слой греко-тюрков. Этот слой, обычно именовавшийся *turcopouli*, отличался в среде наследственных элит не только двух- или трехязычием (включая персидский и греческий), но и при сохранении опоры на мусульмано-христианскую альтернативу способностью к взаимодействию, основанному на двухстороннем обмене. Естественно, что углубление культурной трансформации прямо затрагивало и основы самоидентификации партнеров [29, с. 227–234; 27, с. 84–88].

Между тем для региона, где мир ислама вошел в тесное соприкосновение с Византией, взаимодействие религиозных групп на уровне ремесел, связанных с повседневностью, сказалось на характере отдельных памятников или их групп. По существу новые условия общественного быта явились определяющими для зарождения неизвестных ранее центров производства, изменивших облик ремесла всего бассейна Восточного Средиземноморья. Для Северного Причерноморья, куда ислам проник довольно поздно, но не в арабо-персидской, а тюркской форме, исламо-христианская бивалентность в городской культуре и ремесле, начиная с XIV в., отражая динамику взаимного общения, имеет свою специфику. Этот процесс получил толчок с воинской экспансии сельджуков в Крым в 20-е гг. XIII века. Его развитие связано с усилением малых миграций из исламизированных районов Малой Азии в Крым, начиная со времени хана Менгу (1267–1280) [35, с. 303–354; 11, с. 146–163]. Справедливости ради, отметим, что религиозная идентичность тюркской служивой знати, пришедшей в Восточный Крым из исламской Анатолии через Добруджу, далеко не всегда однозначна. В этой среде инерция родового тюркского самосознания относительно легко уживалась с усвоением основ православного мировоззрения, что нашло отражение в использовании наемниками берегов с образами святых Георгия и Федора [11, с. 254–268].

Показателен уровень несовпадения религиозного самосознания (и в этом смысле культурной самоидентификации) двух известных исторических персонажей, хотя и принадлежавшим разным эпохам, но по условиям домашнего воспитания знакомых с основами обеих религий – оба рождены от матерей-христианок. Речь идет об арабском эмире Усама ибн Мункызе (1095–1188) из могущественной семьи Мункызидов, владельцев замка Шайзар в Северной Сирии [25], и наследственном тюркском султанине Рума ‘Изз-ад-дин Кей-Кавусе II (ум. 1278), о некоторых чертах внутреннего мира которого нам сообщают главным образом византийские авторы. Нет сомнения, что сельджукский султан занимал несравнимо более активную позицию в отношении к христианству, чем его ближневосточный брат. Если Усама, несмотря на дружбу и признание отдельных достоинств франков, во всех перипетиях своей долгой жизни оставался в рамках исламской парадигмы, не испытывая открытости к религии «другого», то для ‘Изз-ад-дина Кей-Кавуса, обладателя «плаща решимости» *фата* (*айара*), полученного от последнего аббасидского халифа ал-Мустасима (1248–1258), характерна исповедальная двойственность. Р.М. Шукуров определяет эту двойственность как проявление *дуальной идентичности* [27, с.88–90]. При одних жизненных обстоятельствах ‘Изз-ад-дин Кей-Кавус мусульманин-традиционалист, но в иных, человек, настаивающий на своей причастности к христианству. Для него, легитимного главы исламского Румского султаната, а в то же время человека искушенного в тонкостях ортодоксальной литургии, оказалось приемлемым (и не совсем безуспешно) даже настаивать на собственном оцерковлении². С этой целью он предъявляет Михаилу VIII золотой энколпион, унаследованный, вероятно, от матери, и посылает императору любимый им на праздничных застольях свиной око-

² Р.М. Шукуров отмечает, что мальчики, родившиеся от смешанных браков, могли быть крещены своими матерями [27, с. 79], что не являлось помехой в принятии ислама. ‘Изз-ад-дин Кей-Кавус закончил свою жизнь в Солхате, где прожил около 13 лет [12, с. 265]. Из его семи сыновей один был известен в Анатолии как *Константин* Мелик, а из оставшихся в Крыму *Савва* Султан, ортодоксальный христиан по вере, умер в соседней с Солхатом Сугдее в 1320 г. [29, с. 111; 26, с. 80].

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

рок [4, с. 243]. Оба наши примера лишь подтверждают известную сентенцию о том, что реальная жизнь богаче закона. Ведь речь идет о прямом нарушении предписания Корана: «О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они – друзья один другому. А если кто из вас берет их к себе в друзья, тот и сам из них. Поистине, Аллах не ведет людей неправедных» [Коран. 5:51].

Известное снижение в монгольскую эпоху настроений, связанных с религиозным антагонизмом³ не могли не сказаться на общем тоне жизни городской улицы, поглощенной заботами повседневного выживания. В какой-то степени противоречия, возникающие в глубине кварталов религиозных общин, сглаживал рынок, ориентированный на массового потребителя. На интересующем нас общественном срезе это нашло отражение в формировании новых требований, предъявляемых к развитию серийных ремесел, что, в частности, проявилось в бытовой керамике. Нет никакой уверенности, что существовала корреляция между исповедальной принадлежностью мастеров и потребительским спросом представителей разных религиозных общин на гончарную посуду. Во всяком случае, существует свидетельство Эвлии Челеби (сер. XVII в.) о том, что нужды исламского Солхата (Эски Крыма) в тарной посуде для меда и масла обеспечивались гончарами из «неверных» [38, с. 662–663]⁴. Это свидетельство косвенно подтверждается нашими исследованиями на поселении в пригороде Солхата, где изучен христианский могильник и более пятидесяти гончарных горнов XIV столетия, в большинство из которых обжигалась кухонная посуда и, прежде всего, небольшие кувшины, предназначенные для хранения и меда, и масла [12].

³ В какой-то мере это явление получило отражение в развитой структуре византийского окружения Марии, третьей жены Узбек-хана (1312/13–1341), активно приверженца ислама, взявшего в жены гречанку, побочную дочь императора Адриана II, бывшую, кстати, в своем предыдущем браке женой хана Токты (1290–1312). Сам по себе этот «политический» брак не вызывает удивления. Но Ибн Баттута отмечает при ставке Марии, известной в Орде под именем Байалун, многочисленную свиту, все еще состоящей из греческих рабынь, пажей и даже византийских воинов эскорта [6, с. 221, 222].

⁴ Полному переводу раздела «Путешествия» об Эски-Крыме я обязан А.П. Григорьеву, любезно предоставившего его мне в рукописи. См. еще [10, с.401–402].

Как частный случай, основанный на совмещении традиций, приведу великолепное поливное блюдо с городища *Хисн ал-Тинат* (араб.) (ныне поселок Кинет-Хёюк у средиземноморского залива Искандерун), выполненное в технике сграффито⁵. Находка из Кинет-Хёюк датирована 2-ой пол XIII – нач. XIV вв. и приходится на время расцвета сельджукидской керамики, сложившейся под влиянием греко-тюркского симбиоза. Это был период, когда звезда султанов Коньи безвозвратно померкла после поражения от монголов при Кёседаге в 1243 г., несмотря на то, что монеты с их именами чеканились вплоть до 702/1302 г. Местом изготовления блюда и его ближайших аналогий – чаши из музея Эрегли (XIII), чаш из раскопок отдельных сооружений вокруг мечети Шейх Шихабудина Сюхреверди (конец XIII – начало XIV в., Эрегли, провинция Конья) и провинции Йозгат (конец XIII – начало XIV вв.) – является Южная и Юго-Восточная Анатолия. В декоре этих памятников исследователи находят отражение не только исламских черт, связанных с традициями Сирии и Ирана, но и Византии. Ветвь в руке юноши в декоре блюда из Эрегли Редфорд рассматривает как продолжение линии изображения плодов, цветов и растений, пришедшую в начале XIII века в Кубад Абад из Сирии [ср.: 31, s. 134, № 181–182; s. 136–137, № 186–187; s. 139, № 191–192; s. 140, № 193; s. 141, № 195], а оттуда около середины века распространившуюся по ремесленным центрам сельджукидской Анатолии. Иконографию подношения юношам напитка или цветка он связывает с образами персоязычной литературы *шахр-ашуб*, а изображение ловчей птицы – с линией придворной культуры [44, p. 539], известной в том числе и по композиции парадных изделий тюркского и византийского серебра IX–XII ст. Византийская изобразительная традиция в декоре чаши с городища Хисн ал-Тинат особенно ярко проявилась в передаче образа человека. Ее же можно видеть в отдельных орнаментальных мотивах, характерных, впрочем, и для стилистики керамики ал-Мины (de Port St. Siméon), которые также заимствованы из репертуара византийского ремесла [41, p. 232–236, pl. 5]. Феномен совмещения разных по своим истокам ремес-

⁵ Раскопки Билкентского университета под руководством проф. Мари-Генриетты Гейтс. См.: [44, p. 537–540; см. еще: 11, с. 165, рис. 34].

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

ленных традиций в керамике сграффито XIII–XIV вв., впервые отмеченный С. Редфордом, позволяет присоединиться к его мнению о несовпадении ареалов распространения отдельных стилистических групп гончарных изделий с политическими границами исламских. Христианских и монгольских государств Малой Азии и Северного Причерноморья.

Отметим и содержательные изменения для некоторых находок сельжукской керамики из Крыма. Сюжетные композиции анатолийских чаш, найденных в Херсонесе, – со сценой охоты и фигурой пирующего – решены как крохотные новеллы о радостях земного бытия. Безымянный герой наших чаш ищет забвения в вине или охоте. Истоки иконографии подобных сцен восходят к жизни сасанидского двора, память о котором, судя по Абу Нуvasу, еще жила в аббасидскую эпоху. Впрочем, время внесло свои коррективы: героическое здесь снижено до жанрового, дворец замещен улицей, репрезентативный портрет сменяется имперсональным гротеском. Изменился и герой. Это уже не царь или феодал, а просто зажиточный горожанин как на рисунке сграффито чаши из Херсонеса [30, табл. XXXI, 126]. Причина – в новой природе социального запроса, ориентированного на массового потребителя. Индивидуализированный заказ дворца сменяется законами городского рынка, где доминировала продукция, рассчитанная на массовый спрос. В какой-то мере здесь сказалось и новое понимание места сосудов с сюжетными сценами в частном быту, или быту отдельных низовых социальных групп населения исламского города, например, молодежных мужских союзов (братств), куда входили и ремесленники. Примером «общественного заказа» подобной сюжетной темы может служить многофигурная композиция чаши со сценой пира в гранатовом саду из наших раскопок в Солхате [12, с. 180–198].

Нашими работами в Солхате обнаружено каменное надгробие – кенотаф XIV в. местной работы, предназначенное, вероятно, для несторианина-сирийца (илл. 1, а,б,в). Арабская надпись надгробия (арабский язык, как известно, входит в сирийскую среду уже в VIII–IX вв., когда начинается процесс взаимодействия сирийской и арабской письменных культур) гласит: *«Кто скромн с людми, того Аллах возвысит! Кто оставляет после себя в наследие знание, не умирает!»* [19, с. 250, 251]. Несториан-

Илл. 1а. Общий вид надгробия, Солхат, XIV в. известняк, Эрмитаж

Илл. 1б. Надгробие
из Солхата. Торцы
с изображением
креста

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

Илл. 1в. Надгробие
из Солхата. Торец
с изображением
лампы

ская атрибуция кенотафа была бы, скорее всего, невозможной, учитывая риторическое обращение к Пророку в надписи. Но на одном из торцов надгробия высечено изображение креста, а на противоположном торце – изображение исламской лампы (!). Близкий по конфигурации крест можно видеть на торце несторианского надгробия эпохи Юань (1277–1367) из Центральной Азии в собрании музея Гимэ (musée Guimet), где несторианская традиция восходит к кераитам домонгольского времени [37, р. 85–99, fig.2 a-b, 3 a-b]. Свет лампы на надгробии из Солхата – символ Бога, разумеется, в контексте исламской доктрины. Это следует из 24 суры Корана, которая так и называется – «Свет». Для нас важен стих 35: *«Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного – маслины <...>. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете! Ведет Аллах к Своему свету, кого пожелает, и приводит Аллах притчи для людей. Аллах сведущ о всякой вещи!»* (Коран. 24: 35). И крест, и лампа в нашем

случае изображены равновелико и обрамлены венками, придающими композициям торжественный геральдический характер. То обстоятельство, что христианский символ «уравновешивает» лампа (а не минарет – обычная антитеза в мусульманской риторике) лишь подчеркивает отсутствие оттенка наступательной акцентации в характере сопоставления.

Что же символизирует крест? Полагаю, один из выразительных вариантов ответа, к сожалению, прямо не связанный с нестоианской средой, дает текст реверса золотой монеты 1251 г., имитирующей айюбидский чекан. Арабская надпись монеты, выбитой в крестоносной Акре, гласит: *«Мы гордимся крестом Господа нашего Иисуса, Мессии. В нем наше спасение, наша жизнь и наше воскресение, в Нем наша безопасность и искупление грехов»* [26, с. 389]. Равноконечный крест на динарах и дирхемах Акры, отвоеванной крестоносцами в 1191 г., должен был сделать новые выпуски легко отличимыми от традиционных дирхемов Дамаска. По наблюдениям нумизматов, чеканка христианских подражаний айюбидским дирхемам была прекращена, возможно, в 1253 г, но золотые монеты чеканились еще до 1258 г. [5, с. 385–388]. Уместно отметить, что в Акре служащие таможи говорили и писали по-арабски. Равноконечные кресты (большой серебряный между четырьмя малыми золотыми), заполняющие поле геральдического щита, можно видеть и в гербе Иерусалима на бронзовом тазе, изготовленном в Каире или Дамаске арабским мастером для короля Иерусалима и Кипра Гуго де Лузиньяна (1324–1359) [26, рис. 5.33]. Подобный же крест – на парфюмерном сосуде из цветного стекла в Madina Collection в Нью-Йорке, конец XIII – начало XIV вв. [32, р. 141, № 61].

Как следует из надписи, солхатский кенотаф создан для «человека знания». Надгробие городского интеллигента – памятник уникальный. В нем нашло отражение признание некой внутренней близости людей разных религиозных убеждений, место встречи которых в повседневном быту ограничивалось городской улицей или рынком. К. Хилленбранд, специально изучавшая образ «другого» в контексте исламского восприятия «слуг Мессии», привела малоизвестное сочинение «Книги посоха» (*Kutab al-'asa*), в котором герой (Usama ibn Munqidh) с редким для мусульманина пиететом говорит о благочестии христианских мона-

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

хов из капитула ордена Св.Иоанна. Усама наблюдал молящихся в церкви у гробницы Св. Иоанна Крестителя в Себастии в провинции Наблус: «... *Я нашел приоткрытую дверь, открыл ее и вошел в церковь. Внутри было около десятка старых людей, их обнаженные головы были белыми, как расчесанный хлопок. Они стояли лицом на восток, и на груди были (вышитые?) посохи, оканчивающиеся перекрестием, загнутым вверх, как задняя часть седла. Они клялись на этом знаке и предоставляли гостеприимство тем, кто в нем нуждался. Вид их благочестия тронул мое сердце* (разрядка моя – М.К.), *ибо я никогда не видел такого рвения и набожности среди мусульман*» [26, с. 302]. И все-таки следует подчеркнуть, что символы, высеченные на торцах кенотафа и объединенные «примиряющей» надписью с комплементарной отсылкой к Пророку, не следует считать проявлением культурного синкретизма. Речь скорее могла бы идти **о признании улицей дуальной идентичности личности человека**, в честь которого и был создан наш памятник.

Присутствие восточных христиан в Восточном Крыму не вызывает большого удивления: известно, что два из трех персоязычных переводов Четвероевангелия, созданных в XIV в. в Крыму, переписаны в Солхате. Самый ранний список рукописи 742/1341 г. выполнен в Каффе Шим`уном б. Йусуфом Ибрахимом ат-Табризидом [18, с. 21]. В Солхате в 1338 г., как полагает А.М. Пьемонтезе, переписаны Евангелие от Матфея и от Марка (переписчик Амин-ад-дин Кутлуг Бау) и Евангелие от Луки и от Иоанна (переписчик Зийа-ад-дин хаджи б. Маула На`иб Нур-ад-дин). Принято считать, что эта рукопись происходит из библиотеки Франческо Петрарки. Здесь же, в Солхате, что следует из записи в колофоне, в 1374 г. переписан несторианский лекционарий (евангелиарий). Список этого лекционария сделан с персидского перевода середины XIII в. Текст изобилует сиризмами и, как считают исследователи, литургия несторианской церкви Солхата вероятно шла на тюркском языке [18, с. 27, 34, 35, 93]. Сведения о сирийцах в Крыму собраны Е.Н. Мещерской [15, с. 55–60].

Символы нескольких религий в пределах одного памятника явление редкое, но не исключительное. Как правило, в таких случаях доминирует формула «сакральное не терпит плюрализма». Когда при императоре Юстиниане в 532 г. в Константинополе

стали возводить Базилику Цистерна, то две из 336 восьмиметровых колонн подземного водохранилища, где и сейчас плавают рыбы, строители снабдили базами в виде массивных блоков мраморных капителей из античного святилища водяных нимф – *нимфеума* – с изображением перевернутых голов Медузы. Поверженные головы божества как нельзя более точно отразили отношение местной христианской общины к духовному наследию язычников. Аналогичный прием повторил мусульманский мастер Абул-л-Фида при сооружении михраба мечети Джами'ан-Нури (нач. XIV в.) в Хаме (Сирия), где византийская капитель намеренно перевернута абаккой книзу, чтобы подчеркнуть значение победы исламского оружия над христианами [26, рис. 6.49]. Примечательно, что позолоченный крест с Купола Скалы, посланный в Багдад после разгрома Иерусалима, был закопан в Багдаде перед Нубийскими воротами с тем, чтобы правоверные могли попирать его ногами. При этом Салах ад-дин (1138–1193), вопреки мнению своего окружения, принял решение не разрушать церковь Гроба Господня в 1187 г.

Культурно-религиозная нетерпимость, к счастью, не приобрела статуса универсального и всеобщего явления. Можно отметить немало случаев, когда здоровый прагматизм и необходимость получения духовной помощи вынуждала приверженцев инославных исповеданий посетить храмы соседей. Подобное случалось с православными прихожанами из квартала у Рыночной базилики в Константинополе (XIV в.). Зубная боль неизменно приводила их к скульптурному Распятию в католическом храме, принадлежащем венецианцам [33, с. 444, 447]. Микеле Баччи, рассматривая феномен религиозного синкретизма, привел пример монастыря св. Платона в Конье, который посещался как православными паломниками-греками, так и тюрками-мусульманами, при этом христианский монастырь располагался рядом с Большой городской мечетью. В соборе Петра и Софии (Тарс, Киликия) прихожане, по свидетельству Вильбранда из Ольденбурга (1211–1212), наблюдали, как в опасные моменты для города в глазницах иконы Богородицы появлялись слезы. Образ страждущей Богородицы почитался армянами, греками, католиками, сирийцами, арабами, тюрками и иудеями. М. Баччи рассматривает этот случай, как пример популярности храма у представителей

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

сразу нескольких конфессий. И это вопреки тому, что мусульмане имели собственную святыню – почитаемую могилу одной из сестер Пророка [33, с. 437, 438, 446]. В чем-то близкое свидетельство есть и для позднего Крыма. Академик П.И. Кёппен (1793–1864) сохранил сведения о том, что еще в первой трети XIX в. православные греки и армяне-григориане Эски-Крыма ежегодно 23 апреля совершали молебен с водоосвящением у храма св. Георгия на вершине горы Агармыш, расположенной к северо-востоку от города [24, с. 67].

Во взаимных контактах культуры ислама и христианства существовали, разумеется, и более сложные проявления, генезис которых не укладывается в привычное понимание синкретизма. Заслуживает внимания совпадение иконографического решения в изображении четырех всадников в рукописи *Тухфат ал-латаиф (Диковинные дары)*, созданной для турецкого султана Мурада III (Стамбул, 1002 г.х./ 1593–94 г.) и семи аллегорических фигур на фреске 1330 г из базилики св. Франциска (Сиена, 1330 г.). Амброджио Лоренцетти, изобразив несправедливую казнь францисканцев в присутствии представителей исламской и христианской общин г. Таны (Танафи) на о. Сальсет неподалеку от Бомбея, представил и дидактическую программу, в которой дал морально-этическую характеристику взволновавшей его темы. Эта линия получила отражение в фигурах семи статуй на фронтоне павильона, идентифицируемых с семью смертными грехами⁶. На самую высокую точку фронтона Амброджио установил аллеорию Зависти в облике слепого, чтобы противопоставить этот порок величайшему милосердию францисканских мучеников Вершины двух малых фронтонов занимают Гордость и Высокомерие. Символом гордыни и высокомерия здесь служит Александр Великий, помещенный между двумя женскими статуями на колоннах с капителями, символизирующими Жадность и Чревоугодие. Две женские статуи сопровождают и Марса. У его ног изображена лошадь – символ сладострастия, воспетый Вергилием (*Энеида*, II, 49). Известна связь Марса с Венерой (фигура слева); Венера изображена с

⁶ В раскрытии сюжета я целиком следую за Мейером Л. Шапиро в изложении С. Фругони [см. 39, р. 304–305; см. еще: 15, с. 282–291]. Ложную трактовку фрески Амброджио Лоренцетти см. [16, с. 129–185].

луком, стрелами и купидоном. Венера здесь аллегория сладострастия, располагающая к лени и вялости. Другая женская фигура – Беллона, сестра Марса. Беллона символизирует пылающий гнев; ее атрибуты – отсеченная голова Горгоны, окровавленный кинжал, пламя на голове и волк (?), лежащий у ее ног. Венера и Беллона, подобно аллегориям Жадности и Чревоугодия, помещены *на площадках капителей, венчающих стройные колонны*.

В миниатюре «*Шах Рамин перед городом Дар ал-Бакам*» в рукописи *Тухфат ал-латаиф* (1002 г.х. / 1593–94 г) четверо вооруженных героев-всадников, оседлавших льва, слона, единорога и коня, изображены на вершине минаретов (один из главных символов ислама), подобно четырем аллегорическим фигурам сиенской фреске 1330 года, установленных на капителях колонн. Маргарет Грейвз, подчеркивая уникальность сюжета турецкой миниатюры, относит его к началу эпизода о приключениях Шах-Рамина в фантастическом городе, построенном Шедидом ибн Адом из племени Ад, упоминаемом в Коране [1, с. 102]. Четверо всадников составляют здесь символическую охрану легендарного города: в момент открытия ворот крепости Шах-Рамином на головы пришельцев из ртов всадников должны низвергнуться потоки воды, грозящие затопить принца и его окружение. По мнению исследовательницы, четыре всадника символизируют здесь четыре стороны света. Однако при всей уникальности сюжета в его художественном решении трудно не опознать один из приемов, выработанных итальянским треченто.

Возвращаясь к теме религиозного баланса в том варианте, как он нашел свое проявление в декоре солхатского кенотафа с изображениями лампы и креста, можно все же усомниться в неизменности торжества обывательского мнения о глубине взаимного отторжения ислама и христианства на уровне личности. В 1348 г. в зачумленном Дамаске Ибн Баттута наблюдал коллективную молитву мусульман, евреев и христиан о ниспослании Господом спасения их жизней. Верующие, собравшиеся у *масджид ал-Акдам*, где провели в молитвах весь день, пришли к пятничной мечети со своими богослужебными книгами – мусульмане с Кораном, евреи с Талмудом, христиане с Евангелием [23, с. 137, 138]. Общая молитва проходила в пределах границ сакрального пространства каждой из конфессий.

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

Полагаю, что наш памятник, ни в коей мере не свидетельствуя о смешении сакральных реальностей, дает редкое представление о признанных городской улицей чертах дуальной самоидентификации безымянного героя.

Для мультикультурной среды средневековых городов Восточного Крыма тема сосуществования религиозных общин значима и требует внимания. И все же уникальность кенотафа не дает оснований для слишком большого оптимизма в интерпретации каких-то других сторон городской культуры Солхата в целом, если исходить из концепции «авраамического единения» [3, с. 21]. История общих корней иудаизма, христианства и ислама в реальной жизни все-таки не часто находила прежде и находит в наше время⁷ адекватное восприятие. Существовали, разумеется, и общие изобразительные мотивы, например, в изображении шестилучевой звезды. Эту фигуру, сложившуюся и традиционно используемую в круге памятников иудаики как символ «Звезды Соломона», в Солхате можно видеть в декоре реверса серебряных монет хана Тула-Буги (686–690 г.х. /1287–1291) [14, с. 35, 57], каменной резьбе как мусульманских, так и армянских надгробий. Здесь этот символ, как и в декоре сирийского стеклянного сосуда с эмалью последней трети XIII в. из собрания в L.A. Mayer Museum в Иерусалиме, вопреки мнению Р.Хассон [42, р. 41–43], по-видимому, полностью утратил свое сакральное содержание уже к началу XIII в., а сам знак оказался ассимилирован улицей и вошел в общий фонд популярных декоративных мотивов. В связи с отсутствием объективных данных, вопрос о религиозной при-

⁷ Как редкий пример высокого проявления религиозного плюрализма новейшего времени приведу обновление витражей Руанского собора верующим евреем из Витебска и знаменитым живописцем Марком Шагалом. Руан, столица витражей Франции, расположился на Нижней Сене в 230 км на северо-запад от Парижа. Здесь витражи украшали городские церкви, начиная с XII века. Самые старинные, выполненные в сине-красном цвете, сохранились в церкви аббатства Сент-Уэн. Витражные полотна церкви Жанны д'Арк собраны из двух слоев: серосиний фон витражей XV в. содержит более ранние полотна с библейскими мотивами. Золотой век витражного искусства в Руане приходится на XVI в. Самое изысканное их творение – витраж окна-«розы» Руанского собора. Мне не известны примеры работы иноконфессиональных мастеров в Руане на протяжении всех восьми веков развития витражного дела.

надлежности мастеров, обслуживающих интересы поликонфессионального городского населения, нами не обсуждается. Впрочем, стоит отметить судакскую находку литейной формы третьей четверти XIV ст., где, судя по девяти деталям, мастер был способен выполнить заказ представителя любой из городских общин будь он представителем христианской, мусульманской, или иудейской общины [7, с. 542, рис. 14].

Другая грань жизни христиан Солхата представлена общиной ортодоксального православия. О ней мы знаем очень мало и, преимущественно, по материалам раскопок. Нами исследована однонефная базилика середины XIV – начала XV в. Храм (с интерьером 4,55×6,74 м) состоит из основного объема и притвора. Южная стена храма оказалась снабжена двумя аркосолиями с нишами-склепами. Склепы использованы как фамильные усыпальницы, в одной из которых нами обнаружен энколпион киевского типа. Представляется важным отметить, что христианским было и крупное поселение, возможно, тюркское по этносу, близ юго-восточной границы города. Здесь располагался один из ремесленных пригородов с развитым гончарным производством и некрополем. В сезоне 2004 г. при исследовании могильника было открыто мужское захоронение XIV в. со створкой бронзового энколпиона сирийского типа XII – начала XIII в. [12, с. 5–36]. Створка украшена изображением *Богоматери оранты* и греческой надписью «Θεοτόκος» – «Богородица». Хотя мы и не имеем данных для документирования тюркской принадлежности христианского поселения Солхата и его окружи, но в близлежащей от Солхата Сугдее такую возможность предоставляет именник судакского Синаксаря 1292 г. [2, с. 65–68]. Однако если судакский Синаксарь дает представление о греко-византийской линии христианизации крымских тюрков, то известный «Codex Cumanicus» (конец XIII – начало XIV вв.) – католической [40, р. 38–40]. Для первой трети XIV в. мы располагаем еще и свидетельством Ибн Баттуты, нанявшим у христиан-кипчаков⁸, кочевавших в районе Керчи, конскую упряжку с телегой для путешествия в Каффу [6, с. 208].

⁸ В.Д. Пашуто, опираясь на ватиканские документы, пишет о миссионерской деятельности архиепископа Эстергома и примаса Венгрии Роберте, назначенным Григорием IX в 1227 г. легатом для восточноевропейских половцев и бродников.

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

Итак, золотоордынский город в Крыму оказался настолько многолик, насколько разнообразной оказалась жизнь его этно-религиозных общин и, следовательно, жизнь улицы. Культурный облик Солхата определили три главных условия. Во-первых, этническая неоднородность населения, где наряду с тюрками (в том числе, половцами и выходцами из Малой Азии) и отюреченными монголами, принявшими ислам, например, членами разветвленной и социально значимой семьи Кутлуг-Тимура, сына Тоглук-Тимура, правителя Солхата и области Крым при хане Узбеке [9, с. 35–45], проживали армяне. В своем большинстве армянские переселенцы пришли из северо-западной Армении, и, в частности, из Высокой Армении (Барцр Айка) и Киликии⁹. В городе также проживали византийцы, очевидно, греки, славяне, аланы, латиняне и евреи (иудеи и караимы). Второе условие связано с исповедальной дискретностью всех без исключения религиозных общин, включая исламскую (преимущественно суннитскую). Третье условие определила открытость культуры этно-религиозных общин широкому спектру инноваций, как со стороны исламского мира (Ближний Восток и Анатолия), так и христианского Востока, Византии и Латинской Романии.

В городской культуре легко опознаются редкие древности еврейской и караимской общин, отдельные артефакты, связанные с представителями латинского Запада, памятники культуры и искусства солхатских армян [8, с. 126–127; 20, с. 567–568; 36]. В каком-то смысле повседневная жизнь Солхата в период XIII–

В полномочия архиепископа Роберта и помогавшим ему епископам Бартоломею и Рейнальду вменялось обращение населения в католичество, строительство храмов и назначение епископов [18, р. 36]. По русским летописям, известно о принятии христианства половецкими ханами Бастыем, Глебом Тириевичем, Юрием Кончаковичем, Даниилом Кобяковичем, Изайем Белуковичем, Изайем Бурчевичем, Котьяном Сутоевичем, Романом Кзичем, Ярополком Томзаковичем [21, л. 230–230 об.; 22, л. 220, 221 об., 225, 233 об., 245 об., 252, 253–255 об.; 17, с. 45, 62].

⁹ Есть еще трудно проверяемое свидетельство поздней хроники писца Давида, называемой Краткой, приложенной к Синаксарю (Матенадаран, рукопись № 7442, 1690 г.) о сорока тысячах армян, бежавших от сельджуков из Ани в Сарай на Волге, откуда они в конце концов переселились в Крым в 1330 г. Реалии, сообщаемые этим текстом, и, в частности, общее число переселенцев, а также просьба мигрантов о поселении в Крыму, обращенная к генуэзскому консулу Каффы, а не джучидскому наместнику края, вызывают большое недоверие [см.: 36, р. 11].

XIV вв. зеркально отражает модель «перекрестка культур» в той, или иной мере характерную для всего средневекового Крыма.

Итак, картина жизни солхатской улицы в конце XIII – XIV вв. без всяких преувеличений соответствует модели империи. В эпоху наивысшего подъема Золотой Орды в первой половине XIV в. ислам в городской среде Восточного Крыма так и не стал «государственной религией», способной подчинить иноверные конфессии. Когда же мы порой говорим об исламе *как о государственной религии*, уместно помнить, что для Джучидов все территории государства являлись *лично-семейной собственностью*, успешное сохранение которой до конца XV века оставалось связано с *харизмой правителя*, определяемой, согласно чингисовой традиции, *волей Неба и основателя империи*. Это и отражено в символике официальных документов, вышедших из недр ханских канцелярий, – *пайцз*, будь-то пайцза Узбека, Абдаллаха или Кельдибека. Личная приверженность исламу того, ли другого представителя династии, что сказалось в выборе новоприобретенного имени, вероисповедания его ближайшего окружения, особенностях его внутренней или внешней политики, несомненно, отражалась и на общественной жизни иноверцев. Но нельзя не учесть, что в рамках единой империи духовная жизнь отдельных религиозных общин выходила за пределы компетенции государственного регулирования.

Наше надгробие с символами обеих религий, несмотря на свою уникальность, все же свидетельствует об определенном уровне толерантности золотоордынской улицы в Крыму.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архитектура в исламском искусстве. Сокровищница коллекции Ага-хана. Каталог выставки. Научный куратор (Фонд Ага-хана по культуре), автор каталожных описаний Маргарет Грейвз, профессор исламского искусства и архитектуры Университета Индианы. СПб., 2011.
2. Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просографического лексикона времени Палеологов // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
3. Беляев Л.А. De Archeologia Abrahamica // Archeologia Abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

4. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. XIII книг. Т. I: Царствование Михаила Палеолога, 1255–1282. Пер. под ред. проф. Карпова. СПб., 1862.

5. Гончаров Г. Христианские дирхемы. Акра, 1251 г. // Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика. СПб., 2012.

6. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенom. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005.

7. Комплекс третьей четверти XIV века в судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004.

8. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.

9. Крамаровский М.Г. О благотворительности в Золотой Орде: семья Кутлуг-Тимура и архитектурные доминанты Солхата // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXX. С. 35–45.

10. Крамаровский М.Г. Религиозные общины в истории и культуре Солхата XIII–XIV вв. // *Archeologia Abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.

11. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда, Византия, Италия. СПб., 2012.

12. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Крест-реликварий XII – начала XIII века из могильника в пригороде золотоордынского Солхата (Крым) // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. Сборник научных трудов. СПб., 2006.

13. Крамаровский М.Г., Гукин В.Д. Поселение Бокаташ II. Результаты полевых исследований Золотоордынской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. Вып.3. СПб., 2006.

14. Лебедев В.П. Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды. Одесса, 1999.

15. Мещерская Е.Н. Сирийцы в Таврике // *Атра*. 1993, № 5.

16. Мыц В.Л. Художественный образ хана Узбека на фреске Амброджио Лоренцетти «Мученичество францисканцев» // Золотоордынская цивилизация, №6. Казань, 2013, С.129–185.

17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950.

18. Пашуто В.В. Половецкое епископство // *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen*. Berlin, 1966.

19. Пиотровский М.Б. Рай как главная тема в искусстве // *Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама / каталог выставки в Государственном Эрмитаже.* СПб., 2000.
20. Притула А.Д. Христианство и персидская книжность XIII–XIV вв. // *Православный Палестинский сборник.* Вып. 10. СПб., 2004.
21. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. 2-ое изд. Л., 1926–1928.
22. ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. 2-ое изд. СПб., 1908.
23. Путешествия Ибн Баттуты. Арабский мир и Центральная Азия. Перевод с арабского, введение, историко-лингвистический комментарий Н. Ибрагимов, Т. Мухтарова. Ташкент, 1996.
24. Тункина И.В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев, 2011.
25. Усама Ибн Мункиз. Книга назидания. Пер. М.А. Салье, под ред. И.Ю. Крачковского. Петроград-М., 1922; 2 изд., М., 1958.
26. Хилленбранд К. Крестовые походы. Взгляд с Востока: мусульманская перспектива. М.-СПб., 2008.
27. Шукуров Р.М. «Гаремное христианство»: византийская идентичность анатолийских Сельджуков // *Причерноморье в средние века.* VIII. Под редакцией С.П.Карпова. Лаборатория Истории Византии и Причерноморья. Исторический факультет Московского государственного университета. СПб., 2011.
28. Шукуров Р.М. Имя и власть на Византийском Понте (чужое, принятое за свое) // *Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья.* Под редакцией Р.М. Шукурова. М., 1999.
29. Шукуров Р.М. Семейство 'Изз ал-Дина Кай-Кавуса II в Византии // *Византийский временник.* М., 2008. Т. 67 (92).
30. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). Материалы и исследования по археологии СССР, №17. М.-Л., 1950.
31. Arik Rüçhan. Kubad Abad. Selçuklu Saray ve Çinileri. Istanbul, 2000.
32. Atil Esin. Renaissance of Islam. Art of the Mamluks. Washington, 1981.
33. Bacci Michele. «Mixed» Shrines in the Late Byzantine Period // *Archeologia Abrahamica.* Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.
34. Baer E. Ayyubid Metalwork with Christian Images. Leiden – New York – København – Köln, 1989.
35. Bulgakova V. Islamisch-christlicher Kulturkontakt im nördlichen Schwarzmeerraum. Sugdaia unter Herrschaft der Seldschuken // *Mittelalter im Labor / Die Mediävistik testet Wege zu einer transkulturellen Europa-*

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

wissenschaft / Herausgegeben von Michael Borgolte, Juliane Schiel, Bernd Schneidmüller, Annette Seitz. Berlin, 2008.

36. Buschhause, Heide und Helmut, Korchmasjan Emma. Armenische Buchmalerei und Baukunst der Krim. Tafeln. Erevan, 2009.

37. Delacour Catherine. Un ensemble funéraire Öngüt du Debut de l'époque Yuan provenant de Mongolie intérieure // Arts Asiatiques, tome 60–2005.

38. Evliya Çelebi Seyahatnamesi. C. VII. Istanbul, 1928.

39. Frugoni C. Pietro Ambrogio Lorenzetti // I Protagonisti dell'Arte Italiana. Dal Gotico al Rinascimento. Firenze, 2003.

40. Golden P. B. The Codex Cumanicus // Central Asian Monuments / Ed. H. Paksoy. Istanbul, 1992.

41. Hama. Fouilles et Recherches 1931–1938, IV, 2. Les Verreries et Poteries Médiévales. Par P.J. Riis et Vagn Poulsen. Avec le concours de E. Hammershaimb. Copenhagen, 1957.

42. Hasson Rachel. An enameled glass bowl with 'Solomon's seal': the meaning of a pattern // Gilded and Enameled Glass from the Middle East. Edited by Rachel Ward. Dorchester, 1998.

43. Khalili Nasser D. Visions of Splendour in Islamic Art and Culture. Worth Press, 2008.

44. Redford S. Kinet Höeük'te bulunan bir kase // Konya kitab / № X. Özel sayı, Aralık 2007 / in honour of Rüçhan Arik-M. Oluş Arik.

Сведения об авторе: Марк Григорьевич Крамаровский – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, руководитель Золотоордынской археологической экспедиции (190000, Дворцовая площадь, 2, Санкт Петербург, Российская Федерация); solkhat@hermitage.ru

Whom Allah exalts (again about the unique gravestone of the XIV c. from Solhat)

Mark Kramarovsky
(State Hermitage Museum)

Abstract: The article is devoted to the attribution of unique gravestone with Arabic inscriptions and images of Nestorian Cross and lamp which are the symbols of Allah in the heraldic songs. The gravestone (cenotaph) was found during our works in the ancient settlement of Solhat-Crimea, unfortunately, outside of archaeological context. Taking into account the life of the ancient settlement in the XIII–XIV centuries under the conditions of the existence of several religious communities, this combination of leading symbols of Christianity and Islam on one monument is of special interest from the perspective of communicative problems and inter-religious dialogue within the urban culture of one of the outstanding administrative centers of the Golden Horde in the Crimea.

Keywords: the Golden Horde, the Crimea, the settlement of medieval Solhat, cenotaph, religious symbols.

REFERENCES

1. *Arkhitektura v islamskom iskusstve*. Sokrovishchnitsa kollektzii Aga-khana. Katalog vystavki. Nauchnyy kurator (Fond Aga-khana po kul'ture), avtor katalognykh opisaniy Margaret Greyvz, professor islamskogo iskusstva i arkhitektury Universiteta Indiany. Sankt-Peterburg, 2011.
2. Bayer G.-V. Mitropolii Khersona, Sugdei, Gotii i Zikhii po dannym prosograficheskogo leksikona vremeni Paleologov. *Vizantiya i srednevekovyy Krym*. Simferopol', 1995.
3. Belyaev L.A. De Archeologia Abrahamica. *Archeologia Abrahamica. Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama*. Moscow, 2009.
4. Georgiy Pakhimer. *Istoriya o Mikhaille i Andronike Paleologakh*. XIII knig. Vol. I. Tsarstvovanie Mikhaila Paleologa, 1255–1282. Per. pod red. prof. Karpova. Sankt-Peterburg, 1862.
5. Goncharov G. Khristianskie dirkhemy. Akra, 1251 g. *Zhan de Zhuanvil'*. *Kniga blagochestivnykh recheniy i dobrykh deyaniy nashego svyatogo korolya Lyudovika*. Sankt-Peterburg, 2012.

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

6. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*. Vol. I. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie. Almaty, 2005.

7. Комплекс tret'ey chetverti XIV veka v sudaskoy kreposti. *Sugdeyskiy sbornik*. Kiev-Sudak, 2004.

8. Kramarovskiy M.G. *Zolotaya Orda kak tsivilizatsiya*. *Zolotaya Orda. Istoriya i kul'tura*. Katalog vystavki. Sankt-Peterburg, 2005.

9. Kramarovskiy M.G. O blagotvoritel'nosti v Zolotoy Orde: sem'ya Kutlug-Timura i arkhitekturnye dominanty Solkhata. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*, vyp. LXX, pp. 35–45.

10. Kramarovskiy M.G. Religioznye obshchiny v istorii i kul'ture Solkhata XIII–XIV vv. *Archeologia Abrahamica. Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama*. Moscow, 2009.

11. Kramarovskiy M.G. *Chelovek srednevekovoy ulitsy*. *Zolotaya Orda, Vizantiya, Italiya*. Sankt-Peterburg, 2012.

12. Kramarovskiy M.G., Gukin V.D. Krest-relikviri XII – nachala XIII veka iz mogil'nika v prigorode zolotoordynskogo Solkhata (Krym). *Vizantiyskaya ideya. Vizantiya v epokhu Komninov i Paleologov*. Sbornik nauchnykh trudov. Sankt-Peterburg, 2006.

13. Kramarovskiy M.G., Gukin V.D. *Poselenie Bokatash II*. Rezul'taty polevykh issledovaniy Zolotoordynskoy arkheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2004 g. Vyp. 3. Sankt-Peterburg, 2006.

14. Lebedev V.P. *Katalog monet Kryma v sostave Zolotoy Ordy*. Odessa, 1999.

15. Meshcherskaya E.N. *Siriysy v Tavrike*. Atra, 1993, no 5.

16. Myts V.L. Khudozhestvennyy obraz khana Uzbeka na freske Ambrozdzhio Lorentsetti «Muchenichestvo frantsiskantsev». *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya*, no 6. Kazan, 2013, pp.129–185.

17. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov*. Moscow–Leningrad, 1950.

18. Pashuto V.V. Polovetskoe episkopstvo. *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen*. Berlin, 1966.

19. Piotrovskiy M.B. *Ray kak glavnaya tema v iskusstve. Zemnoe iskusstvo – nebesnaya krasota. Iskustvo islama*. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Ermitazhe. Sankt-Peterburg, 2000.

20. Pritula A.D. Khristianstvo i persidskaya knizhnost' XIII–XIV vv. *Pravoslavnyy Palestinskiy sbornik*. Vyp. 10. Sankt-Peterburg, 2004.

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. I. Lavrent'evskaya letopis'. 2-oe izd. Leningrad, 1926–1928.

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Т. II. Ipat'evskaya letopis'. 2-oe izd. Sankt-Peterburg, 1908.
23. *Puteshestviya Ibn Battuty*. Arabskiy mir i Tsentral'naya Aziya. Perevod s arabskogo, vvedenie, istoriko-lingvisticheskiy kommentariy N. Ibragimova, T. Mukhtarova. Tashkent, 1996.
24. Tunkina I.V. *Otkrytie Feodosii*. Stranitsy arkheologicheskogo izucheniya Yugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiyskogo muzeya drevnostey. 1771–1871. Kiev, 2011.
25. Usama Ibn Munkyz. *Kniga nazidaniya*. Per. M.A. Sal'e, pod red. I.Yu. Krachkovskogo. Petrograd – Moscow, 1922; 2 izd., Moscow, 1958.
26. Khillenbrand K. *Krestovye pokhody. Vzgl'yad s Vostoka: musul'manskaya perspektiva*. Moscow–Sankt-Peterburg, 2008.
27. Shukurov R.M. «Garemnoe khristianstvo»: vizantiyskaya identichnost' anatoliyskikh Sel'dzhukov. *Prichernomor'e v srednie veka*. VIII. Pod redaktsiye S.P. Karpova. Laboratoriya Istorii Vizantii i Prichernomor'ya. Istoricheskiy fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Sankt-Peterburg, 2011.
28. Shukurov R.M. Imya i vlast' na Vizantiyskom Ponte (chuzhoe, prinyatoe za svoe). *Chuzhoe: opyty preodoleniya. Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ya*. Pod redaktsiye R.M. Shukurova. Moscow, 1999.
29. Shukurov R.M. Semeystvo 'Izz al-Dina Kay-Kavusa II v Vizantii. *Vizantiyskiy vremennik*. Moscow, 2008. Vol. 67 (92).
30. Yakobson A.L. Srednevekovyy Khersones (XII–XIV vv.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, no 17. Moscow–Leningrad, 1950.
31. Arik Rüçhan. *Kubad Abad. Selçuklu Saray ve Çinileri*. Istanbul, 2000.
32. Atıl Esin. *Renaissance of Islam. Art of the Mamluks*. Washington, 1981.
33. Bacci Michele. «Mixed» Shrines in the Late Byzantine Period. *Archeologia Abrahamica. Issledovaniya v oblasti arkheologii i khudozhestvennoy traditsii iudaizma, khristianstva i islama*. Moscow, 2009.
34. Baer E. *Ayyubid Metalwork with Christian Images*. Leiden – New York – København – Köln, 1989.
35. Bulgakova V. Islamisch-christlicher Kulturkontakt im nördlichen Schwarzmeerraum. Sugdaia unter Herrschaft der Seldschuken. *Mittelalter im Labor/ Die Mediävistik testet Wege zu einer transkulturellen Europawissenschaft / Herausgegeben von Michael Borgolte, Juliane Schiel, Bernd Schneidmüller, Annette Seitz*. Berlin, 2008.
36. Buschhause, Heide und Helmut, Korchmasjan Emma. *Armenische Buchmalerei und Baukunst der Krim*. Tafeln. Erevan, 2009.

Кого Аллах возвысит (еще раз об уникальном надгробии XIV в. из Солхата)

37. Delacour Catherine. Un ensemble funéraire Öngüt du Debut de l'époque Yuan provenant de Mongolie intérieure. *Arts Asiatiques*, tome 60–2005.

38. *Evliya Çelebi Seyahatnamesi*. C. VII. Istanbul, 1928.

39. Frugoni C. Pietro Ambrogio Lorenzetti. *I Protagonisti dell'Arte Italiana. Dal Gotico al Rinascimento*. Firenze, 2003.

40. Golden P. B. The Codex Cumanicus. *Central Asian Monuments* / Ed. H. Paksoy. Istanbul, 1992.

41. Hama. *Fouilles et Recherches 1931–1938*, IV, 2. Les Verreries et Poteries Médiévales. Par P.J. Riis et Vagn Poulsen. Avec le concours de E. Hammershaimb. Copenhagen, 1957.

42. Hasson Rachel. An enameled glass bowl with 'Solomon's seal': the meaning of a pattern. *Gilded and Enameled Glass from the Middle East*. Edited by Rachel Ward. Dorchester, 1998.

43. Khalili Nasser D. *Visions of Splendour in Islamic Art and Culture*. Worth Press, 2008.

44. Redford S. Kinet Höeük'te bulunan bir kase. *Konya kitab*, no X. Özel sayı, Aralık 2007 / in honour of Rüçhan Arik-M. Oluş Arik.

About the author: Mark Grigor'evich Kramorovsky – Doctor of historical sciences, leading research scientist, Oriental Department, State Hermitage Museum, Head of the Golden Horde archaeological expedition, (190000, Dvortsovaya square, 2, St. Petersburg, Russian Federation); solkhat@hermitage.ru

Crimean Tatar-German written heritage in German Archives

Mieste Hotopp-Riecke

*(Institut für Caucasica-, Tatarica- und Turkestan-Studien
im Bildungs- und Innovationszentrum BIZ Magdeburg)*

Abstract: The Grand Masters of the Teutonic Knights (Magister generalis), the Electors of Brandenburg and later Kings in/of Prussia and their subjects lived in East Prussia in a direct sphere of contact with the world of Islam, namely the settlements of the Lipka Tatars in Poland-Lithuania. But the Prussian Monarchs were also well connected diplomatically to the Crimean Khanate. Embedded in the project «Yazma Miras» as cooperation between ICATAT and Mardzhany-Institute AN RT I use to publish here first time unpublished rediscovered archive material of Crimean Tatar-Prussian provenance.

Keywords: Prussia, State of the Teutonic Order, Crimean Tatars, diplomacy, the Polish-Lithuanian Tatars, German archives.

This short overview lays the focus on the Prussian–(Crimean)–Tatar diplomatic relationships, emphasizing on unpublished documents of the «Secret State Archive Prussian Cultural Heritage» in Berlin, Germany, because even in the history of the Polish-Lithuanian, Crimean Tatar and former Prussian territories there are to find many links to our common Tatar-German interferences' in general [6, p. 15–18].

After fighting against the Lithuanians, Polish and Tatars as enemies in the Battle of Grunwald [7, p. 6–10] already since the 1430s the Grand Masters of the Teutonic Knights cultivated diplomatic relations with the offspring of Tokhtamysh Khan respectively his son Dzhelal ad-Din Khan [1, p. 87/88; 4, p. 19; 16, p. 422]. Like we can read in some notes and letters, laying in the Prussian Secret State Archive in Berlin, there were several times negotiations between Tatar noble men and the

German Grand Masters of Teutonic Knights in order to fight together against the Moscovians, the Lithuanians, the Polish or the counts of Smolensk [8, ch. 2]. For instance the Grand Master of the Crusaders Paul von Rusdorf wrote at 15. March 1433 to the Grand Duke Switrigal of Lithuania¹ concerning common campaigns with the Tatars against the Polish². Similar negotiations and letters are mentioning the Vlachs, the Podolians, the Voivod of Kiev, Michael Ivanovicz, or the Livonians as brothers in arms. The alliances changed often and the religion or culture of the respective allies were not as important as their powers and the perspective on political and economic prospect.

The Brandenburg–Prussian Electors later on looked especially during the 17th century for allies in their different conflicts against Sweden and Poland. Likewise the Tatars were well known as good horse breeders and Brandenburg-Prussia needed numerous horses for their newly created cavalry. On the other hand the Tatars were also well known as brave soldiers. It was the «Grand Elector» Frederick William (1640–1688) who first began with forming a trained standing army in Brandenburg-Prussia and so during his reign he kept looking around for military capacities. His ambitions to enforce contact with the Crimean Tatars was based on an established diplomatic relationship. As I found out in my researches, at least 9 Crimean–Tatar missions were sent to the Brandenburg-Prussian Court even during the 17/18th century. The missions reached for instance the cities of Königsberg (today Kaliningrad), Thorn/Torun, Potsdam, Stettin/Szczecin, Berlin, Frankfurt (Oder), Bestoff in Schleswig region (today Danmark) or Stralsund at Baltic Sea, where they stayed up to two months. The missions established by 10 to 20 persons brought gifts like swords and horses and wanted to use these missions also as a door opener towards the courts of Denmark or even the Emperor (Kaiser) of the Holy Roman Empire of German Nation.

¹ Also German: Swidrigal or Swidrygiello (Polish: Boleslaw Świdrygiełło Lithuanian: Švitrigaila), born around 1370; † 10. february 1452.

² I have to thank Prof. Sven Ekdahl for this information. The relevant document is to find in the Secret State Archive of Prussian Cultural Heritage under signature (GStA PK), XX. Hauptabteilung Historisches Staatsarchiv Königsberg (XX. HA StA Kbg.), Ordensfoliant (OF) 13, s. 2–3.

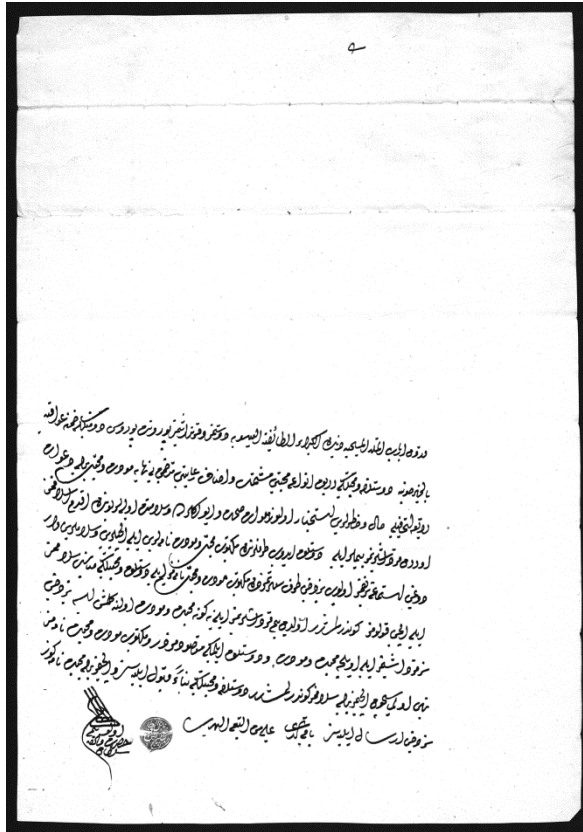
In 1740, when Frederic II. («the Great») became king in Prussia³ and started his series of wars against different alliances of Austria to establish Silesia as a part of Brandenburg-Prussia, he needed much of substantial support. The English payed subsidies to him, but money was not able to prevent the double attack of the allied Russian and Austrian armies in 1760. With the help of a secret ambassador in Constantinople named Karl Adolf v. Rexin, and a young Dutch adventurer on the court of the Crimean Tatars, Boscamp, Frederic tried to bring the Ottoman Sultan and the Khan of the Crimean Tatars into war and open a second front from the southwest against the Austrian forces⁴. Things changed, when Peter I. became Czar of Russia and signed a peace treaty with Frederic. The Prussians did not need further military help of an auxiliary power, but remained in diplomatic contacts with both Islamic powers. In today's Euro-Islam-Discourses in the West regarding the image and history of Islam in Europe these facts are widely ignored. But the facts are very interesting: The first diplomatic Muslim-Christian contacts in Prussia and Saxony were not Ottoman-German ones, but Tataric-German. Beside the above mentioned Crusader-Tatar contacts we have from 1599 documents of Crimean Tatar-Prussian relationships onwards to the 1786: At least nine times Crimean Tatar missions reached the Prussian monarchs for instance in Szczecin, where the Elector of Brandenburg and Duke of Prussia, Frederick William I. met with the Tatar nobilities Temur Kirim Gazi and Mustafa Ağa from Crimea (Picture A) [3, p. 20]. The rising state of Brandenburg-Prussia under Elector Frederick William I⁵ did negotiates between the Nordic wars

³ But even not «King of Prussia» – that was a diplomatic compromise between the Kaiser Leopold I. of the Holy Roman Empire of German Nation, where most of the lands of Prussia laid. He allowed Frederick only to title himself «King in Prussia», not «King of Prussia», in order to avoid offending Poland, where a part of old Prussian areas laid.

⁴ Mundt mentioned regarding that: «Frederick the Great not only wanted to bring the powerful Khan with his wild people in an alliance against Russia, but through doing that he wanted also to involve the Sublime Porte into a serious quarrel against Russia, because the Ottomans still had a reluctance concerning an alliance with Prussia». S.: Mundt 1855, s. IV.

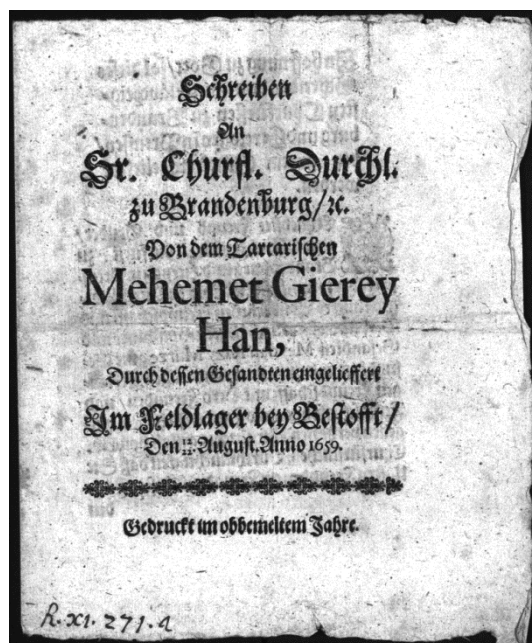
⁵ Frederick William I. of Brandenburg (*16.2.1620 in Cölln an der Spree [today a part of Berlins city center]; †29. April/ 9.May 1688 in Potsdam) was 1640 until his death the Elector of Brandenburg and Duke of Prussia by the «House (lineage) of Hohenzollern».

around 1656 for new military allies against the Swedish, because the Polish crown – the liege lord of Prussia – did not strongly support the German dukes of Brandenburg-Prussia.

Picture A⁶. Letter submitted whilst the siege of Szczecin/Stettin by Kirim Gazi 1677 in the name of «Ivas Giray», in Crimean Khanate ruled that time Selim I. Giray Khan (Hacı Selim Geray), signature:
IHA_Rep11_Nr._271_a_Tartarei_fasc_5

⁶ I am thankful to Prof. Dr. Klosterhuis, the Director of the Archive for giving the permission to publish first time these unique documents (Picture A,B,C,D: all rights reserved by Prussian Secret State Archive Prussian Cultural Heritage).

Picture B. First printed circular in German language concerning Prussian-Tatar relationship, in detail on the occasion of welcoming the Crimean Tatar delegate Meydan Kazy Murze (Meydan Gazi Murza) in 1659 at the field camp of Bestoff/Beuthoff in Brandenburg-Prussia (village situated in the county Schleswig near the city of Hadersleben, today Haderslev, Denmark, near the nowadays Danish-German border). In the letter Mehmet Giray Khan («Mehemet Gierey Han, Salamet Gierey Han Babasy») offered armed forces to the Prussian rulers in order to fight together against Moscovians; signature: IHA_Rep11_Nr._271a Tartarei fasc. 1, 1599–1665 (Neu: 10506).

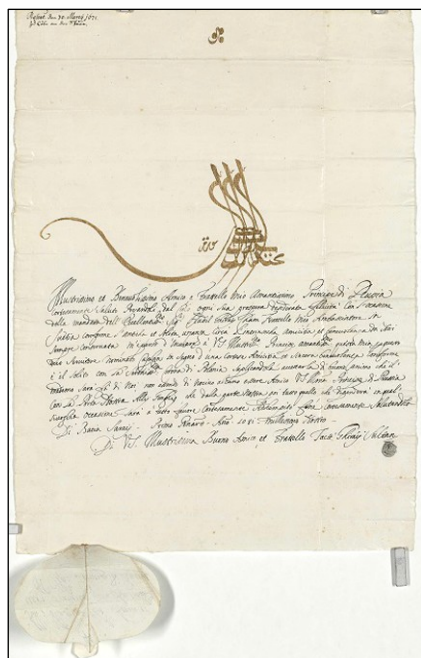
So the ambassador Sanduny Mehmet ‘Alī Mirzā send by the Crimean Khan Mehmed IV. Girāy tarried with his delegation 1656 in Königsberg. After Brandenburg-Prussia switched the lines in summer 1656 towards the Swedish site against Poland-Lithuania (and their allies, the Tatars) the Grand Elector changed again his allies in 1657 and fought now together with Polish king John II. Kasimir and huge Tatar

units. Under Meydan Gazi Mirza came 1659 the third Crimean Tatar delegation⁷ (Picture B). In 1665 the authorised representative for finances, von Niemicz, welcomed two delegates of the fourth mission of the 'krimischen Tartaren'. The emissary Şah Gazi Ağa was leading later on the fifth mission to «Cöln an der Spree» (today Berlin) in 1670, the delegate Kaplan 1671 the sixth, «Temur Kirim Gazi» in december 1677 the seventh (at a field camp whilst the siege of Stettin/Szczecin)⁸ and Aslan Ağa the eight-st mission with around 10 men and 15 horses in 1679 to Berlin. A next one followed 1681 under «Krym Chazy» respectively «Themer Chazy Beg» (probably Timur Gazi bey).

However the diplomatic contacts were not limited to the Monarchs themselves and their political-military background. So a conversation between the wives of both Monarchs is known and these manuscripts have come down to us in fragmentary form in untouched files of the Secret State Archives Prussian Cultural Heritage Foundation in Berlin. About 385 documents in German, Crimean Tatar, Polish, French, Italian and Latin language will have to be transliterated, translated and analyzed (Picture C and D). Some pieces of that material were already known and worked on first by the Hungarian historian and paleographer Lajos Fekete between 1926 and 1928 [2]. He pointed out, that the Crimean-Tatar-Prussian material is from high importance on the fields of historical and turkological sciences. Later on the German historian Hans Saring used some pages of this records for his two articles in 1934 and 1937 [11, p. 374–380; 12, p. 115–124]. But a huge part of the documents remained untouched. In Second World War the documents were saved in Western Germanys' underground salt mines in the near of

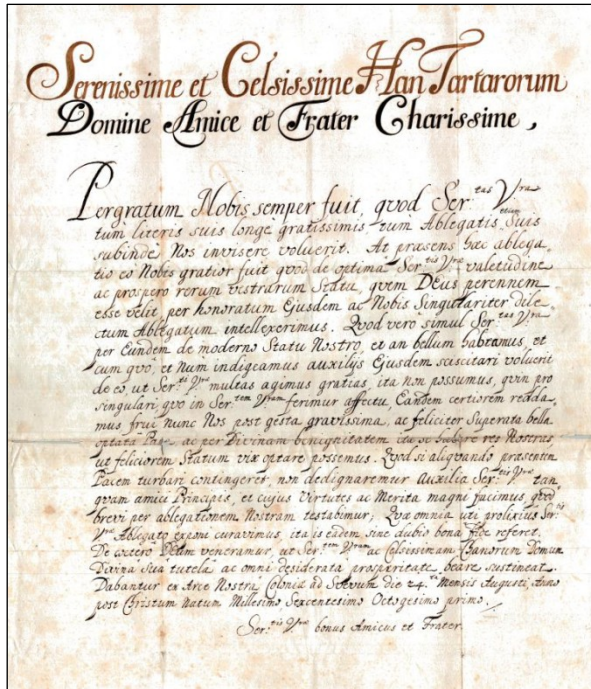
⁷ This couple of delegates wanted visit the King of Danmark too, but tarried two month in the village Prohn near to Stralsund at the Baltic Sea. According oriental tradition the Crimean Tatar delegates were on the road without a travel budget. Thats why the Brandenburg finance ministry wrote tot he Grand Duke of Brandenburg, that he should arrange a visit at the court of Danish King, so that the 'expensive' Crimean Tatar delegates could leave the Brandenburg lands, because according Prussian tradition to every single of the 15 deputies from Crimea hast o recieve gifts whilst they stay in Brandenburg (the gifts were silk, english kerchiefs, damask for 329 Taler for instance). 11, p. 379/380; 9, p. 20–58].

⁸ Signature: I. HA Rep. 11, Auswärtige Beziehungen Nr. XI 271a Tartarei fass. 7 «betr. die Abfertigung des tartarischen Gesandten Themur Krym Chazy und Mustafa Ağa zur Durchreise nach Dänemark».

Picture C. Finery letter in Italian language by Tahti Giray Sultan submitted to Frederick William, Elector of Brandenburg in «Cölln an der Spree» [Cologne at the river Spree, today Berlin], 30. march 1671, reign of Adil Giray Khan (also: Adil Çoban Giray) (this letter is an exponent of the exhibition «Türcken, Mohren und Tartaren», created by the Brandenburg-Preußen-Museum Wustrau, Germany, in cooperation with Institute for Caucasica-, Tatarica- and Turkestan Studies, Magdeburg, which will to be shown in Kazan, Istanbul and Vilnius), signature IHA_Rep11_Nr10517_4_Nr1_auf

Magdeburg. From there huge parts of the Prussian State Archive materials, which deals with Eastern German Provinces like Silesia, Eastern Prussia and Pomerania were delivered to Warsaw, because that land was now Polish area. Other volumes went to West Berlin (the Anglo-American-French Zone) and some material delivered to Magdeburg in the later German Democratic Republic, because there was situated a sub-branch of the Prussian State Archive. During the time of bloc confrontation neither western scientists could reach this material nor did

Picture D. Finery letter in Latin from 1681 by the Elector of Brandenburg, «The Great Elector» Frederick William to Murad Giray Khan (Murad Geray) (1627–1696), reigned 1678 to 1683, signature: HA Rep. XI. 271a_Tartarei_fasc. 6

eastern scientists touch them. After break down of the Iron Curtain and the reunion of Germany also the archives of East and West were reunified. That way the material went back to Berlin. After 10 month research in archives and libraries of Berlin and a first concrete lead in the article by Scheel [13, p. 214] I rediscovered 350 documents in spring 2009, some untouched since nearly 400 years.

Beside them other researchers discovered letters and manuscripts concerning Tatar–German diplomacy of the 15. century as well as the era of Girey dynasty of the 17./18. century.

That did our colleague from Sweden, Prof. Sven Ekdahl, and our Hungarian colleagues Sandor Papp (University Szeged) and Gábor Kármán (GWZO Leipzig⁹). We both – my friend Stephan Theilig and me – are very deeply grateful to them, because they gave us their research notices, hints and notes. So we are now well prepared to install an international research project and this article is a first step in that direction.

Beside the diplomatic contacts from the year 1675 onwards again and again first dozens, than hundreds and last thousands of Polish–Lithuanian, Volga- and Crimean Tatar soldiers served in the Prussian and Saxon armies and even the King Frederick the Great planned to use Tatars from Bialystok and Trakay as new ‘colonists’ in Pomerania and New East Prussia. Concerning this nearly untouched field of Tatar-German history are to find innocence documents in the Prussian Secret State Archive too.

Both, the diplomatic contacts and the Prussian-Muslim Tatar soldiers were just a little in the focus of historians in the 19th/20th century, but not as a distinct field of research [5, p. 18] Like my friend Stephan Theilig and me are arguing depicted historians as well as turkologists them as an periphery phenomena or a symbol of orientalism / exotism. «In this historiographical contexts the intercultural communication and transformation processes were excluded. The focus was based mainly on the political-military perspective»¹⁰. But especially from the today’s point of view and the current social-political problem areas in context of integration debates, stereotype research, Euro-Islam or islamophobia, the example of the «Prussian–Tatar Conviventia» could give impulses for new debates.

⁹ Centre for the History and Culture of East Central Europe (Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas – GWZO) at the University of Leipzig is a research institute committed to international cooperation and multidisciplinary approaches.

¹⁰ Dr. Stephan Theilig in his lecture at the Second International Symposium of Turkology at the University of Warsaw, 12.–14. September 2012 (conference proceedings will be published in 2014). See also [15, pp. 14–31].

REFERENCES

1. Ekdahl Sven. Probleme und Perspektiven der Grunwaldforschung. *Conflictus Magnus Apud Grunwald 1410 – między historią a tradycją. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej «Grunwald – Tannenberg – Żalgiriz» zorganizowanej 20–24 września 2010 r. w Malborku i Krakowie* [The great battle of Grunwald – between history and tradition. Proceedings of the International Scientific Conference «Grunwald – Tannenberg – Żalgiriz» organised]. Malbork, 2013, pp. 81–89.
2. Fekete Lajos. *Selected works: Einführung in die Osmanisch-Türkische Diplomatie der türkischen Botmässigkeit in Ungarn*. Budapest, 1926. 103 p.
3. Hotopp-Riecke Mieste. «Serenissimo Muradun Gerey, – Our friend and brother...» New discovered manuscripts as the basis of Crimean Tatar-German Science Project. In: *Nazar* (Constanta, Rumänien), nr. 8, 2011, pp. 20–22.
4. Hotopp-Riecke Mieste. *Tataren – Feindbilder und Fremdenangst*. Kiel: Magazin-Verlag, 2009. (together with Reinhard Pohl)
5. Hotopp-Riecke Mieste. Plädoyer für Perspektivenwechsel. Mehr Achtung für die Geschichte des Islam in Deutschland und Osteuropa ist nötig. In: *Islamische Zeitung*, nr. 188 / Feb. 2011 (26.01.2011), p. 18.
6. Hotopp-Riecke Mieste. Polscy Tatarzy w Prusach. Przyczynek do dziejów wojskowości i historii mentalności [Polish Tatars in Prussia. A overview concerning artefacts in military and intellectually history]. In: *Igielska, Barbara (Hrsg.): Tatarzy Polscy. Historia i kultura Tatarów w Polsce* [Tatars of Poland. History and Culture of the Tatars in Poland]. Szczecin/Stettin, Zamek Książąt Pomorskich w Szczecinie, 2009, p. 15–18.
7. Hotopp-Riecke Mieste: Izmenenie paradigmy tatary kak sojuzniki v bitve pri Tannenberge v 1410 g. In: *Studia Turcologica*, nr. 8, (Tataren in Europa. Geschichte und Kultur I). Berlin, Gesellschaft für Osteuropaförderung, 2013, p. 5–14.
8. Kudusov Erik /Ernst. *Moscow and Crimea. Studies of history of interrelations of two nations – Great Russians and Crimean Tatars*, Moscow, 2012, online under URL: <http://www.Moscow-krym.com/msk2eng.html> [11.6.2014], (Kudusov, Erik/Ernst. Moscow i Krym: očerki istorii vzaimootnošenij dvuch nacij – velikorossov i krymskich Tatar. Moscow, Kudusov, 2002. 88 p.).
9. Matuz Josef. *Krimentatarische Urkunden im Reichsarchiv zu Kopenhagen. Mit historisch-diplomatischen und sprachlichen Untersuchungen*. Freiburg: Klaus Schwarz, 1976. 378 p.

10. Mundt Theodor. *Krim-Girai, ein Bundesgenosse Friedrichs des Großen: Ein Vorspiel der russisch-türkischen Kämpfe*. Berlin, Schindler, 1855. 221 p.

11. Saring Hans. Tatarische Gesandtschaften an Kurfürst Friedrich Wilhelm während des ersten Nordischen Krieges. In: *Preussische Historische Kommission (Hrsg.): Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte*, 1934, nr. 46, pp. 374–380.

12. Saring Hans. Tatarische Gesandtschaften an den kurbrandenburgischen Hof nach dem ersten Nordischen Krieg bis zum Ende der Regierungszeit des Großen Kurfürsten. In: *Preussische Historische Kommission (Hrsg.): Forschungen zur Brandenburgischen und Preußischen Geschichte*, 1937, nr. 49, pp. 115–124.

13. Scheel Helmut: Ein Schreiben des Krim Giraj Khan an den Prinzen Heinrich, den Bruder Friedrichs des Grossen. In: János Eckmann, Ağâh Sırrı Levend, Mecdut Mansuroğlu (eds.): *Jean Deny armağanı*. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1958, Schriftenreihe: Türk Dil Kurumu yayınlarından [Veröffentlichungen der Stiftung für Türkische Sprache], nr.172, pp. 213–220.

14. Schwarz Klaus: Zu den frühen Beziehungen Brandenburg-Preußens zu Türken und Tataren. In: Knopp, Werner (Hrsg.): *Jahrbuch Preußischer Kulturbesitz* 24. Berlin, Mann Verlag, 1988, pp. 151–172.

15. Theilig Stephan. *Türken, Mohren und Tataren. Muslimische (Lebens-) Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert*. Berlin, 2013. 404 p.

16. Tyszkiewicz Jan. Tataren (Mongolen) in der Rus', in Litauen und in Polen im Mittelalter. In: *EEO – Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Klagenfurt, Alpen-Adria Universität, 2007, pp. 418–424.

About the author: Mieste Hotopp-Riecke – Mag. Art., Institut für Caucasic-, Tatarica- und Turkestan-Studien im Bildungs- und Innovationszentrum BIZ Magdeburg (39124, Schwiesastr. 11, Magdeburg, Germany); icatat@gmx.de

Немецко-крымскотатарское письменное наследие в немецких архивах

Мисте Хотопп-Рике

*(Институт исследований Кавказа, Таврики и
Туркестана, Магдебург)*

Аннотация: Великий магистр Тевтонского ордена, курфюрсты Бранденбурга и позже короли Пруссии и их подданные жили в Восточной Пруссии в контакте с миром ислама, а именно в Татарских Липках. У прусских монархов также хорошо были налажены дипломатические связи с Крымским ханством. Материалы, свидетельствующие об их взаимоотношениях, хранятся в немецких архивах и в этой статье будут рассмотрены неопубликованные источники о взаимодействии крымских татар и Пруссии.

Ключевые слова: Пруссия, государство Тевтонского ордена, крымские татары, дипломатия, польско-литовские татары, немецкие архивы.

Сведения об авторе: Мисте Хотопп-Рике – магистр искусств, научный руководитель Института исследований Кавказа, Таврики и Туркестана (39124, Schwiesastr. 11, Магдебург, Германия); icatat@gmx.de

Из истории костюма тюркских народов Евразии: этнокультурные параллели в традиционной одежде волго-уральских и крымских татар

Светлана Суслова

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Аннотация: Кросскультурный синхронный и диахронный анализ структурных элементов народного костюма волго-уральских и крымских татар показал следующее. Наибольшее количество аналогий в типах верхней и нижней одежды, головных уборов, украшений содержится в материалах степной группы крымских татар, астраханских татар, южной группы мишарей, некоторых групп волго-уральских кряшен. Степной ансамбль крымско-татарского костюма несет в себе черты, выработанные в среде многих кочевых народов Евразии – в Средней Азии (казахи, киргизы), на Кавказе (ногайцы, кумыки и др.). Это в значительной степени объясняется присутствием кыпчако-ногайского компонента в этнокультурной истории этих народов, восходящего, вероятно, к традициям Золотой Орды. Ряд близких аналогий наблюдается в костюме крымских татар городской горно-прибрежной группы и городских казанских татар. Через посредство бахчисарайской знати заметное влияние на формирование стиля одежды городского казанско-татарского костюма оказали культурные традиции Османской империи.

Ключевые слова: крымские татары, волго-уральские татары, традиционный костюм, синхронный анализ, Золотая Орда.

Этнографами Института истории им. Ш. Марджани АН РТ при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ 2003 г., проект № 03-01-18010е) была осуществлена экспедиция в Крым. Тема исследования – «Крымские татары:

традиционная культура и современные этносоциальные, этнокультурные процессы». В рамках этого проекта автором публикации изучалась тема «Народное декоративно–прикладное искусство». Особое внимание было уделено сбору фактического материала по традиционной одежде и, связанным с ее производством видам художественного народного творчества (ткачеству, вышивке, золотому шитью, ювелирным украшениям). Материал собирался с целью создания базы данных для современных кросскультурных, этногенетических исследований в области традиционной культуры тюркских этносов Евразии [16].

Формирование средневековых тюрко-татарских государственных объединений XV–XVI веков (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское ханства), как известно, в значительной степени было связано с распадом Золотой Орды – мощной средневековой этнополитической общности Евразии. Однако это обстоятельство, как отмечают исследователи, не означало взаимной изоляции этих родственных объединений. Они продолжали сохранять многочисленные этнополитические, этнокультурные связи. В частности, крымские татары, начиная с эпохи Золотой Орды, и особенно в период Крымского ханства, созданного в первой половине XV века, играли важную посредническую роль транслятора культурных традиций между византийским миром, восточными тюрко-исламскими цивилизациями и евразийскими тюрками (особенно волго-уральскими татарами).

Крымские татары, как известно, делятся на две основные этнические группы – степную и горно-прибрежную. Степная группа формировалась на основе собственно степных татар и кочевавших в степной части Крыма ногайцев. В антропологическом типе степных татар преобладает, как и у ногайцев, монголоидный компонент, язык, как и у ногайцев, относится к кыпчако-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Современные исследователи считают, что в основе формирования ногайцев, вошедших в группу крымских степняков, стояли в основном кыпчакские и кыпчакизированные племена.

Группу горно-прибрежных татар сформировали в основе своей земледельческие народы, принадлежавшие к европеоидному (кавказско-балканскому антропологическому типу). Этническую основу горно-прибрежной группы составили греки, пересе-

лявшие на южный берег Крыма в результате нескольких волн колонизаций (в эллинистическое, византийское, новое время). Диалект языка этой группы очень близок турецкому (огузо-сельджукской подгруппе огузской группы тюркских языков). И это не случайно. С конца XV века Крым и Крымское ханство находились под протекторатом Османской империи, а южный берег Крыма стал фактически турецкой провинцией.

Основными источниками публикации (кроме местной краеведческой и научной литературы) явились музейные материалы. Нам удалось ознакомиться с крымско-татарскими коллекциями четырех музеев Крыма. Изучение музейных коллекций и имеющейся по теме научной литературы проводилось на фоне типологических и картографических материалов Историко-этнографического атласа татарского народа [13].

Самыми внушительными в плане типологического разнообразия элементов костюма, техники и орнаментации элементов декора (ткачество, золотное шитье, ювелирные украшения) представляются экспозиция и фонды Бахчисарайского музея истории и культуры крымских татар. Внушительны они и по широте диапазона хронологических рамок (XVIII–XX вв.). Важными для кросскультурного анализа являются рисунки О. Федорюк, представляющие собой варианты научной визуально-художественной реконструкции этнолокальных комплексов крымско-татарской одежды XIX в. Реконструкции, что важно, выполнены по материалам и зарисовкам первого директора музея, известного в Крыму ученого и знатока крымско-татарской культуры У. Боданинского. Не менее значима и коллекция этнографических зарисовок (118 единиц хранения) орнаментальных композиций крымско-татарской вышивки, выполненная в начале XX в. художницей В.В. Контрольской. Значительная часть материалов Бахчисарайского музея отражает искусство и материальную культуру степной этнической группы крымских татар.

Костюм горно-прибрежной этнической группы в большей степени отражают коллекции Ялтинского государственного объединенного историко-литературного музея. Его фонды формировались на основе дворцовых коллекций Крымского побережья и частных собраний известных крымских коллекционеров (Айвазовских, З.Г. Тугендхольда, А.Л. Бертье-Делагарда). В них представ-

лены различные виды тканей домашнего производства *атма*, а также женские головные покрывала *марам*, мужские пояса *учкь-ур* и др. Преобладающая техника вышивки – *татар эшлеме* – этноспецифическая крымско-татарская глухая двухсторонняя гладь без предварительного настила. Особую ценность Ялтинского музея составляют предметы золотного шитья, представляющие собой детали костюма (манжеты женского платья *эль кьап*, девичьи головные покрывала *шербенти*, подвязки для чулок *чорап баги*) и связанные с ним аксессуары (кисеты, сумочки для миниатюрного Корана *касиде*), а также шитая золотом верхняя одежда. Шитье выполнялось по однотонным дорогим тканям (бархату, атласу, кисее) серебряной или позолоченной (пряденной или сканой) нитью с использованием жемчуга, кораллов, бисера, металлических блесток. По материалам золотного шитья (технике, архаике орнамента), применяемых в декоре крымско-татарского костюма, угадываются близкие параллели с золотным шитьем астраханских, сибирских татар, южной группой (кузнецко-хвалынской) татар-мишарей, а также с русским шитьем южнорусских губерний. В частности, специалисты [9, с. 66; 18] предполагают, что импорт шитых золотом тканей из Греции на Русь начался еще в дохристианские времена, а если учесть, что этот импорт шел через Крым, то в тюрко-татарских регионах с Византийским золотным шитьем могли познакомиться даже раньше, чем в России. Неслучайны, видимо, одинаковые узоры прикрепа и характер шитья на предметах вышивки византийского, древнерусского, крымско-татарского и южно-мишарского золотного шитья.

Фонды Республиканского Крымско-татарского музея искусств (г. Симферополь) включают более четырехсот предметов народной одежды и декоративно-прикладного искусства. В основу фондов легли уникальные коллекции известного коллекционера, актера крымско-татарского ансамбля «Хайтарма» Аблямита Умерова и его супруги Хатидже Добра, вывезенные, дополненные и сохраненные ими в годы депортации в г. Ташкенте.

Определенный интерес вызывают и материалы Крымского этнографического музея (г. Симферополь), созданного на базе коллекций Крымского краеведческого музея. Этнография крымских татар здесь представлена более пятьюстами экспонатами, включающими и интересующие нас разделы: одежда, вышивка,

ткачество. Среди экспонатов этого музея хранятся ранние изобразительные материалы, в частности, копии с рисунков середины XIX века художников Раффе, Паули, фотографии крымских татар в традиционной одежде, относящиеся к началу XX века.

Кросскультурный сравнительно-типологический анализ материалов по народному костюму крымских татар показал следующее.

По утверждению Л.И. Рославцевой, ведущего исследователя в области крымско-татарского костюма, традиционный покрой женской рубахи у крымских татар в целом связан с турецкими традициями, особенно это касается горных районов Крыма [9, с. 19]. В то же время, некоторые исследователи [3, с. 115] находят в крое крымско-татарских рубах отличия, не связанные с турецкими традициями. Например, наличие ластовиц и подкройных бочков в туникообразных рубахах прибрежных районов. Это дает возможность строить концепцию об определенной общности в покрое традиционных рубах крымских, волго-уральских, астраханских и сибирских татар, связанной с туникой тюркских народов Евразии, завуалированной сильным воздействием турецкой культуры.

Особого рассмотрения в плане аналогий заслуживает выходная плечевая женская одежда крымских татарок *фередже* (у горно-прибрежных), *перандже* (у степных). Сюда *фередже* пришла, очевидно, из Турции, где носилась в рукава, будучи уличной одеждой женщины-мусульманки. На побережье Крыма со II половины XIX в. *фередже* стала использоваться и как головная накидка мусульманки. В.Ф. Миллер в 1860-е годы писал: «при выходе из дому, сверх всего, надевают еще *фередже*, суконную накидку розового или зеленого цвета с короткими рукавами. При недальних отлучках со двора *фередже* набрасывают на голову вместо чадры или покрывала» [6, с. 81]. Типологически близкий элемент верхней одежды под названием *жилэн* был известен и волго-уральским татарам, например, в Бугульминском, Бугурусланском уездах Самарской губ. [13, с. 124]. Халатообразный *жилэн* в качестве выходного головного покрывала жен священнослужителей сохранялся у казанских татар вплоть до начала XX века. Его использовали как покрывало-накидку на голову при выходе на улицу, причем пожилые женщины накидывали на голову *жилэн* таким образом, что пройма рукава изнутри приходи-

лась на голову, а молодые покрывались им симметрично [13, с. 124].

Любопытными являются аналогии в покрое верхней демисезонной и зимней одежды. Это наличие трапециевидных подкройных бочков в одежде у крымских и волго-уральских татар (главным образом у кряшен, особенно заказанско-западно-закамских и нагайбаков). Подобный покрой характерен и для астраханских татар-карагашей. Исследования в этой области С.Ш. Гаджиевой [1], Е.Н. Студенецкой [10], Л.И. Рославцевой [9] позволяют эту особенность кроя назвать нагайской.

При сравнительно-историческом синхронном и диахронном анализе головных уборов важным было дифференцировать древнетюркские и ранне-исламские традиции. Внешнее и конструктивное сходство мусульманской чалмы и древнетюркского тюрбанобразного головного убора может служить основанием для неверной историко-генетической интерпретации. К примеру, у тюркских и других народов Средней Азии, женские чалмообразные (тюрбанообразные) головные уборы существовали, как утверждают исследователи, задолго до принятия Ислама [5, с. 13–17]. Комплекс женского тюрбанообразного головного убора (волосник-чехол для кос, специальное покрывало, закрывающее шею и грудь, полотенцеобразная чалма) был характерен для крымско-татарских степняков и тех групп волго-уральских татар, в одежде которых раннетюркские кипчако-ногайские черты проявлялись ярче и сохранялись дольше. Так, до начала XX в. тюрбанообразный убор бытовал в традиционных костюмных комплексах отдельных групп кряшен (заказанско-западно-закамских, например), никах не связанных с культурными традициями Ислама, у сергачских мишарок Нижегородской губ. Отдельные его рудементы замечены у мишарок и касимовских татарок Окско-Сурского междуречья, у татарок степного Оренбужья и Западной Сибири.

У степной (кочевой) группы крымских татар, тесно связанной с нагайцами, изображение тюрбанного комплекса головного убора видим на известном рисунке из книги И.Г. Георги (1770 г.). Со второй половины XIX в. у крымских степнячек роль полотенцеобразной чалмы (тюрбана) выполнял платочный комплекс головного убора [9, с. 43]. Заметим, что аналогичное рудиментарное сохранение тюрбана, но хронологически для более позднего вре-

мени – вплоть до середины XX в. – было характерно и для окско-сурских мишарей (способ повязывания платков *кукеш чыгарын*), и для сибирских татар.

Несомненный интерес в плане взаимосвязей крымских татар и волго-уральских тюрков в целом представляют собой и женские волосники – один из наиболее архаичных и в то же время устойчиво сохраняющихся элементов. Синхронный анализ сюжетов, связанных с этим элементом показывает, что в начале – середине XIX в. у волго-уральских татар (особенно мишарей Окско-Сурского междуречья), башкир, ногайцев, астраханских, а также сибирских татар существовал, по сути, единый комплекс женского головного убора, состоящий из волосника-чепца или повязки (*сарауц, салауц, соловес, шлауш, хараус*) и большого полотенцеобразного или треугольного покрывала *тастар, кыйик тастар, кыекча* [14, с. 114–126]. У крымских татарок степной группы также существовали, схожие с ногайскими, треугольные традиционные покрывала *дастар*. Их надевали с волосниками-чепцами или специальными функционально идентичными нижними платками как у тех ногайцев *шляуш* [1, с. 150] или астраханских татар-карагашей [12, с. 80–89] *шлауш*.

Известно, что металлические, в том числе ювелирные, украшения в силу своей нетленности и ёмкости, заключающейся в них информации (техничко-технологические параметры, орнамент, конструкция и форма изделий) представляют собой важнейший историко-этнографический источник. Значительный интерес в плане сравнительно-исторического анализа представляют собой два архаичных типа крымско-татарских женских украшений. Это шейно-височное ожерелье из предгорий восточного побережья Крыма под названием «*серьга и бунджак*». Оно представляет собой две серьги, соединенные между собой проходящей под подбородком ниткой бисера, на которую подвешивались монеты [9, с. 41]. Близкие аналогии этому украшению имеется в материалах украшений волго-уральских татар. Серьги *сырга*, соединенные цепочкой, лентой или тесьмой *сырга бавы* в начале XX в. были известны у крещеных татар (кряшен). В более раннее время, они имели распространение в головных уборах мишарей Окско-Сурского междуречья, особенно у ч-окающей (южной) их группы, у периферийных групп казанских татар (например, в

Пермской губернии), у казанских татар основной этнической территории [13, 201–203]. Аналогичное старинное украшение из фондов Национального музея республики Татарстан (инв. 10202) любопытно тем, что представляет собой наиболее развитую форму этого украшения. Выполненное в традиционной казанско-татарской технике скани, оно, несомненно, принадлежало знатной городской казанской татарке.

Этот тип украшений известен у большинства тюркских народов Евразии – башкир *сырга*, каракалпаков *халхап сырга*, ногайцев, узбеков *халкаб сырга*, казахов *саукелини сыргасы*, киргизов *сойко жебуроочи др* [11, с. 26]. Известно оно сопредельным бурятам и монголам. Данный круг народов объединяет, как известно, присутствие в их этнической истории «мощного» кипчако-ногайского пласта, восходящего, вероятно, к этнокультурным традициям Золотой Орды. Не случайно, заметное сходство в структуре традиционного костюма тюркских этносов Евразии отмечает в своих трудах Н.П.Лобачева [4, с. 69–97].

Интересно, на наш взгляд, в плане этнокультурных взаимосвязей волго-уральских и крымских татар шейно-нагрудное украшение в виде воротниковой застежки с подвесками. В развитом виде это украшение *яка чылбыры* – национальное и совершенно оригинальное украшение казанских татарок, могущее служить и этническим показателем. Воротниковая пряжка с подвесками была распространена у зажиточной части казанских татар в уездах Казанской, Самарской, Уфимской, Вятской, Пермской губ. Бытовало это украшение в костюмных комплексах молодых горожанок из среды касимовских татар [13, с. 219], а также у сибирских татарок [15, с. 210–229]. Так, например, бытовавшие у касимовских и сибирских татар воротниковые застежки выполнены, как правило, в специфической для казанской ювелирной школы спиральной техники скани и с характерным для неё декором – самоцвет, обрамлённый розеткой бирюзы. То, что эти украшения не являются местными говорят и тесемки, прикрепленные к пряжке, которыми, очевидно, украшение завязывалось на шее сзади [15, с. 210–229]. Как известно, у казанских татар *яка чылбыры* крепилось иначе – к воротнику-стойке традиционной рубахи. Украшение в виде воротниковой застежки с подвесками – *тэпәү-ине* бытовало и у крымских татар [9, с. 41]. В качестве крымско-татарского аналогичное

украшение нам встречалось и в фондах Российского этнографического музея (инв. 7484–70). Сложно и неоднозначно происхождение этого украшения. За отсутствием фактического материала мы не можем точно установить время его появления. Скажем только, что исследователи XVIII в. – И. Лепехин, И. Георги, М. Невзоров не отмечают *яка чылбыры* у казанских татар, хотя не заметить столь эффектного украшения было бы трудно. В середине XIX в. об этом украшении пишет К. Фукс [17, с. 15]. Позднее, в 70-е годы XIX столетия упоминают его у кряшен Чистопольского уезда и у магометанок Тетюшского уезда Казанской губернии и другие исследователи [11, с. 36]. Прототипы *яка чылбыры* известны у древних болгар и финно-угорских народов Поволжья (шейная гривна с подвесками из блях и монет) [11, с. 36]. Синхронные же этнографические параллели находим в аналогичном женском украшении *гердан* из Дунайской Болгарии, этнокультурная история которой связана, как известно, с булгарами. Некоторая восточная помпезность в облике болгарских *гердан* и отдельных вариантов татарских *яка чылбыры* не исключает влияния и ювелирных традиций Османской империи на искусство не только подвластной ей Болгарии [2, с. 113–117], но, и, безусловно, единоверцев-татар через посредство крымских татар, находившихся у нее в вассальной зависимости.

Большинство исследователей крымско-татарского костюма в качестве нагрудного женского украшения отмечают *коксюк*, надевавшийся поверх платья и закрывавший вырез. Матерчатая основа нагрудника зашивалась монетками или стилизованно расширялась золотной нитью кружочками «под монеты». Аналогичные верхние монетные матерчатые нагрудники под разными наименованиями чрезвычайно широко бытовали у всех групп волго-уральских татар, особенно у кряшен, у южной группы мишарей, у казахов, киргизов известны и нагрудники, шитые золотом [16, с. 157–159].

Одним из наиболее оригинальных нагрудных украшений волго-уральских татарок является перевязь. Это украшение состояло из блях, монет, раковин-каури, пуговиц, различных ювелирных поделок, которые нашивались на плотную простеганную в несколько слоев полосу материи. Драгоценные экземпляры перевязей изготавливались из различной формы сканых позолочен-

ных блях, скрепленных между собой шарнирами блях. Перевязь одевалась через левое плечо под правую руку и, плотно облекая грудь и спину, застегивалась под мышкой или на спине. В силу своей самобытности это украшение отмечается всеми авторами, которые хотя бы вскользь касались татарских украшений. Нередко перевязь была снабжена амулетом в виде раковины «каури» или специальным «карманцем, куда кладут мелко писанный алкоран, но часто... и кусок деревца» [17, с. 17].

При всем типологическом разнообразии перевязей (по назначению, особенностям формы и декоративного оформления) [13, с. 230–231] у волго-уральских татар четко вырисовывается два этнокультурных ареала их преимущественного распространения.

Один круг перевязей *хаситә*, *хасильтә*, *хасия* – в виде сплошной полосы материи шириной 5–10 см, приходившейся на грудь, был связан с расселением казанских татар, включая и их периферийные группы, а также кряшен (*девәт*). Эти перевязи наряду с декоративной функцией зачастую исполняли роль и своеобразного языческого оберега (что особенно заметно у периферийных групп казанских татар и кряшен), либо мусульманского амулета *бәту*, что характерно было для татар города и районов Заказанья.

Другой круг перевязей – в виде узкой полосы материи шириной 2–3 см или тесьмы, в нижней части которой (под рукой на боку) прикреплялся специальный карманец-мешочек, территориально увязывается с культурой южной «ч-окающей» группы мишарей Окско-Сурского бассейна. Эта перевязь также украшалась монетами, иногда в сочетании с тамбурной вышивкой, или золотным шитьем и называлась главным образом *чанук*. Прямые аналоги этим украшениям-амулетам татар-мишарей находим в фондах Астраханского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, в коллекциях, собранных у астраханских татар, в том числе у карагашей, во время экспедиций В.И. Трофимова в 1929–1930 гг. Эти позументные или шитые золотом сумочки-карманцы для хранения оберегов, судя по ранним изобразительным материалам того же музея, носились по типу мишарских *чанук* через левое плечо под правую руку [12, с. 80–89].

Крымско-татарский исследователь Э. Озенбашлы отмечает: «На ремешке через плечо крымские татарки носят сумочку с молитвой из Корана (дува), которая делается из серебра или сафьяна» [7, с. 31]. Украшенные золотным шитьем сумочки-амулетницы *касидэ* в большом количестве хранятся в крымско-татарских музейных коллекциях. Интерес в связи с этим представляют собой и упомянутые выше рисунки О. Федорюк – реконструкции крымско-татарской одежды XIX в. Согласно этим рисункам крымские татарки носили нагрудные амулеты-украшения также через левое плечо под правую руку.

Как видим, наибольшее количество прямых аналогий содержится в материалах одежды степной этнографической группы крымских татар, астраханских татар, южной (кузнецко-хвалынской) группы татар-мишарей, некоторых групп волго-уральских кряшен, в частности заказанско-западно-закамской. Степной ансамбль крымско-татарского костюма несет в себе черты, выработанные в среде многих кочевых народов Евразии: отсутствие нижней одежды, конструктивные особенности покроя и декора одежды и форм головных уборов, традиционных украшений. По материалам костюма устанавливаются тесные взаимосвязи степной группы с народами Средней Азии (казахами, киргизами и др.), с ногайцами и другими тюркскими народами Северного Кавказа. Это в значительной степени объясняется присутствием значительного кипчако-ногайского этнического субстрата в этногенезе и этнической истории этих народов, восходящего к этнокультурным традициям Золотой Орды и постзолотоордынских тюрко-татарских государств.

Ряд близких аналогий наблюдается в костюме крымских татар горно-прибрежных районов – привилегированной (городской) части крымско-татарского общества и городских казанских татар. Некоторая восточная величавость в облике отдельных вариаций городского костюма казанско-татарской знати особенно высшего духовенства не исключает и влияния этнических традиций Османской империи через посредство именно крымских татар (горно-прибрежной и бахчисарайской знати). Это, например, некоторые виды распашной верхней одежды, турецкие типы мужских и женских золотошвейных головных уборов (наподобие фес), использование в средневековом костюме знати филигран-

ных турецких и крымско-татарских поясных пряжек, драгоценных амулетниц, женских нагрудных украшений и др. И это не случайно. В одежде царствующих династий и их городского окружения у разных этнических общностей Евразии, например, у татар и русских [8, с. 125–213], а тем более, в родственных средневековых тюрко-татарских ханствах, имелось много общего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976. 245 с.
2. Етнография на България, Т. 2. Материална култура. София, 1983. 258 с.
3. Курылев В.П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. М.: Наука, 1976. 142 с.
4. Лобачева Н.П. Особенности костюма народов Среднеазиатско-Казахстанского региона // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М.: Наука, 2001. С. 69–97.
5. Мешкерис В.А. Женские чалмообразные головные уборы на куманских статуэтках // Костюм народа народов Средней Азии. М., 1979. С. 13–17.
6. Миллер В.Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. Крымские татары. Том. I. М., 1887. 171 с.
7. Озенбашлы Э. Крымцы // Сборник работ по истории, этнографии и языку крымских татар. Симферополь, 1997. С. 28–36.
8. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 309 с.
9. Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2000. 149 с.
10. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.
11. Сулова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX –начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1980. 125 с.
12. Сулова С.В. Костюм астраханских татар XIX – начала XX вв. (по материалам музейных коллекций) // Астраханские татары. Казань, 1992. С. 80–89.
13. Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Изд-во «Фэн», 2000. 311 с.

14. Суслова С.В. Западносибирские «сарауцы» как историко-этнографический источник // Сибирские татары. Казань: Институт истории АН РТ, 2002. С. 114–126.

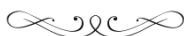
15. Суслова С.В. Сибирско-татарская коллекция ювелирных украшений Тобольского музея как историко-этнографический источник // Татарская археология. Казанское и другие татарские ханства: археология, эпиграфика, искусство. № 1–2 (10–11). Казань: Институт истории АНТ, 2004. С. 210–229.

16. Суслова СВ. История костюм тюркских народов (этнографическое исследование татарской народной одежды). Астана: Изд-во «Сарыарка», 2011. 286 с.

17. Фукс К.Ф. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844. 130 с.

18. Чепурина П.Я. Орнаментное шитье Крыма. М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное издательство, 1938. 63 с.

Сведения об авторе: Светлана Владимировна Суслова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); sv_suslova@mail.ru

History of Costume of the Turkic peoples of Eurasia: ethno-cultural parallels in the traditional clothing of Volga-Ural and Crimean Tatars

Svetlana Suslova

(Sh. Marjani Institute of History,

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract: The article informs about the cross-cultural synchronic and diachronic analysis of the structural elements of Volga-Ural and the Crimean-Tatar national costumes. These elements allowed making the following conclusions: a great number of similarities in the types of traditional clothing, headwear, and jewelry are used by steppe Crimean Tatars, Astrakhan Tatars, Mishar southern group, some groups of Volga-Ural Kryashens. The Crimean Tatar Costume of Steppenwolf ensemble includes many features which were developed by the Turkic nomadic people of Eurasia. It depends largely on the

Kypchak-Nogai ethnic and cultural component in the ethnic history of these people that go back to the ethnic and cultural traditions of the Golden Horde.

Keywords: Crimean Tatars, Volga-Ural Tatars, traditional Costume, synchronic analysis, the Golden Horde.

REFERENCES

1. Gadzhieva S.Sh. *Material'naya kul'tura nogaytsev v XIX – nachale XX v.* Moscow, Nauka, 1976. 245 p.
2. *Etnografiya na B'lgariya*, vol. 2. Materialna kultura. Sofiya, 1983. 258 p.
3. Kurylev V.P. *Khozyaystvo i material'naya kul'tura turetskogo krest'yanstva.* Moscow, Nauka, 1976. 142 p.
4. Lobacheva N.P. Osobennosti kostyuma narodov Sredneaziatsko-Kazakhstanskogo regiona. *Sredneaziatskiy etnograficheskiy sbornik.* Vyp. IV. Moscow, Nauka, 2001, pp. 69–97.
5. Meshkeris V.A. Zhenskie chalmoobraznye golovnye ubory na kumanskikh statuetkakh. *Kostyum naroda narodov Sredney Azii.* Moscow, 1979, pp. 13–17.
6. Miller V.F. *Sistematicheskoe opisanie kollektsey Dashkovskogo etnograficheskogo muzeya. Krymskie tatory.* Vol. I. Moscow, 1887. 171 p.
7. Ozenbashly E. Krymtsy. *Sbornik rabot po istorii, etnografii i yazyku krymskikh tatar.* Simferopol', 1997, pp. 28–36.
8. Rabinovich M.G. Ocherki material'noy kul'tury russkogo feodal'nogo goroda. Moscow, Nauka, 1988. 309 p.
9. Roslavitseva L.I. *Odezhda krymskikh tatar kontsa XVIII – nachala XX v.* Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Moscow, Nauka, 2000. 149 p.
10. Studenetskaya E.N. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII–XX vv.* Moscow, Nauka, 1989. 288 p.
11. Suslova S.V. Zhenskie ukrasheniya kazanskikh tatar serediny XIX – nachala XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Moscow, Nauka, 1980. 125 p.
12. Suslova S.V. Kostyum astrakhanskikh tatar XIX – nachala XX vv. (po materialam muzeynykh kollektsey). *Astrakhanskije tatory.* Kazan, 1992, pp. 80–89.
13. Suslova S.V., Mukhamedova R.G. *Narodnyy kostyum tatar Povolzh'ya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv).* Istoriko-etnograficheskiy atlas tatarskogo naroda. Kazan, Fen Publ., 2000. 311 p.

14. Suslova S.V. Zapadnosibirskie «sarautsy» kak istoriko-etnograficheskiy istochnik. *Sibirskie tatary*. Kazan, Institut istorii AN RT, 2002, pp. 114–126.

15. Suslova S.V. Sibirsko-tatarskaya kollektsiya yuvelirnykh ukrasheniy Tobol'skogo muzeya kak istoriko-etnograficheskiy istochnik. *Tatarskaya arkheologiya. Kazanskoe i drugie tatarskie khanstva: arkheologiya, epigrafika, iskusstvo*, no 1–2 (10–11). Kazan, Institut istorii ANT, 2004, pp. 210–229.

16. Suslova SV. *Istoriya kostyum tyurkskikh narodov (etnograficheskoe issledovanie tatarskoy narodnoy odezhdy)*. Astana «Saryarka» Publ., 2011. 286 p.

17. Fuks K.F. *Kazanskie tatary v statisticheskom i etnograficheskom otnosheniyakh*. Kazan, 1844. 130 p.

18. Chepurina P.Ya. *Ornamentnoe shit'e Kryma*. Moscow-Leningrad: Vsesoyuznoe kooperativnoe ob"edinennoe izdatel'stvo, 1938. 63 p.

About the author: Svetlana Vladimirovna Suslova – Ph.D. in History, senior research fellow of the Department of Ethnology, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); sv_suslova@mail.ru

Общее и особенное в современной обрядности поволжских и крымских татар

Рауфа Уразманова

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Аннотация: В статье представлены результаты анализа по выявлению общего и особенного, этноспецифического в современной (рубеж XX–XXI веков) свадебной, родильной и похоронно-поминальной обрядности поволжских и крымских татар. Это генетически и исторически близкие друг к другу тюркских народа, «этнические» мусульмане-сунниты, пережившие в советское время несколько отличное «внешнее» давление. Показано место и значение мусульманских предписаний в семейной обрядности.

Ключевые слова: татары, крымские татары, семейные ритуалы, этническая идентичность, этническое самосознание, ислам, современность

Этносоциологические исследования последних десятилетий устойчиво фиксируют непреходящую роль народных обычаев, обрядов, праздников в этническом самосознании. Именно их респонденты относят к одним из главных этноинтегрирующих признаков вне зависимости от национальной принадлежности, социального положения, места проживания [8, с. 117; 2, с. 191–192; 3 с. 315; 5 с. 75], также и то, что этничность включает в себя не только этническую идентичность, этническое самосознание людей, но и реальное следование этноспецифическим формам поведения, [12, с. 9] к которым, в частности, относятся семейные обычаи, обряды, праздники (семейная обрядность). Этноспецифическое в свою очередь предполагает наличие некоей обобщен-

ной, генерализованной формы, «идеальной модели» поведения в ритуально-обрядовой ситуации (вступление в брак, рождение ребенка, смерть и т.д.), наличие нормативных комплексов, считающихся обязательными, хотя в силу своей специфики, в том числе «нематериальности», ситуативности своего бытования, обряды в каждом конкретном случае индивидуально-вариативны.

Огромный материал, собранный во время экспедиций по сетке «Историко-этнографического атласа татарского народа» свидетельствует о наличии и другой вариативности: для каждой субэтнической, субконфессиональной группы татар (казанские татары, татары-мишари, кряшены) в традиционном быту был характерен свой комплекс обрядности, в каждом из которых наблюдались определенные локальные отличия. [15, с. 116–126] Более того, характерна и такая вариативность: одинаковые по форме обряды, праздники в разной местности имели различные названия, [10, с.144–147] тем самым усиливая восприятие их как сугубо своих¹, идущих из глубины веков, оставшихся от далеких предков – *ата бабадан калган йола*. Вместе с тем структурообразующие элементы этих комплексов были едиными для всех поволжских татар. Именно поэтому при всей вариативности можно говорить о татарской семейной обрядности как составной части этнической культуры, отличной от таковой у других народов.

С целью расширения исследовательского поля и базы данных по этнографии татар в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда «Крымские татары: традиционная культура и современные этносоциальные, этнокультурные процессы» (код проекта 03-01–18010е) сотрудниками отдела этнологии Института истории АН Республики Татарстан осенью 2003г. был проведен экспедиционный выезд в Крым. Одним из направлений работы был сбор материала по праздничной культуре и культуре праздников, семейным обрядам и торжествам – «ритуальным формам выражения» [7, с. 126–137] татарскости.

¹ В этом плане интересно замечание М.Н. Губогло: «В этимологии «свое» коренится немало каверзных вопросов, ответы на которые чаще всего скрыты от постороннего взгляда. Дело в том, что одна и та же реальность нередко отражается с помощью различных понятий и терминов» [4, с. 41].

Проводился он традиционным этнографическим методом – путем опроса информаторов разного возраста, в том числе молодежи, социального положения – пенсионеров, преподавателей вузов, библиотекарей, представителей духовенства, в основном современных жителей г. Симферополя, в сельской местности в п. Веселое Судакского района (прошрое татарское название *Кутлах*). Фиксировалась форма бытования того или иного обряда, праздника в разные годы XX столетия. Кроме того сведения о современных свадебных обрядах получены путем просмотра ряда видеозаписей, любезно предоставленных информаторами, визуального наблюдения различных этапов свадебного ритуала: религиозного обряда бракосочетания – *никах* мечети, торжественной регистрации брака во Дворце бракосочетания и одного из свадебных застолий в г. Симферополь. По родильной обрядности, помимо устной информации, была просмотрена видеосъемка с торжества по поводу обрезания – *сюннет той*. Материалы по похоронно-поминальной обрядности дополнены фотосъемкой памятников, сделанных на новых татарских кладбищах – Абдал (г. Симферополь) и в п. Веселое.

Этнографический метод сбора данных по обрядности, как известно, требует формализации вопросника. В нем выделяются основные, наиболее часто встречающиеся обрядовые действия, сочетания которых составляют своеобразие того или иного обряда, праздника. По справедливому замечанию К.В. Чистова, «этнографов интересуют не столько отдельные вещи, явления или тексты и их эмпирические особенности, сколько их типы, модели. Этнографы оперируют некими обобщениями, абстракциями, мысленно освобожденными от эмпирических частныхостей». [14, с. 118]

Большой фактический материал, собранный автором по семейной обрядности татар Поволжья и Урала (далее в тексте – татар), позволил представить «традиционную обрядность» (конец XIX – нач. XX вв.) и проследить пути ее трансформации в XX столетии. При указанной выше вариативности, главным в традиционной обрядности было строгое выполнение единого комплекса обрядов, характерного для данной местности, данной этнографической группы. Имеющиеся различия были обусловлены лишь социальными причинами и заключались в разном количестве участников, продолжительности гостеваний, богатстве даров. По

основным структурообразующим элементам, включающим проведение так называемого постельного обряда в доме невесты, переезд молодой в дом мужа лишь после определенного времени проживания ее в доме своих родителей, санкцию происходящего брака в доме невесты, ритуал традиционной свадебной обрядности может быть отнесен к уксорилокальному типу, названному К.В. Чистовым «средне-азиатско-кавказским» в отличие от вирилокального, «европейского» (восточнославянского) [13, с. 225]. В родильной, похоронно-поминальной обрядности также было много общего с обрядностью именно тюркских народов – узбеков, казахов, каракалпаков («средне-азиатско-кавказской»).

Другая характерная черта традиционной обрядности заключалась в тесном переплетении обрядов этнического происхождения с исламскими обрядами, распространенными во всем мусульманском мире. Они являлись стержнем таких событий, как свадебные торжества, наречение имени, похоронно-поминальный комплекс. Это переплетение было настолько органичным, что даже официальное, юридическое оформление этих событий проводилось не в учреждении, не в мечети, а в домашней обстановке во время званых обедов – *никах туге, исем кушу* и т.д. Религиозный обряд бракосочетания *никах* не ограничивался произнесением благословляющей, освящающей молитвы (определенной суры Корана). Перед этим мулла в книгу регистрации записывал материальные условия заключения брака, составлялся своеобразный брачный контракт. Кроме согласованного во время сватовства и уже переданного стороне невесты перечня даров (количество приданого у большинства татар не оговаривалось), особо записывалась определенная сумма денег, которую в случае развода по инициативе мужа он должен выплатить своей жене.

О наличии этих же закономерностей свидетельствуют материалы по «традиционной» семейной обрядности крымских татар. Интересна в этом плане работа Г.А. Бонч-Осмоловского, который на имеющемся в то время материале, в том числе своем, экспедиционном, еще в 1920-е годы провел сравнительный анализ и отметил множество сходных черт как в ритуале вступления в брак, так и самой свадебной обрядности крымских татар с таковыми у других тюркских народов – татар, башкир, караногайцев и т.д., включая «османцев». Интересно его замечание о том, что казан-

ские татарки, «в значительной степени поддавшиеся влиянию русской культуры и потому держащие себя гораздо свободнее... заражают своим примером крымскую женщину, играя роль будирующего фермента в деле ее освобождения» [1, с. 21–62].

В этой связи следует отметить, что семейная обрядность именно казанских татар уже к началу XX в. была более унифицирована. В частности, у них основными, решающими лицами при обсуждении вопросов заключения брака своих детей были их родители (особенно отцы), в то время как среди других групп поволжских татар, также как и крымских, в решении брачных вопросов активное участие принимал довольно широкий круг родственников, и потому сохранялись многочисленные обряды с их участием. Подобное наблюдалось и в торжествах, связанных с рождением ребенка, более узким был круг участников и в похоронно-поминальных обрядах. [11, с. 340–375]

Революционные преобразования социально-экономических, политических условий, потрясения, связанные с войнами, активный процесс урбанизации среди татар, естественно, не могли не сказаться на семейной обрядности. Наибольшие изменения наблюдались в самой вариативной – свадебной обрядности. Начинались они с постепенного сокращения, как свадебных расходов, так и самого ритуала: с обоюдного согласия роднящихся сторон уменьшились размеры калыма (татары говорили *калын*), приданого, взаимных даров, повсеместно сократился, период послесвадебного проживания молодой в доме своих родителей, срок гостевания сватов, количество застолий в домах родственников молодых.

В период с 1930 по 1960-ые годы наблюдается резкое сокращение свадебных обрядов, появляются новые. Во всех татарских деревнях распространенной становится прежде редко встречающаяся и осуждаемая общественным мнением форма заключения брака убегом – *ябышып чыгу*. При этой форме молодые люди сами договаривались о вступлении в брак. Юноша ставил в известность своих родителей, согласовывал с ними день, когда приведет невесту. Родители же девушки лишь догадывались о намерении дочери. Иногда об этом дне не знали ни те, ни другие родители. Юноша уводил к себе свою избранницу под покровом ночи, чаще всего из клуба, посиделок, пригласив с собой своего друга и близкую подругу невесты (в свидетели).

Наутро родители или кто-нибудь из близких родственников шли к родителям девушки с известием о местонахождении их дочери и приглашением на угощение, во время которого проводился религиозный обряд бракосочетания – *никах*. Через некоторое время, как правило, приурочивая к одному из советских (государственных) праздников, в доме жениха проводили свадебный пир.

Долгие годы господства государственного атеизма, запреты на религию, ее обряды привели к интересному по своей сути явлению. Передача официальной регистрации брака, рождения ребенка и смерти государственным органам способствовала более осознанному отношению татар к этим обрядам именно как к религиозно-этническим, а для отдельной категории людей, в частности, считающих себя неверующими, просто к своим народным, идущим из глубины веков.

Это привело к появлению в быту татар двух типов званых обедов: званые обеды, проводимые по традиционному ритуалу, и званые обеды, проводимые по-новому. Первый тип получил название *картлар ашы*, *олылар ашы* – званый обед для стариков или старших. В его ритуале сохранялись и чтение Корана, различных молитв, и раздача подаяния – *саадака*, а также порядок подачи традиционных блюд, угощение без спиртных напитков. Нередко соблюдалось раздельное угощение мужчин и женщин (или проведение таких застолий с приглашением только тех или других), воспринимаемое как мусульманское предписание.

Второй тип званых обедов построен на контрасте с первым: гостей приглашают парами – мужчин и женщин, среди угощения много новых блюд, в частности различные закуски, обязательны спиртные напитки. Эти застолья сопровождаются исполнением песен (соло, хором), плясками, танцами. В данном типе полностью отсутствуют мусульманские предписания.

Званые обеды по ритуалу *олылар ашы*, сохраняя религиозную и этническую функции, продолжали оставаться в комплексе как свадебной, так и родильной обрядности, уступив приоритетность новым обрядам. В похоронно-поминальной же обрядности традиционный комплекс сохранялся стойко.

С 1960-х годов начинается новый этап в развитии свадебной обрядности. Определяющим в нем стал поиск форм, подчеркивающих важность, значимость этого момента в жизни молодых

людей и их родственников, создание необычной (надобыденной) праздничной атмосферы. Это привело к возврату, «возрождению» традиционного ритуала, отдельных обрядов в нем, правда, суть их изменилась по существу. Утерев сакральность, они приобрели манифестную, демонстрирующую этничность функцию. Повсеместно важной составной частью свадебной обрядности, причем наиболее яркой, красочной, эмоционально насыщенной, стала так называемая торжественная регистрация брака. А в проведении свадебных пиров, застолий стойко держится и стало уже традиционным отмеченное выше возрастное деление участников. Возвращается термин *никах туй* или просто *никах* для обозначения свадебного застолья пожилых, во время которого и проводится этот обряд.

Таким образом, сейчас мы можем говорить о появлении (сложении) в основе своей единой, унифицированной национальной (татарской) формы свадебной обрядности. Кстати, это характерно не только для свадебной, но и всей семейно-бытовой обрядности татар.

Отказ от запрета на религию, рост самосознания, актуализация проблем этнической идентификации, в которой заметная роль отводится религии, способствуют появлению новых моментов. Это касается не просто легализации традиционно проводимых обрядов – *никах, исем кушу*, погребально-поминальных. Во всех этих обрядах заметно усилилась роль молодого поколения. Например, *никах* сейчас проводится участием самих молодоженов, что является существенной модификацией традиционной обрядовой формы. Модифицирован и сам ритуал. Обязательным, особенно в городских условиях, стало требование, чтобы вступающие в брак вслух повторяли за муллой слова мусульманской молитвы – *Иман*. Перед этим девушка покрывает голову платком, а юноша надевает тюбетейку, причем молодые люди стараются это сделать «как надо», «как положено», прислушиваясь к советам «знающих» и старших. А вот о материальных обязательствах со стороны мужа, которые имели юридическую силу, даже не упоминается. Многие об этом и не знают. Интересно отметить, что по результатам опроса, проведенного среди студентов Казанского университета и Казанского государственного гуманитарного института (1995–1996 гг.), выясняется, что большинство татар-

ской молодежи воспринимает никах как «национальный» обряд, который выявляет и подчеркивает этническую специфику свадебного ритуала, делает свадьбу «татарской».

Заметно усилилась роль мусульманских моментов, по крайней мере, воспринимающихся как предписание ислама – их «родной», «своей» религии в качестве ритуалообразующего фактора в структуре семейно-бытовой обрядности, и шире – гостевой культуры в целом.

Анализ материалов, собранных среди крымских татар, не позволяет выделить ни локальных, ни субэтнических особенностей в современной семейной обрядности, хотя информаторы четко называли свою субэтническую принадлежность (*ногай, тат*). Впрочем, анализируя ранние источники, Л.И. Рославцева отмечает, что свадебный обряд крымских татар степного и горноприбрежного Крыма уже к XIX столетию приобрел много общих черт. [9, с. 292] Основные элементы (обряды) «традиционные», идущих из глубины веков, и «новые», появившихся в разные годы XX столетия, унифицированы в рамках этноса, одинаковы по сути и форме бытования.

Современная свадебная обрядность, несмотря на общесоветские нововведения (торжественная регистрация брака, сопровождаемая единой атрибутикой – одежда новобрачных, кортеж украшенных машин, возложение цветов к памятным местам, шампанское и т.д.) продолжает сохранять сложную традиционную структуру, имеющую определенные аналоги с традиционной свадебной обрядностью отдельных групп татар, в частности, мишарей, кряшен, астраханских татар.

Подобная картина наблюдается и в других семейных обрядах. Например, по мере обустройства быта по возвращении на родину, роста материального благосостояния возрождаются обряды и праздники, связанные с рождением ребенка, такие как (*сюннет той* – праздник в честь обрезания, *бишек той* – праздник люльки. Сведения о бытовании *бишек туге* у татар есть в материалах XIX в. [6, с. 31]. Однако наиболее поздние исследования его уже не фиксируют.

В похоронно-поминальной обрядности интересно отметить сохранение ритуальных блюд, а именно приготовление *алва*, *къатлама* в день погребения покойного, точно так же, как и у

крещеных татар (кряшен). У других групп татар эти блюда утратили ритуальное значение.

В отличие от волго-уральских у крымских татар в проведении семейных обрядов, торжеств принимает участие большое количество родственников (даже третье поколение родства считается близким), друзей, соседей, сослуживцев – до 500 человек и более. В годы депортации во время таких событий нередко проходил сбор средств для проведения этнополитических мероприятий.

Все более или менее значимые моменты в свадебном цикле, родильной, похоронно-поминальной обрядности сопровождаются проведением *дуа*. Так называют званые обеды; по форме и сути своей – с приглашением пожилых, чтением Корана, угощением без спиртных напитков они аналогичны описанным выше *картлар ашы, олылар ашы*.

В быту крымских татар устойчиво сохранялась традиция соблюдения религиозных обрядов, именно как «своих», этнических. Этому, очевидно, способствовало проживание основной массы депортированных крымских татар в Узбекистане, Таджикистане – исконно исламской среде. В отличие от татар, они не переставали праздновать мусульманские праздники *Ораза байрам, Курбан байрам, Ашир куню* (кстати, последний у мусульман-суннитов не является таковым), хотя, как во всем Советском Союзе, они были под запретом государства. Празднование же, как правило, заключалось в обязательности приготовления «национальных» блюд, посещения (обходе) с поздравлением своих родственников, близких; тем самым поддерживалась «своя» этничность.

У крымских татар *никах* является сугубо религиозным актом – чтением освящающей брак суры Корана. Проводится в отдельной комнате, в доме невесты, в узком кругу – самих молодоженов и двух свидетелей – старших мужчин, по одному с той и другой стороны, непосредственно перед отправлением на торжественную регистрацию брака, в прошлом – в дом мужа. «Материальные же обязательства» скрепляются особым *дуа* – *нишан дуа*, во время обряда, посвященного передаче свадебных даров *агыр нишан*. В узел с подарками, завернув в красивый платок, кладут деньги, предназначенные тому, кто обязан прочитать молитву в память предков.

В каждой крымско-татарской семье есть Коран, даже там, где никто не умеет читать по-арабски. Помещенный в специально изготовленный из красивой ткани футляр – *Куран каб*, он, как правило, висит на стене возле кровати хозяйки. Дело в том, что Коран является одним из важных атрибутов обряда переезда молодой в дом родителей мужа. Даже в те годы, когда Коран являлся запрещенной книгой и не издавался, его заменяли школьной тетрадкой или листом бумаги с переписанными отрывками из Корана. Этот обряд воспринимался и сохранялся (сохраняется и сейчас) как именно «свой», «родной». «Это наш оберег» – говорили информаторы.

Показательна и такая деталь из наблюдений работников Дворца бракосочетания г. Симферополя: по узаконенному ритуалу торжественной регистрации брака в его завершение молодоженам подается бокал шампанского. При регистрации брака крымских татар, по их настоянию, в бокалы наливают простую воду (якобы, мусульманский запрет на спиртное), хотя во время свадебных пиров вина бывает в достатке и выпивается немало.

В целом, адаптированные к местной среде мусульманские обряды стали более массовыми, «демонстративными», подчеркивающими своеобразие духовной культуры и крымских, и волгоуральских татар, как отличной от окружающей «православной» и других культур.

Результаты исследования убедительно свидетельствуют о том, что несмотря на существенные общесоветские нововведения и значительные изменения, произошедшие в XX столетии как в форме бытования, так и в сути отдельных традиционных обрядов, ритуалов, семейная обрядность и поволжских, и крымских татар продолжает сохранять «свои» этнические особенности. Тем самым семейная обрядность играет большую роль в сохранении, поддержании этнической идентичности, этнического самосознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бонч-Осмоловский Г.А. Брачные обряды татар горного Крым // Известия Государственного Русского Географического Общества. 1926. Т. LVIII (58). Вып. 1.

Общее и особенное в современной обрядности поволжских и крымских...

2. Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981.
3. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
4. Губогло М.Н. Контуры этнополитической социолингвистики // Междисциплинарные исследования в контексте социокультурной антропологии. М., 2004.
5. Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты русских Ср. Прииртышья во второй пол. XX в. Омск, 2004.
6. Насыри К. Избранные произведения. Казань, 1977.
7. Нитобург Э.Л. США: Исчезающий американский еврей? Интеграция или ассимиляция? // Этнографическое обозрение, 1995, №4.
8. Старовойтова Г.В. Этнические группы в современном советском городе. Л., 1987.
9. Тюркские народы Крыма. М.: Наука, 2003.
10. Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и (Годовой цикл. XIX – нач. XX вв.). Казань, 2001. 196 с.
11. Уразманова Р.К. Семейные обычаи и обряды // Татары. М.: Наука, 2001. 583 с.
12. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
13. Чистов К.В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
14. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Л., 1986.
15. Шарифуллина Ф.Л., Уразманова Р.К. Опыт типологии традиционной свадебной обрядности татар Поволжья и Приуралья // Этнокультурное районирование татар Среднего Поволжья. Казань, 1991.

Сведения об авторе: Рауфа Каримовна Уразманова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); res40rt@mail.ru

The General and Special in modern rituals of Volga and Crimean Tatars

Raufa Urazmanova

(Sh. Marjani Institute of History,

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

Abstract: The article presents the results of the analysis to identify the general and particular, the «ethno special» in modern (turn of the twentieth-twenty first centuries) wedding, maternity, funeral and memorial rites of the Volga Tatars and the Crimean Tatars. It is two genetically and historically close to each other Turkic peoples, «ethnic» Sunni Muslims who experienced in Soviet times some different «external» pressure. The article shows the location and meaning of Muslim precepts in family rites.

Keywords: the Tatars, the Crimean Tatars, family rituals, ethnic identity, ethnic consciousness, Islam, Modernity.

REFERENCES

1. Bonch-Osmolovskii G.A. Brachnye obriady tatar gornogo Kryma. *Izvestiia Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 1926. Vol. LVIII (58). Part. 1.
2. Drobizheva L.M. *Dukhovnaia obshchnost' narodov SSSR. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk mezhnatsional'nykh otnoshenii*. Moscow, 1981.
3. Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. *Demokratizatsiia i obrazy natsionalizma v Rossiiskoi Federatsii 90-kh godov*. Moscow, 1996.
4. Guboglo M.N. Kontury etnopoliticheskoi sotsiolingvistiki. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v kontekste sotsiokul'turnoi antropologii*. Moscow, 2004.
5. Zhigunova M.A. *Etnokul'turnye protsessy i kontakty russkikh Srednego Priirtysh'ia vo vtoroi polovine XX vekov*. Omsk, 2004.
6. Nasyri K. *Izbrannye proizvedeniia*. Kazan', 1977.
7. Nitoburg E.L. SShA: Ischezaiushchii amerikanskii evrei? Integratsiia ili assimiliatsiia? *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no 4.
8. Starovoitova G.V. *Etnicheskie gruppy v sovremennom sovetskom gorode*. Leningrad, 1987.
9. *Tiurkskie narody Kryma*. Moscow, Nauka, 2003.

Общее и особенное в современной обрядности поволжских и крымских...

10. Urazmanova R.K. *Obriady i prazdniki tatar Povolzh'ia i (Godovoi tsikl. XIX – nachalo XX vv.)*. Kazan', 2001. 196 p.

11. Urazmanova R.K. *Semeinye obychai i obriady. Tatory*. Moscow, Nauka, 2001. 583 p.

12. *Tsenosti i simvol'y natsional'nogo samosoznaniia v usloviakh izmeniaiushchegosia obshchestva*. Moscow, 1994.

13. Chistov K.V. Tipologicheskie problemy izucheniia vostochnoslavianskogo svadebnogo obriada. *Problemy tipologii v etnografii*. Moscow, 1979.

14. Chistov K.V. *Narodnye traditsii i fol'klor*. Leningrad, 1986.

15. Sharifullina F.L., Urazmanova R.K. Opyt tipologii traditsionnoi svadebnoi obriadnosti tatar Povolzh'ia i Priural'ia. *Etnokul'turnoe raionirovanie tatar Srednego Povolzh'ia*. Kazan', 1991.

About the author: Raufa Karimovna Urazmanova – Ph.D. in History, senior research fellow of the Department of Ethnology, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); res40rt@mail.ru

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ: РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Рец. на: Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар
(Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 420 с.)

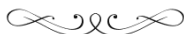
Лилия Байбулатова
(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

В 2014 г. вышла первая книга серии «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage» – «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми, издание которой стало возможным благодаря государственной программе Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 годы)». Эта книга представляет большой интерес и ценность для научной общественности, поскольку, с одной стороны, вводится в оборот историческое сочинение по истории Золотой Орды и татарских ханств, с другой стороны, она может способствовать развитию межкультурных связей и научного сотрудничества между Республикой Татарстан и Крымом.

«Умдет ал-ахбар» была написана Абдулгаффаром Кырыми в 1748 г., сам автор является потомком знатного татарского рода ширин, занимал высокие должности (кемер бенд, секретарь дивана, церемонимейстер, советник, кадий). Свое произведение он написал будучи в ссылке в крепости Согуджак и оно стало попу-

лярно еще при его жизни. Представляя собой пример турецкой исторической традиции, в «Умдет ал-ахбар» история начинается с Адама и жизнеописаний пророков. Также здесь нашли место история сельджуков, османов, Чингиз-хана, Золотой Орды, тем не менее основной целью автора было написание истории крымских ханов. Научная ценность этого произведения заключается в том, что непосредственно история Крыма написана на основе местных источников, что, несомненно, расширит источниковую основу для исследователей Золотой Орды и Крымского ханства.

К сожалению, до сих пор полный текст «Умдет ал-ахбар» был недоступен широкому кругу исследователей, в 1927 г. турецкий исследователь Неджип Асым бей издал сокращенный вариант рукописи на арабской графике под названием «Умдет ат-таварих». В настоящем издании представлена транскрипция, выполненная Дерья Дерин Пашаоглу, и факсимиле рукописи, которые, можем надеяться, вызовет волну интереса среди исследователей. Кроме того, по словам составителей, планируется издание перевода книги на русский язык, который готовят крымские коллеги.

**Новые издания об И. Гаспринском:
Исмаил Гаспралы (1851–1914) и
развитие татарского просвещения
(Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 240 с.)**

Ляля Муртазина

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В Республике Татарстан традиционно огромное внимание уделяется изучению наследия татарских педагогов, внесших вклад в развитие татарской педагогической мысли. Их имена включены в академические и справочные издания, «Татарскую энциклопедию», «Антологию татарской педагогической мысли»

и т.д. В республике периодически проводятся научные конференции, посвященные их научно-педагогической деятельности. Изучением богатого наследия татарских просветителей и педагогов занимаются отдельные научные центры, институты. Особое место в плеяде татарских педагогов и просветителей занимает имя Исмаила Гаспринского.

Общественный и политический деятель, просветитель, педагог Исмаил Гаспринский (1851–1914) в России известен, прежде всего, как издатель первой тюркоязычной газеты «Тарджеман». На страницах «Тарджеман» он выдвинул идею культурного и национального единства тюркских народов России на основе «единства языка, мысли и действий» мусульман. И. Гаспринский как идеолог джадидизма считал образование главным фактором для национального возрождения мусульман России. Им были разработаны основы преобразования мусульманской этно-конфессиональной системы народного образования. Его новые методы обучения с успехом применялись не только в Крыму, но и в татарских, башкирских, туркменских, узбекских школах, Турции и Восточном Китае.

Казань, наряду с Крымом, традиционно является одним из центров изучения наследия И. Гаспринского. Научные конференции, посвященные деятельности известного педагога, проводились в Казани регулярно (2001, 2004, 2006 гг.), издавались его труды, научные сборники и монографии, освещающие его жизнь и деятельность. Педагогические взгляды, наследие И. Гаспринского интересны и современным исследователям. 7 апреля 2011 г. Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ была проведена научно-практическая конференция, посвященная 160-летию известного педагога и просветителя тюрко-татарского мира И. Гаспринского, где участвовали ученые-исследователи из Польши, Крыма, Республики Татарстан и других регионов России. Участниками конференции освещены разные аспекты научно-педагогической деятельности ученого-просветителя. В.Ю. Ганкевич (Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского) представил доклад на тему «Самоидентификация Исмаила Гаспрала в плеяде национальных первопечатников», ректор Российского исламского института Р.М. Мухаметшин остановился на проблеме основных подходов к осмыслению и реализации идей И. Гаспринского в сис-

теме образования в татарском обществе начала XX века. Заведующий отделом средневековой истории Института истории АН РТ И.К. Загидуллин дал анализ взглядам И. Гаспринского на школьную политику в отношении татар-мусульман Волго-Уралья во второй половине XX века. Также были заслушаны доклады В. Якупова о влиянии газеты «Тарджеман» на интеллигенцию казанских татар (это выступление стало последней публикацией Валиуллы хазрата, вышедшей уже после его трагической кончины); о взаимоотношениях И. Гаспринского и российской мусульманской элиты «либерального века» (А.Ю. Хабутдинов), о влиянии взглядов педагога на деятельность Оренбургского магометанского духовного собрания в конце XIX – начале XX веков (Н.К. Гарипов), об освещении деятельности татарской школы на страницах газеты «Тарджеман» (Н.С. Хамитбаева), об образе европейской женщины в представлении мусульман на примере «Французских писем» И. Гаспринского и другие.

Материалы конференции были опубликованы в сборнике **«Исмаил Гаспралы (1851–1914) и развитие татарского просвещения»** (Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 240 с.). Изданный ограниченным тиражом сборник уже стал библиографической редкостью.

О журнале «Золотоордынское обозрение» («Golden Horde Review»)

Эльмира Сайфетдинова

(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

В 2013 году Центром исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории Академии наук РТ издается журнал «Золотоордынское обозрение», где большое внимание уделяется истории Крыма и в частности Крымскому ханству. За свою небольшую историю на страницах журнала уже опублико-

ваны и вышли в свет статьи В.П. Гулевича «Северное Причерноморье в 1440–1442 гг. и возникновение Крымского ханства», Халила Иналджика «Крым под властью османов и спор о заключении соглашения: по материалам новых документов», А.Л. Пономарева «Первые ханы Крыма: хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы», «Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки», И.В. Зайцева «Судьба аристократа. Ак-Мухаммад оглан и сын его Федор». В этих статьях вводится в научный оборот много нового и оригинального материала, которые позволяют по новому взглянуть на средневековую татарскую историю и прежде всего Крымскому ханству.

Научный журнал «Золотоордынское обозрение» является одним из главных периодических изданий Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Журнал был создан для того, чтобы рассматривать период, который называется «золотоордынской цивилизацией», куда мы включаем и период существования татарских ханств, поэтому на страницах журнала освещаются вопросы, связанные не только с историей Золотой Орды, но также и позднезолотоордынских государственных образований. Поскольку интерес к истории Золотой Орды с каждым годом все возрастает, о чем свидетельствует активное участие историков многих стран мира в мероприятиях, касающихся золотоордынской проблематики и истории татарских ханств, Ученым советом Института истории от 16 апреля 2013 г. было принято решение об издании специального периодического издания, где достаточно большой период истории, включающий в себя ключевой этап в истории не только татарского народа, но и в целом Евразийского континента, рассматривался бы в едином формате.

Журнал выходит 4 раза в год. Тематика охватывает периоды существования золотоордынского государства и татарских ханств. Издание состоит из следующих рубрик:

1. Предшественники Золотой Орды.
2. Золотоордынская цивилизация и постзолотоордынское пространство.
3. Источниковедение тюрко-татарской истории и татарская (Золотая Орда и Крымское ханство) нумизматика.
4. Исторические взгляды в современном мире на средневековую тюрко-татарскую историю.

5. Хроника основных научных событий (конференции, издания).

«Золотоордынское обозрение» является кандидатом для вхождения в международную базу цитирования SCOPUS издания Elsevier (Голландия) и формируется согласно его требованиям. База данных Scopus во многих странах является одним из главных источников получения наукометрических данных для проведения оценочных исследований на государственном и/или корпоративном уровне. С 2010 года в России ВАК МОиН РФ (Высшая аттестационная комиссия Минобрнауки Российской Федерации) установила достаточное условие для включения издания в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» его индексацию в одной из двух ведущих мировых баз данных отслеживания цитируемости, в которую вошел наряду с другими мировыми библиографическими и реферативными базами данных и Scopus.

На данный момент функционирует интернет-сайт журнала <http://goldhorde.ru/>, где размещена вся необходимая информация, касающаяся политики журнала, состава редакционного совета, редакционной этики, а также в открытом доступе размещены архивные номера. Журнал представляет международная редакционная коллегия, в которую вошли: Д.В. Колодзейчик (Варшава, Польша), М.Г. Крамаровский (Санкт-Петербург), Иштван Вашари (Будапешт, Венгрия), А.Л. Пономарев (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), Д.М. Исхаков (Казань), В.Н. Настич (Москва), В.Л. Мыц (Санкт-Петербург), Джудит Колбас (Кембридж, Великобритания), Р.Ю. Почекаев (Санкт-Петербург), К.З. Ускенбай (Алматы, Казахстан), Б.В. Черкас (Киев, Украина), Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция), Г.В. Владимиров (София, Болгария), Александар Узелац (Белград, Сербия).

ХРОНИКА

Апрель 2014 г.

Решением Ученого Совета Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан от 18 апреля 2014 г. основан журнал «Крымское историческое обозрение».

Июнь 2014 г.

Распоряжением Кабинета Министров Республики Татарстан от 20 июня 2014 г. за № 1147-р создан Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

* * *

25 июня в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась презентация книги Абдулгаффара Кырыми «Умдет алахбар», которая является первой в новой книжной серии «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». В мероприятии приняли участие Р.С. Хакимов (директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ), Р.Р. Салихов (заместитель директора Института истории им. Ш. Марджани АН РТ по научной работе), И.А. Мустакимов (заведующий сектором Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ), Д.Д. Пашаоглу (профессор, Турция), И.М. Миргалеев (рук. Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова) и другие известные ученые РТ. Выступавшие отметили ценность данного издания, поскольку оно, с одной стороны, знакомит научное сообщество и широкую общественность с редкими и малоизвестными документами, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, с другой стороны, должно способствовать дальнейшему развитию межкультурных связей и научного сотрудничества между Республикой Татарстан и Крымом, послужить новым толчком для дальнейшего развития академических исследований по истории и культуре татарского народа.

*Информация подготовлена
кандидатом исторических наук Л.Ф. Байбулатовой
(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)*

Список сокращений

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
БЗНС – Болгарский земледельческий народный союз
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВАК МОиН РФ – Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации
ГААРК – Государственный архив Автономной республики Крым
ГАИМК / АИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ИИМК РАН НА РО – Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Научный архив, Рукописный отдел
ИРАО – Императорское Русское археологическое общество
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КГУ – Казанский государственный университет
КРУ – Крымское республиканское учреждение
КрымОХРИС – Крымский комитет охраны памятников искусства, старины и народного быта
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет
ОИАЭ – Общество истории, археологии и этнографии
ООИД – Одесское Общество Истории и Древностей
ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПФА РАН – Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
РАН – Российская академия наук
РГАК – Российская государственная археологическая комиссия
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИО – Русское историческое общество
РО ИВ РАН – Рукописный отдел Института востоковедения Российской академии наук
РТ – Республика Татарстан
СМИ – Средства массовой информации
ТУАК – Таврическая ученая архивная комиссия

УАК – Ученая архивная комиссия
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФГОС – Федеральные государственные образовательные стандарты
ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всероссийской Коммунистической Партии (большевиков)
ЦНБ – Центральная научная библиотека
AS RT – Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
DDDП – Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy
[Department of Religious Affairs of Foreign Confessions]
EBRD – European Bank for Reconstruction and Development
ICATAT – Institut für Caucasica-, Tatarica- und Turkestan
ILO – International Labour Organization
IRCICA – Research Center for Islamic History, Art and Culture
MIA – Ministry of Internal Affairs
RSHA – Russian State Historical Archive
UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization
UNIDO – United Nations Industrial Development Organization

Правила для авторов

Предлагаемые статьи в научный журнал «Крымское историческое обозрение» должны быть оформлены технически грамотно в строгом соответствии со следующими требованиями.

Требования по оформлению статей

– Статья принимается в электронном варианте. Размер кегля 14. Шрифт – Times New Roman, стиль обычный, одинарный интервал, поля – 2 см.

– УДК статьи.

– Название статьи на русском и английском языках.

– Инициалы и фамилия автора (авторов) на русском языке и транслитерация на латинице (<http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

– Аннотация и ключевые слова на русском языке.

– Аннотация (Originality/value) (объем 250–300 слов) и ключевые слова (6–8 слов) на английском языке.

Обратите внимание на то, что аннотация должна быть:

1. Информативной (не содержать общих слов);

2. Оригинальной (не быть калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);

3. Содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования);

4. Написана качественным английским языком;

5. Аннотация составляется для компетентной аудитории, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию Вашей дисциплины, не забывая, что **Вы пишете для международной аудитории.**

– Текст статьи (общий объем – не менее 5 страниц и не более 1,5 п.л.); представленный материал необходимо отредактировать стилистически и технически; не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

– Библиографические ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, где указывается порядковый номер, соответствующий номеру источника в пристатейном списке литературы, и страницу(ы). В пристатейном списке литературы указывается полное количество страниц.

Например:

В тексте: [10, с.32]

В пристатейном списке литературы:

10. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 318 с.

– Пристатейный список литературы – в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место и год издания, страницы) – на языке оригинала, сначала – источники на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, турецком, французском и т.д.).

– Список литературы на английском языке (**References**) – **комбинация транслитерированной и англоязычной частей русскоязычных ссылок** (для транслитерации использовать <http://www.translit.ru> с вариантом BGN).

Например:

Описание монографии (книги):

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Описание статьи из продолжающегося издания (сборника трудов)

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected Articles], 2012, no. 5, pp. 8–12.

Описание материалов конференций:

Mirgaleev I.M. Toktamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordı»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»]. Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Описание статьи из журналов:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Описание статьи из электронного журнала:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Описание переводной книги:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 p. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o Moskovii*. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

– Иллюстрации предоставлять отдельными файлами в формате TIF, JPG с разрешением 300 dpi;

– Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы

– В конце статьи необходимо дать сведения об авторе или авторах (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – на русском и английском языках.

Просим специалистов присылать свои статьи по электронному адресу: crimeanhr@gmail.com

Instructions to authors

The proposed articles to the scientific journal «Crimean Historical Review» must be prepared technically correctly, strictly in accordance with the following requirements.

Author Guidelines for Submission of Journal Manuscripts

– Articles are accepted in electronic form. Point size – 14, font – Times New Roman, regular style, line spacing, margins – 2 sm.

- UDC (Universal Decimal Classification) of the article.
- The initials and surname of the author (s) (on the right, bold font).
- Title of the article (centered in bold, no capital letters).
- Abstract in Russian.
- Keywords in Russian.
- The initials and surname of the author (s) – transliteration in Latin alphabet.
- Title of the article – in English.
- Abstract (Originality / value) (100–250 words) and keywords (6–8 words) in English. Please, note that the abstract should be:
 1. Informative (containing no generalities);
 2. Original (not to be the calque of Russian annotation with literal translation);
 3. Content-related (reflecting the main content of the article and the results of the study);
 4. Written in good English;
 5. Abstract is intended for a competent audience, so you can use the technical (specific) terminology of your discipline without forgetting that **you are writing for an international audience.**
- Keywords in English.
- Text of the article (in total – not less than 5 pages and no more than 1,5 printer's sheet); submitted material should be edited stylistically and technically, you should not include the tabulation or separate paragraphs by one empty line.
- References in the text should be enclosed in square brackets and indicated by a number corresponding to the sequence number mentioned in the list of references. After the reference number follows the number (or numbers) of the publication's page on which the author refers. In the list of references the total amount of publication's pages should be indicated.

For example: In the text: [10, p.32]

In the list of references:

10. Usmanov M.A. Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p.

– References should be arranged in alphabetical order (surname and initials of the author, the title, place and year of publication, pages) – in original language, first – the sources on Cyrillic (Russian, Bulgarian, Ukrainian, etc.), then – on Latin alphabet (English, Turkish, French, etc.).

– List of references in English (**References**) – **combination of the transliterated and English parts of the Russian titles** (for transliteration use <http://www.translit.ru> with option BGN).

For example:

Description of monographs (books):

Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI vv.* [Charters of the Ulus of Jochi of the 14th–16th centuries]. Kazan, Kazan University Publ., 1979. 318 p.

Description of article from continuing publication (the collection of works):

Gatin M.S. Bertol'd Shpuler o pitanii v Zolotoy Orde [Bertold Spuler about Nutrition in the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya. Sbornik statey* [Golden Horde Civilization: Collected Papers], 2012, no. 5, pp. 8–12.

The description of conference papers:

Mirgaleev I.M. Toktamyshe i Timur: restavratsiya antimaglyukskoy koalitsii [Tokhtamysh and Timur: The Restoration of anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy»* [The Legacy of the Golden Horde. Proceedings of the Second International Conference «The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde»] Kazan, 2011, vol. 2, pp. 27–32.

Description of the printed journal articles:

Dode Z.V. K voprosu o boktag [Concerning the Question of Boktag]. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archaeology*, 2008, no. 4, pp. 52–63.

Description of the electronic journal article:

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Available at: <http://www.discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>

Description of translated books:

Gerberstein S. *Rerum Moscoviticarum commentarii*. München, Osteuropa-Institut, 2007. 586 p. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o Moskovii*. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.).

- List of abbreviations should be provided with the definition of abbreviations;
- Illustrations should be presented as separate files in the format TIF, JPG with high resolution of 200–300 dpi;
- Captions to the illustrations and the tables should be given after the list of references;
- At the end of the article should be given information on the author or authors (in the case of a collective work), full name, degree, title, place of employment, address of organization, city, country, position – in Russian.
- Information about the author(s) – in English.

Please, send your articles to e-mail: crimeanhr@gmail.com

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

№ 1. 2014

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5

Подписано в печать 11.07.2014 г. Формат 70×100 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 22,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

www.tataroved.ru